

66.1(2)

Л 551 Библиотека журнала
альтернативы

...22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 **34** 35 36 ...

ЛИБЕРАЛИЗМ и СОЦИАЛИЗМ

Запад и Россия

*К 200-летию
со дня рождения
А.И. Герцена*

*Размышляя
о марксизме*

В настоящем сборнике публикуются материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения великого русского мыслителя и общественного деятеля А. И. Герцена. В статьях сборника обсуждаются и анализируются роль Герцена в развитии общественной мысли в России, феномен «русского социализма», противостояние социализма и либерализма, западное влияние в развитии отечественной социальной мысли и общественных движений. Исследуются и дискутируются проблемы современного социализма как теории и практики, а также перспективы развития российского общества. В статьях высказываются спорные и альтернативные точки зрения, что позволяет рассмотреть обсуждаемые проблемы с различных сторон.

Библиотека журнала «Альтернативы»

ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

ФОНД «АЛЬТЕРНАТИВЫ»

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ЛИБЕРАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ: ЗАПАД И РОССИЯ

*К 200-летию со дня рождения
А. И. Герцена*

Под редакцией М. И. Воейкова

URSS

МОСКВА

Либерализм и социализм: Запад и Россия (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена) / Под ред. М. И. Воейкова. — М.: ЛЕНАНД, 2013. — 336 с. (Размышляя о марксизме; Библиотека журнала «Альтернативы».)

В настоящем сборнике публикуются материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения великого русского мыслителя и общественного деятеля А. И. Герцена. В статьях сборника обсуждаются и анализируются роль Герцена в развитии общественной мысли в России, феномен «русского социализма», противостояние социализма и либерализма, западное влияние в развитии отечественной социальной мысли и общественных движений. Исследуются и дискутируются проблемы современного социализма как теории и практики, а также перспективы развития российского общества. В статьях высказываются спорные и альтернативные точки зрения, что позволяет рассмотреть обсуждаемые проблемы с различных сторон.

Книга предназначена для всех, кто интересуется проблемами общественного и политического развития России.

Формат 60×90/16. Печ. л. 21. Зак. № ВС-56.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-0557-5

© Коллектив авторов, 2013

13236 ID 170161

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
 URSS	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Содержание

<i>Авторы</i>	5
<i>Предисловие (М.И. Воейков)</i>	6
9	Часть 1. С того берега
<i>В.И. Ленин.</i> Памяти Герцена	9
<i>Л.Д. Троцкий.</i> Герцен и Запад	16
<i>А.В. Луначарский.</i> Коммунисты и Герцен	23
26	Часть 2. Развитие революционных идей в России
<i>Г.Г. Водолазов.</i> Русские «социализмы»: драма идей	26
<i>А.В. Шубин.</i> Понять Герцена	85
<i>Д.И. Рублев.</i> Александр Герцен и анархизм: от исторического опыта к современности	104
<i>Б.Ф. Славин.</i> Идеи самоуправления и собственности в теории и истории социализма	120
147	Часть 3. Концы и начала
<i>М.И. Воейков.</i> А.И. Герцен и теория опережающего развития	147
<i>А.В. Шубин.</i> Критика критической критики	180
<i>С.Н. Мареев, Е.В. Мареева.</i> А.И. Герцен о революции и социализме	188

Содержание

В.Н. Шевченко. Был ли А.И. Герцен либералом-западником?	198
А.В. Бузгалин. О продвижении к социализму на базе слабого капитализма	209
222	Часть 4. Русский народ и социализм
А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. Постсоветская идеология: либерализм, социал-демократизм и коммунизм	222
Б.Ф. Славин. О «новом» и «старом» социализме	243
А.В. Гусев. Идея свободы в либерализме и социализме	281
285	Часть 5. Ещё вариация на старую тему
А.В. Бузгалин. Специфика российского социума: марксистский подход и державность как изнанка либерализма	285

Авторы

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Водолазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор МГИМО, вице-президент Академии политической науки.

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики РАН

Гусев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова

Колганов Андрей Иванович – доктор экономических наук, заведующий лабораторией экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Мареев Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Современной гуманитарной академии (Москва)

Мареева Елена Валентиновна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института МИРБИС

Рублев Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета природообустройства

Славин Борис Федорович – доктор философских наук, профессор МПГУ, Горбачев-Фонд

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН

Шубин Александр Владленович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Предисловие

В 2012 году исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского писателя, общественного деятеля и социального мыслителя Александра Ивановича Герцена. И вот, составляя сборник об этом великом деятеле и мыслителе, задумываешься – надо ли хотя бы кратко сказать о жизни и трудах А.И. Герцена? Еще лет 30 назад такой вопрос был бы бессмысленным. В советское время Герцена изучали всюду и все: школьники, студенты, филологи, философы, историки, экономисты и т. д. Сейчас другое время. Сейчас даже улицу Герцена переименовали в Б. Никитскую. Музей А.И. Герцена в Москве уже давно закрыт «на ремонт». Герцен сейчас не ко двору. И 200-летний юбилей его прошел вяло, даже почти незаметно. По крайней мере, в средствах массовой информации по этому вопросу все было как-то тихо, и ничего не запомнилось.

Иное дело было в царской России. В 1902 г. С.Н. Булгаков, сперва «легальный марксист», затем теолог и настоятель русской церкви в Париже, так охарактеризовал Герцена: «А.И. Герцен принадлежит к числу наших национальных героев, от одного имени которых расширяется грудь и учащенно бьется сердце»¹. В 100-летний юбилей Герцена в 1912 г. В.И. Ленин писал: «Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличается революционер Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать...»². Сегодня же ни то, ни другое: никакая либеральная грудь не расширяется, и сердце по этому вопросу не бьется. Как будто нет у нас и «либеральной России», и «правой печати».

Но, вообще-то говоря, все же что-то было в честь 200-летия со дня рождения А.И. Герцена. Говорят, был неплохой материал по ка-

¹ Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895-1903. – М.: Астрель, 2006. С. 538.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 255.

Предисловие

налу «Культура» нашего телевидения, было несколько научных конференций. В Российской государственной библиотеке («Ленинке») 5-6 апреля прошла научная конференция «Социализм и либерализм: Россия и Запад», посвященная 200-летию Герцена. И настоящий сборник как раз издается по материалам этой конференции. Несколько позже состоялась научная конференция в Институте философии Российской академии наук. Было, видимо, что-то еще, но все как-то бледно и тускло. По крайней мере, 150-летний юбилей П.А. Столыпина был намного громче. Почти каждый третий вуз страны спешил отметить научно-преподавательской конференцией по этому поводу. Зайдите в любой книжный магазин и увидите с десяток, а то и больше, книг о Столыпине. Книг о Герцене или самих книг Герцена с трудом можно найти одну или две. И то далеко не в каждом книжном магазине. Так, сегодня «либеральная» Россия возводит в национальные герои гонителя либералов П.А. Столыпина и забывает либерала А.И. Герцена. Все очень удивительно и странно.

И все-таки напомним в нескольких строках его биографию. А.И. Герцен родился 25 марта (6 апреля) 1812 г. в Москве. Его отец – богатый и родовитый помещик И.А. Яковлев, мать – немка Генриетта-Луиза Гагг, увезенная Яковлевым из Германии. Как незаконнорожденный Герцен пребывал в семье Яковлева в качестве воспитанника. В 1829-1833 гг. учился на физико-математическом отделении Московского университета и, кроме того, слушал лекции по истории и философии. В студенческие годы вместе с Н.П. Огаревым образовал кружок оппозиционно настроенных студентов. В 1834 г. был арестован и отправлен в ссылку. С 1842 г. стал писать художественные и философские произведения, которые были замечены умным читателем и высоко оценены литературной критикой, в частности В.Г. Белинским. Позднее А.В. Луначарский напишет, что Герцен вступил в русскую литературу «с громом и блеском»³. В 1847 г. уехал за границу, где много писал уже неподцензурные произведения. С 1857 г. стал издавать газету «Колокол», которой, по словам В.И. Ленина, разбудил Россию: «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству,

³ Луначарский А. Александр Иванович Герцен // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. – М.: Политиздат, 1991. С. 156.

Предисловие

крестьянству»⁴. Хотя справедливости ради добавим, что радикальные круги русской интеллигенции были не всегда и не во всем удовлетворены позицией «Колокола». В прокламации «Молодая Россия» 1862 года, в частности, говорилось, что, несмотря на громадную пользу, которую принес Герцен России, «Колокол» не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их». Для этих кругов Герцен был слишком либералом. Для сегодняшних либералов Герцен слишком революционер. В России любят крайности; все как-то не получается уравновешивающая середина. Умер Герцен в Париже в 1870 г.

Впрочем, все это известно хорошо и давно. Герцен настолько крупная, даже гигантская фигура общественного движения и общественной мысли России, что втиснуть его в какую-то одну теорию будет неправильно и невозможно. Даже в теорию «русского социализма», основоположником которой по общему признанию он является. От Герцена идут все основные ветвления проблемы социального развития России, ее места в мировой истории, возможности опережающего развития. До сих пор вокруг фигуры и трудов Герцена разворачиваются интересные дискуссии, что можно увидеть и по некоторым статьям настоящего сборника.

М.И. Воейков

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 93-94.

Часть 1

С того берега

В.И. Ленин

Памяти Герцена*

Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы "социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза.

Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов

* В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 255-262.

В.И. Ленин
Памяти Герцена

ХІХ века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» - «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полу идеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом.

Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, — к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал*, не умея понять его классовой природы, Герцен.

У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «над-классового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство:

Часть 1
С того берега

«Письма к старому товарищу», Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину». Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал *«собирать полки»* пролетариата, объединять *«мир рабочих»*, *«покидающий мир пользующихся без работы»!*

* * *

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарковского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет ни *грана* социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облакающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Революция 1905 года вполне доказала это: с одной стороны, пролетариат выступил вполне самостоятельно во главе революционной борьбы, создав социал-демократическую рабочую партию; с дру-

В.И. Ленин
Памяти Герцена

гой стороны, революционные крестьяне («трудовики» и «Крестьянский союз»), борясь за всякие формы уничтожения помещичьего землевладения вплоть до «отмены частной собственности на землю», боролись именно как хозяева, как мелкие предприниматели.

В настоящее время словопрения насчет «социалистичности» права на землю и т. п. служат только к *затемнению* и прикрытию действительно важного и серьезного исторического вопроса: о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно *пот* вопрос поставлен «Колоколом» Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот.

Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх.

Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее «Колоколом» именно за его *либеральные* тенденции, восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против «насилия» и призывов к нему, стал проповедовать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его «тощий, нелепый, вредный памфлет», писанный «для негласного руководства либеральничающему правительству», на кавелинские «политико-сентиментальные сентенции», изображающие «русский народ скотом, а правительство умницей». «Колокол» поместил статью «Надгробное слово», в кото-

Часть I
С того берега

рой бичевал «профессоров, вьющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идей, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли». Кавелин сразу узнал себя в этом портрете.

Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: «Аресты мне не кажутся возмутительными... революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами».

Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданнических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненных при усмирении польского восстания, «Колокол» писал о «седовласой Магдалине (мужеского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии». И Тургенев сразу узнал себя.

Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. «Мы спасли честь имени русского,— писал он Тургеневу,— и за это пострадали от рабского большинства».

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в «Колоколе»: «И превосходно сделал!». Когда сообщали, что вводятся военные начальники для «спокойного» «освобождения», Герцен писал: «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых». Когда полковник Рей-терн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: «Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным». Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года), Герцен писал в «Колоколе»:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пас-

В.И. Ленин
Памяти Герцена

тырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая намять об них может совершить одно чудо — твое освобождение».

Отсюда видно, как подло и низко клеветают на Герцена окпавшиеся в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

* * *

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десяти-

Часть I
С того берега

летия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*.

Л.Д. Троцкий

Герцен и Запад*

(К столетию со дня рождения)

«...Париж был под надзором полиции, Рим пал под ударами французов, в Бадене свирепствовал брат короля прусского, а Пашкевич по-русски, взятками и посулами, надул Гергея в Венгрии. Женева была битком набита выходцами, она делалась Кобленцом революции 1848 года».

Такими словами характеризует Герцен политическую картину Европы в 1849 году. Два года перед тем он ждал совсем иного, когда за его спиной спускался отечественный плагбаум.

Революция 1848 года разбилась не о механическое сопротивление реакции, а о свои внутренние социальные противоречия. Ошибки и нелепости вождей были только отражением исторического тупика.

"Порядок" был восстановлен мало-помалу во всей Европе, и шпионы контрреволюции, проникнутые духом чистого полицейского космополитизма, съезжались на свои международные конгрессы для выработки норм круговой поруки.

Эмиграция приняла необычайные размеры. Выходцы были разбиты на национальные группы и политические секты. Поражение революции 48 года было прежде всего поражением якобинских традиций 93 года. Революция передвигалась отныне на новые классы. Но вожди движения 1848—1849 годов терялись в новых условиях, ждали близкого прилива, надеялись все "начать сначала", повторяли старые слова. Ожесточенной полемикой друг с другом поддерживали свой падающий дух. Образовавшийся в Лондоне "Европейский центральный комитет" с Маццини и Ледрю-Ролленом во главе выпустил торжественный манифест, в котором прогресс и свобода братались со священной собственностью, братство подпиралось требованием мелкого кредита, народ провозглашался основой, а бог — увенчанием европейской демократии. Для этих почтенных людей вся мораль событий свелась к ошибкам отдельных вождей и к недостатку среди них согласия. Так как перед 48-м годом они в течение ряда лет по-

* Л. Троцкий. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. С. 200-205.

Часть 1
С того берега

вторяли известные революционные формулы, то теперь они надеялись упорным повторением старых заклинаний вызвать повторение событий.

Маццини приглашал Герцена примкнуть к европейскому комитету и прислал ему для ознакомления манифест и другие документы. Герцен отказался.

"Что нового, — спрашивал он Маццини, — в прокламациях, что в Proscrit? Где следы грозных уроков после 24 февраля? Это продолжение прежнего либерализма, а не начало новой свободы, это эпилог, а не пролог".

Герцен не только вошел как равноправный в среду европейской миграции, в круг ее "горних вершин"; стоя рядом с поляком Ворцелем, с итальянцем Маццини, которых он любил и нравственно обожал, рядом с французами Ледрю-Ролленом и Луи-Бланом, которых он очень ценил, Герцен чувствовал себя богаче мыслью, проницательнее, смелее, всестороннее их. Или, чтобы говорить его словами, свободнее их. "Та революционная эра, — пишет Герцен, — к которой стремились либеральная Франция, юная Италия, Маццини, Ледрю-Роллен, не принадлежит ли уже прошедшему, эти люди не делаются ли печальными представителями былого, около которых закипают иные вопросы, другая жизнь?"

Но почему же они сами, вожди европейской демократии, не видят того, что дано было понять чужому, политическому новобранцу, москвичу, варвару? Да именно потому, что они — каждый из них — действительно представляют кусок своей национальной истории, за ними — классы, партии, организации, события, вчерашние или позавчерашние. Их взгляды и методы действий выработали в себе большую силу внутреннего сопротивления. А за Герценом, если не считать нескольких идейных друзей в двух столицах, нет ничего, кроме его таланта, проницательности, гибкости ума и... превосходного знания европейских языков. Он ничем не связан. В его взглядах нет того упорства, которое дается взаимодействием слова и дела. Над ним не тяготеют традиции. Он не знает над собою властного контроля единомышленников и последователей. Он "свободен". Он — зритель. "Равноправный" среди "горних вершин" демократии, он, однако же, никого в ней не представляет, ни от чьего имени не говорит, он citoyen du monde civilise (гражданин цивилизованного мира), он отражает только историю этой самой европейской демократии — в "свободном" сознании талантливой, проблематичной, гениальной и городской интеллигентки из московских дворян.

Л.Д. Троцкий
Герцен и Запад

Почему Джеймс Фази, победоносный женеvский революционер, или Маццини, "бывшие социалистами прежде социализма", сделались потом его ожесточенными врагами? — не понимает и удивляется Герцен. Он много спорил с ними, но бесплодно. Почему? — спрашивает он. "Если у того и у другого это была политика, уступка временной необходимости, то зачем же было горячиться?" ...Он хотел бы, чтоб их сознание было так же свободно, как его, в выборе между либерализмом и социализмом или в сочетании обоих. Но для них это не бесплотные принципы, а политический вопрос — опоры на те или другие классы. Оттого они не просто дискутируют, а "горячатся" и даже борются на жизнь и на смерть.

Сталкиваясь с упорством чужих политических взглядов и предрассудков, Герцен приходит к выводу, что главное преимущество его — "незасоренность" психики: "мыслящий русский человек самый свободный человек в мире" — пишет он Мишле.

"Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек и, тем самым наиболее русский, тем самым я — настоящий русский и наиболее служу для России... Они не свободны, а мы свободны. Только я один в Европе с моей русской тоской, тогда был свободен"... Это уж не Герцен говорит, а Версиков у Достоевского в "Подростке", но ведь так именно сознавал себя по отношению к Европе Герцен: всех понимает в их силе и их слабости, а сам — "свободен".

"Я ни во что не верю здесь, — пишет Герцен своим русским друзьям в 1849 году, — кроме как в кучку людей, в небольшое число мыслей, да в невозможность остановить движение".

Но "кучка людей" топталась на месте и жила с капитала старых репутаций, "небольшое число мыслей", входивших в идейный обиход близкой Герцену "кучки людей", было полно противоречий и недоговоренностей, слишком очевидных для такого пронизательного "наблюдателя со стороны", каким был Герцен. А "невозможность остановить движение" — слишком неопределенное и неустойчивое верование, если оно опирается лишь на кучку фанатически неоглядыvающихся или, наоборот, безнадежно растерянных людей, да на небольшое количество уже отработанных историей мыслей. И действительным ответом Герцена на опыт 48—49-х годов явился общественный скептицизм. Крах старых надежд, ожиданий и верований означал для него неизбежность крушения всей цивилизации под натиском отчаявшихся масс.

"Вам жаль цивилизации?"

Часть 1
С того берега

Жаль ее и мне.

Но ее не жаль массам.

Смирение перед неотвратимыми судьбами!"

Даже Прудон, предварительно глядевший на крушение политической демократии и носившийся со своей чудосочной утопией все-спасающего банка, отшатнулся от этих настроений Герцена. "Посоветуйте ему, — писал Прудон своим друзьям, — не делаться сообщником контрреволюции, проповедуя какое-то смешное *consumatum est* (свершилось)".

Герцен безошибочно отгадывал то, что было скрыто от Ледрю и Маццини, от Руте и Блана: фатальное крушение старых программ, партий и сект. Но — наблюдатель со стороны, не связанный с внутренними изменениями в европейской общественности, — он не видел, что под этой лопавшейся и расплывавшейся оболочкой свершался более глубокий процесс: политическое самоопределение масс путем преодоления старой опеки. Крушение старого было для Герцена крушением всего. Не имея в Европе социальной опоры, чтобы от разбитых иллюзий идти вперед, Герцен оборачивался назад, на то, что оставил за собою, за отечественным шлагбаумом. "Начавши с крика радости при переезде через границу, — пишет он, — я окончил моим духовным возвращением на родину". Герцен становится социальным русофилом.

Вначале сороковых годов Герцен, как и Белинский, резко выступает против "славянобесия". Но этот западнический взлет мысли оказался для русской интеллигенции еще не по плечу.

Славянофильство, как идея исторического мессианства, как пророчество особого призвания народа русского, еще надолго должно было — в том или другом виде — овладеть мыслью образованного русского авангарда. Это нравственная компенсация за бедность и мерзость окружающего, за невозможность вмешаться в историю сегодня же, это единственный путь примирения со своими общественными судьбами; наконец, это временные идейные ходули, на которых интеллигенция выбиралась из стоячего болота отечественного быта и шла... в Европу. Народничество, т. е. славянофильство минус славянофильская политика и славянофильская религия, было не чем иным, как первым, негативным — свет вместо теней и тени вместо света! — отражением превосходства и могущества европейской культуры во встревоженном сознании мыслящего русского человека. Чтобы перевести негатив на позитив, понадобились еще десятилетия тягчайшей учебы, взлетов и падений...

Л.Д. Троцкий
Герцен и Запад

В своих открытых письмах Гервегу, Маццини и Мишле Герцен становится после краха 49-го года провозвестником русского мессианизма. Он объявляет крестьянскую общину залогом социальной справедливости в будущем и обещает Европе спасение — с Востока. Не только образованные русские — "самые свободные люди", но и народ русский оказывается самым свободным в выборе своих путей. В социальном вопросе, т. е. в основном вопросе всей эпохи, мы потому дальше Европы и свободнее ее, что так отстали от нее. Раз объявив отсталость и варварство за величайшее историческое преимущество славянства над миром старой европейской культуры, Герцен доходит до самых крайних и рискованных выводов и в области международной политики.

"Время славянского мира настало, — пишет он в 49-м году. — Настоящая столица соединенных славян — Константинополь... Во всяком случае, война эта (война России за Константинополь) — *introduzione maestosa e marziale* (торжественное вступление) мира славянского во всеобщую историю и с тем вместе *una marcia funebre* (похоронный марш) старого света".

Приветствуя трубными звуками захват Константинополя, как могущественное вступление славянства во всеобщую историю, Герцен верил, что это будет последним усилием старой России, — но для кого эта вера могла быть обязательной? Какие такие внутренние силы мог указать тогда в России Герцен, этот "свободный наблюдатель", всегда открыто и честно заявлявший, что он ни от чьего имени не говорит и никого не представляет, что он — сам по себе? В глазах демократов Запада завоевание Россией Константинополя могло означать только одно: усиление крепчайшего из оплотов реакции.

В лице своих молодых сил и их идеалов старая Европа ни на минуту не собиралась слагать оружие и ждать спасения со стороны "славной славянской федерации" и русской общины. Отсюда — непримиримая враждебность между Герценом и творцами научной системы социального развития.

* * *

Маркс с пренебрежением отзывался о Герцене, о "полурусском и вполне москвиче", который "открыл русский коммунизм не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена". Не менее саркастически отзывался и Энгельс о "раздувшемся в революционера панславистском беллетристе", который собирается обновлять и возрождать гниющий Запад — даже при помощи русского оружия. В

Часть 1
С того берега

свою очередь, Герцен тоже не слишком мягко характеризовал сторонников Маркса, как "шайку непризнанных немецких государственных людей, окружавших неузнанного гения первой величины, Маркса".

Вражду к себе со стороны "марксидов" Герцен объяснял мотивами не весьма высокого порядка: "Меня приносили, — говорит он, — в жертву фатерланду из патриотизма".

На самом деле тут были причины, ничего общего с "патриотизмом" не имеющие. В "Былом и думах" Герцен пытается объяснить свой антагонизм с немецкой эмиграцией причинами бытовыми: грубостью и невоспитанностью немцев и идейными: бесплотной абстрактностью немецкого радикализма. Но ни то, ни другое объяснение не может относиться к Марксу. "Германский ум, — пишет Герцен, — в революции, как во всем, берет общую идею, разумеется, в ее безусловном, т. е. недействительном значении, и довольствуется идеальным построением ее, воображая, что вещь сделана, если она понята"...

Эта характеристика как нельзя лучше охватывает тот самобытный мессианский немецкий социализм, с которым Маркс и Энгельс свели теоретические счеты. Но в марксизме "германский" ум окончательно преодолел идеалистическую бестелесность абсолютных отрицаний и абсолютных утверждений, свел идеологические противоречия к борьбе материальных общественных сил и отнюдь не верил, что "вещь сделана, если она понята". Нет, причины идейного антагонизма были другие. В то время как Герцен усматривал даже в военном нашествии России на Европу благотворительную встряску для этого полутрупа, Маркс с ненавистью относился не только к официальному, но и к демократическому панславизму, видя в нем страшную угрозу для европейского развития.

В 1848—1849 годах значение России как оплота европейской реакции сказалось с небывалой силой. И так как в самой России ничто не шевелилось, то ненависть европейской демократии к официальной России слишком легко превращалась в недоверие ко всему русскому, во вражду к "нации рабов", которая через свое правительство поддерживает рабство во всем мире. А так как и австрийские славяне сыграли в событиях 48—49-х годов усмирительную роль, то пропаганда панславизма в данных исторических условиях знаменовала не фантастическую свободную общинную федерацию, а сплочение славянской реакции вокруг Петербурга. Отсюда ненависть Маркса ко всем разновидностям панславизма, ненависть, которая време-

Л.Д. Троцкий
Герцен и Запад

нами ослепляла его и позволяла ему верить нелепой клевете, будто Герцен и Бакунин на нужды панславистской агитации получают деньги от петербургского правительства.

* * *

Народничество, от Герцена ведущее свою родословную, не было отвращением от Запада. Наоборот: можно сказать, что народничество наше было не чем иным, как нетерпеливым западничеством. Страшил длинный путь от бескультурности и бедности нашей до тех целей, которые наметила мысль европейская. "Народу русскому, — так думает Герцен, — не нужно начинать снова этот тяжкий труд... Мы за народ отбыли эту тягостную работу, мы заплатились за нее виселицами, каторжною работою, ссылкой, разорением"... ("Старый мир и Россия".) Увы! в то время как "мы" думали за народ, кто-то другой действовал за народ. Только народ, научившийся думать сам за себя, способен отучить других действовать за него. Мы теперь слишком хорошо знаем, что если вещь понята, то это еще не значит, что вещь сделана.

Герцен говорит, что недостаточно признать науку, надо воспитать себя "в науку". Сам Герцен был одним из вдохновеннейших наших воспитателей "в Европу". Его коллизии с Европой, его анафемы Европе" были только порождением его благородной и нетерпеливой ревности к Европе. Некоторые не по разуму усердные зовут "назад — к Герцену!"... Мы этого не повторим за ними. Вперед — от Герцена! А это значит: воспитание народа — "в Европу".

А.В. Луначарский

Коммунисты и Герцен*

Коммунисты соединяют в себе адептов самого точного и объективного научно-исторического направления и самых горячих, энтузиастических практиков-революционеров.

По одну сторону от них стоит революционер-романтик со всеми своими пламенными фразами и экстатическими позами, совершенно неспособный считаться при борьбе ли, при оценке ли фактов прошлого с объективными условиями, человек, всецело охваченный своей часто возвышенной эмоцией; по другую сторону — чистокровный историк, беспристрастный, как дьяк, в приказах поседелый.

И, однако, никогда пламенные рыцари непосредственной страсти не проявляли такой вулканической энергии, такого беззаветного самоотвержения, такого боевого духа, какие проявила и какими победила Российская Коммунистическая партия.

И, с другой стороны, никогда ни одна историческая школа, ни одно направление социально-критической мысли не приступало к оценке прошлого и настоящего с таким холодным, натуралистическим подходом, как ортодоксальный марксизм.

Потому-то коммунист точнее оценивает великую фигуру Герцена и крепче ее любит, чем те, что кажутся более к ней близкими.

Коммунист не создаст себе иллюзий, не подкрасит Герцена анахронически, чтобы в нем найти себе псевдосоюзника, он не преклонит колени и не заменит исследование акафистом. Зато он и не упрекнет Герцена в отсутствии таких чувств и взглядов, каких он исторически иметь не мог. Для марксиста Герцен человек своего времени, передовой и великий, но все же дитя своей эпохи, и сквозь эту эпоху он рассматривает героя.

А вместе с тем пламенное сердце Герцена, его интенсивная жизненность, его непомерная отзывчивость, сила его негодования против тюрьмы феодализма и пошлятины буржуазного уклада, яд его сарказмов, нежность и гордая вера в будущее обездоленных, пророческая обращенность лица его к великому завтра — все это рисует в Герцене для коммуниста великого старшего брата.

* А. Луначарский. Силуэты. — М.: «Молодая гвардия», 1965. С. 128-130.

А.В. Луначарский
Коммунисты и Герцен

Постойте, но ведь "Герцен был своего рода революционный славянофил? ведь он не понял чреватости ненавистного, сухого, желтого капитала? ведь он мечтательно ждал спасения от отсталого мужицкого уклада?

Конечно. Даже для самой передовой русской мысли в то время не пришло еще время не только учуять марш приближающихся пролетарских батальонов, но и понять, что спасение России и Запада пойдет теми же путями. Зато какая духовная мощь сказалась в этом великолепном презрении Герцена к либеральному прогрессу; зато если он отворачивается от Запада, то от безгливости к наступавшему там «демократическому» обману; если он с мучительной надеждой всматривается в туманную русскую даль — это от величия мессианических ожиданий. Он писал: «Россия никогда не сделает революции с целью отделаться от царя Николая и заменить его царями-судьями, царями-представителями, царями-полицейскими. Мы, может быть, требуем слишком многого... но мы не отчаиваемся».

И еще: ведь Герцен великий индивидуалист, в нем так силен аристократ, что он начисто отвергал что-либо над личностью и саркастически отзывался о подчинении человека неопределенному будущему и расплывчатой идее человечества. А коммунизм — ведь это самый чистый коллективизм, и пафос его в том, что *личность* готова зачеркнуть себя ради победы передового класса человеческого рода.

Уверяю вас, однако, что сильное самосознание, блестящее здоровьем стремление Герцена к счастью, преобладание у него идеи права человека над идеей долга во сто раз ближе коллективисту-пролетарию, чем полумистическая жертвенность миртовцев, присущая кающейся интеллигенции. Коммунизм мажорен, весел! Он плотский, он языческий, как Герцен! И если он строит для будущего и, увлекаясь разрушением и созиданием, не жалеет сынов своих, бесстрастно сгорающих в пожаре революции, то уверяю вас — не вследствие сознания долга и не в виде скрытого самоубийства, а от самой полноты сил, жажды счастья и гордой невозможности склонить шею перед тем, что сознание проснувшихся масс осуждает.

Так отразились взаимоотношения великих общественных сил в психике коммуниста. И сквозь всю разницу времени он чувствует и любит богатыря духа Герцена. Будто чудом великан этот видел коммунистическую революцию сквозь пелену десятилетий. Как же он не современник и не брат нам, если ему принадлежит пророчество: «Вся Европа будет втянута в общий разгром: пределы стран изменятся, народы соединятся группами, национальности будут сломлены и ос-

Часть 1
С того берега

корблены. Города, взятые приступом, ограбленные, обеднеют, образование падет, фабрики останутся и в деревнях будет пусто. А победители будут драться за добычу... И тут — на краю гибели и бедствия — начнется другая война, гражданская расправа неимущих с имущими».

Она началась. Она предотвратит гибель, она откроет двери еще несслыханным достижениям, и те, кто начал ее, в день пятидесятилетия твоей смерти чтят тебя, навеки живой пророк!

Часть 2

Развитие революционных идей в России

Г.Г. Водлазов

Русские «социализмы»: драма идей

Об ушедших в «мир иной» принято: либо – хорошо, либо – никак. О «социализме» значительная часть пишущей сегодня бра-тии: либо – плохо, либо – очень плохо. Что, по-видимому, означает – «социализм», как теория и идеология, не перешел в разряд покойни-ков. Жив, стало быть, курилка! Его идеи продолжают цеплять, будо-ражить общественное сознание. Внушая одним – опасения и страх, другим – надежду.

И есть, действительно, какая-то надежда, что он не иначе, как долгожитель. Что у него впереди есть кое-какое (может быть, даже длительное) время и кое-какие (может быть, даже значительные) шансы и возможности. И потому есть смысл хорошенько разобраться с этим понятием и пристально, с пристрастием (хотя и, по возможно-сти, объективно) изучить попытку его воплощения в нашей стране.

Попытка эта, прямо скажем, была малоудачная, не совпавшая с возлагавшейся на нее надеждой основоположников и первых строи-телей «социализма». Вместо строя социального равенства сформиро-вался строй вопиющего социального неравенства. Сталинско-брежневский «реальный социализм» оказался формацией, где обще-ство было жестко разделено на тех, кому всё доступно и позволено, и тех, кому не позволено ничего – на *бюрократию* («номенклатуру»), обладающую диктаторской политической властью, национализиро-ванной собственностью, громадными материальными и культурны-ми привилегиями, и *народ* – трудящийся кто в сфере рабского труда

Гулага, кто в полукрепостническом пространстве полуфеодалных колхозов, кто в наемном рабстве у директорско-бюрократического корпуса в индустрии.

История русского социализма (вернее будет сказать – «социализмов» - ибо многие из них страшно далеки друг от друга, а иногда представляют собой просто антиподов, врагов-антагонистов), эта, повторяю, история (как ранних теорий и революционных практик XIX столетия, так и теорий и практик XX столетия) дает богатейшую пищу для размышлений – почему, с одной стороны, столь печальной оказалась попытка воплощения социалистических идей в жизнь в нашей стране и почему, с другой стороны, у этих идей есть несомненные шансы на будущее, на возрождение и реализацию тех заманчивых идеалов, которые вложили в них основоположники и классики социализма.

В этой статье мы рассмотрим ранние варианты теорий русского социализма. В их содержании, в их судьбе было заложено многое из того страшного, что стало, увы, реальностью в сталинско-брежневские времена. Но был в них и ряд удивительных прозрений, позволяющих считать будущее социализма делом отнюдь не безнадежным.

Причудливое переплетение того и другого – света и тьмы, «гения» и «злодейства», замечательных догадок и чудовищных ошибок – всё это найдем мы в теориях и практических действиях раннего русского социализма 60-80-х годов XIX века, получившего название «народнического социализма».

Мы попробуем сопоставить искания народников с учениями их учителей – основоположников русского социализма – Чернышевского и Герцена. А также – пунктиром прочертить их связь с социалистической теорией и практикой XX века.

Вначале – о народнических социализмах.

Революционное народничество

Теории и теоретики

Начнем с трех цитат из статей П. Н. Ткачева. «Учитесь! Приобретайте знания! О боже, неужели это говорит *живой* человек *живым* людям. Ждать! Учиться, перевоспитываться! Да имеем ли мы право ждать?» (подразумевается, с революцией). ...Ведь каждый час, каждая минута, отдаляющая нас от революции, стоит народу тысячи жертв!».

Не пропаганда - наша задача, а «революция, революция не в отдаленном будущем, не «когда-нибудь», а именно теперь», в ближайшем к нам настоящем. «От этого» зависит наше будущее, - будущее семидесяти миллионов страдающего поработанного народа».

«Не ждите же! Делайте революцию, делайте скорее! Всякая проволочка - преступна!»

Красиво, не правда ли? Как это энергично и как это страшно революционно! Бедный оппонент Ткачева! Должно быть, жалкий и трусливый он человек, и, должно быть, плевать ему на 70 млн. страдающего народа, над ним, видно, не каплет. А вот Ткачев. Хотя над ним лично тоже не каплет, а смотрите, он хоть завтра, да что там завтра, - сегодня, сейчас готов отправиться в бой за эти 70 млн. Заманчивая позиция!

Но обратите внимание вот на что: первый из приводимых нами абзацев («Учитесь!») писан Ткачевым в 1874 г., второй - в 1875 г. а третий и вовсе в 1877 г. Забавно! «Тянуть преступно!» - кричит нам революционер. Чего же в таком случае вы столько лет тянете? - можно было бы спросить у него. Легко делать «немедленные революции» на бумаге!

И ткачевцам отвечал Лавров - так, как они того заслуживали: «Вы не можете ждать? Слабонервные трусы, вы должны терпеть, пока не сумели вооружиться, не сумели сплотиться, не сумели внушить доверие народу! Так из-за вашего революционного зуда, из-за вашей барской революционной фантазии вы бросите на карту будущность народа? Года через два народ мог бы победить, он, может быть, был бы готов; но вот, видите ли, русской революционной молодежи не втерпеж. Надо сейчас, сию минуту...».

«Слабонервные трусы» - это хорошо. Но вообще Лавров слишком всерьез принимает их, полагая, что они в состоянии «бросить на карту будущность народа». Ироничный тон Энгельса здесь больше подходит. Может быть, кому-то покажется, что Энгельс слишком уж жестоко «разделяет» Ткачева. Ведь что там ни говори, а Ткачев все-таки в прогрессивных журналах писал, и в царской тюрьме сидел, и от карьеры отказался, бежал за границу, где не такая уж сладкая была у него жизнь. Но это, разумеется, детские рассуждения. Энгельс не касается всех сторон общественной деятельности Ткачева. Он рассматривает его как социалиста и революционного теоретика (т. е. так, как сам Ткачев хотел, чтобы его рассматривали) и говорит, что он (Ткачев) никакой не социалист и не революционный теоретик. Вот и все.

Часть 2

Развитие революционных идей в России

Это, разумеется, не препятствовало Ткачеву быть весьма полезным для России общественным деятелем, хорошим журналистом, верным другом, порядочным семьянином, короче, иметь массу достоинств, в число которых только не входят ни социалистические убеждения, ни подлинно революционные взгляды.

А был ли он действительно полезным и какого рода пользу принес он, это мы, в частности, постараемся показать в этой статье, которую мы и задумали посвятить разбору трех основных теорий народничества 70-х годов - ткачевизма, лавризма и бакунизма.

Идеал ткачевистов - социализм, общественная собственность, коллективное производство, справедливое распределение и т. д. Собственно, это - идеал, общий всем трем теоретикам народничества. Этот идеал они вычитали из книг.

Для Петра Никитича Ткачева действительность – лишь объект деятельности, лишь материал, который надо кроить и перекраивать. Действительность для него - глина, из которой можно слепить «идеал», так или иначе появившийся в его голове.

И вот он начинает лепить и кроить (разумеется - мысленно, теоретически, до практики дело не дошло). И так, что же делать для устроительства «идеала»? Это самый легкий вопрос для Ткачева: «Вопрос «что делать?» нас не должен больше занимать. Он уже давно решен. Делать революцию. - Как? Как кто может и умеет». Ответ этот - своего рода шедевр. Он опять-таки может показаться диким и нелогичным. И опять мы должны вступить за Ткачева: ответ этот более чем логичен, с его точки зрения, - более того, ответ этот во всей красе, во всей своей ослепительной яркости раскрывает перед нами наивно-субъективистское представление о мире. Раз историческая действительность не имеет внутренних источников своего развития, раз она не имеет объективных законов, с которыми должен считаться всякий, подступающий к ней с планами, выкройками, то именно логично заявить: все зависит от портного, крои как кто может.

Но поскольку Ткачев себя считает, видимо, наиболее искусным портным, то он и предлагает план, по которому слепить «идеал» можно «всего скорее». План этот заключается в том, что «революционное, цивилизованное меньшинство» устраивает тайный заговор и свергает правительство, революция в виде *coup d'etat*.

Впрочем, Ткачев понимает, что захватить Зимний – это захватить лишь одно красивое здание, не больше. Чтобы вместе с Зимним захватить и власть в стране, надо парализовать силы, служившие царю, и силы немалые. Кучка заговорщиков сделать это, конечно, не в

состоянии. И вот тогда-то ткачевцам (или, как они себя сами называли, якобинцам) и пригодится народ. «Революционное меньшинство, освободив народ из-под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предрержащею (в результате *coup d'etat*. - Г. В.), открывает ему возможность проявить свою разрушительно-революционную силу и, опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению непосредственных врагов революции, оно разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию». Ткачев советует умело использовать этот момент, когда «его (народа. - Г. В.) скрытое недовольство, его подавленное озлобление с неудержимою силою вырвется наружу...».

Таким образом, народ помогает «революционному меньшинству» закрепиться у власти, и «меньшинство» приступает к перекройке действительности. В этой «работе» народ на роль помощника уже не годится, надо обходиться без него. Ткачев об этом говорит прямо, не стесняясь; он не опускается до лживых, с его точки зрения, речей о «мудрости народа», до фарисейских клятв в любви к нему и т. д. Не опускается, может быть, не столько по честности, которую, однако, мы ни в коем случае не можем ставить под сомнение, сколько по наивности, но факт остается фактом: он не маскирует свои замыслы, он не льстит народу. «Положительные идеалы нашего крестьянства, пишет он, - строго консервативны («общественный идеал нашего народа не идет далее окаменелых форм его бытия»); - они (идеалы. - Г. В.) не могут быть идеалами революции. Самое полное и беспрепятственное применение их к жизни мало или даже несколько не пододвинет нас к конечной цели социальной революции - к торжеству коммунизма». «Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, - развиваться в направлении коммунистического идеала».

Итак, идеалы народа – не «социалистические». Что же делать? Ждать и способствовать тому, чтобы эти идеалы развивались в «социалистическую» сторону? Что вы, тогда бы Ткачев не был Ткачевым, человеком, орудующим над миром. Нет, просто «при построении этого нового мира он (народ - Г. В.) не может и не должен иметь никакого решающего, руководящего значения, - он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. - Эта роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству». В чем же заключается эта роль? Вот в чем: «...пользуясь своею силою и своим авторитетом, оно (меньшинство.-

Г. В.) вносит новые прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни; сдвигает эту жизнь с ее вековых устоев, одухотворяет ее окоченевшие и заскорузлые формы. В своей реформаторской деятельности революционное меньшинство не должно рассчитывать на активную поддержку народа».

Но ведь «сдвигать жизнь с ее вековых устоев» - штука, прямо скажем, адской трудности, удастся ли это ткачевскому «великолепному меньшинству»? И этот вопрос не оставлен Ткачевым без ответа. В одной из своих статей в «Набате» он смеется над Лавровым, который полагает, что после революции весьма просто «декретировать общественную собственность» и «ввести ее в обычай». Декретировать-то просто, замечает Ткачев, но ввести в обычай... И он не без иронии излагает наивные (и надо сказать, действительно наивные) рассуждения Лаврова о том, что вот-де «соберется «мирской сход», сейчас уже уничтожит (автор, т. е. Лавров, в этом ни на минуту не сомневается) частные запашки, обратит подушные и подворные наделы в общую собственность, отберет у частных лиц и самих же крестьян их движимое имущество, их скот, их орудия труда, их сбережения, объявит, что все продукты частных работ должны принадлежать всем членам общины, распределяться между ними сообразно с их потребностями и т. д. и т. д.».

«Набат» справедливо смеется над этой иллюзией (ведь мелкое крестьянское хозяйство в то время действительно не исчерпало своих возможностей!) и назидательно замечает: «...предполагать, чтобы это мог сделать добровольно «мирской сход», сход, в котором будут участвовать кроме массы крестьян, «по своим воззрениям и привычкам к новым порядкам совершенно не подготовленных и не понимающих их», вчерашние собственники, мирские паразиты, – предполагать подобную нелепость, значит – не понимать самых элементарных требований практической деятельности, умышленно отворачиваться от реализма жизни и всецело отдаваться утопии».

«Конечно, практические революционеры,- продолжает назидание Ткачев, – никогда так не поступают, как советует им автор (т. е. Лавров.- Г. В.). Если уже им удастся осуществить первую часть его программы, т. е. захватить в восставших общинах революционную диктатуру, то нет сомнения, что они не пожелают выпустить ее из своих рук до тех пор, пока каждый новый порядок не пустит более или менее глубоких корней в общественную жизнь, пока он не уничтожит всех своих врагов и не завоюет себе симпатий большинства».

Добровольно крестьяне не согласятся на уничтожение частных запашек, на обращение подушных и подворных наделов в общую собственность, говорит «утописту» Лаврову «не-утопист» Ткачев. Но «нет сомнения, что сильная власть, опираясь на некоторую часть восставших рабочих, - может все это сделать».

Сильная власть, которая «все может» - это настоящая *idée fixe* Ткачева. Благодаря ей вовсе не страшны опасности, на которые, в частности, указывает Лавров, такие, как: 1) «остатки паразитов старого общества», 2) «привычки и влечения прежнего времени», широко распространенные в массе («пережитки», говоря языком XX в.); 3) сами «лица социально-революционного союза, которые; вследствие хода революции, стали властью в общинах и на более обширных территориях (и которые - Г. В.) могут поддаваться развращающему влиянию своего положения и злоупотребить своею революционной властью или присвоить ее себе в ненадлежащих размерах».

Сильная власть это и многое другое преодолет, и без особого труда. Каким же образом, как? Судя по всему, именно так, как описывает Лавров план своих противников (ткачевистов), план, с которым Лавров решительно не согласен: «Всего удобнее устранить их привычными приемами старого общества: составить кодекс социалистических законов с соответствующим отделом «о наказаниях»; выбрать из среды наиболее надежных лиц (преимущественно из членов социально-революционного союза, конечно) комиссию «общественной безопасности» для суда и расправы; организовать корпус общинной и территориальной полиции из сыщиков, разноживающих нарушения закона, и из охранителей благочиния, наблюдающих за «порядком»; подчинить людей «заведомо опасных» социалистическому полицейскому надзору; устроить надлежащее количество тюрем, а вероятно, и виселиц, с соответственным персоналом социалистических тюремщиков и палачей; и затем, для осуществления социалистической... справедливости, пустить в ход всю эту обновленную машину старого времени во имя начал рабочего социализма».

Написав так, Лавров, видимо, полагал, что совершенно убил Ткачева. Наивный человек! Он просто дельно и четко изложил то, что Ткачев вовсе и не думает скрывать. Захотели скомпрометировать щуку причастностью к реке! Захотели скомпрометировать русских яковинцев намеком на возможность с их стороны государственного насилия, виселиц и т. п.! По мнению Ткачева, важно, *против кого* направлены средства насилия. Ну и что же, что «формы (государства, насилия, принуждения - Г. В.) одинаковы (с реакционными, деспоти-

ческими режимами. - Г. В.), - пишет он, - но их содержание, их основная мысль, оживляющий их дух диаметрально противоположны. Вот почему Мараты, Фукье-Тенвилли, Раули Риго возбуждают к себе наше сочувствие и симпатию - сочувствие, симпатии всех честных людей, всех искренних революционеров. А прокуроры и палачи божьих помазанников, конституционных монархов и буржуазных республик вызывают в нас чувство ненависти и презрения. Никто не решится поставить их на одну доску, а между тем внешняя форма их деятельности, та легальная машина, которую одни направляли во вред, другие на пользу общества, были совершенно одинаковы».

Итак, теперь нам понятно, какими средствами бравое меньшинство Ткачева намеревалось «сдвигать народную жизнь с ее вековых устоев», каким путем собиралось оно «вносить новые прогрессивно - коммунистические элементы в условия народной жизни».

Перейдем к Лаврову.

Лавристы, так же, как и якобинцы (ткачевцы), признают, что народ к революции и социализму не готов. Но в отличие от якобинцев, они считают, что готовность народа - это дело времени: он должен «созреть», он обязательно «созреет». В противном случае, по их мнению, о социальной революции и говорить не стоит. «Перестройка русского общества, - писал Лавров, - должна быть совершена не столько с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа». Но как это возможно? Как должно осуществиться это «посредством народа»?

Если бы такой вопрос встал перед человеком, желающим понять объективное положение дел в обществе, то он, разумеется, обратился бы к анализу общественного бытия России и в развитии его внутренних противоречий, в росте классового антагонизма искал бы данные, свидетельствующие о том, что именно силой объективных исторических законов, всей логикой социально-политического бытия народ неудержимо подвигается к революции - сплачиваются его ряды, зреет его самосознание.

Не так смотрят на историю субъективисты, и Лавров в том числе. Не в развитии общественных противоречий видят лавристы движущую силу истории. Сознание, мысль, мнения правят миром - вот их точка зрения. И раз мысль доработалась до открытия принципа наилучшего устройства общества, и раз в осуществлении этого принципа наибольшую заинтересованность могут иметь эксплуатируемые, т. е. народ (ввиду предполагающегося улучшения, в первую очередь, его жизни), то, следовательно, задача теперь заключается

лишь в том, чтобы растолковать народу, нецивилизованному большинству, что такое устройство общества им выгодно и что ради него стоит выйти на борьбу с властью предрезающими. Цивилизованное меньшинство должно «уяснить народу его истинные (!) потребности, наилучшие средства удовлетворения этих потребностей и ту силу, которая лежит в народе, но им не признана».

Народ, таким образом, для лавристов - инертная масса, в которую лишь цивилизованное меньшинство может вдохнуть «душу живу». Поэтому не стоит придавать слишком глубокого смысла словам «посредством народа». «Посредством народа» у Лаврова имеет именно тот сугубо идеалистический смысл, что мысль может воплотиться в действительность лишь *посредством народа*, лишь *через народ* (активное сознание преобразует пассивную материю). Мысль, критически-мыслящие личности - творцы истории, народ - лишь средство, лишь материал. Все это - чистойшей воды волюнтаризм. Правда, нельзя не отметить, что Лавров, будучи эклектиком - в данном случае, к счастью - подчас «забывает» об этой субъективно-идеалистической подоплеке формулы «посредством народа» и в полемике с якобинцами незаметно для себя - и в противоречии со своими субъективно-идеалистическими взглядами - высказывает немало верных (близких к объективно-научной точке зрения) суждений, когда ему приходится защищать это свое «посредством народа». Нельзя не отметить благотворное влияние этой формулы и на действительное народничество, на народников-практиков: не все схватывали, не все имели время и возможность схватить тонкости метафизических зигзагов мысли Лаврова, а броская, четкая формула «посредством народа», почти совпадающая с лозунгом Интернационала, запоминалась, западала в душу. Но все это происходило, так сказать, по независящим от Лаврова обстоятельствам.

На вопрос же, каким образом цивилизованное меньшинство может внести социалистическую бациллу в темную массу нецивилизованного большинства, Лавров отвечает: путем пропаганды. Т. е., если Ткачев намеревался вносить эту бациллу средствами насилия, то Лавров - пропагандой: один битьем, другой лаской. Но тот и другой, по сути, стоят на одной и той же *кастовой* точке зрения избранного, цивилизованного меньшинства, толкающего к «социализму» невежественную толпу. Они были ближе друг к другу, чем им казалось.

Третья разновидность народнических теорий - бакунизм (или анархизм). Бакунисты, в отличие от якобинцев и лавристов, утвер-

ждали, что народ русский к революции «всегда готов» (как Онегин к дуэли, иронизировал по этому поводу Плеханов). Правда, на пути реализации революционной активности народа стоит одно препятствие - «замкнутость общин, уединение... и разъединение крестьянских местных миров».

Задача по преодолению этого препятствия возлагается бакунистами на *революционное меньшинство*, которое должно «связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей... между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством», убедить их в том, что «в народе живет несокрушимая сила», которая «могуча только, когда она собрана и действует одновременно... и что до сих пор она не была собрана», связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения».

Объективный теоретик знает, что главную часть этой работы по сплочению трудящихся различных цехов, фабрик, районов и областей страны продельвает экономика - развитие производства (а именно капиталистического производства). Бакунин намеревается выполнить эту задачу чисто политически, путем организаторской деятельности революционного меньшинства.

«...Работа, достойная титанов!» - продолжает иронизировать Плеханов.

Оказывается, и начавший за здоровье народа бакунизм кончает заупокойным причитанием о неспособности этого народа сделать что-либо, пока *цивилизованное меньшинство* не сплотит его, пока оно его не подтолкнет в нужном направлении.

Знакомая нам песня о мыслящем, всемогущем меньшинстве и темном, неподвижном большинстве. И такую программу, как верно замечает Плеханов, предлагает революционному меньшинству человек, который писал, что «нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером для того, чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал... покойный Чаадаев, писать на нем, как на белом листе, что угодно». «...Можно ли вообразить более вопиющее противоречие между теоретическими положениями «программы» и намеренными ею практическими задачами?» - спрашивает Плеханов.

Противоречие это любопытно, как свидетельство острой борьбы

материалистических и идеалистических тенденций *внутри* одного учения. (Материалистические тенденции заметны и у Лаврова, но у Бакунина они получают большее место и большее развитие).

* * *

Ну, а теперь, закончив краткое изложение трех систем народнического мировоззрения, мы можем сделать вывод, что при всех их различиях они сходятся в главном, что делает их видами одного рода, что позволяет их все характеризовать, как народничество. Об этом прекрасно сказал Плеханов: «...Общей им всем чертой была вера в возможность могущественного, решающего влияния нашей революционной интеллигенции на народ. Интеллигенция играла в наших (народнических. - Г. В.) революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону. Как бы кто из революционеров ни объяснял современное порабощение русского народа – недостатком ли в нем понимания, отсутствием ли сплоченности и революционной энергии или, наконец, полную неспособностью его к политической инициативе, - каждый думал, однако, что вмешательство интеллигенции устраним указываемую им причину народного порабощения... Эта самоуверенность интеллигенции уживалась рядом с самой беззаветной идеализацией народа и с убеждением - по крайней мере, большинства наших революционеров - в том, что «освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Предполагалось, что формула эта получит совершенно правильное применение, раз только наша интеллигенция примет народ за объект своего революционного воздействия. О том, что ... освобождение данного класса может быть его собственным делом лишь в том случае, когда в нем самом является самостоятельное движение во имя своей эмансипации, - обо всем этом наша интеллигенция частью не задумывалась вовсе, а частью имела довольно странное представление». Но, разумеется, ограничиться такой оценкой нельзя. Требуется выявление как тождества, так и различия (внутри тождества).

Внутри общего для народничества субъективистского представления о роли личности и масс в истории, внутри этого общего мировоззрения, так верно очерченного Плехановым, шла яростная внутренняя борьба, которая методично расшатывала это мировоззрение в целом. Борьба эта шла, как мы уже видели, и внутри одного вида (у лавристов и бакунистов) - как внутреннее логическое противоречие

этого вида, и между видами одного рода - как внутреннее противоречие рода. Мы покажем в дальнейшем необходимость и неизбежность появления такого «рода», как народническое мирозерцание, необходимость и неизбежность «видов» этого «рода» (ткачевизма, лавризма, бакунизма), их борьбы между собой, неизбежность внутренних противоречий каждого из видов, - борьбы, которая была не последней причиной гибели этого рода и появления социалистического мировоззрения нового, более высокого типа.

Мы это постараемся показать, но прежде, - о содержании самой этой борьбы.

Противники яacobинцев выдвинули три существенных возражения против их (яacobинцев) программы.

1. Главным доводом бакунистов против яacobинцев было утверждение, что если даже яacobинцы осуществят государственный переворот, то социализма тем не менее они построить не смогут, ибо власть портит человека, и на смену одной формы эксплуатации придет другая - эксплуатация народа захватившим власть меньшинством. «История показывает нам, - говорят бакунисты, - что каждый раз, когда интеллигентное меньшинство захватывало власть в свои руки, оно всегда угнетало народ, оно надевало на него новые оковы взамен старых, оно систематически убивало в нем всякую инициативу; под тяжким гнетом его мнимых благодеяний масса еще более тупела, еще более теряла способность к самоуправлению». И таким образом, путь, по которому хотят идти яacobинцы, - ложный путь, «он неизбежным образом должен привести не к освобождению масс из-под ярма власти, а к новому их порабощению». И что-де в случае анархической революции такого не произойдет, потому что анархисты против всякой власти, всякой централизации и всякого насилия. Но оставим пока в стороне анархический идеал безвластия, оставим в стороне противоречие между теорией и практикой бакунистов, организации которых - Альянс или Народная расправа - были организованы как раз по принципу строгого централизма, вплоть до единовластия, деспотизма. И эти «противники насилия» не гнушались в борьбе со своими идейными противниками прибегать даже к «методу физических действий».

Оставим пока это в стороне и остановимся на их возражении яacobинцам. В нем есть изрядная доля истины, а именно та, что в условиях России того времени яacobинское революционное меньшинство, оказавшись у власти, превратилось бы в эксплуататорское меньшинство. Однако обосновать это верное положение анархисты не смогли.

ли; более того, пытаясь обосновать, они наговорили столько вздору, что верная мысль почти затерялась в нем. Вот как это произошло. В ответ на упрек анархистов в неизбежном перерождении меньшинства под воздействием власти, якобинцы с пафосом восклицали, что это поклеп, что они будут умными, добрыми и хорошими и все будут делать в интересах народа: «Разве это меньшинство есть меньшинство буржуазное?.. - горячились они. - Разве его интересы враждебны интересам Народа?.. Чего же вы (т. е. анархисты. - Г. В.) боитесь? Какое право имеете вы думать, что это меньшинство - меньшинство отчасти по своему общественному положению, отчасти по своим идеям, беззаветно преданное народным интересам, - что оно, захватив власть в свои руки, внезапно превратится в народного тирана?».

В ответ на это анархистам надо было бы обратиться к анализу экономической действительности России тех лет и показать, что в условиях мелкокрестьянской страны, где господствует мелкий производитель и где усиливаются буржуазные тенденции, в таких условиях люди, составляющие правящее якобинское меньшинство, либо должны поддерживать буржуазные экономические тенденции (имеющие силу естественного объективного закона) и тем самым «переродиться», превратиться в эксплуататоров народа, либо ступать, уйти в отставку, уступив место другому меньшинству, более точно отражающему требования эпохи; и отсюда вывод; что как бы там ни было, в результате якобинского переворота у власти, в конце концов, должно неизбежно оказаться меньшинство, враждебное народу.

В подтверждение своих абстрактно-теоретических рассуждений анархисты могли бы сослаться и на исторические примеры, хорошо известные якобинцам (но плохо понятые ими). В частности, они могли бы посоветовать русским якобинцам заглянуть в зеркало французской революции конца XVIII в., в котором наши якобинцы увидели бы себя в образе французских якобинцев.

Те тоже хотели облагодетельствовать народ сверху, те тоже намеревались насильем решить все вопросы - экономические, политические, религиозные, и тоже мало считались с экономическими требованиями времени. А между тем их политический идеал вовсе не отвечал этим требованиям. И хотя лично Робеспьер и многие его друзья были честными людьми (и если ошибались, то вовсе не по личной корысти), но все же честности и благого желанья оказалось маловато для перекройки действительности «по собственному усмотрению».

Экономическое развитие делало свое дело: бурно росли производительные силы, освобожденные от феодальных пут, углублялось расслоение народа, к жизни (и власти) поднималась молодая буржуазия, обогатившаяся и твердо вставшая на ноги именно в годы революции. И эта буржуазия успешно просачивалась в ряды властвующего меньшинства и, в отличие от политических идеалистов Робеспьера и Ко, рассматривала свои государственные местечки в качестве источника дохода. Стоящие на почве экономических интересов, они с оптимизмом смотрели в будущее. И пока политический идеализм правительства Робеспьера, его речи о равенстве, братстве, свободе и т. д. имели успех, эти люди охотно вторили им. Революционная фразеология была для них удобной по тому времени ширмой, за которой шла их действительная жизнь. И постепенно, по мере их усиления, революционная фразеология превращалась в демагогию, а серп революционного правосудия начинал все с большей скоростью косить головы людей, отстаивавших народные интересы. Скосил он и головы Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона, которые так и не поняли, где же они ошиблись. А кто же поднялся в то время к высшим правительственным местам, кому переходила эстафета революции? - «Тальену, Баррасу – проконсулам в Бордо и Тулоне, мздоимцам и ворам, искоренившим контрреволюцию потоками крови, превращаемой ими в золото», «вероломному Фуше - будущему министру полиции Наполеона», «Фрерону - казнокраду и убийце, будущему главарю банд «золотой молодежи», Мерлену из Тионвилля, мечтавшему о княжеском особняке», «не раскрывшему клюва, пока не придет его час, старому ворону Сиейесу». «Благо отечества», «человечность», «добродетель» - это были пустые слова для всех этих... набивших себе карманы за годы революции и торопившихся насладиться так легко доставшимся им добром».

И если бы нетерпеливые русские якобинцы перебили на этом месте возражения анархистов, заметив, что пример с Робеспьером к делу не относится, так как он (Робеспьер) не отменил частную собственность, на которой и произрастала буржуазия, а они (русские якобинцы) отменят, провозгласят общественную собственность и введут ее в привычку методами государственного насилия, если бы якобинцы так сказали, то анархисты могли бы на это сказать следующее.

Особенной разницы, почтеннейшие, тут нет никакой. Что такое общественная собственность? - Это собственность. принадлежащая всему населению страны. А это, в свою очередь, что значит? - А то, что все взрослые граждане участвуют в управлении этой собственно-

стью и в распределении. доходов, получаемых от нее. А что нужно для этого? А для этого нужна демократическая организация всего народа.

А у вас, г. г. якобинцы? Кто управляет собственностью? – Пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Так? А кто распределяет доход? Конечно же, пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Таким образом, получается, что *фактически собственность страны принадлежит вашему, якобинцы, меньшинству; а народ - ваш работник.*

Все это могли бы сказать анархисты в ответ на запальчивый якобинский вопрос, какое право имеют они думать, что меньшинство, захватившее власть, «превратится в народного тирана». Могли бы... Но тогда они перестали бы быть анархистами. А в действительности в ответ на якобинское «какое право...?» они наивно ответили: «всякая власть портит человека» (в качестве примеров нередко фигурировали Цезарь и Наполеон). Высказав такую ребяческую «истину», анархисты лишили себя возможности дальнейшего наступления на якобинцев. Зато якобинцы с готовностью (и с полной, добавим, справедливостью), в свою очередь, восстают против этого утверждения анархистов. И вопрос о тирании меньшинства все больше и больше затемняется и запутывается. Так, якобинцы говорят, что власть несколько не влияет на человека. Кто был хороший и добрый до революции, тот и после победы останется добрым и хорошим. Что касается Цезаря и Наполеона, то власть в их «порче» не повинна, они и до победы были-де «порченными» людьми.

И спор начинает терять уже всякий смысл. Таким образом, перед нами две метафизические крайности: одни (анархисты) говорят, что всякая власть портит человека, другие (якобинцы) утверждают, что власть тут не причем и что характер власти зависит от характера человека. Но эти крайности сходятся в одном: та и другая игнорируют экономическое бытие, уровень культуры людей и их влияние на характер власти.

Верное решение вопроса другое: власть «портит» человека (т. е. делает его выразителем антинародных стремлений) лишь в том случае, если эта власть в целом становится антинародной, если под воздействием экономических причин она отрывается от народа. Экономика разделяет людей, а не ее политическое следствие - власть. Но эта истина еще ускользала от народников, хотя и сверкала некоторыми своими гранями в схватке народнических крайностей.

2. Не менее любопытны были возражения лавристов против

якобинской программы. «Вам ничего не удастся сделать, потому что... вы перессоритесь... - говорили они якобинцам. – Те, кто боролись вместе против общего врага, будут неизбежно бороться между собою за личное преобладание». «На другой день социалистической диктатуры начнется спор за диктатуру, а раз он начнется – социальная революция отодвинется на второй план».

Правы лавристы! Ведь поссорятся, обязательно поссорятся! Без драки за местечки у, так сказать, кормила власти не обойдется. Во-первых, сами эти представители меньшинства выходят из ада прошлого далеко не святыми, а во-вторых, разведут их различные экономические интересы - ибо борьба экономических интересов в мелкобуржуазной России неизбежна; и экономическая конкуренция неизбежно найдет свое отражение и в конкуренции политической. (Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что в условиях, когда правительство неподконтрольно народу, немалое влияние на форму власти могут оказывать черты характера стоящих на верху общественной лестницы). Результатом таких ссор может быть только то, что действительно задачи революции отодвинутся на второй план.

И ничего в этом случае не решают софистические рассуждения на тему о разумном эгоизме, - что-де «каждый из них (стоящих у власти – Г.В.) будет видеть свою личную выгоду в том, чтобы удержать власть как можно долее руках своей партии... – чтобы сделать эту власть как можно тверже и могущественней. Ведь от этого будет зависеть их личная безопасность и т. д.». Не решают потому, что в этом случае мы будем иметь дело с кастовым интересом (правительственного меньшинства), противостоящим интересам всех других общественных групп (корпораций), и если победит интерес правящего меньшинства (чиновничьей корпорации) над интересами других групп (а такой исход в некоторые периоды не есть нечто невозможное), мы получим как раз тесно сплоченное сословие (чиновников), противостоящее народу – в видах личной выгоды. Так что в любом случае у власти окажется *антинародное меньшинство*.

3. И, наконец, последнее, - и, может быть, самое существенное - взгляд якобинцев на государство и роль государственного насилия в строительстве нового общества.

Может быть, иной читатель, читая наше изложение взглядов Ткачева на роль государственного насилия, искренне недоумевал, почему это мы с таким неодобрением относились к этим взглядам. Ведь Ткачев, вроде, был прав: после революции революционеры должны взять власть в свои руки, причем власть эта должна быть

твердая и служить народу. Разве это не верно? Разве не верно, что государство – это машина для подавления и что поэтому важно лишь, *против кого* направлена эта машина? И раз якобинцы хотят направить ее против эксплуататоров и в защиту трудящихся, то что же здесь неверного, еретического с точки зрения?

Сейчас мы ответим на этот вопрос. Но прежде, вот что рассказывает почти по этому поводу один писатель в одной книге. Жила-была одна такая власть, в виде Марьи Алексеевны. И жил под ее началом опекаемый ею «народ», в виде ее дочери Веры Павловны, или просто Верочки. И служила эта власть (Марья Алексеевна) верой и правдой счастью своего народа (то бишь Верочке). Жениха хорошего ей заприметила, и собой недурного и с деньжонками - завидная, короче говоря, партия. Одна беда только, не нравится этот жених дочери: не те у нее запросы и потребности. Но разве может молоденькая неопытная девушка знать свои истинные потребности? Их знает только многоопытная Марья Алексеевна, которая пробует все средства, чтобы уломать строптивую. И бранится, и угрозы в ход пускает, и кулаки даже.

«С ума ты сошла, дура? Смей повторить, мерзавка. Ослушница, - закричала Марья Алексеевна, поднимаясь с кулаками на дочь» - И все это для счастья, все для осуществления истинных потребностей своей дочери. «Я из любви к тебе бранюсь, тебе же добра хочу», - говорит Марья Алексеевна. - «Ты думаешь, я злая. Да, я злая, только нельзя не быть злой...».

Все знают, как кончилась эта история, описанная Чернышевским в «Что делать?». Девушка вначале прогнала «жениха», а потом тайком от матери вышла замуж и тайком ушла из дома своих благодетелей. Избави бог от благодетелей!

Но оставим литературные аналогии, ныне все и без того - прекрасно знают, что там, где большинство народа не имеет влияния на власть, там все разговоры о благе народа, о заботе о народе - пустая идеологическая болтовня. И марксизм, подлинный марксизм, говоря о социализме, никогда не разъединял даже в понятии власть и народ.

Не «власть и народ», а народная власть. Не власть, благодетельствующая народ, а властвующий (правлящий) народ (пролетариат) - вот лозунги марксизма. Марксизм - за твердую власть после революции, за сохранение государства, но такого государства, которое по существу есть уже не-государство. В этом соль! Что же это за «государство - не-государство»?

Как и всякое государство, оно - тоже орудие насилия, но насилия

большинства над меньшинством, пролетарского, пришедшего к власти большинства над эксплуататорским меньшинством. А «насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно неосуществимо без демократической организации войска и «тыла». В этом вся суть марксизма в данном вопросе.

Демократическая организация народа - вот основа государства – не- государства». Без нее государство может быть только орудием в руках тщеславного меньшинства - какие бы народолюбивые слова не вылетали из правительственных канцелярий. К этой мысли часто возвращался Ленин. «Гражданская война, - писал он, - насильственно экспроприрует, сразу и прежде всего, банки, фабрики, железные дороги, крупные сельскохозяйственные имения и т. д. Но именно для того, чтобы экспроприровать все это (т. е. действительно, а не на бумаге, не на словах экспроприровать, то есть действительно, а не на бумаге, не на словах передать во владение народу. - Г. В.), надо ввести и выбор всех чиновников народом и выбор офицеров народом и полное слияние армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, и полную демократию в деле распоряжения съестными припасами, производства и распределения их и т. д. Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска. Но эта цель недостижима ни с чисто военной, ни с экономической, ни с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди нашего войска и нашего «тыла». И дальше: «мы в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы не силой рубля, не силой дубья, не насилием, а добровольным согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров». «Без демократической организации отношения между нациями на деле, ... гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии невозможна (т. е. невозможна в результате такой войны победа действительного социализма. – Г.В.) и в заключении: «Иного пути нет. Иной «выход» не есть выход» (т. е. иной социализм не есть социализм).

Таким «иным выходом», который «не есть выход», таким социализмом, который не есть социализм, и была как раз программа русских якобинцев. «Казарменным коммунизмом» - окрестили его Маркс и Энгельс.

Перейдем теперь к возражениям, которые выставлялись против лавристов. Как мы знаем, лавристы, в отличие от якобинцев, ставили целью весь народ поднять на борьбу на революцию. Поэтому они за революционную организацию, более широкую, чем кучка заговорщиков из интеллигенции. В их представлении это должна быть организация рабочих союзов, сельских общин, фабричных ремесленных артелей, т. е. организация, приближающаяся по своему характеру к народной массовой партии.

И то, что через два десятка лет будет реальной (и исполнимой) задачей русской социал-демократии (т. е. создание партии трудящихся), то в условиях 70-х годов, в условиях отсутствия класса пролетариев, в условиях мелкобуржуазной стихии, в условиях, когда крестьянство, «народ» распадается на антагонистические группы, - в таких условиях создание сплоченной, широкой народной организации есть утопия чистой воды.

И «реалист» Ткачев высказывает лавристам в связи с этим немало справедливых возражений. Община, на которую уповают лавристы, говорится в N 5 «Набата» за 1876 г., отнюдь не может служить основой для создания массовой социалистической организации. Община вовсе не «рождает дух солидарности», напротив, она «обособляет местные интересы», община «не чувствует ни малейшей потребности вступать в какие-нибудь близкие сношения с соседними общинами». Между общинами развиваются скорее «дух соперничества и конкуренции», чем дух «солидарности и братского единства». И дальше - очень точно и очень верно: когда община «задышалась и изнывала под гнетом крепостного права, тогда еще возможно было в виду общего гнета объединение сельских рабочих в одну организацию. Но теперь эта чистая утопия». Здесь, во всяком случае, есть ощущение того, что прежде единое крестьянство раслаивается. Но вывод, который из этого делают якобинцы (раз массовая партия невозможна, да здравствует узкий, радикальный заговор), этот вывод находится за пределами подлинно социалистических учений.

Таким образом, и в данном случае мы имеем любопытное сочетание: реализм якобинцев - не социализм, а социализм лавристов - не реалистичен, утопия (истина одними гранями соприкасается с учением якобинцев, когда речь идет об оценке текущего момента, и другими - с учением лавристов, когда речь идет о формах социалистического движения).

И если заслугой лавристов было выявление не-социалистического содержания якобинских форм борьбы, то заслугой якобинцев было подчеркивание бессодержательности (нереалистичности, утопичности, абстрактности) пропагандируемых лавристами форм социалистической деятельности.

Вот как, например, якобинцы критикуют организационный план лавристов. Лавристы, выдвигая идею массовой организации, вместе с тем ясно понимают, что в условиях царского деспотизма таковая организация должна быть тайной и, следовательно, без тайного заговора не обойтись. Но подготовка этого заговора сочетается у Лаврова с требованием длительной пропаганды в народе.

Но тут-то Ткачев и указывает Лаврову на противоречие. С одной стороны, тайная организация и тайный заговор, которые не могут рассчитывать на долговечность (ибо тайное быстро становится явным; подготовка заговора не может быть рассчитана на годы; дни и месяцы - вот сроки успешного заговора). А с другой стороны, социальная пропаганда в народе - до тех пор, когда «значительная часть существующих артелей и общин вполне усвоит себе принципы и задачи Социализма», что требует долгих и долгих лет. «Таким образом, - делает вывод «Набат», - та деятельность, которую автор рекомендует революционерам накануне революции, есть деятельность не только непрактическая, но просто даже невозможная». Верно!

Столь же мало реалистичен план деятельности лавристов и «на другой день после революции». Так, Лавров, признавая необходимость взятия революционерами власти и пытаясь в то же время отгородиться от палочного социализма якобинцев, говорит, что революционеры не должны слишком уж часто использовать эту власть, что власть эта должна быть как можно мягче; и вообще не удерживать свою диктатуру на минуту доле, чем это необходимо. Над этим справедливо иронизирует Ткачев: «Вы требуете, чтобы... революционное меньшинство захватило и удержало в своих руках экономическую и духовную диктатуру и, в то же время, вы отнимаете у него самые элементарные, самые существенные атрибуты власти (речь идет, в частности, об органах насилия и т. п.)».

И убийственный вывод: «Накануне революции он (Лавров. - Г. В.) обрекает его (революционное меньшинство. - Г. В.) на невозможную деятельность, - на другой день он ставит его в невозможное положение...».

Это истинно. Не будем забывать, только, что это все же лишь часть истины, ибо другая ее часть заключается в том, что лаврист-

ские принципы массовой революционной организации, лавристское отношение к государству все же ближе (по форме) к социализму, чем учение Ткачева. И эта вторая сторона лавризма сыграла роль в критике казарменного коммунизма.

И последняя проблема: наука и революция. Проблема эта имеет много сторон. В полемике 70-х годов она поворачивалась то одной, то другой гранью. В ней было много наивного, объяснявшегося слабым развитием общественных отношений в России: так, всерьез спорили - нужны революционерам знания или не нужны (бакунисты утверждали, что не нужны, так как они-де создают барьер между народом и интеллигенцией, мешают их взаимопониманию и т. д.).

Но нередко проблема эта поворачивалась и весьма существенной (и интересной для нас) стороной: «вносить» или «не вносить» - вносить социалистическое сознание в массы или не вносить, в уверенности, что массы и без того социалистичны. Лавров, как мы уже знаем, был за внесение сознания. Правда, при этом он не слишком интересовался, насколько подготовлен народ к восприятию социалистических идей, - субъективно-идеалистическое мировоззрение давало себя знать! Но, тем не менее, он все же считал, что социализм невозможен без науки и что трудящиеся, не усвоившие социалистические идеалы, не в состоянии построить социалистическое общество.

Бакунин горячо оспаривал это. «Чернорабочий человек», говорил он, - «социалист именно по своему положению». «Существенная разница между образованным социалистом... и бессознательным социалистом из чернорабочего люда, состоит именно в том, что первый, желая быть социалистом, никогда не может сделаться им вполне, в то время, как последний, будучи вполне социалистом, не подозревает о том и не знает, что есть социальная наука на свете... Один знает, но не есть (т. е. не есть социалист - Г. В.), другой есть, но не знает. Что лучше? По моему *быть* лучше. Из отвлеченной мысли, не сопровождаемой жизнью и не толкаемой жизненной необходимостью, переход в жизнь, можно сказать, невозможен. Возможность же перехода бытия к мысли доказывается всею историею. Она доказывает именно историей чернорабочего люда».

Вообще говоря, конечно лучше быть социалистом, чем не быть им. Но можно ли быть социалистом, не будучи знакомым хотя бы с общими выводами теории социализма? И социалистический ли инстинкт у русского мужика? Вот в чем вопрос.

Если бы Бакунин действительно знал русского мужика, если бы у

него был опыт общения с ним, то такой нелепицы о «социалистическом инстинкте» он бы не сказал. Но такого опыта в те годы, увы, не было – и не только у Бакунина, но и у основной массы русских революционеров. Поэтому теоретический спор, социалист ли «по инстинкту» мужик, никаких плодов дать не мог. Тогда это был вопрос веры, а не точного, опытного знания. Грандиозные «опыты» народничества были впереди. А вместе с опытом вопрос об инстинктах мужика решился легко и просто, и совсем не в бакунинском плане.

Практика революционного народничества

Итак, мы разобрали теории народничества. Разрешить теоретический спор могла только практика. Только практика могла выявить истинное и отсеять ложное. Только практика могла вынести им исторический приговор. Что же показала практика народнического движения? Между учениями Лаврова, Бакунина, Ткачева и практикой не было отношения причины и следствия. Не учения вызвали массовое хождение молодежи 70-х годов в народ. Не теории породили практику. А и «теория» и «практика» были в одинаковой степени следствием одной и той же общей причины - развития общественных противоречий в пореформенной России, они были в одинаковой степени наследниками идейного богатства демократов-разночинцев 60-х годов. Они («теория» и «практика») были дополняющими друг друга частями целого.

Всем этим объясняется, что среди народников-практиков, среди действенного народничества почти не было чисто лавристских, или чисто яacobинских кружков. Так, у нечаевцев яacobинские, бланкистские идеи сочетались с анархистскими идеями Бакунина, а программа кружка чайковцев включала как лавристские, так и бакунистские положения.

Но как бы там ни было, в той или другой форме, но все идеи, все теоретические положения учений русского социализма Лаврова, Бакунина и Ткачева были проверены жизнью, практикой революционного народничества 70-х годов.

Переход революционной молодежи от одних идей к другим вызывался, разумеется, не школярским желанием «проверить» все учения, созданные в заграничных русских журналах, а настоятельной необходимостью революционной борьбы, потому переходы эти имеют объективный, закономерный характер. На эту закономерность следует обращать особое внимание; ибо, не поняв закономер-

ности (необходимости и неизбежности) краха одних народнических идей и перехода к другим, краха этих «других» и перехода к третьим - не поняв этого, нельзя понять и закономерности (необходимости, неизбежности) краха народнических идей вообще.

Первыми на практике были опробованы идеи якобинцев. Мы имеем в виду деятельность Нечаева и его единомышленников в 1868-1870 гг. Фабула нечаевской истории такова (даем ее, опираясь на воспоминания В.И. Засулич).

В 1868-1869 гг. Нечаев участвует в студенческом движении с Ткачевым (будущим теоретиком якобинцев), возглавляет левую, наиболее решительно настроенную часть студенчества. Когда начались аресты, он скрылся за границу, а в письмах товарищам сообщал, что его будто бы арестовали, посадили в Петропавловскую крепость и что он оттуда бежал (так он создавал себе капитал революционного деятеля).

За границей он правдами и неправдами приобрел расположение Бакунина и Огарева. Получил подписанный Бакуниным документ: «Податель сего N2 2771 есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза», и, вернувшись в конце августа 1869 г. в Россию, принялся создавать заговорщическую организацию, вербуя оппозиционно настроенных студентов (главным образом студентов Петровской земледельческой академии).

Началась заговорщическая конспиративная деятельность - сложная система образования пятерок, вербовки новых членов. (А что еще делать заговорщикам? Подготавливать, убеждать людей, считал Нечаев, дело совершенно бесполезное, напрасная потеря времени. Их следует втягивать в организацию такими, каковы есть, и брать с них то, что можно). Вербовали, разумеется, своих близких друзей. Но скоро оказалось, что у всех завербованных ближайшие товарищи тоже стоят в организации и делать становилось нечего. Все были под номерами: собирались на заседания по пятеркам и писали протоколы заседания. С этими протоколами у членов высших кружков была постоянная возня: с них строжайшим образом требовались письменные доклады, а составлять их никому не хотелось, да и писать-то было нечего. «Протоколы» - это неспроста было придумано Нечаевым. Это были те «компрометирующие документы», благодаря которым он мог держать всех в послушании. А чем же еще долго можно держать людей в заговорщическом ничегонеделании? Как сделать, чтобы не отошла от него молодежь, чтобы не испортить это

«мясо для заговоров»? «Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих» - так относился Нечаев к своим друзьям-заговорщикам. И эту сторону *нечаевщины* превосходно охарактеризовал Бакунин (он-то, слава богу, имел о ней прекрасное представление). По убеждению Нечаева, писал Бакунин, «за вычетом десятка, составляющих «избранных», - все остальное должно служить слепым орудием и как бы материей для пользования в руках этого десятка людей действительно солидарных. Дозволительно и даже простиительно их обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нужде, даже губить их, это мясо для заговоров...»; «во имя дела он должен завладеть вашей личностью без вашего ведома. Для этого он будет вас шпионить и постарается овладеть всеми вашими секретами...» «в вашем отсутствии, оставшись один в комнате, он откроет все ваши ящики, прочтает всю вашу корреспонденцию, и когда какое письмо покажется ему интересным, т. е. компрометирующим с какой бы то ни было точки вас или одного из ваших друзей, он его крадет и прячет старательно как документ против вас или вашего друга...». «Если ваш приятель, имеет жену, дочь, он старается ее соблазнить, сделать ей дитя, чтобы вырвать ее из пределов официальной морали и чтобы бросить ее в вынужденный революционный протест против общества. Всякая личная связь, всякая дружба считается злом, которое они обязаны разрушить, потому что все это представляет силу, которая, находясь вне секретной организации, уменьшает единую силу этой последней». Такова моральная атмосфера нечаевского заговора. Как же живется, как дышится людям в этой атмосфере?

Остановимся на некоторых из «главной пятерки». 18-летний Николаев. Крестьянский мальчик, кончивший свое образование в сельской школе. Нечаеву очень пригодились качества этого типичного «крестьянского сына»: и его недостаточная умственная развитость в сравнении с представителями интеллигенции, его наивность, с которой он принимал все за чистую монету, его поклонение культу силы, его терпеливость и выносливость. «Он стал буквально его (Нечаева) рабом, но рабом любящим, преданным, на которого можно положиться, как на самого себя... С ним даже хитрить не было надобности: самые, казалось бы, нелепые приказания он свято исполнял, не задавал вопросов и ни на йоту не отступал от инструкций». В деятельности Нечаева этот крестьянский юноша чаще, всего играл роль «деятеля из народа», и для интеллигенции, членов организации,

Г.Г. Водолазов

Русские «социализмы»: драма идей

он олицетворял собой народ, его чаяния, думы и желания. А этот «народ» был лишь пешкой в руках Нечаева, был, как пишет Засулич, «пугалом для многих членов организации». «Самому Николаеву было строго запрещено пускаться в разговоры - говорил за него Нечаев, он же разыгрывал свои разнообразные роли в строгом молчании»

23-летний студент Кузнецов. Он всеми силами старался служить «народу», в лице его представителей Нечаева и Николаева. Но в атмосфере нечаевщины служить народу оказывалось непросто.

Той окрыляющей радости, которая естественно должна наполнять человека, отдающего свои силы для блага людей, Кузнецов не испытывал. Как-то совершенно незаметно для себя он погружался в вязкое болото лжи и мистификаций.

Когда организация получила приказание собирать деньги с сочувствующих, Кузнецову, поскольку он был сын богатых купцов, было поручено делать сборы с купечества. Поручение по тем временам нелепое вообще, а по отношению к Кузнецову - в особенности. «Московских купцов он вовсе не знал, но желание угодить и не обмануть ожиданий было так сильно, что он вносил несколько раз по 200-300 р. собственных, присланных родными денег и записывал их как собранные с купечества». (Нечаев, конечно, догадывался обо всем этом, но уличать Кузнецова не стремился: главное - деньги достает, ну и хорошо, пусть хоть ворует; человек Нечаева не интересовал: срывай с каждого столько, сколько на сегодняшний день можешь сорвать). А Кузнецов все больше и больше запутывался: «по внешности он казался страшно занятым, возбужденным, деятельным; в сущности же своей исполнительностью он навлек на себя массу дел и поручений (которые, добавим, нередко не имели ничего общего с реальными возможностями): переговорить с тем-то, достать то-то, привлечь того-то, и не был в состоянии выполнить их, но по слабости характера он не решался отказываться и, стараясь выкручиваться из затруднений ложными отчетами, путался все более». Кузнецов терял свой нравственный облик.

Успенский. Человек *высокоинтеллигентный*, талантливый. В отличие от Кузнецова, Успенский обладал достаточно твердым и решительным характером, был человеком весьма широких знаний и, конечно, Нечаева он оценивал более реалистически, чем другие. Успенский видел его недостатки, видел его хитрости, но сознательно закрывал на них глаза. Он вполне понимал, что в России немыслима никакая легальная работа на пользу масс, и в то время «по собственной инициативе... едва ли он скоро сделался бы заговорщиком: в его

натуре не было элементов практического деятеля», у него не было ни знания людей, ни изворотливости. Нечаев был практик, это Успенский в тот момент поставил выше всего и «в интересах дела» подчинился ему. Этим он, так сказать, освятил нечаевскую деятельность и тем самым оказал Нечаеву неоценимую услугу по одурачиванию (или, вернее сказать, по идейному закабалению) многих молодых нечаевцев, для которых мнение такого образованного человека, как Успенский, значило очень много.

И, наконец, Иванов, 22-летний студент.

Как ни гони природу в дверь, она войдет через окно. Как ни пытайся посадить на цепь мысль человеческую, как ни пытайся подавить ее угрозами или хитростью, - ничего не выйдет. Идеи могут быть побеждены только идеями.

Вот что говорилось в нечаевском документе: «Общие правила сети для отделений»: «Все количество лиц, организованных по «Общим правилам», употребляется как средство или орудие для выполнения предприятий и достижения целей общества. Поэтому во всяком деле, приводимом отделением в исполнение, существенный план этого дела должен быть известен только отделению; приводящие его в исполнение люди отнюдь не должны знать сущность, а только те подробности, те части дела, которые выполнять выпало на их долю. Для возбуждения же энергии необходимо объяснять им сущность дела в превратном виде». И дальше: «План, предложенный со стороны Комитета, выполняется немедленно».

И вдруг выясняется, что один человек из руководящей пятерки не хочет быть больше «средством или орудием» неведомых ему целей, не соглашается объяснять кому бы то ни было из товарищей «сущность дела в превратном виде» и отказывается выполнять дурацкие приказания таинственного Комитета, которые вредят студенческому движению, человек, который подозревает также, что и Комитета-то никакого не существует, а существует лишь дурачащий их маленький Наполеон из народа - Нечаев. Этим человеком был один из любимцев студентов Петровской академии Иванов.

Иванов с самого начала стремился сознательно служить революционному делу, сознательно, а не механически выполнять поручаемое ему. А сознательно - значит, он должен принять участие в выработке того или другого решения, а не получать готовый приказ; значит, он должен иметь право критики тех или других действий, право сомнения, короче, он должен иметь право голоса, к которому прислушиваются и который уважают.

И с самого начала этому стремлению Нечаев противопоставил административный окрик и угрозу. Такой метод «руководства» имел успех лишь первое время, пока критическая мысль была еще слаба и, так сказать, не стояла еще на собственных ногах. Но она росла и развивалась. И в один прекрасный (вернее трагический) момент Нечаев почувствовал: всё, угрозы не действуют. И тогда он без всяких колебаний решает убить мысль, убить Иванова.

Немедленно фабрикуется соответствующий приказ Комитета. Любопытно, как отнеслись к этому «смертному приговору» упомянутые нами члены руководящей пятерки.

Ну, с Николаевым, с этим «крестьянским сыном», с этим любящим и преданным рабом - все ясно. Он думает так, как думает его бог - Нечаев. Раз бог говорит, что Иванов враг, значит - враг и дело с концом. «Николаеву, - пишет Засулич, -...было заявлено, что Иванов не повинуется Комитету и будет убит. А ты ступай в академию и посмотри, там ли он, - добавил Нечаев. Не задавая никаких вопросов, не выказывая ни малейшего недоумения, Николаев оделся и вышел».

Успенского Нечаев «обработал» так, что тот только рот разинул. Нечаев, зная эту «богато одаренную», «последовательно теоретическую» натуру Успенского, зная его любимый способ решать спорные практические вопросы сперва в теории, в принципе и затем уже не отступать перед принятым решением на практике, как бы тяжело оно ни было, зная это, Нечаев задал Успенскому теоретический вопрос: обязательно ли для Общества устранять всеми зависящими от него способами являющиеся :на пути препятствия? И получив, естественно, утвердительный ответ, Нечаев показал, что Иванов составляет препятствие (при этом Нечаев без всяких церемоний, без всяких документов и фактов, высказался в том смысле, что выйдя из организации и ставши к ней во враждебное положение, Иванов может кончить доносом). Правда, когда речь коснулась смертной казни (или попросту - убийства), поколебался даже такой последовательный человек), как Успенский; «Но какое же имеем мы право лишать человека жизни?» - спросил он. «Это вы о подсудности, что ли? - возразил Нечаев.- Тут дело не в праве, а в нашей обязанности устранять все, что вредит делу, - иных же способов сделать Иванова безвредным мы не имеем».

На этот «теоретический довод» Успенский сдался. (Хотя мы склонны думать, что все эти теоретические построения - лишь жалкая и, может быть, неосознанная попытка успокоить совесть и сохранить уважение к себе; на самом деле Успенский был раздавлен не

теоретическими доводами, а удушающей атмосферой нечаевщины; он самообманывался, если бы думал иначе).

И - третий, потерявший себя и совершенно растерявшийся Кузнецов; для него «Иванов был старым товарищем, почти другом, с которым он прожил много лет». Как же повел себя Кузнецов, когда узнал, что его друг совершенно необоснованно обвиняется в потенциальном предательстве и что над ним уже занесена рука убийцы?

Вот как. Сначала он «принялся уверять, что Иванова всегда можно уговорить, что он берется его успокоить». Потом он с общего вопроса перешел к частному: «убийство невыполнимо, оно не может удалиться». Наконец, Нечаеву надоело слушать этот жалкий лепет и он «грозно спросил: «Не думает ли он сопротивляться Комитету?» - Кузнецов замолчал».

Вот и все. Остается только добавить, что Иванов был убит. «Потенциального предателя» заманили в грот в парке Петровско-Разумовского, ему сказали, что там спрятана типография, которую надо отрыть. «Потенциальный предатель», услышав о действительном деле, немедленно согласился отправиться в грот, но его ждала там пуля Нечаева. Этим, собственно, и кончается «деятельность» нечаевского общества «Народная расправа». Вскоре большинство ее членов были арестованы, а Нечаев скрылся за границу.

Каковы же объективные результаты всей этой деятельности нечаевского общества для революционного процесса? Какое влияние оказала она на революционную молодежь начала 70-х годов? Мы уже говорили, как печально сказалась атмосфера нечаевщины на самих членах общества. И это особенно было заметно на процессе. «Внезапно явившееся вместе с арестом сознание, – писала Засулич, – что ни Комитета, ни близости народного восстания, ни обширной организации – ничего этого не существует, а были только они одни, обманутые студенты, заговорщики по ошибке, действовало на арестованных подавляющим образом. То возбужденное, поднятое настроение, в которое они были искусственно приведены, мгновенно опало, и юноши очутились ниже, чем были до своего соприкосновения с призраком революции. Немногие из членов организации оправились потом, к немногим возвратилась прежняя бодрость и жажда дела».

А вот и более широкая оценка, данная Верой Ивановной Засулич: «Несмотря на всю свою революционную энергию, Нечаевы не усилили бы революционных элементов среди нашей интеллигентной молодежи, ни на шаг не ускорили бы ход движения, а могли бы, наоборот, деморализовать его и отодвинуть назад, особенно в ту ран-

нюю пору. Система «не убеждать, а сплачивать» и обманом толкать на дело, вела, конечно, «к бесследной гибели большинства», но ни в коем случае не «к настоящей революционной выработке...».

Но давайте задумаемся: является ли нечаевщина случайным явлением для революционного движения в России? Большинство отечественных историков в один голос заявляет, что для русского революционного движения нечаевщина - явление случайное.

Вот об этом мы и хотим порассуждать. Ну, во-первых, что обычно вкладывают в понятие «нечаевщины»? Заговорщическая деятельность, основанная на строгой централизации (деспотии центра), марионеточном послушании низших, на мистификации, обмане и вероломстве. Сюда же надо добавить еще одну весьма существенную черту, верно подмеченную Засулич: это - «жгучая ненависть, и не против правительства только, не против учреждений, не против одних эксплуататоров народа, а против всего общества, всех, образованных слоев...». Случайна ли была идея тайного заговора в России в конце 60-х годов XIX в. (т. е. коренилась ли она в объективных условиях российской жизни или только в голове фанатичного Нечаева)?

Вообще революционная деятельность в виде заговоров возникает там, где не сложился, не созрел класс, которому предстоит освободить все общество. «Всем знакома склонность романских народов к заговорам,- писали Маркс и Энгельс, - а также роль, которую играли заговоры в современной истории Испании, Италии и Франции», т. е. в странах со слабо развитым пролетариатом и преобладанием мелкой буржуазии. Маркс и Энгельс отмечали также, что, например, во Франции «по мере того как парижский пролетариат сам стал выдвигаться вперед в качестве партии, эти заговорщики начали терять руководящее влияние, среди них начался распад...».

Заговор - это политическое выражение революционности мелкого буржуа (так же как массовая пролетарская партия есть политическое выражение революционности рабочего класса). Почему же интересы мелкой буржуазии имеют тенденцию принимать форму заговора? Ответ на этот вопрос дан Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта».

«Мелкие крестьяне (Parzellenbauern) составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Эта изолированность еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бед-

ности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает при обработке никакого разделения труда, никакого применения, науки, а, следовательно, и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень - департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля образует мешок картофеля. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, они образуют класс. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, - они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, стоящим над ними авторитетом, в виде неограниченной правительственной власти, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние мелкого крестьянства в последнем счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество».

Могут сказать, все это хорошо, но причем здесь тайные заговоры? Ведь Маркс говорит о правительстве. А при том, что люди, пришедшие к власти, прежде чем стать членами правительства в таких странах, должны были быть заговорщиками. И именно в среде заговорщиков складываются и вырабатываются те принципы руководства и управления, которые будут применены на другой день после революции. «Прообразом будущего общества» называли бакунистские заговорщики свою тайную организацию - Альянс. И этот «прообраз» достаточно полно проявил себя. «Бонапартистами» называли Маркс и Энгельс бакунистских заговорщиков, а сам Бакунин получил от них «звание» лейб-гвардии диктатора.

Итак, заговор, повторяем, – средство революционной борьбы, порождаемое мелкобуржуазной стихией, средство, получающее значительное распространение в условиях отсутствия рабочего движения. Именно такова и была обстановка в России в конце 60-х годов XIX в.

Вот почему можно решительно утверждать, что заговорщическая деятельность имела корни в объективной действительности, и потому случайной ее назвать никак нельзя. Разумеется, она была не единственной формой мелкого производителя против гнетущих жизненных условий. Мелкий производитель – слишком противоречивое явление, в нем развиваются слишком противоречивые тенденции; чтобы иметь однозначный выход – лишь в форме заговора; его протест может принимать и принимал и другие формы, соответствующие другим сторонам его общественного бытия.

А раз мы признаем неслучайной заговорщическую деятельность, то надо быть последовательными и не признавать случайными атрибуты этой деятельности, в число которых, между прочим, входят и мистификация, и вероломство, и ненависть к науке и «образованным людям» вообще и проч. и проч. Ибо эти атрибуты – опять-таки не случайны для заговора, а вытекают из его сути.

В чем же заключается эта суть, почему мелкий буржуа прибегает к заговору? Потому, что законы объективного развития – против него. А объективные законы реализуются через деятельность общества, через деятельность массовых сил общества.

Поэтому и реальные массовые силы (поскольку они знают законы развития, тенденции процесса и свою роль в нем) враждебны мелкому буржуа. Поэтому он (мелкий буржуа) против просвещения, против науки. Для того чтобы остановить общественное развитие или хотя бы направить его в выгодную для себя сторону, мелкий буржуа не имеет за собой реальных общественных сил. Поэтому он хватается за любую соломинку: ему ничего не остается, как надеяться на чудо. И это чудо пытаются осуществить через заговор, через бонапартистские приемы и методы деятельности. Заговорщики – «алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков. Они увлекаются изобретениями, которые должны сотворить революционные чудеса: зажигательными бомбами, разрушительными машинами магического действия, мятежами, которые должны действовать тем чудотворнее и поразительнее, чем меньше имеется для них разумных оснований. Занятые сочинением подобных проектов, они преследуют только одну ближайшую цель – низвержение существ-

вующего правительства, и глубочайшим образом презирают просвещение рабочих относительно их классовых интересов, просвещение, носящее более теоретический характер. Этим объясняется их не пролетарская, а чисто плебейская неприязнь к *habits noirs*, более или менее образованным людям, представляющим эту сторону движения...» (Последние слова почти полностью повторяют то, что, как мы помним, говорила Засулич об отношении Нечаева к интеллигенции).

А вот откуда вероломство и взаимный шпионаж заговорщиков (то, что мы называем теперь нечаевщиной): «Заговорщики находят-ся в постоянном соприкосновении с полицией, они ежеминутно приходят в столкновение с ней; они охотятся за шпиками, так же как шпики охотятся за ними. Шпионство - одно из их главных занятий. Поэтому неудивительно, что небольшой скачок от заговорщика по профессии к платному полицейскому агенту совершается так часто, если к этому еще толкают нищета и тюремное заключение, угрозы и посулы. Этим объясняется безграничная подозрительность, которая царит в заговорщических обществах, совершенно ослепляет их членов и заставляет их видеть в своих лучших людях шпииков, а в действительных шпииках своих самых надежных людей».

Так что если бы заговорщическая деятельность Нечаева была единственной на святой Руси, если бы у него не было предшественников и вольных. или невольных последователей, то и тогда мы имели бы полное право отрицать случайность нечаевщины в русском освободительном движении. Но мы обязаны это сделать тем более, что у Нечаева были и предшественники и последователи. Это - автор «Молодой России» П. Г. Зайчневский, это П. Н. Ткачев, это (в какой-то мере) народовольцы и, наконец, эсеры (Б. Савинков и др.) - целая линия в истории русского революционного движения. Идею родство нечаевщины и взглядов названных «революционеров» нетрудно доказать документально, да это в той или иной форме признается и многими историками.

Л. Г. Дейч, например, пишет о «предпринятой его (Нечаева) единомышленниками- Зайчневским и Ткачевым - в середине 70-х годов» «проповеди макиавеллизма», он говорит, что «народовольцы стали очень снисходительно относиться к якобинским воззрениям; этим, несомненно, объясняется то огромное значение, какое они придали Нечаеву, поставив рядом с царевубийством план его освобождения». Сходные взгляды высказывает Б. П. Козьмин в статьях о Зайчневском и Ткачеве. Точно устанавливает это родство Плеханов: «...литературная деятельность «партии Народной Воли» сводится к

повторению на разные лады ткачевских учений». А связь ткачевских учений с нечаевщиной для Плеханова несомненна: он отмечал, что именно ткачевский «Набат» занимался пропагандой террора и возвеличением нечаевского заговора.

Таким образом, можно сказать, что заговорщическая деятельность (в том числе и один из ее видов - нечаевщина) есть одно из политических выражений революционности мелкого буржуа. Эта деятельность не имеет ничего общего с социализмом, и по сравнению с деятельностью социалистической – *реакционна*.

Якобинство, хотя и не усвоенное и не испытанное по-настоящему на практике, серьезно подорвало свой кредит. Однако в то время низвергнутым и разбитым оно не было. Оно было, так сказать, отложено в сторону. Оно нуждалось еще в настоящей проверке. А пока революционная деятельность молодежи приняла другое направление, тесно связанное с якобинством (связанное через полное противопоставление ему; это был «антитезис») - направление «пропагандизма». Итак, отталкивание от заговорщичества, от якобинства вполне понятно. Но почему новое направление выбрало своим знаменем именно пропагандизм?

Собственно, к пропаганде молодежь готовилась давно. Этому учили ее Герцен, Огарев и, в особенности, Добролюбов и Чернышевский. Да и деятельность нечаевцев была синтезом двух стремлений - пропагандистского и заговорщического (вспомним, что Лунин, Иванов и другие студентов хотели странствовать артелью). Но заговор временно взял верх над пропагандой. И вот теперь пропаганда стала номером первым на повестке дня. Пропагандисты (кружок чайковцев и др.) имеют ту же социальную базу и то же объективное содержание, что и якобинцы - выражение мелкобуржуазной революционности. Но есть, нам думается, существенное отличие. «Якобинцы» - это политическое выражение интересов мелкого производителя как собственника, пропагандисты - как трудящегося.

Разъясним это. Каковы могут быть интересы мелкого собственника, человека, владеющего какими-то средствами производства? Во-первых, он чужд всем, он один против всех, он отделяет себя от всех, ему все - враги. Стало быть, общество, рассматриваемое с точки зрения мелкого производителя как собственника, - это общество врагов: каждый противостоит всем и каждому. Для того чтобы сохранить такое свое положение собственника, чтобы каждый не пожрал каждого, это «общество врагов» нуждается в правящей силе, которая бы не служила ни одному из них (т. е. не усиливала бы ни одного из

них), для которой каждый из них был бы безразличен (ибо только тогда, согласно убеждениям собственника, возможна справедливость). Они нуждаются в силе, стоящей над ними и чуждой им.

Заговор и следующее за ним бонапартистское правительство как раз и являются такой силой, поэтому они (собственники) и отдают им свои симпатии. (Могут сказать, что это бонапартистское правительство будет потом гнуть их в бараний рог; но во-первых; будет гнуть, по их убеждению, всех одинаково, а во-вторых... а, во-вторых – если бы мелкий производитель умел так далеко заглядывать вперед...)

Так в теории. И это хорошо понимал даже Ткачев – он говорил именно так: заговор нужен потому, что мужик не соединен с мужиком, потому, что община противостоит общине и т. д., потому, что каждый – против каждого. И еще Ткачев говорил, что ткачевское (читай, бонапартистское) правительство нужно потому, что крестьянин – собственник.

Иное дело – мелкий производитель как труженик. Труд составляет основу для единства мелких производителей. Так они противостоят крупным собственникам. Собственность – это то, что их разъединяет, труд – это то, что их соединяет, что роднит их с пролетариатом и делает более других классов восприимчивыми к социалистическим идеям (ибо в основе социалистического принципа, как известно, лежит правило: жить своим трудом). И вот это стремление мелкого производителя, крестьянина-труженика к единению, к справедливому, свободному и равноправному труду и было объективной основой распространения социалистических взглядов среди интеллигенции, было основой деятельности пропагандистов. Но здесь было и предрешение того, что эта деятельность не удастся, потому что нет отдельно крестьянина-собственника и крестьянина-труженика. А есть один крестьянин – он и собственник, он и труженик; как собственник – стремится к капитализму, как труженик – к социализму, не будучи в состоянии принимать по-настоящему, близко ни то, ни другое.

Итак, отказ от нечаевщины вызван был отвращением к методам Нечаева, а главное – ее безрезультатностью. Нечаевщина обусловила (в определенном смысле) и формы новой революционной деятельности, которые рождались как антиподы нечаевщины.

Главным уроком, извлеченным из нечаевщины, было осознание (или скорее ощущение) того, что революционная деятельность без народа бесплодна. После нечаевщины лозунг «В народ!» приобрел

много новых сторонников, стал основным лозунгом революционной молодежи. Однако содержание этого лозунга разными людьми раскрывалось по-разному, а вернее, - ясного представления о будущей деятельности в народе не имел никто. Велись бесконечные споры, шли приготовления – каждый молодец готовился действовать на свой образец.

В разгар этих споров и приготовлений (т. е. в 1873 г.) и появились в заграничных изданиях бакунистские и лавристские программы, бакунистское и лавристское понимание лозунга «В народ!». Это уже были не «взгляды и нечто», не юношеские спутанные мечтания, а тщательно и всесторонне разработанные платформы, которые вполне годились к тому, чтобы стать основой для размежевания инакомыслящих и для более тесного идейного сплочения единомышленников. Это был материал для выбора пути. Однако в 1873-1874 гг. четкого разделения молодежи на бакунистов и лавристов не произошло. Да мало кто и видел существенное различие двух программ: нужен был опыт, чтобы почувствовать их принципиальную разницу.

К моменту начала массового движения в народ (т. е. к весне 1874 г.) молодежь теоретически примкнула к Бакунину «всею своею массою», - пишет О. В. Аптекман. С одной стороны, сказался бакунистский призыв к немедленному действию, с другой - статья в первом номере журнала «Вперед» о необходимости «бесконечного учения» в университетах. «Но, - продолжает О. В. Аптекман, - пропагандистская волна ... перетасовала там, в народе, все направления, уничтожив практически все различия и оттенки революционных фракций: революционеры, словно сговорившись, делали в народе одно дело – пропагандировали идеи социализма. И вышло, что все были тогда пропагандистами: и «бунтари» и «лавровисты».

Итак, на практике, «все были тогда пропагандистами», пропагандистами социализма в крестьянской среде, т. е. лавристами. Это свидетельство мемуариста подтверждается многочисленными воспоминаниями других участников «хождения в народ», материалами судебных дел, признается многими исследователями. Хождение в народ 1874—1875 гг. — это было испытание на практике идеи лавризма, это была попытка внесения социалистического (или почти социалистического) сознания в крестьянские массы.

Каковы же итоги этой практики, каков результат этой попытки? Оказалось, что мужик не восприимчив к социалистическим идеям. Воспоминания пропагандистов полны комическими и печальными примерами того, как встречали крестьяне их проповеди. «Если не

считать единичных, успешных случаев пропаганды,— подбивает итоги О. В. Аптекман,— то в общем результат ее, пропаганды, в народе почти неуловим». Иллюзии рассеивались. «Тяжелый опыт нескольких лет не мог не убедить всякого трезвого человека в том, что ... социализм западный совершенно отскакивает от русской массы, как горох от стены»,— писал С.М. Кравчинский.

Вот как Лавров описывает то состояние подавленности, охватившее пропагандистов (он обобщает содержание писем, приходивших во «Вперед» в тот период): «Пропаганда партии, расширяющая и укрепляющая партию, бессмысленна. Но это — единственное дело социально-революционной партии, по мнению автора. Если оно невозможно, вредно и бессмысленно, то у партии нет никакого дела, сама партия не имеет смысла, само социальное революционное дело невозможно». И значит, остается, — как писали авторы подобных писем, «сложить руки», «ждать спасителей из-за границы» или ... «пустить себе пулю в лоб». «Пулю в лоб». И это не было фразой. Эти письма писались кровью сердца. Некоторые выдающиеся пропагандисты покончили с собой. И покончили не в тюрьме, не в страшных условиях каторги (хотя были и такие), но на воле. Их раздавила большая духовная драма.

Были и те, кто «сложил руки» и «стал ждать». Но чего ждать — они толком не знали, а потому отчасти теоретизировали, отчасти трудились, так сказать, на ниве мирного прогресса. Это так называемые поздние лавристы. Они были живым воплощением краха лавризма: действительность и их теории потеряли всякие точки соприкосновения. И потому сами себя они называли «недеятельными» в отличие от «современных деятельных протестантов» (т. е. народовольцев и чернопередельцев). И вот в конце 1879 г. последний аккорд: по сведениям известного представителя лавристского течения Кулябко-Корецкого, петербургский кружок лавристов был даже самими членами признан формально закрытым. Лавризм приказал долго жить. (При этом в скобках надо заметить, сам Лавров решительно расходился с поздними лавристами, ибо Лавров — шире, чем лавризм, ибо Лавров к 1877—1878 гг. сам перестал быть лавристом, или, по крайней мере, чистокровным лавристом. Известно, что в конце 1876 г. на съезде лавристов в Париже Лавров разошелся со своими последователями, которые выступали против усиления боевой активности. Лавров же был сторонником действий и действий решительных, что и привело его впоследствии в «Народную волю».)

Но не для всех революционеров крах лавризма оказался личным

крахом. Александр Квятковский, например, признавая «весь неуспех» пропаганды, говорил о «важности отрицательного значения этого движения», которое, по его словам, дало богатый материал опытов и наблюдений взамен «довольно смутного» прежде представления о народе, о мужике.

Революционеры стали изучать опыт и увидели, что они, инстинктивно тянувшиеся к бакунизму, который призывал ничего не навязывать народу извне, который говорил о необходимости агитировать на почве насущных интересов крестьянства, а не на почве абстрактных социалистических идеалов, они, повторяю, увидели, что на деле они были именно пропагандистами лавристского толка; теперь они поняли принципиальную разницу двух этих учений. Наступало время практического испытания бакунистских идей. «Когда пропаганда,— писал О. В. Аптекман,— завершила полный цикл своего развития, молодежь, в критической оценке своей пропагандистской деятельности, вернулась к исходному ее пункту — к бакунизму, возродившемуся в форме «революционного народничества» с лозунгом «Земля и Воля».

«Надобно начать с другого конца. Надобно дать Сысою (т. е. крестьянину - Г.В.) то, что он требует»,— так стали думать революционеры. И вместо пропаганды, по словам В. И. Засулич, поверили в возможность поднять народ посредством агитации на почве уже имеющихся у него желаний и чаяний.

Так революционная интеллигенция спускалась с неба на грешную землю. И как бы «грешна» ни была земля, только она дает человеку действительную силу, только на ней его планы могут стать реальностью.

Теряло кредит лавристское субъективно-идеалистическое представление о том, что мнения правят миром, что сознание по своему усмотрению творит бытие. Жизнь, практика толкала революционеров к большому уважению логики реальной жизни. И переход в практической деятельности от лавризма к бакунизму был важным шагом на этом пути.

Бакунин не имел ясного представления о диалектике общественного сознания и общественного бытия, о соотношении революционной теории и классовой борьбы. Но бакунизм требовал считаться с действительностью, говорил об объективных законах истории, обращал внимание в особенности на экономическое бытие людей. Бакунизм преобразовал не только содержание революционной деятельности, но и ее форму. Он поставил на практическую почву во-

прос о революционной организации.

Пропагандисты (лавристы) были отчаянными врагами строгой организованности, централизма, «генеральства», они хотели, чтобы ничто не напоминало о кошмарах нечаевского заговора. И потому ударились в другую крайность. Но жизнь сглаживает, нивелирует симпатии, она порождает крайности и уничтожает их, создавая синтез. Закономерность прокладывает себе дорогу. Жизнь, насущные интересы движения требовали сплоченности революционных сил, координации их действий, т. е. требовали *организации*.

Отрицая в теории необходимость организации, пишет Е. А. Серебряков, пропагандисты на практике «оказались связанными друг с другом, во многих случаях даже не подозревая этого», ведь им надо было «вести сношения в виду того или другого содействия, или для получения того или другого сведения». А это, вследствие отсутствия, объединяющего центра, влекло за собой обширную переписку, встречи массы посредников и т. п. «Получилась какая-то странная организация, при которой каждый делает, что хочет, но его ошибки и промахи отзываются на всех».

Таким образом, практика революционной борьбы требовала изменения деятельности интеллигенции в народе не только по содержанию, но и по форме. «Все мои помыслы,— писал в автобиографии один из руководителей «Земли и воли» Александр Михайлов,— были сосредоточены на расширении практической выработки и развитии организации. В характерах, привычках и нравах самых видных деятелей нашего общества было много явно губительного и вредного для роста тайного общества; но недостаток ежеминутной осмотрительности, рассеянность, а иногда и просто недостаток воли и сознательности мешали переделке, перевоспитанию характеров членов соответственно организации мысли. И вот я и Оболяшин начали самую упорную борьбу против широкой русской природы... Сколько выпало на нашу долю неприятностей, иногда даже насмешек! Но все-таки, в конце концов, сама практика заставила признать громадную важность для дела наших указаний, казавшихся иногда мелкими. Мы так же упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и некоторой централизованности. Это теперь всеми признанные истины, но , тогда за это в своем же кружке могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала нас — эти принципы восторжествовали».

Так произошло отрицание отрицания — идея строгой организа-

ции и централизма, нашедшая отражение (хотя и уродливое) в деятельности нечаевцев и отвергнутая чайковцами, вновь возвращалась к жизни. Но она возвратилась к жизни обогащенная и преобразованная опытом массового хождения в народ в 1874—1875 гг., и потому по своей реальной наполненности это была *новая идея*. Если организация нечаевцев была узкой организацией *сoup d'état*, то созданное бунтарями «Общество «Земля и воля» — по справедливому замечанию Е. А. Серебрякова, — имело целью объединить все революционные элементы в одну партию и двинуть их на работу в народных массах».

Организацию, созданную землевольцами, последующие поколения революционеров (например, русские социал-демократы) считали образцом «боевой централизованной организации».

Организация имела программу и устав. В программе были зафиксированы изменения, происшедшие в мировоззрении революционной интеллигенции под влиянием опыта пропагандистской деятельности. «...Мы суживаем наши требования,— говорится в программе,— до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту». И главными среди этих требований были анархистские требования «перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения» и организации «полного мирского самоуправления».

Главным средством для достижения этих целей считалась агитация словом и в особенности делом (организация стачек, демонстраций, бунтов, протестов против произвола местных властей). Такого рода агитация заставила революционеров решительно пересмотреть применявшиеся ранее пропагандистские формы деятельности — когда революционные проповедники только проходили по деревням или, по выражению А. Д. Михайлова, «только проходили через народ» (этим, кстати, нередко объяснялось, почему народ с недоверием слушал их речи). Решено было, что называется, по-настоящему слиться с народом, завоевать его полное доверие. «Главная первоначальная задача народника,— писал А. А. Квятковский,— это приобретение уважения, доверия народа, а следовательно, и влияния на него». Этому, по замыслу землевольцев, должны были послужить длительные и прочные «поселения» революционеров в народе.

Начинался (1876 г.) новый фазис борьбы революционного народничества: на суд практики «выносились» бакунистские идеи. И через пять лет им был вынесен «приговор», не подлежащий обжалованию. Правда, частичное определение по «делу» состоялось еще в 1879 г. К нему и обратимся.

В 1879 г. «Земля и воля» раскололась на две организации: «Народную волю» и «Черный передел». Дали трещину бакунистские идеи! Значительная группа землевольцев в результате трехлетней практики пришла к убеждению, что в условиях царского деспотизма и произвола эффективная агитация в массе (даже на почве ее интересов) невозможна. Агитаторы попадают в тюрьмы раньше, чем успевают получить реальные результаты своей деятельности. И вот, по мнению этой группы (впоследствии народовольцев), «для партии абсолютно необходимо изменить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произвол, уничтожить это нахальное вмешательство в народную жизнь и создать такой государственный строй, при котором деятельность в народе не была бы наполнением бездонных бочек Данаид».

Итак, «обуздать правительственный произвол», добиться демократических свобод, расширения прав - для того, чтобы иметь возможность более или менее открыто агитировать в народе, более или менее открыто спланировать революционные силы. Но попробуй добиться расширения прав, когда за тобой нет массовой силы!

Получается заколдованный круг: чтобы стать силой — нужны права, а права можно взять, только когда будешь силой. Такого рода «заколдованные круги» — очень распространенное явление в истории. Поэтому весьма любопытно, как пытались его разорвать народники и какой урок можно извлечь из этих попыток.

Народовольцы попытались разорвать его волевым усилием горстки революционеров. Противоречие, сложившееся под действием объективных причин, имеющих глубокое основание в экономическом быте России, они захотели устранить посредством своей личной активности. Они решили один на один сразиться с абсолютизмом и вырвать права. И они всерьез рассчитывали на успех - правительство, государственный аппарат казались им изолированными от общества, противостоящими всему обществу в целом и не имеющими никаких глубоких корней в борьбе экономических интересов России. А раз правительство изолировано, разве оно сможет устоять против героев «Народной воли», пусть даже изолированных и от общества и от народа, но зато полных беззаветной решимости идти до конца? Старые

ткачевские заблуждения, высмеянные в свое время Энгельсом! Но «заблуждениями» они были для Энгельса, но не для народовольцев: для народовольцев эти взгляды были *убеждениями*, и этим убеждениям предстояло пройти проверку практикой. Так пришло время практической проверки и *ткачевских* идей.

* * *

То, что было в зародыше в деятельности Нечаева и Ткачева — *политическая* борьба против самодержавия — получило развитие и стало главным в практике «Народной воли». «Социальная революция — как конечная цель наша и политическая — как единственное средство для достижения этой цели», — так писали еще в конце 60-х годов Нечаев и Ткачев, авторы «Программы революционных действий». «Мы должны поставить своей ближайшей задачей снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот» — а так писали народовольцы в своей «Программе Исполнительного комитета».

Но в какую форму могла вылиться политическая борьба людей с народовольческим мировоззрением? Каким образом можно было запугать правительство?

На широкие массовые движения народовольцы не рассчитывали. Оставался террор как средство запугать, деморализовать правительства и, тайный заговор, как орудие захвата власти. Вот как об этом говорилось в народовольческой программе: «Деятельность разрушительная и террористическая. Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех и, наконец, формировать годные к бою силы». «Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра». «Организация и совершение переворота. В виду придушенности народа, в виду того что правительство частными усмирениями может очень долго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее».

Таковы основополагающие пункты программы народовольцев. Правда, в ней упоминалось и о необходимости агитационной и пропагандистской деятельности, но это было больше для успокоения своей совести—на практике «Народная воля» этим почти не занималась, ибо не было для этого ни сил ни условий, да и не для того, чтобы заниматься агитацией, вышли народовольцы из землевольческой организации. Все силы сосредоточились на террористической деятельности.

А террористическая деятельность в общем-то никого не запугала: место убитого негодяя занимал другой (часто — еще больший) негодяй. И даже убийство царя 1 марта 1881 г. оказалось, с точки зрения изменения политического строя России, не больше, чем прибавлением одной палочки к имени Александра — вместо Александра II стал Александр III, вот и все.

В то же время каждый террористический акт влек за собой аресты и гибель лучших, выдающихся революционеров. И конец Александра II был по существу концом и партии «Народная воля». И не столько потому, что были арестованы почти все руководители Исполнительного комитета, сколько потому, что революционная интеллигенция начала понимать: из-за одной палочки, приставленной к царскому имени, не стоит губить десятки и сотни революционеров, надежду России. Да и устранение одного человека, стоящего наверху властной лестницы, не ведет к изменению общественных отношений в стране.

Таким образом, народовольцам не удалось разорвать тот заколдованный круг, они только, так сказать, слегка надорвали его — заявив во весь голос о необходимости политической борьбы. Призыв к политической борьбе был крупным шагом вперед в практике революционного движения 70-х годов. Однако борьба за политические права приобрела, увы, индивидуально-террористическую форму. В этом отношении народовольцы сделали шаг назад от «Земли и воли» с ее традицией опоры на массы, на народ, с ее стремлением формировать новую социальную культуру в обществе. Такова уж диалектика жизни стихийно развивающегося общества: шаги вперед сопровождаются нередко шагами назад, приобретения сопровождаются потерями.

Теперь посмотрим, как из заколдованного круга «право — сила» выходила другая группа землевольцев — те, кто был не согласен с политическим направлением деятельности «Народной воли», с ее тактикой терроризма, те, кто после раскола образовал партию «Черный передел»?

Правда, слово «выходила» к этой группе не подходит. Поэтому, если смотреть, так смотреть, как *вращалась* эта группа внутри заколдованного круга.

«Чернопеределыцы» остались на традиционной народнической (землевольтческой) точке зрения. «Утверждение террористов, что масса инертна,— писал чернопеределец О. В. Аптекман,— приводило народников в ярость. Никто из нас не в состоянии был отразить это мнение дельными аргументами, или фактами из народной жизни, а ограничивались лишь общими пустопорожными местами». Довольно резкую самокритику «навел» Осип Васильевич! Но и весьма справедливую.

Да, было много пустопорожных фраз, а реальных успехов не было. Агитация в крестьянстве в общем оставалась бесплодной. Куда же им теперь? В трагическом положении очутились «деревенщички»: путь «Народной воли» (заговорщические организации без народа) решительно отвергался ими; «для народа и только через народ» — они оставались верны этому лозунгу, они инстинктивно ощущали, что только в последнем случае возможен подлинный социализм, но что-то не получалось у них ничего с этим «народом». Правда, сдаваться они не спешили; и хотя почва ощутимо уходила из-под ног, они все еще верили, что дело «пойдет». Они верили, потому что не знали причин, почему не «идет» дело. Но вера эта не была столь горячей, как прежде, она была верой рассудка, а не верой сердца, она не давала бодрости и энтузиазма.

«Деревенщички» объединились в «Черный передел». Они продолжали, так сказать, по инерции изрекать, по выражению О. В. Аптекмана, «общие места», носиться с общиной и «народными идеалами», но дела, живого дела у них не было. «Убежденные деревенщички» проповедовали деятельность в народе... и сидели в городах. Даже те немногие, что были в деревнях, снимались с места и возвращались в город.

Трагично было положение деревенщичков, сидящих в городе, теряющих всякие связи с деревней, с почвой, на которой они выросли. Это ясно понимали и сами чернопеределыцы. Тот же О. В. Аптекман писал об этом времени: «Деревня ушла от нас — и, по-видимому, бесповоротно и надолго. Что же теперь? Что же мы, «чернопеределыцы»-народники, значили без работы в деревне, в народе?». И дальше — страшные, беспощадно правдивые слова: «Мрачное отчаяние овладело мною. Мрачна была моя душа, мрачно и черно было все кругом. Меня страшило наше банкротство, которое — я это ощущал то-

Часть 2

Развитие революционных идей в России

гда всеми наболевшими струнами моей души — вот- вот уже надвигается на нас неотвратно. Я чувствовал, что под моими ногами колеблется почва, пропасть разверзается, готова проглотить меня, моих товарищей — чернопередельцев, наше народничество, со всеми его гордыми помыслами и высокими стремлениями... Ни тюрьма, ни ссылка — ни каторга — даже и смерть не страшна была! Со всем этим мы с давних пор свыклись. Меня, повторяю, страшило наше банкротство, идейное и тактическое».

Ужасен каменный гроб одиночной камеры, ужасны пытки III отделения, кошмарна жизнь на каторге, но для мыслящего человека (тем более для революционера) нет ничего страшнее идейного банкротства. Это звучит парадоксально, но это святая правда — тюрьму некоторые революционеры встречали почти что с радостью: она спасала их от самих себя. Вот что пишет Аптекман по поводу своего ареста: «Значит в крепость» — подумал я, почувствовав, что меня охватила радость. Да, читатель, радость, как это ни звучит странно, дико, почти уродливо. Значит — уж очень тяжело мне жилось в последнее время, что даже крепость казалась мне желанной пристанью, где бы я мог хоть немного отдохнуть и забыться».

Этим кончилась практика бакунизма, да и не только бакунизма. Все революционеры — народники 70-х годов после 1 марта 1881 г. решали трудную для себя проблему: как же дальше? И что же теперь?

Революционное народничество 70-х годов завершило цикл своего развития. Практика выяснила объективный смысл народничества. Выяснилось, что крестьянский социализм — утопия. Трагедия «Черного передела» — это трагедия, вызванная тем, что социалистические идеалы проникли в сознание русской интеллигенции раньше, чем создались объективные условия для их осуществления.

«Исторически-реальное и исторически-правомерное содержание» народничества последующее поколение русских революционеров (социал-демократы) видели «в борьбе с крепостничеством». Они подчеркивали, что теории народничества «выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России».

А, спросим себя, каково реальное содержание борьбы «против старой, крепостнической России»? Реальное содержание этой борьбы заключается в требовании решительной ликвидации всех остатков крепостного права (и тем самым — в расчистке почвы для свободного ус-

коренного развития капиталистических отношений). Т. е. хотя субъективно народники и были против капитализма, но объективно народнические теории были теориями «массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Итак, реальное содержание народничества — борьба против остатков крепостничества, против «прусского» пути развития.

Но тогда почему, спрашивается, такой крах потерпело народничество (и именно к началу 80-х годов)? Разве к этому времени были ликвидированы остатки крепостничества, разве начала Россия развиваться по американскому пути? На это, мне думается, надо ответить так: крах потерпело народничество в качестве *социалистической* доктрины. Агония народничества в качестве социалистического учения началась в 80-х годах и завершилась в 90-х. Но, в качестве демократического учения, в качестве теории «массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего», народничество еще долгие годы сохраняло свое прогрессивное значение (это особенно ясно проявилось, в частности, во время первой русской революции 1905—1907 гг.).

Но беда вся в том, что народники хотели быть именно «социалистами», они хотели построить именно «социалистическое общество» (общество социального равенства). И главную силу, способную, на их взгляд, реализовать эту задачу, они видели в энергично настроенном, самоотверженном «революционном меньшинстве», в радикальной революционной организации, готовой «вести» народ к обществу социального равенства, т. е. к социализму. Вот эта идея была самой опасной идеей всех вариантов народнического «социализма». Попытка ее осуществления, как мы уже писали, неминуемо завершилась бы диктатурой этого «революционного меньшинства», которое, вынужденное загонять людей в «социалистический рай» *насилом*, постепенно превращалось бы в «реакционное», наднародное и антинародное, меньшинство.

Между тем, этих опасностей в теории и в возможной последующей практике можно было бы избежать (или, по крайней мере, значительно их ограничить), если бы социалисты-народники более основательно вникли бы в теории и заветы своих учителей, основоположников русского социализма — Чернышевского и Герцена. Поучителен ряд идей этих двух великих социалистов прошлого и для социалистической теории наших дней.

Часть 2

Развитие революционных идей в России

Чернышевский и Герцен: послание потомкам

Народники считали себя учениками Чернышевского и Герцена. Но они мало их читали и еще хуже – понимали. Давно замечено (Достоевским, в частности и в особенности), что большая идея, попадая «на улицу», входя в массовое сознание, мельчает, упрощается и вульгаризируется. Потому для политика, для теоретика, вырабатывающего политическую теорию и отпускающего ее «на улицу», важно ясно представлять себе эту искажающую призму массового сознания, «коэффициент» ее искажения и стараться так выстроить свою теорию и в таких формах предложить ее людям, чтобы минимизировать этот «эффект искажения» (о чем, кстати, не всегда заботились даже великие теоретики и практики социальных преобразований, терпя вследствие этого подчас жестокое фиаско).

А задача историка, стремящегося извлечь уроки из прошлого для настоящего и будущего, – проанализировать и состав исходных («классических») идей, и механизм их воплощения в массовое сознание (людей «с улицы»), и практику попыток их реализации. О попытках этих мы рассказали достаточно полно. Теперь несколько слов о том, что им предшествовало и что имеет громадное значение для современной политической теории – об одной, центральной, идее основоположников русского социализма – Чернышевского и Герцена. Идее, дающей окраску и придающей особый смысл всем частям их теории.

Завет Чернышевского

Много глупостей написано о Николае Гавриловиче Чернышевском. Одни (сегодня имя им – легион) с либерально-гуманистическим пафосом негодуяще пишут: «Чернышевский? Да это тот, который «звал Русь к топору»! И закончились эти призывы топорами кровавых сталинских репрессий. Ату его!». Другие (отгертые на обочину идейно-политической жизни, а когда-то, в эпоху «реального социализма», - законодатели идеологических мод) слегка примолкли, но продолжают в своих маргинальных изданиях тянуть свои старые песни: «Да, звал к топору. И правильно делал! Как же без революции?».

Глупости – и то, и другое. Ни к какому «топору» не звал Николай Гаврилович, Наше время – это время сплетен. *Тексты* статей, книг идейных оппонентов не читают. Свои суждения на них не основывают. Всё время ссылаются на какие-то частные разговоры и косвенные

свидетельства. Вот кто-то там в эмиграции кому-то сказал, что Ленин этому «кто-то» однажды якобы сказал, что он готов уничтожить 9/10 русского народа во имя остающейся 1/10 – и поднимается на основе этой «информации» вой: вот каков этот Ленин – кровавый палач и ненавистник русского народа. Да у Ленина 55 томов текстов, открытых для всеобщего чтения и обозрения. Ну, откройте их, ну, найдите хотя бы отдаленный намек на вашу сплетню.

Мне хорошо понятна мотивация этих разносчиков сплетен. Тут говорит их классовый, сословный интерес. Ну, хочется представить им дело так, что Колчак, Врангель – святые люди, ибо колчаковцы видели в социальном неравенстве благо. А это – моральное оправдание разносчикам сплетен, оправдание их богатств, награбленных в «лихие 90-е». А вот ленинцы – это «мерзавцы», ибо выступают за социальное равенство, требование которого ставит под угрозу миллиардо-долларовые состояния современных колчаковцев! Тут любая сплетня желанна. Чего ж тут удивляться? Чего ж тут не понять?

Ну, и социалист Чернышевский, который Ленина «всего перепал», конечно же, у них из разряда извергов кровавых: к топору, гад, звал Россию. Оставьте же, наконец, вы эту сплетню, господа хорошие. Давно доказано и передоказано серьезными историками, бережно относящимися к фактам, что фраза о «топоре» принадлежит деятелю из того круга людей, к которым Чернышевский относился с большим подозрением и нескрываемой иронией. Так что же, спросите вы, Чернышевский был вообще против революционной борьбы, против революции?

Да, отвечаю я, он, действительно, хотел бы избежать революции. Но не с помощью идиотских уверений, свойственных и некоторым нашим современникам, что «лимит на революции исчерпан». Его позиция – другая. Исключительно глубокая и в высшей степени поучительная для нынешнего поколения людей, готовящихся преобразовать Россию. Вот его, по сути, Завещание. По нему и следует судить-рядить о Чернышевском.

Впрочем, для него оно не было «Завещанием». Оно стало таковым, по сути. Дело в том, что через пару месяцев его деятельность была пресечена. По сфабрикованному подлогу Чернышевский был приговорен судом «гуманного» императора Александра II к 14 годам каторги. По сути это была форма убийства оппозиционного журналиста, террористический акт самодержавного государства. «Чернышевский был вами выставлен к столбу, – откликнулся на этот варварский приговор Герцен, – а вы, а Россия на сколько лет останетесь

привязанными к нему. Проклятье вам, проклятье – и, если возможно, месть!».

«Завещание» Чернышевского называлось «Письма без адреса». Хотя адрес легко угадывался: Александр II. Это был очень серьезный и очень ответственный разговор с Властью. Начинается он с очень откровенной и ясной обрисовки диспозиции: «Милостивый государь! Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас вы и не от вас мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды». Итак, он идет на переговоры с Верховным правителем, но не рядится в тогу его советчика. Он не скрывает: мы по разные стороны баррикад. Но обстоятельства жизни русского народа и наше с вами в них положение складываются таким образом, что нам с вами придется сесть, что называется, за стол переговоров. Мы обязательно должны объясниться, мы должны понять предгрозовую ситуацию, в которой оказалось российское общество и мы с вами, как его часть. Иначе – Беда. Беда – и народу, о котором мы с вами так печемся, и вам, властителям, и нам, партии просвещения, партии русской демократической интеллигенции. Легкого, простого выхода из этой ситуации нет. «Вы сваливаете вину своих неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если б эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих неудач. Тогда задача решалась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела» И дальше – главное (что стоит выделить жирным шрифтом: **«Но грустно то, что никакие наши действия против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному»**). Почему же? «Апатичен остается народ: какой же результат могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о его пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?». «Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь полезное для него». Но однажды под давлением жизненных тягот он вынужден будет подняться на свою защиту – такая развязка событий чревата...

И далее – центральное место статьи: «Когда люди дойдут до мысли: ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, *трепещут этой ожидаемой развязки* (т. е. – революции – Г.В.). Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее. Ведь между нами

Г.Г. Водолазов

Русские «социализмы»: драма идей

также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, — интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. *Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожить всю нашу цивилизацию.* Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел. Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы полезнее для самого народа, и мы готовы для *отвращения ужасающей нас развязки* забыть все: и нашу любовь к свободе и нашу любовь к народу. Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отворотить развязку, одинаково опасную для вас и для нас» (курсив всюду наш – Г.В.).

Тут-то и изложена вся суть дела. Чернышевский против революционного способа разрешения социального тупика, ибо результат будет печален для всех – и «для вас», и «для нас», и «для самого народа». Он пытается разъяснить это правящим силам, склоняя их к принятию необходимых шагов навстречу народным интересам. И вместе с тем мало рассчитывает на успех этой своей попытки – слишком силен эгоизм сословия, стоящего у власти. Эгоизм этот отбивает даже чутье опасности, которая грозит самому этому сословию. Да, Чернышевский осознает: слишком ничтожны шансы достучаться до разума власть имущих. И всё же он делает эту почти безнадежную попытку: а вдруг хоть что-то прочистится в мозгах правящих. И, во всяком случае, он сделал всё, что мог, для цивилизованного (некровавого) разрешения социальных противоречий. Он предупредил. Не внемлите – получите революционное потрясение, когда всем мало не покажется.

Короче: Чернышевский не зовет ни к «топорам», ни к революции. Но вся политика правящего слоя такова, что она (эта политика!) подготавливает революционный взрыв. И в случае, если это всё-таки произойдет, то задача партии прогресса, «партии Чернышевских», будет не в том, чтобы проклинать начавшуюся против ее воли рево-

люцию, а попытаться ввести ее в более или менее цивилизованное русло.

Завещание Герцена

Оно, как и у Чернышевского, – в письмах-статьях. Только не к Верховному правителю России, а – «К старому товарищу». То есть – к Михаилу Бакунину, с которым они вместе, с молодых лет, шли, связанные единой страстью революционного преобразования России. И вот в конце жизни Герцен итожит их опыт деятельности, прокладывая широкий водораздел между собой и своим старым другом и предлагая читателю выбирать, по какую сторону водораздела готов он встать.

Выбирая ту или другую сторону, надо очень внимательно приглядеться к тому различию пространств, как оно представляется Герценом. Надо поосновательнее вникнуть в тонкости герценовского письма. Иначе можно чересчур грубо, примитивно, упрощенно понять описываемое Герценом различие позиций. Что уже не раз случалось в герценоведении, когда суть этих разногласий видели в отходе Герцена от прежних своих идеалов – идеалов революции и социализма, по какой причине и возникала его острая критика Бакунина, остававшегося на позициях революционера-социалиста. В общем: мирно настроенный, склонный к либерализму просветитель против страстного революционера и социалиста.

Ничто не может быть примитивней такой оценки. Дело – совсем, совсем в другом. «Великого человека, - сказал как-то Плеханов о Белинском, - легче не понять, чем понять» «Легче» - ибо содержание его писаний кажется легко схватываемым. Но не заблуждайтесь. За внешней простотой у «великих» – глубокое, скрытое от поверхностного взгляда содержание, что называется, с двойным, а то и тройным дном. Не просто пробиться к этим глубинам. Придется пустить в ход всю свою эрудицию, свою интеллектуальную энергию. «Легче не понять» - это и о Герцене. Попробуем же, осторожно и аккуратно двигаясь по тексту его статьи, понять истинные смыслы его утверждений.

Начнем с того, что его расхождения с Бакуниным совсем не по линии «социализм» – «не социализм». Нет, пишет Герцен, «нас занимает один и тот же вопрос». И «конечное разрешение» его (то есть достижение рубежа социалистических идеалов) «у нас обоих одно». «Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений» в главном; «дело

между нами вовсе не в разных началах и теориях, а в разных методах и практиках, в оценке сил, средств, времени, в оценке исторического материала».

И в чем же суть отмеченных Герценом разногласий? «Ты, - обращается он к Бакунину, - рвешься вперед по-прежнему со страстью разрушенья... Я не верю в прежние революционные пути...». Ну вот, сделает быстрый вывод простодушный читатель, Бакунин верит в революционные средства борьбы, Герцен - нет. Но вчитайтесь в текст Герцена повнимательней. Он не верит лишь в *прежние* революционные пути. Вы понимаете - в «прежние»? У него складываются новые, отличные от *прежних*, представления о революционно-преобразовательной деятельности. В *этом* суть дела.

И каково же содержание этой новизны? В основе *прежних* революционных представлений лежит идея *радикального насилия*, ломающего старый социальный мир и созидającego новый мир социального равенства. И такой революционный радикализм в общем-то понятен. «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима». Эта-то «невыносимость» и порождает страстное желание ускорить исторический процесс, «и многие из нас... торопятся и торопят других». Но опыт этих страстных порывов (в которых Герцен принимал ту или другую степень участия) вынудил его уточнить ряд своих теоретических постулатов.

Он пишет, к примеру, о «тяжелых испытаниях» революционных событий 1848 года, об этом «примере кровавого восстания, в минуту отчаяния и гнева сошедшего на площадь». И какие из него извлекаются уроки? С одной стороны, хотя восставшие были смелы и самоотверженны, но оказалось, что у них, по сути, «нет знамени». И «что было бы, - задается вопросом Герцен, - если б победа стала на сторону баррикад?». Поскольку у восставших не было «ни одной строящей, органической мысли», то их «экономические промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти». Иначе говоря, подытоживает он, «насилием» - без ясных программ преобразований, без опоры на массовые социальные силы - новый, лучший мир не создать. «Подорванный порохом весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный мир*», мир новых форм насилия.

В общем, «хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря, на авось». А «на авось», без ясно продуманных программ преобразова-

ний, без масс, готовых биться за эти программы, победить и построить новый, лучший мир невозможно. Более того, «сплоченный в одну дружину, мир консервативный побил его (восстание – Г.В.) – и следствии этого было ... ретроградное движение» То есть выступление «на авось» не только не продвигает общество по пути прогресса, но даже провоцирует «ретроградное движение» - погружающее общество в более глубокую социальную трясиину. **«Мы на авось не пойдём»** - таков вступительный тезис Герцена в его новую социально-преобразовательную стратегию. Ну, а если «не на авось», то как?

Начнем с центрального тезиса. Задолго до булгаковского профессора Преображенского Герцен знал, что «разруха» - не во внешнем обстоятельстве, а, прежде всего, в «головах человеческих». Герцен создал афоризм-шедевр, афоризм, вобравший в себя основную идею герценовской теории: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*». Тут в свернутом, «генномном» виде – вся философия социально-преобразовательной деятельности: нацеливаясь на преобразование социального бытия, озабочьтесь подготовкой к этому человеческих голов, сознания людей. Если сознание, а точнее политическая культура масс будет монархическая, тоталитарная, патерналистская, то какие бы вы не вводили «демократические» институты, структуры и процедуры, патерналистские установки народа в конечном счете переиначат их, наполнят далеко не демократическим содержанием. Эту закономерность в забавной образной форме выразил один из недавно ушедших политиков: «Строим новую политическую партию: на «входе» закладываем «демократические», толерантные принципы, а «на выходе» - опять КПСС». И он же: «Начинаем конверсию: «на входе» - заготовки кастрюль, сковородок, а «на выходе» - опять автомат Калашникова».

Хотите осуществления прогрессивных социально-политических преобразований - трудитесь в сфере политической культуры людей, воздействуйте на человеческие головы. Причем относитесь к людям не как к пассивному «объекту» воздействия. Постарайтесь понять как *активных субъектов* истории – с их чаяниями, надеждами, интересами, культурными установками и политическими ориентирами. «Народное сознание, - пишет Герцен, - так, как оно выработалось, представляет *естественное*, само собой сложившееся...произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития, разных инстинктов и столкновений – его надобно принимать за *естественный факт*... - изучая его, овладевая им и направляя его же

средства сообразно нашей цели». «Народное сознание», «политическая культура» масс – это объективная данность, это важнейший фактор социально-преобразовательной деятельности. И они не поддаются легкому и быстрому преобразованию. Конечно, хотелось бы побыстрее и поосновательнее «внести» прекрасные идеи и идеалы в головы «обиженных и угнетенных». Но что делать? «Знание и понимание не возьмешь никаким *coup d'état* (государственным переворотом, силой – Г. В.) и никаким *coup de tete* (наскоком – Г. В.)». «Излечение от предрассудков, - пишет далее Герцен, - медленно, оно имеет свои фазы и кризисы». Насилие тут бессильно, скоропалительность – неэффективна и опасна. Это не означает, что невозможно активно влиять на ситуацию в сфере общественного сознания, в пространстве политической культуры. Нет, «ускорять внутреннюю работу» можно и нужно. «Сомнения нет. Что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в *известных* пределах - их трудно установить и страшно переступить». Но, во всяком случае, тут нельзя – и снова запоминающийся герценовский афоризм: тут нельзя «шагать семимильными сапогами из первого месяца беременности в девятый».

И далее слышавший (и не без основания) за радикального (революционного) деятеля Герцен пишет шокирующую с точки зрения фразу, и пишет ее не без некоторого вызова и даже гордости: «Я несколько не боюсь слова «постепенность», опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумения. Математика передается постепенно, от чего же конечные выводы мысли и социологии могут прививаться, как оспа, или вливаться в мозг так, как вливают лошадям сразу лекарства в рот?». Да, Герцен отдает себе отчет, что эти мысли звучат необычно даже кощунственно для традиционного революционного уха: «Высказать это в том кругу, в котором мы живем, требует если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, как брать во всех вопросах самую крайнюю крайность».

И ему достало на это мужества. И добавлю: его программа не стала от этого менее революционной. Просто она не в духе *прежних* революционных установок. Она стала революционной на новый лад. Она, повторяю, не перестала быть революционной, ибо осталась нацеленной на *коренное* (т. е. – революционное) преобразование общественных отношений. В ней просто предложены иные способы осуществления прежней задачи. Способы, ведущие к ее действительно-

му, а не иллюзорно-утопическому решению.

И три момента этой по-новому революционной программы особенно важны и имеют особо важное значение для современной социально-преобразовательной деятельности.

Первое. «Новый водворяющий порядок, - пишет Герцен, - должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Наноса удар старому миру, он не только должен спасти всё, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу всё не мешающее, разнообразное, своеобразное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании». Из этих слов встают очертания нового облика социализма, не сводящего всё к проблеме «пропитания». Социализма, богатого духом и художественным смыслом. Способным сохранять всё богатство мировой культуры, выработанной человечеством на протяжении многих веков. Социализм Герцена не рвет связь времен, он укрепляет и развивает ее.

Второе. Герцен, как и Чернышевский никого не успокаивает насчет возможных в будущем революционных преобразований. Он не дает гарантии, что будущее обойдется без революций. Он, как и Чернышевский, хотел бы их избежать. И так же, как Чернышевский, предупреждает: мир «капиталистов и собственников» должен пойти на уступки интересам рабочих, найти формы «делок» и реформ, облегчающих положение рабочего сословия. «А не пойдет (на реформы) – тем хуже для него, он сам себя поставит вне закона – и тогда гибель его отсрочится только на столько, насколько у нового мира нет сил».

И третье. Чтобы «гибель» этого мира наемного рабства не привела к гибели общества в целом, чтобы под его обломками не была размолота мировая культура, нужно, чтобы субъект преобразования социального мира был на уровне современной цивилизации, современной культуры. Чтобы субъект этот был способен сохранить и умножить производительные силы человечества. Нужна поэтому неустанная и титаническая работа передовых людей по формированию нового общественного сознания, новой политической (и общей) культуры народных масс. И тут – вещие слова-заветы о специфике наступающей предреволюционной эпохи: «Наше время – именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров пред-

шествовала железным дорогам». Иначе говоря, Герцен провозглашает начало эпохи нового Просвещения, подобной эпохе французских просветителей, сочинения которых, идеи которых предвещали Великую французскую революцию конца 18 века.

«Просвещение», деятельности в сфере «слов» - разочарованно протянут радикально настроенные люди, читая эти призывы Герцена. Таких «радикалов», иронизирующих по поводу «просвещения» хватает во все эпохи. Немало их было и во времена Герцена. Эти «не-терпеливые люди» наседали на него. «Время слова, - цитирует их инвективы Герцен, - прошло; время дела наступило». И знаменитая герценовская отповедь: «Как будто слово не есть дело? Как будто время слова может пройти? Враги наши никогда не отделяли слова и дела и казнили за слово не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за дело».

Запомним же, крепко запомним эти слова нашего великого предшественника.

*Вместо заключения: от «социализма»
к «реальному гуманизму»*

Перепрыгнем в Заключении из XIX века в современность, в век XXI. Как терминологически точнее обозначить тот новый общественный строй, который придет (обязательно придет!) на смену и «реальному (номенклатурно-бюрократическому) социализму» и современному «олигархическому капитализму»?

Авторы недавно вышедшей книги «Социализм -21» ищут наименования, в которых бы отражались важнейшие особенности современного облика социализма. При этом они отдают себе отчет в возникающих в связи с этим понятийно-терминологических трудностях. Дело в том, «социализмом» в истории политической мысли и социальной практики назывались очень разные социальные и идейные феномены: «социализм» утопистов (Мор, Кампанелла, Фурье), русский народнический, крестьянско-общинный «социализм», «реальный социализм» сталинско-брежневского окраса, «социализм» Мао и Полпота, Фиделя Кастро и Уго Чавеса, «социализм» как «первая фаза коммунизма», «демократический социализм» («с человеческим лицом»), «социализм» современных социал-демократов, именуемая иногда «социализмом» современная «шведская модель» и т. п.

Так вот. Ни о каком из этих «социализмов» не идет речь в книге. Терминологические и смысловые сложности возникают у сторонни-

ков новой социалистической парадигмы потому, во-первых, что у них велико (и вполне, впрочем, справедливо) стремление отличить свое понимание «социализма» (в основе которого новое понимание сути «общественной собственности» и значения «свободного времени», понимание Нового общества не как экономической, а как культурной формации, стремление отличить свою концепцию от прежних концепций социализма (рассматривавших социализм как экономическую формацию, превосходящую прежние, в первую очередь, в сфере производительности труда, как общество, базирующееся на прежнем понимании «общественной собственности» - как собственности «всех – на всё», но не «каждого – на всё»). И во-вторых, сложности возникают вследствие стремления, следуя принципам теоретической преемственности, соединить во многом новое содержание с классической, традиционной терминологией, к которой авторы относятся с уважением.

И всё же видно, что новому содержанию тесновато в традиционной терминологии. Поэтому авторы книги ищут термины, которые были бы более адекватны новым теоретическим построениям, которые совмещали бы в себе и новизну сути, и продолжение прежних терминологических форм. Так, проф. В. Межуев постоянно чередует наименование Нового общества, называя его то «социализмом» («коммунизмом»), то *Пространством Культуры*. Он так прямо и формулирует: *Социализм – это Пространство Культуры*. То же – проф. А. Бузгалин. Он нередко говорит о социализме (коммунизме) как о *Царстве свободы*.

Мною там, «в порядке размышления», высказана вот такая идея: «Может быть, сегодня есть смысл нам отказаться от именованя нашей стратегии деятельности термином «социализм»? Во-первых, уж очень он стал каким-то расплывчатым, обозначающим очень разные взгляды на социальную реальность и пути ее преобразования. Да, в середине XIX – начале XX века, если человек называл себя социалистом, всем было ясно, чего он хочет, к чему стремится. Это означало, что вы – противник мира капитала, друг трудящихся, сторонник общественной собственности и социального равенства. Если же *сегодня* вы называете себя «социалистом», то никому не будет понятно, *кто* вы: то ли подобно членам французской социалистической партии стремитесь усовершенствовать современный мир капитала, то ли подобно лидерам КПРФ тоскуете по «стабильным» и «светлым» сталинским временам, то ли вы разделяете устремления современной соци-

ал-демократии (этих «тоже-социалистов»); а, может, вам близки установки Фиделя Кастро или Уго Чавеса; а вдруг вы – страстный поклонник идей «великого кормчего» Мао или чуть менее великого, но тоже знаменитого и «глубокоуважаемого вождя» Ким Ир Сена (и его теории чучхе), а то, глядишь, и – лидера «красных кхмеров» Пол Пота. В общем, термином «социализм» вы не проясняете, а запутываете дело.

И, во-вторых. И это обстоятельство даже более важно, чем первое. Термин «социализм» относится к той эпохе, когда на первом плане стояла задача преодоления *капитализма*. В XX – начале XXI века появилась принципиально новая задача – преодоление системы «бюрократического (казарменного) социализма», а затем и выросшей из него системы «бюрократического (номенклатурного) капитализма». Да, и та, и другая задачи, конечно, родственны. Они включают в себя примерно одинаковые ценности и цели. Но движущие силы антибюрократической борьбы, способы преодоления «бюрократического социализма» существенно отличаются от той борьбы, которая проходила и происходит в современном капиталистическом мире. Борьба за «антикапиталистический» социализм не может не отличаться (и весьма существенно!) от борьбы за «антибюрократический» социализм. При всей родственности это всё же разные стратегии: для западного мира наиболее существенно движение от частной формы капиталистической собственности к доминированию собственности общественной, для России (эпохи «реального социализма») приоритетны задачи политической и экономической демократизации, позволяющие *формально* общественную собственность сделать *реально* общественной. И еще более специфичны будут формы преодоления нынешнего российского «номенклатурного капитализма» – они не могут не отличаться и от форм «антикапиталистической», и от форм «антибюрократической» борьбы.

Вот по всем этим причинам термин «социализм» сегодня зачастую не проясняет, а затемняет дело. Он уже не ориентирует (как прежде), а дезориентирует. Что же предложить вместо? Какой термин в большей степени служил бы самоидентификации современных борцов против капиталистического и номенклатурно-бюрократического миров?

Я предложил бы: «РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ». В нем, во-первых, фиксируется главная цель и главная ценность нового общества – ЧЕЛОВЕК. Этот термин указывает, что при строительстве нового общества речь идет в первую очередь не о росте материального богатства общества, и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то,

и другое, безусловно, важно), а об ОЧЕЛОВЕЧИВАНИИ деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека – от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении *каждого* человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего *субъекта* истории, о превращении «хомо экономикус» (т. е. «экономического человека») в «человека творческого», переставшего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных режимах); речь идет о знаменитом – со времен Маркса – «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении *каждого* индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в *универсально и всесторонне* развитого Человека.

В этом термине, кроме того, заложена идея, созвучная нашему времени и современным возможностям, – а именно, что *все* формы человеческой деятельности и борьбы должны быть подчинены в первую очередь *моральным* требованиям. Нравственность должна доминировать над экономикой, политикой и правом. Образно говоря, речь идет о превращении экономическо-капиталистического и административно-бюрократического обществ в подлинно ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ сообщество. Нравственность, справедливость, гуманизм – вот главные движущие мотивы развития нового, грядущего общества. Добавим, что речь идет не просто об абстрактно-гуманистических настроениях и стремлениях, но о гуманизме, в полной мере учитывающем степень зрелости общества, масштабы потенциала сил, приступающих к его преобразованию, культурные традиции данного общества, его экономические, политические и правовые черты. Речь, стало быть, идет не о гуманизме благих пожеланий, но о гуманизме, замешанном на строгой социальной теории. Не о гуманизме бесплодных мечтаний, а о гуманизме выполнимом и абсолютно реалистическом. То есть о *реальном* гуманизме.

Мне этот термин нравится еще и потому, что он рожден в марксовой плавающей теоретической печи. Правда, употребил его немецкий мыслитель, по сути, лишь однажды, и хотя в очень серьезном, можно даже сказать, в программном контексте, но он, судя по всему, не придавал ему строгого категориального значения. У него этот образ носит скорее образный, нежели строго научный, категориальный смысл. Мы полагаем, что сегодня у нас есть все основания перевести это марксово выражение из разряда «образов» в разряд строгих научных категорий.

Г.Г. Водлазов

Русские «социализмы»: драма идей

А заимствование марксового термина, «перевод» его из второстепенных во всеопределяющий лишний раз демонстрирует наше уважение к предшественникам и стремление подниматься на новый уровень теории, опираясь на предшествующий».

«Пространство культуры», «Царство свободы», «Реальный гуманизм» - это поиск наименований, которые могли бы дать более богатое и более адекватное представление о Новом обществе, идущему на смену капитализму и государственно-бюрократической формации. Поиск, в котором сохранялась и прежняя терминологическая традиция и обреталась бы новизна *современного понимания социализма*.

А.В. Шубин

Понять Герцена

Александр Иванович Герцен является одним из крупнейших российских мыслителей, основоположником оригинального социалистического течения, которое позднее получило наименование народничества. В то же время Герцен является одним из самых непонимаемых сегодня мыслителей. И виноват в этом не он сам, и не народничество, а многочисленные исторические оппоненты народничества – консерваторы, либералы и марксисты. Все они пытаются подходить к Герцену со своими стандартами, расчленяя его учения на «правильные» и «неправильные» элементы, после чего довольно отворачиваясь, повторяя нечто вроде легендарного изречения халифа Омара: если в этих книгах написано нечто, противоречащее Корану, то они вредны, а если то же самое, что в Коране, то они не нужны.

С точки зрения подобных подходов Герцен и народничество в целом – это путаное течение, которое говорит «правильные» вещи неправильным языком, путались под ногами победоносного шествия «правильных идей». И «путались» в самый неподходящий момент, когда решалась судьба России, а через нее – и мира. И решилась как-то не так – кого ни спроси из утонченных теоретиков.

При этом и сторонники социализма признают Герцена своим (но если уж они марксисты – каким-то неправильным своим, не осознавшим глубины учения Маркса), и либералы готовы открыть ему объятия несмотря на его «наивную веру» в общину. Второе основано, пожалуй, на большем недоразумении, чем первое. Здесь проблема в самом слове «либерал», которое употребляется в совершенно разных значениях. С одной стороны, речь идет о реформисте и умеренном демократе, стороннике постепенного продвижения к идеалам свободы. В этом смысле говорят, например, о «либеральных коммунистах», хотя коммунистическая и либеральная идеологии – совершенно разные вещи. С другой стороны, мы имеем эту самую идеологию либерализма, важнейшими постулатами которой является частная собственность и партийно-парламентская система с генерируемым ею правом. И здесь сторонники социализма (не путать с нынешними правыми социал-демократами) явно должны проходить

А.В. Шубин
Понять Герцена

по другой категории. И Герцен с его общинным социализмом – в особенности.

Герцен в России – такая же корневая фигура социальной мысли и практики, как Оуэн в Западной Европе. Сочетая достижения европейской мысли и почву русской культуры, Герцен быстро встал вровень с сильнейшими мыслителями своего времени и открыл дорогу многочисленным последователям.

На пути к общинному социализму

Герцен, разумеется, не «родился» общинным социалистом, его становление проходило в условиях, когда и малейшее вольномыслие требовало гражданского мужества.

После восстания декабристов в 1826 г. юные друзья А. Герцен и Н. Огарев поклялись бороться с самодержавием и крепостничеством. Позднее Огарев назвал их с Герценом «детьми декабристов и мира нового учениками, учениками Фурье и Сен-Симона»¹. В 1831-1832 гг. студенты А. Герцен и Н. Огарев увлеклись идеями социалистов. Вокруг них сложился молодежный кружок. Герцен привлекал окружающих не только своими доктринальными воззрениями, которые еще едва складывались, но яркостью личности, образностью языка и остроумием. Эти свойства он пронес через всю жизнь. И по сию пору иные ученые сухари пытаются разбирать его шутки и афоризмы как научные трактаты, находя в них логические нестыковки или следы незрелых идей. Они забывают, что это – разные жанры, и смешно видеть доктрину в цитате из иронического эссе.

Участники кружка обсуждали философские, литературные и социальные проблемы. В июле 1834 г. кружок был разгромлен, его лидеры были отправлены в ссылку до 1839 г. В 1842 г. Герцен смог поселиться в Москве, где стал одним из радикальных участников кружка «западников», то есть сторонников западного пути развития России. Герцен и Огарев уже не были сторонниками какой-то определенной социалистической доктрины, продолжая разделять и обдумывать ценности социализма. Как писал Огарев, «мысль ли Фурье или другое что осуществится – не знаю; но знаю то, что современный человек необходимо привязан к социальному вопросу... Социализм, который представляет разумную волю человека, это одна сторона

¹ Огарев Н.П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С. 252.

духа; наука – разум – другая; искусство – творчество – любовь – третья»². В этот период Герцен был предельно близок к либерализму.

В 1847 г. Герцен покинул Россию, чтобы дышать воздухом свободы. Но Запад встретил Герцена канонадой. Он Герцен своими глазами увидел, что западная "демократия" и экономическая свобода оборачиваются закабалением большинства населения и диктатурой узкой группы собственников. Он констатировал: «государственные формы Франции и других европейских держав не совместимы по внутреннему своему понятию ни со свободой, ни с равенством, ни с братством»³.

По "правилам" идеологической игры того времени Герцен должен был бы вернуться в лоно "патриотизма", воспеть преимущества российского общественного порядка, который может изменяться постепенно в рамках отечественных традиций (такую позицию в большей или меньшей степени отстаивали противники "западников" "славянофилы"). Но Герцен был неутомимым критиком российского деспотизма и отсталости, он знал о пороках российского общественного устройства не хуже, чем о язвах западных стран. И либералом Герцен быть не мог. «Думали ли вы когда-нибудь, что значат слова "человек родился свободным"? Я Вам их переведу, это значит: человек родится зверем — не больше»⁴. Герцен слишком любит человека, чтобы спокойно смотреть на его мучения в фабричной системе, на бесправие миллионов людей, которые не попали в элиту.

Несмотря на свою критику либерализма, Герцен постепенно превратился в зарубежного лидера освободительного движения в России. В 1853 г. создал в Лондоне Вольную русскую типографию. Здесь печаталась нелегальная литература, которая переправлялась в Россию. С 1855 г. Герцен издавал оппозиционный альманах «Полярная звезда», а в 1857-1867 гг. они с Огаревым выпускали первую в России оппозиционную газету «Колокол», которая пользовалась большой популярностью в России, куда нелегально переправлялась.

Прогрессивно настроенные россияне, бывая за границей, считали своим долгом посетить Герцена и передать ему информацию о положении в России. «Кого только не пребывало при мне у Герцена! – вспоминал его сотрудник В. Келсиев. – Бывали губернаторы, купцы, литераторы, дамы, старики и старухи, бывали студенты, - словно па-

² Огарев Н.П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С. 320-321.

³ Герцен А.И. Собрание сочинений. М., 1954-1966. Т. 6. С. 54.

⁴ Утопический социализм. М., 1982. С. 397.

А.В. Шубин
Понять Герцена

норамам какая-то проходила перед глазами, словно водопад лился...»⁵ По словам Н. Белоголового, «в 1861 г. я видел его в зените славы; его имя и «Колокол» пользовались в России не только популярностью, но и представляли из себя высшую инстанцию, к которой апеллировали все искавшие правды, и даже правительство не оставалось совсем глухо и нечувствительно к тем внушениям и замечаниям, какими так щедро и в такой остроумной форме наделял его наш знаменитый публицист «с того берега»»⁶. Только в 1863 г. авторитет Герцена пошел на спад – русская элита не простила ему поддержки польского восстания, а демократы стали ценить более радикальных авторов.

Начиная с 1849 г. в работах «Россия», «Крещеная собственность», «Старый мир и Россия» и др. Герцен сумел синтезировать достижения «западничества» и «славянофильства», создав новую социальную идею, сочетавшую ценности свободы, гуманизма и солидарности – общинный социализм или народничество. Подобные идеи высказывались и прежде, но Герцен не только сумел сформулировать целостную систему взглядов, но и распространить ее настолько, что течение общинного социализма, с 70-х гг. известное как народничество (движение в интересах народа), стало постоянным фактором идейной и общественной жизни России.

Герцен и Прудон

Идеи Герцена по своим принципам оказались близки прудонизму и во многом предвосхитил его. В то же время было и обратное влияние: Герцен считал «Систему экономических противоречий» Прудона самым серьезным экономическим произведением последнего времени, называл Прудона учителем⁷. Но Герцен, являясь последователем Прудона, не стал прудонистом. В 50-е гг. он пишет об «отце анархии» с разочарованием: в работах Прудона конца 50-х гг. «видится уже не анархия, не уничтожение власти, государства, а строгий чин, с централизацией, с вмешательством в семейные дела, с наследством и с лишением его за наказание»⁸. Прудон пытается выстроить конструктивную модель общества будущего, в котором будут

⁵ Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 258.

⁶ Там же. С. 270.

⁷ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 18. С. 315.

⁸ Там же. Т. 10. С. 200.

реализованы все полезные функции, которые худо ли бедно обеспечивает государство. Новое общество должно поддерживать единство территории и экономики (Герцен увидел в этом опасную централизацию власти, которой в прудоновском проекте нет) и даже решать вопросы наследования (удачно или нет предлагает сделать это Прудон – другой вопрос).

Герцен, увидев конструктивное начало будущего в общине, выросшей из народной самоорганизации, готов признавать только то, что вырастает органически, а не по проекту. Герцен разделяет принципы Прудона, но настроен скептически к его «конституционным» проектам. Однако практика показала, что практичнее – Прудон. В начале 60-х гг. Герцен, как мы видим, сам будет вынужден искать «строгий чин», конституционные формы применения прудоновского федерализма в условиях начавшихся в России реформ.

Подобно Прудону, Герцен не отрицает собственность и не считает ее абсолютным правом. В прудоновской терминологии следует искать и ключ к пониманию проблемы Герценом — отрицание собственности и поддержка владения, неабсолютной, относительной собственности по Герцену. Он мог представить живой пример системы, основанной на владении — общину.

Комментируя взгляды Прудона, Герцен писал: "С чисто экономической точки зрения Прудон не видел ничего лучшего, кроме нашей общины, но она не могла быть принята Западом как идеал развития... Прежде всего, сохранение в России общины и утрата ее Западом рассматривалось им как результат стихийного развития. Вернуть Запад к общинному началу иначе, как путем социальных потрясений, нельзя, а этого Прудон, сторонник мирных преобразований, допустить не мог"⁹. На Западе модель самоорганизации, подобная усовершенствованной общине, должна была вырастать из уже существующих социальных форм, например профсоюзов, производственных ассоциаций, кооперативов.

Община для Герцена – лишь одна из моделей самоуправления. Другой является артель работников, которая "устроена для себя, а не против кого-либо"¹⁰.

Народникам немало доставалось от критиков за идеализацию общины. Мы увидим, что это – несправедливый упрек. Но важно по-

⁹ Цит. по: Антонов В.Ф. А.И. Герцен. Общественный идеал анархиста. М., 2000. С. 56.

¹⁰ Утопический социализм. С. 403.

А.В. Шубин
Понять Герцена

нять, что община для них – вообще не идеал демократии, а лишь удобная стартовая точка, опора для развития общества к социализму. "Мы русским социализмом называем тот социализм, - писал Герцен, - который идет от земли и крестьянского быта..., от общинного владения и общинного управления... навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще, и который подтверждает наука"¹¹.

Община и социализм

Община – это самоуправление крестьян, имеющее в своем владении землю. Для Герцена особенно важно народное отношение к земле, которое «состоит в том, что будто бы всякий работающий на этой земле имеет на нее право, как на орудие работы»¹².

Что нам, современникам индустриальной эпохи, до этой крестьянской мечты о земле? (Пока поля снова не поделены частными собственниками, не огорожены колючей проволокой или не погибли под воздействием пагубных экологических изменений). Но Герцен извлекает из крестьянской среды общий принцип, который применим к любому работнику, не только сельскому. Работник имеет право на средства своей деятельности, и если он работает коллективно, то и право это коллективное. Таково решение проблемы, поставленной Прудоном – никто не имеет собственности, понимаемой как суверенитет над вещами, с помощью которых работают другие люди. При таком подходе никто не может разориться окончательно, если он продолжает трудиться. Потерпев неудачу в одном деле и занявшись другим, включившись в другое сообщество, работник все равно сохраняет владение, право на распоряжение как средствами производства, так и продуктом своего труда, на участие в управлении производственным процессом. Работник остается равноправным участником общего дела. В этом – суть антиавторитарного социализма – прудонизма, народничества и близких им течений.

Община – это живая организация помощи слабым, ограничивающая своеволие сильных. Герцен пишет: "Ее экономический принцип — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому место за своим столом"¹³. Об-

¹¹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 19. С. 193.

¹² Там же. С. 186.

¹³ Утопический социализм. С. 400.

щина позволяет людям самостоятельно перераспределять ресурсы в зависимости от изменения ситуации, учитывать интересы новых поколений независимо от материального положения родителей. В середине XX в. мальтузианская проблема (нехватка ресурсов из-за роста населения) потеряла остроту. Люди не привязаны к земле, дефицит ресурсов ушел в прошлое. Но не надолго. В начале XXI века Мальтус снова актуален. Исчерпание ресурсов снова в повестке дня. А значит, актуален и социалистический принцип, по которому каждый человек имеет право на место за столом.

Герцен цитирует вышедшую в 1847 г. книгу А. Гакстгаузена о русской общине и солидаризируется с ней: "Каждая сельская община представляет собой в России маленькую республику, которая самостоятельно управляет своими внутренними делами, не знает ни личной земельной собственности, ни пролетариата и уже давно довела до степени совершившегося факта часть социалистических утопий; иначе жить здесь не умеют; иначе никогда даже здесь и не жили"¹⁴. Однако немецкий наблюдатель с точки зрения Герцена даже идеализирует общину. Сам Герцен более осторожен, он напоминает о поглощении личности общиной и о том, что именно община является базисом самодержавия.

В то же время Герцен защищает общину от неверной с его точки зрения критики Гакстгаузена. Так, немец считает старосту местным деспотом. Герцен возражает: "Староста и его помощники избираются миром". Он "обладает большой властью в отношении каждого члена в отдельности, но не над всей общиной; если община хоть скольконибудь единодушна, она может очень легко уравновесить власть старосты, принудить его даже отказаться от своей должности, если он не хочет подчиняться ее воле". Многие вопросы решаются по обычаю, советом стариков или мирским сходом¹⁵. По истечении срока службы староста вставал перед миром на колени, и каялся, если причинил какое-либо зло¹⁶.

Но это — только основы демократии, архаичные и консервативные. В этом состоянии община еще далека от социалистического идеала, ей предстоит развитие.

Народники сходились на том, что общину нужно освободить от невежества, пресса налогов, от деспотизма самодержавия и помещи-

¹⁴ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 6. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 201, 202.

¹⁶ Там же. Т. 12. С. 52, 53.

А.В. Шубин
Понять Герцена

ков. Поэтому общинный социализм - свободное самоуправление организованных в общины тружеников - невозможен без демократии, без освобождения крестьян от крепостничества и без передачи им всей земли.

Герцен и Огарев считали, что нынешняя община должна развиваться в сторону социализма. Итогом социалистического преобразования общины может стать коллективное производство, владение и распределение. Огарев считал, что переход к коллективному производству произойдет по мере использования машин¹⁷. В чем же различие народнических идей об общине и планами колхозного строительства в СССР? В демократии, добровольности и, главное — в самоуправлении. Ничего не идет сверху, от государственного центра. Социалистический коллектив волен сам решать, как ему жить, а колхоз подчиняется вышестоящему руководству. Коллектив самостоятелен и принимает решения сам. Колхоз — основа тоталитарного подчинения сельского пролетариата бюрократическому классу.

Но зачем вообще нужна эта общественная обработка земли, о которой мечтали народники и к которой, хотя и варварскими средствами, пришли коммунисты? Почему было не поддерживать фермерский путь развития сельского хозяйства. Ответ — в аграрном перенаселении России, в нехватке земли. Фермерский путь оптимален, если существует избыток плодородной земли. Тогда фермер прокормит себя, получит дополнительные средства, необходимые для закупки техники. Но в России для прокормления всей массы крестьян (не говоря уже о дополнительных ресурсах, которые должен получить город) необходима была быстрая интенсификация аграрного производства — внедрение техники, которая могла бы развернуться только на объединенных крестьянских наделах. Технические тенденции второй половины XIX – начала XX вв. отдавали преимущество крупному аграрному хозяйству. Но если с точки зрения либеральной политэкономии это хозяйство должно обеспечивать интересы прежде всего собственника земли, то по Герцену — каждой работающей в коллективе личности, а по Сталину — государства.

От существующей общины до социализма – большой путь. Община должна избавиться от своих многочисленных недостатков, крестьяне – преодолеть культурную отсталость, бесправие, покорность чиновничеству. Герцен признавал, что принцип самоуправления в общине находится «в зачаточном состоянии», но он быстро развива-

¹⁷ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 12. С. 75.

Часть 2

Развитие революционных идей в России

ется в условиях реформ¹⁸. И революционеры должны помочь этому процессу: «Вся задача наша теперь состоит в том, чтобы развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины»¹⁹.

Член общины должен иметь «все права, принадлежащие ему как особе, не утрачивая при этом прав, которые он имеет как член общины»²⁰. Формулой народничества становится синтез свободы и солидарности.

Герцен и анархизм

Герцен вслед Прудону выступил за анархическую республику: «В республике так, как в природе, все дух и все тело, все независимо и все в отношении, все само по себе и все соединено, анархия не значит беспорядок, а «безвластие», self-government, — дерзкая повелевающая рука правительства заменяется ясным сознанием необходимых уступок, законы вытекают из живых условий современности, народности, обстоятельств, они не токмо не вечны, но беспрерывно изменяемы, отвергаемы»²¹. Соответственно, сама идея правительственной власти – это утверждение умственной неполноценности человека: «Убедить людей, что они в такой степени слабоумны, что не могут заниматься своими собственными делами – в этом суть всякого гувернментализма»²².

Историк В. Ф. Антонов показывает, что власть как организованное насилие по Герцену должна уступить место «власти» как принятию решений на основе свободной воли самоуправляющихся общин и согласования их интересов. «Герцен не противоречил себе, когда говорил, что анархия — это безвластие и, с другой стороны, вел речь о социальной республике, в которой "народ управляет своими делами", — считает В. Ф. Антонов. — Следовательно, в его представлении "анархия" не означает абсолютного безвластия. "Власть" остается, но кардинально, как показано, меняется ее сущность, ее предназначение. Она структурна, но снизу вверх. Принцип новой "власти" — свобода. Начиная с человека, общины, самодержавной в своих внутрен-

¹⁸ Цит. по: Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 189.

²⁰ Герцен А.И. Собр. соч. Т.12. С. 260.

²¹ Герцен А.И. Собр. соч. Т.5. С. 363-364.

²² Там же. Т.12. С. 223.

них делах, каждая последующая ступень управления сохраняет ту же самостоятельность в пределах волости, округа, области и центра. Общины, волости, округа и области, формируя свои федерации, таким образом, снизу вверх создают ступенчатую федеральную систему социальной республики. Самостоятельность нижестоящих ступеней управления разгружала от лишних для них дел вышестоящие. "Чем свободнее лицо, община, город, провинция, тем, писал Герцен, меньше дела государству; три четверти труда, обременяющие ныне правительства, будут делаться сами собой, без всякого участия и ведения центрального управления" (V. 181). По мнению Герцена, основные дела народного самоуправления будут сконцентрированы в волости. "Управление в республике, писал он, это волостное правление, народная контора, канцелярия общественных дел, регистратура народной воли, полицейский распорядок, исполнение..." (V. 182).

...Освободив таким образом все последующие ступени управления страной от канцелярских дел, Герцен в то же время указал, что их депутаты съезжаются "с такой или другой целью, но совокупность их не может представлять верховной власти, народ выбирает не господ, а поверенных, они не выше народа, над головой свободных людей ничего нет, ни даже неизменного уложения и окаменелого кодекса, республика смотрит на правительство вниз, оно не цель, а необходимость, не святыня права, охраняемая левитами, а контора и канцелярия народных дел" (V. 182, 364).

В принципе, очевидно, — комментирует В. Ф. Антонов, — можно распространить это объяснение Герценом деятельности съезда делегатов на все ступени федерации. Но при этом одно ясно, что съезды не представляют собой директивные органы управления, они скорее всего созываются для консультаций, согласования необходимых мер общего характера, затрагивающих интересы волости, округа, области и всей республики. В принятии решений они руководствуются только обстоятельствами возникшего дела, а не заранее сформулированным кодексом законов. На съездах, таким образом, царит дух свободного правотворчества, имеющего, так сказать, разовое применение. Или, как говорил Герцен, эти законы "не токмо не вечны, но беспрерывно изменяемы, отвергаемы" сообразно с "живыми условиями современности" (V. 364). Несколько позже, о чем будет сказано ниже, Герцен изменит свой взгляд на законотворческую деятельность Земского собора²³. Речь идет о предложениях Герцена и

²³ Антонов В.Ф. А.И. Герцен... С. 94-95.

Часть 2

Развитие революционных идей в России

Огарева в период реформ Александра II, когда они соглашались на придание собору парламентских функций, причем даже в условиях конституционной монархии: "Царь должен стать земским. "Народ под земским царем представляет себе какую-то социальную республику, накрытую Мономаховой шапкой..." И Герцен, и Бакунин в 1862 г. допускали, что, стань такой царь во главе народного дела, никакая иная сила не могла бы противодействовать ему... Будет ли эта народная республика прикрыта шапкой Мономаха или нет — не имело принципиального значения. Земский царь — старшина, исполняющий волю Земского собора, не отпугивал редакторов "Колокола"²⁴, — комментирует В. Ф. Антонов.

Уже в 1863 г. наступит пауза в реформах Александра II, и демократы оставят свои тактические игры. Герцен стремился к федерализму и социализму, и ему было безразлично, кто станет формальным главой новой России. Лишь бы она была новой, и лишь бы власть главы государства была формальной.

Предложения Герцена начала 60-х гг., таким образом, это не изменение взгляда на государственность и законотворчество, а тактический поиск пути преодоления самодержавия.

По представлению Герцена должна возникнуть тесная связь самоуправления общин и самоуправления регионов, когда вышестоящий уровень политической организации получает столько полномочий, сколько ему дает соглашение нижестоящих организаций, а сами вышестоящие органы формируются из делегатов нижестоящих. В результате не может возникнуть социальный слой бюрократии, связанный собственными интересами — решения диктуются снизу. В этом заключаются сформулированные еще Прудом принципы социалистического федерализма (делегирования). Политическая демократия проводится не сверху вниз, а снизу вверх, распространяясь на все уровни общества вплоть до предприятия и местной общины. В этом Герцен видит последовательный демократизм (республиканизм), который связывает с социализмом: «мы республиканцы, и республиканцы последовательные, то есть социалисты»²⁵.

Все это дает В. Ф. Антонову основание утверждать, что "Герцен выступил в роли архитектора-анархиста, антигосударственника. Следовательно, создаваемое им народническое направление общественно-политической мысли и освободительного движения России

²⁴ Антонов В.Ф. А.И. Герцен... С. 107-108.

²⁵ Герцен А.И. Собр. соч. Т.20. С. 88.

А.В. Шубин
Понять Герцена

появлялось на свет в пеленках анархизма. Да и сам Герцен едва ли не с пеленок был верен этому идеалу. "С 13 до 38 лет я, — писал он в сентябре 1850 г. Д. Маццини, — служил одной идее, был под одним знаменем: война против всякой власти, против всякой неволи, во имя безусловной независимости лица. Я буду продолжать эту маленькую партизанскую войну как настоящий казак..."²⁶. Но это — длительный партизанский поход.

По мнению Герцена "государство, как рабство, "идет к самоуничтожению", хотя его и "нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста"²⁷. Свободный выбор конструктивных, продуманных решений — результат знаний. Эта связь так формулируется Герценом: «Логика — это анархия мысли, — нет необходимости применять власть, чтобы убедить меня, что $2+2=4$ »²⁸ (добавим, что иногда приходится применять принуждение к подростку, чтобы он научился арифметике и тем более логике). Из этих высказываний Герцена видно, что он непосредственно увязывает продвижение к безгосударственному обществу и способность личности воспользоваться свободой. Это может быть обеспечено культурным уровнем человека и коллективом как его экономической опорой в эпоху разделения труда.

Анархо-федерализм гарантирует подлинное самоуправление, а подлинное самоуправление — свободу культурной личности в общине — основу социальной философии народничества.

Герцен и реформизм

Герцен избрал прудоновскую стратегию движения к будущему обществу. Анархизм сочетается у Герцена с реформизмом, критическим отношением к насилию и защитой постепенности, эволюционности продвижения к анархическому обществу. Такими же были и взгляды «отца анархизма» Прудона. "Я и теперь еще убежден, — писал Герцен в 1865 г., — что мы можем идти далее по пути социального развития без общих потрясений, без экспроприации, без колонизации, без всех тех страшных вещей, которыми в Европе ослепляют, как медузиной головой, естественный ход дел"²⁹. Движе-

²⁶ Антонов В.Ф. А.И. Герцен... С. 86.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ Герцен А.И. Собр. соч. Т.25. С. 257.

²⁹ Там же. Т. 18. С. 381.

ние к свободе невозможно путем революционных скачков в обратную сторону — к диктатуре. Революция закрепляет тот общественный строй, который побеждает в результате ее. Но немедленный переход от авторитарного строя к абсолютной свободе невозможен. Поэтому стратегия освободительного движения также может иметь два основных варианта: либо революционная диктатура, которая меняет социально-экономический строй, но отдаляет свободу (и тем качественно искажает сам характер нового строя, удаляя его от социалистических идеалов), либо постепенное эволюционное движение, когда каждая новая социально-политическая система предоставляет человеку больше личной и социальной свободы, чем предыдущая. Эту стратегию избрали прудонисты и основатели народничества.

Герцену враждебен любой централизм власти, даже если он осуществляется под социалистическим знаменем. В. Ф. Антонов так реконструирует ход рассуждений Герцена: «Социализм без "политической свободы, без равенства в правах быстро вырождается в авторитарный коммунизм" (XX. Кн.1. 88-89). А это несовместимо с идеалами свободы. Надо ликвидировать централизацию, которая убивает все индивидуальное, характерное, местное; она "всегда будет качаться между Николаем и Бонапартом»». Революционное правительство «чрезвычайно управляет... во все вмешивается, все регламентирует, обо всем беспокоится» (XIV. 22; XII. 53). «Но Герцен не допускал и абсолютной децентрализации, как в Германии, которая, писал он, «лежит в своем расчленении» (XIV. 22). Есть среднее между этими крайностями - *федерация* по американскому и швейцарскому образцу. Он утверждал, что централизация «противна славянскому духу; федерализация гораздо свойственнее его характеру» и может осуществиться при социализме (VII. 315, 316)»³⁰. Не удивительно, пишет В. Ф. Антонов, что «в советской литературе анархизм справедливо представлялся врагом марксизма, в данном случае централизации управления при диктатуре "пролетариата". Но она видела в нем и отрицание всякого порядка, дисциплины во имя абсолютного своеволия. Однако герценовское понимание анархизма совсем иное. Поясняя его, он писал: "...если "анархия" значит беспорядок, произвол, разрыв круговой поруки, несоответствие разуму, то социализм борется с ней еще более упорно, чем монархия" (XXV. 257). Это новый, непохожий ни на одну из его западных ветвей, народнический анар-

³⁰ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 90.

А.В. Шубин
Понять Герцена

хизм...»³¹. Все же «непохожесть» народничества не стоит преувеличивать. Между взглядами Герцена и Прудона нет принципиальных различий. Герцен и Чернышевский признавали Прудона своим учителем и с большим пиететом относились к Оуэну, Блану и др. западным социалистам. Но Герцен не был эпигоном прудонизма, он был вполне оригинален в своих ключевых идеях, и в конце жизни уже учитель шел во след ученику. Прудонизм и народничество — два варианта по сути одного течения социализма — федеративного, антиавторитарного, реформистского и анархического по своим стратегическим целям.

Проанализировав взгляды Герцена и Чернышевского, В. Ф. Антонов заключает: «народничество возникло как мирное, реформистское анархо-социалистическое движение»³². Этот вывод по крайней мере применительно к Герцену подтверждается и другим авторитетным исследователем народничества Н. М. Пирумовой: «Федерализм Герцен имел в виду не государственный»³³. Под социализмом Герцен понимал «общество без правительства»³⁴.

Реформистская стратегия антиавторитарного (либертарного) социализма роднит идеи Оуэна, Прудона и Герцена.

В отличие от чисто коммунитарного, аполитичного движения народники всегда думали о политических условиях, обеспечивающих социальные преобразования. Без них производственные и территориальные общины, качественно отличающиеся от среды, будут раздавлены системой. В этом — угроза, связанная с реформизмом. Неторопливые темпы движения могут привести к его растворению в среде, поглощению окружающим обществом. Такая угроза, если она начинает преобладать, оправдывает радикализм, форсирование перемен.

Для понимания герценовской стратегии реформизма очень важен его спор со старым товарищем М. Бакуниным. Первоначально Герцен полагал, что Бакунин сознательно преувеличивает свой радикализм, работая с молодежью³⁵. «Великий бунтарь» то обещает быстрое пришествие анархии, то разрабатывает модели коллективист-

³¹ Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 90.

³² Антонов В.Ф. Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. М., 2000. С. 194.

³³ Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 64.

³⁴ Там же. С. 62.

³⁵ Герцен А.И. Собр. соч. Т.30. С.109.

ского социалистического общества. Убедившись, что лидер анархистов увлекся радикальными правилами игры, которые диктует открытое провозглашение столь высокой цели как анархия, Герцен вступил с ним в дружескую полемику, которая актуальна для любых сторонников преобразования общества.

Герцен выступал против бакунинского разжигания революции, за путь к социализму «без кровавых потрясений»³⁶. При этом он прямо говорит, обращаясь к Бакунину: «Дело между нами вовсе не в разных началах и теориях, а в разных методах и практиках»³⁷. Цели теоретиков народничества – Герцена, Бакунина, Лаврова – одинаково радикальны, все они в это время выступали за безгосударственный социализм и общинный коллективизм.

Герцен напоминает Бакунину, что «в истории можно забегать – но уж тогда отвыкни жалеть погибающих, жалеть личности. И действительно, ни Пугачев, ни Марат их не жалели»³⁸. Если человеческая личность – высшая ценность, позволительно ли ее «не жалеть»?

Спор Герцена и Бакунина по вопросам тактики предвосхищает споры меньшевиков и большевиков в марксизме. Некоторые меньшевики даже восприняли Ленина как историческую реинкарнацию Бакунина. Но это мнение несправедливо как в отношении Ленина, так и Бакунина. Ленинский радикализм вполне соответствует революционно-государственным идеям Маркса, в то время как бакунинский радикализм исключает организованное насилие, принуждение к свободе: «Социализм не жесток, он в тысячу раз человечней якобинства, я хочу сказать, политической революции. Он нисколько не помышляет против личностей, даже самых зверских, прекрасно зная, что все люди, дурные или хорошие - лишь неизбежный продукт того социального положения, какое создали им общество или история. Социалисты, правда, не могут, конечно, помешать, чтобы в первые дни революции в порыве гнева народ не истребил нескольких сотен лиц среди наиболее гнусных, наиболее яростных и наиболее опасных; но когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической лицемерной резне»³⁹.

³⁶ Герцен А.И. Собр. соч. Т.19. С.190.

³⁷ Там же. Т.20. С.575.

³⁸ Там же. Т.30. С.249.

³⁹ Бакунин М.А. Избр. соч. Т. 5. С. 200.

А.В. Шубин
Понять Герцена

Да, сам Бакунин против систематического террора, но народная стихия может вынести на авансцену самых мрачных убийц. Герцен понимает, что избавиться от существующего античеловеческого строя нельзя без революции, но нужно понимать, что революция лишь разрушает, а не созидает: «акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия»⁴⁰. «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»⁴¹, — возражает Герцен, оппонировав таким образом и Марксу, и Бакунину, и радикальным либералам.

Дело ведь не только в том, чтобы свергнуть режим силой. «Старый прядок вещей крепче признанием его, чем материальной силой, его поддерживающей»⁴². За этими словами Герцена стояли фундаментальные разногласия если не в целях, то в исходной точке — в понимании народа, которые Н. М. Пирумова характеризовала так: «Бакунин считал, что «народ — социалист по положению и инстинкту», а Герцен — что «народ — консерватор по инстинкту»⁴³. Герцен даже предложил выявить волю народа с помощью Учредительного собрания. Эта идея позднее приобрела большую популярность, но ее воплощение так и не разрешило спора двух мыслителей.

Разные дороги истории

Суммируя свою программу, Герцен пишет: «Итак, элементы, вносимые русским крестьянским миром, элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, состоят из трех начал, из:

- 1) права каждого на землю,
- 2) общинного владения ею,
- 3) мирского управления.

На этих началах, и только на них, может развиваться будущая Русь»⁴⁴. Это — программа для аграрного общества. Переформулируем эти принципы более универсально:

- 1) право каждой личности на доступ к ресурсам и средствам труда;
- 2) коллективное владение ими;

⁴⁰ Пирумова Н.М. Указ. соч. С.214.

⁴¹ Герцен А.И. Собр. соч. Т.20. Кн.2. С. 590.

⁴² Там же. С. 579.

⁴³ Пирумова Н.М. Александр Герцен. Революционер, мыслитель, человек. М., 1989. С. 216.

⁴⁴ Герцен А.И. Собр. соч. Т.14. С.182, 183.

3) самоуправление в рамках коллектива и общины, их федеративное объединение снизу вверх.

Добавим и четвертое ключевое положение взглядов Герцена: свобода личности, понимаемая как ненасильственное самовыражение культурного человека.

Сам Герцен не считает свой социализм венцом человеческой истории: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией»⁴⁵. Позиция народничества в этом отношении диалектичнее марксистской, для которой после коммунизма никакого нового социального строя не будет.

При всем своем эволюционизме и реформизме Герцен чрезвычайно радикален. Но это – радикализм мысли. Он заглядывает очень далеко в будущее, и в то же время ищет пути из отсталого настоящего в это будущее. Согласимся с Н.М. Пирумовой в том, что «плодотворность поиска Герценом решения социальных проблем аграрной страны доказана полувековым господством народнической идеологии в России и близкими социальными моделями, возникшими в ряде развивающихся стран»⁴⁶. Но значение идей Герцена далеко выходит за рамки аграрных стран и вполне созвучны нашему времени. Так что слова «развивающиеся страны» следует трактовать расширительно. Герцен актуален для тех стран, которые действительно развиваются. Во след ему пошли и те марксисты, которые не желали прозябать в ожидании, когда «вызреет» последняя предпосылка социализма, и революционеры Третьего мира, изменившие своими действиями лицо планеты.

Герцен показал, что история не одномерна, она не является паровозом с европейским локомотивом и прицепными вагонами, обвязанными ехать по тем же рельсам. Объемное, не однолинейное представление об историческом процессе развивали затем в полемике с марксизмом и либеральным западничеством другие народники, такие как Н. Михайловский и В. Чернов. Даже не будучи социалистом, сегодня уже нельзя не признавать важности национальных путей от одной фазы развития человечества к другой, роль национальных

⁴⁵ Утопический социализм. С. 398.

⁴⁶ Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 202.

особенностей и традиционных институтов, скажем, в модернизации Японии.

Россия, сохранившая общину, оказалась своего рода экологическим резервом Европы, где выжили ростки отношений, необходимых по мнению народников для спасения цивилизации. «Германская община пала, встретившись с двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмом и римским правом. Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих основных начал, от противоречия между правом личным и правом общественным»⁴⁷ — пишет Герцен. «Противообщинная цивилизация» тогда не погибла, хотя и пережила тяжелейший кризис. Сегодня, в XXI веке, когда цивилизация вновь стоит перед лицом тяжелейших кризисов, идея возрождения низового производственного и территориального самоуправления опять оказывается актуальной. Община не сумела пережить сталинских «великих потрясений». Но общинная психология, вероятно, оказалась более живучей. Герцен надеется, что «в шатких и неустоявшихся экономических и юридических понятиях, в смутном праве собственности, в отсутствии мещанства (имеется в виду класс мелких и средних собственников) и в необычайной усвояемости чужого мы имеем шаг перед народами, вполне сложившимися и усталыми»⁴⁸.

Но и «усталые» народы получили второе дыхание благодаря вызову социализма и советского рывка в будущее, в котором были не только марксистские, но и народнические черты. Сегодня к этому импульсу добавляются новые пост-индустриальные тенденции. В мире развиваются новые общественные отношения, основанные не на узкой специализации и управлении человека человеком, а на горизонтальных, равноправных общественных отношениях, самоорганизации и самоуправлении. Производственное самоуправление, формирование корневых низовых гражданских структур, новый всплеск коммунитаризма в пространстве Интернета с его многочисленными группами-«общинами» - все это говорит о том, что самоуправленческий социализм, наиболее последовательно представленный анархизмом и народничеством, имеет в XXI веке новые перспективы для развития. Коммунистическая попытка заменить капитализм централизованной ассоциацией трудящихся, работающих по

⁴⁷ Утопический социализм. С.401.

⁴⁸ Герцен А.И. Собр. соч. Т.12. С.431.

*Часть 2**Развитие революционных идей в России*

единому плану, провалилась. Но капитализм не вечен. Его кризис очевиден. На смену капиталистической цивилизации может прийти одичание, социальная дегенерация, либо принципиально новое общество, основанное на самоуправлении, новой, постиндустриальной общинности, которая каждому даст место за своим столом. Как мечтал об этом Герцен.

Д.И. Рублёв

**Александр Герцен и анархизм:
от исторического опыта к современности**

Немногие русские мыслители удостоились в такой степени, как Александр Иванович Герцен, весьма ревностного отношения к себе со стороны представителей самых разных политических течений. Кто только в наше время не причисляет его к своим идеологам! И не только левые, как реформистски настроенные социал-демократы, так и представители различных течений революционного социализма. Среди почитателей его идей встречаются также либералы и националисты славянофильского толка. Безусловно, близость идей Герцена к ведущим теоретическим традициям левого движения, должна заинтересовать тех левых публицистов, кто находится в поисках разработок концепций так называемого "интегрального" социализма, призванного создать общую теоретическую и программную платформу для объединения различных его направлений. Впрочем, "интегрализм" Герцена, как мы полагаем, был связан отнюдь не со столь близким некоторым левым активистам стремлением примирить различные теоретические традиции. Дело в том, что социалистическая мысль вплоть до середины XIX в. ещё не была чётко дифференцирована на те течения, которые сложились позже. Возьмём, для примера, двух мыслителей, оказавших серьёзное влияние на творчество Герцена. Так, "интегральностью" характеризуются теоретические воззрения и практическая деятельность Роберта Оуэна, по праву считающегося основоположником как леволиберального реформизма в духе "социального государства", так и революционного синдикализма, кооперации и социалистического альтернативизма¹. Таков и Пьер-Жозеф Прудон, также считающийся основоположником анархизма, революционного синдикализма, кооперативизма, реформистского социализма.

В исследовательской и публицистической литературе сложилась устойчивая традиция, связывающая взгляды Александра Герцена с анархизмом. Ещё в начале XX в. один из лидеров анархистского движения России, В. Фёдоров-Забрежнев, отмечал, что в произведениях Александра Ивановича заключались "элементы анархического миро-

¹ Шубин А.В. Социализм. "Золотой век" теории. М. 2007. С. 55-83.

понимания"². На антиэтатистские тенденции в теоретическом наследии Герцена указывают многие исследователи его жизни и творчества³. Некоторые из них, как В. Ф. Антонов и А. В. Шубин открыто называют Александра Герцена анархистом. Другие, как В. П. Сапон, говорят, скорее, о его принадлежности к либертарно-социалистическому течению, в рамках которого объединяют более широкий круг сторонников преодоления капиталистической и этатистской модели социально-политического устройства и её замены системой общественного самоуправления, включая и тех, кто в отличие от анархистов признаёт возможность использования борьбы за власть в интересах социально-экономических преобразований, приближающих общество к безгосударственному социалистическому идеалу.

В чём же заключаются "элементы анархического миропонимания", характерные для теоретического наследия Герцена? Прежде всего, А. Герцен определял социализм, в том числе, и как "общество без правительства"⁴. С этой точки зрения показательны, например, что причиной его разочарования в системе взглядов своего учителя, П.-Ж. Прудона, послужила недостаточная анархичность его идей⁵. По мнению А.И. Герцена, в трудах Прудона 1850-х гг. представлена "уже не анархия, не уничтожение власти, государства, а строгий чин, с централизацией"⁶. В работах Герцена мы можем обнаружить позитивную трактовку понятия "анархия", соответствующую анархистскому пониманию: "анархия не значит беспорядок, а безвластие, self-government⁷, - дерзкая повелевающая рука правительства заменяется ясным сознанием необходимых уступок, законы вытекают из живых

² Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг. Т. 1. М. 1998. С. 429.

³ См., например: Антонов В.Ф. А.И. Герцен. Общественный идеал анархиста. М. 2000; Келли А. Республика под судом: Герцен и 1848 год (пер. с англ. О. Дубицкой) // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/kelly.html>; Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812 - 1855. М. 2010; Пирумова Н.М. Александр Герцен - революционер, мыслитель, человек. М. 1989; Сапон В.П. Философия пробудившегося человека. Либертаризм в российской леворадикальной идеологии (1840-е - 1917 гг.). Нижний Новгород. 2005; Шубин А.В. Ук. соч.; Woodcock G. Anarchism. A History of Libertarian Ideas and Movements. London. 1986.

⁴ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954 - 1965. Т. XII. С. 168.

⁵ Там же. Т. XVIII. С. 315.

⁶ Там же. Т. X. С. 200.

⁷ Self-government (англ.) - самоуправление.

Д.И. Рублёв
Александр Герцен и анархизм...

условий современности, народности, обстоятельств, они не только не вечны, но беспрерывно изменяемы, отвергаемы"⁸. Любая государственная власть, в том числе - демократическая республика, воспринималась Герценом, как форма отчуждения власти от основной массы населения, вызванная стремлением правящих элит узурпировать управление самыми разными отраслями жизни общества: "Уверить людей в том, что они до такой степени слабоумны, что не могут заниматься своими собственными делами - в этом секрет всякого гувернментализма"⁹. Подобно другим либертарным теоретикам (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин), Александр Герцен пытался вывести анархическую общественную модель из отношений природы, её "естественных законов". "Гармония и анархия" для него - естественные законы природы, ведь в ней нет "назойливого перста, указующего дорогу, повелевающего, спасающего, покровительствующего"¹⁰. Это теоретическое положение, связанное с контекстом философских доктрин рационализма и антропологического материализма Л. Фейербаха, соответствует обоснованию анархии, которое проводит Бакунин, указывающий на отсутствие какой-либо власти в природе помимо необходимости подчинения её "естественным законам": "Свобода человека состоит единственно в том, что он повинуетя естественным законам, потому что он сам признаёт их таковыми, а не потому, что они были ему внешне навязаны какой-либо посторонней волей - божественной или человеческой, коллективной или индивидуальной"¹¹.

Близость идей Герцена к анархизму вполне объяснима. Ведь Александр Иванович - основоположник народничества, из которого в России и выросла традиция анархизма. Вспомним, что ведущими теоретиками отечественного и международного анархизма были мыслители-народники М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин. Возможность осуществления анархических идей в России он выводил, прежде всего, из особенностей национальных традиций русского народа. Для русских, полагал он, исторически характерно неприятие государственности, в силу чего даже парламентские учреждения здесь не смогут прижиться. Феодално-бюрократическая империя, построен-

⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954 - 1965. Т. V. С. 363-364.

⁹ Там же. Т. XII. С. 223.

¹⁰ Там же. С. 226, 227.

¹¹ Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М. 1990. С. 136.

ная в России в результате петровских реформ начала XVIII в., по мнению Герцена, представляла собой лишь временное искусственное образование, глубоко противоречившее национальным традициям, а потому обреченное на разложение и гибель. Лишь негосударственные традиции самоорганизации, имеющие корни в повседневной жизни русской общины, в её традициях, полагал он, имеют прочные основания в традициях славян (в том числе и русского народа), не признающих традиций государственности и централизации¹². Им присущ федерализм, как форма организации управления¹³. Ведь идеал общественного устройства русского крестьянства заключается "в разъединённых общинах, которые им хотелось бы уберечь от всякого правительственного вмешательства"¹⁴.

Крестьянские общины, по Герцену, представляют собой зародыш организации безгосударственного самоуправления и социалистических экономических отношений. Основу для анархического самоуправления в общине он видел в распорядительных и контрольных полномочиях мирского схода, избирающего и контролирующего старосту и его помощников¹⁵. Такие же самоуправленческие элементы Герцен находил и в волостном самоуправлении, где также собирався сход, избиравший должностных лиц (голову, судей, тысяцких, сотских, десятских)¹⁶. В социально-экономических отношениях общины он видел традиции социальной справедливости и солидарной взаимопомощи, сближавшие их с представлениями о социалистическом обществе. Прежде всего - это права всех общинников на основное средство производства - пахотные земли и прочие угодья (леса, водоёмы, луга): "всякий работающий на этой земле имеет на неё право, как на орудие работы"¹⁷. Распределяя землю среди своих членов, община обеспечивает средства для жизни каждому из них: "Её экономический принцип - полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным её членам; последние же обладают правом иметь столько земли, сколько имеет её каждый другой член той же общины; эта земля предоставлена ему в

¹² Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954-1965. Т. XX. С. 64, 72.

¹³ Там же. Т. VII. С. 315 - 316.

¹⁴ Там же. Т. XII. С. 185.

¹⁵ Там же. Т. VI. С. 201 - 202; Т. XII. С. 52 - 53.

¹⁶ Там же. Т. XII. С. 53, 113.

¹⁷ Там же. Т. XIX. С. 186.

Д.И. Рублёв

Александр Герцен и анархизм...

пожизненное владение; он не может да и не имеет надобности передавать её по наследству. Его сын, едва он достигает совершеннолетия, приобретает право, даже при жизни своего отца, потребовать от общины земельный надел... по смерти же каждого из членов семьи земля опять переходит к общине... Вследствие этого сельский пролетариат в общине невозможен"¹⁸. Общинное землевладение, при котором каждый крестьянин получает право на индивидуальное пользование землёй при коллективной собственности на неё, полагал Герцен, позволит защитить крестьянство от его обезземеливания и превращения в пролетариат, что было бы последствием развития в России капитализма и широкого внедрения принципов частной собственности. В ремесленных артелях России А. Герцен также усматривал тенденции, близкие общинному укладу, приближающие их к форме отношений будущего самоуправляющегося кооперативного промышленного предприятия - низовой хозяйственной ячейки социалистического общества¹⁹.

Безусловно, в работах А. И. Герцена можно обнаружить немало патетических высказываний, идеализирующих общинное устройство. Однако, как справедливо заметил историк А. В. Шубин, община для Герцена и его последователей, народников, "не идеал демократии, а лишь удобная стартовая точка, опора для развития общества к социализму. <...> Но это - только основы для демократии, архаичные и консервативные. В этом состоянии община ещё далека от социалистического идеала, ей предстоит развитие"²⁰. Безусловно, речь шла о попытке вычлнить отношения федерализма, самоуправления, прямой демократии и солидарной взаимопомощи из практики функционирования тех или иных социальных институтов. При этом Герцен подверг критике патриархальные коллективистские традиции, указывая, что благодаря им общинные традиции проявляются в "полуварварской форме, главным недостатком которой является отсутствие личной индивидуальной свободы"²¹. Чтобы социальный институт мог эволюционировать в добровольный союз граждан на либертарно-социалистических началах, необходима просветительская деятельность, пропаганда современных социалистических идей, содействующая распространению среди крестьян пред-

¹⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. VI. С. 200-201.

¹⁹ Там же. С. 202; Т. XII. С. 110.

²⁰ Шубин А.В. Ук. соч. С. 201, 203.

²¹ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954-1965. Т. XII. С. 73-74.

ставлений о суверенных правах личности: "социальная идея, выработанная Западом, - единственное средство рационального развития общественных склонностей и нравов славян"²². По мнению анархистов, задача политических активистов заключается в том, чтобы стремиться к развитию народных традиций в духе идей свободы, солидарности и самоуправления. Но подобно Герцену представители этого течения всегда подчёркивали, что сами по себе традиционные общинные структуры не являются готовой ячейкой безгосударственно-социалистического общества. Весьма показателен с этой точки зрения анализ общинных традиций, предпринятый М. А. Бакуниным, выделявшим среди них авторитарные начала («патриархальность» и «поглощение лица миром»)²³. Современные анархисты из многих стран Азии и Африки, где общинные традиции сохранились в полном объёме, также подчёркивают этот разрыв между идеалом и действительностью. "Естественно есть также много слабостей. - Положение женщины, например, имело мало общего с анархистскими идеалами. Но есть сильные параллели, касающиеся самоуправления и коммунизма"²⁴, пишет, например, о традициях общинных структур в Африке Сэм Мба, современный анархистский публицист из Нигерии. Весьма интересно, что даже К. Маркс, в 1870-е - 80-е гг., проводя анализ русских общинных структур, развивал идеи, несколько сближавшие его позицию с идеями оппонентов - "русских социалистов", народников. Показательно с этой точки его высказывание в письме к В. И. Засулич: «специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»²⁵. Учитывая точку зрения Маркса по вопросу о роли общины в социально-экономическом развитии России на пути к социализму, разумно задать вопрос, не были ли далёкие последователи Герцена из числа теоретиков Партии социалистов-революционеров (особенно - В.М. Чернов), пытавшиеся в

²² Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. XXV. С. 278.

²³ Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М. 1989. С. 512, 515-516.

²⁴ Vortrag von Sam Mbah // Kalicha S., Kuhn G. Von Jakarta bis Johannesburg. Anarchismus weltweit. Münster. 2010. P. 265.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Т. 19. С. 250 - 251

Д.И. Рублёв
Александр Герцен и анархизм...

начале XX в. соединить марксизм с идеями народничества, наиболее последовательными проводниками идей Маркса применительно к России? Ведь в программе ПСР в повестке дня предстоящей революции предполагалось преобразование политического устройства России на принципах федеративной демократической республики и проведение аграрной реформы, связанной с обобществлением земли и потенциально распространяющей принципы общинного землевладения на всех граждан страны. Гарантируя возможность развития кооперативных форм хозяйствования на селе, новая революция должна была обеспечить наиболее прогрессивное развитие капиталистических отношений в промышленности, подкреплённое реформами в духе "социального государства". Ведь в индустриальном секторе социалисты-революционеры считали реализацию социалистических отношений преждевременной, справедливо полагая, что национализация производства и его перевод под управление государства неизбежно приведёт к формированию государственно-капиталистического строя²⁶.

Отрицая государство, Герцен, наряду с такими теоретиками анархистского толка, как П. А. Кропоткин, Э. Реклю и Л. И. Мечников, считал само появление государственности и её существование исторически обусловленным явлением. Государство развивается от наиболее авторитарных форм "к полному освобождению" человечества²⁷. В силу этого государственность должна поэтапно прийти к своему "самоуничтожению", её невозможно "сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста"²⁸. В отличие от анархистов, Герцен признавал необходимым вызревание самоуправленческих традиций, формирования культуры анархического самоуправления в рамках переходного периода конфедеративной "социальной республики", связанного с постепенной децентрализацией государственной власти²⁹: "Чем свободнее лицо, община, город, провинция, тем меньше дела государству; три четверти труда, обременяющие ныне правительства, будут делаться сами собой, без всякого участия и ведения центрального управления"³⁰. Все основные полномочия в

²⁶ Политические партии России: история и современность. М. 2000. С. 17-26.

²⁷ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954-1965. Т. XX. Кн. 2. С. 590.

²⁸ Там же. Т. XVIII. С. 87.

²⁹ Там же. Т. XX. Кн. 2. С. 590.

³⁰ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. V. С. 181.

этой республике будут сосредоточены на низовом уровне - волости, общины, города³¹. Организацию самоуправления села и волости, по Герцену, следует распространить на все уровни государственного управления³². Федеративное объединение сёл должно составить волостные, окружные и областные союзы, управляемые собраниями делегатов. В рамках всей страны образуется конфедерация ("вольное союзничество областей"), управляемое собором³³. В представлении Герцена "собор" - это не парламент, а скорее собрание делегатов, связанных императивным мандатом, инструкциями избирателей, его роль - консультативная, согласовательная в отношении решений нижестоящих структур³⁴: "совокупность их не может представлять верховной власти, народ выбирает не господ, а поверенных, они не выше народа"³⁵. Отрыв Герцена от анархистской традиции, укоренившейся впоследствии в России связан и с постепенным его отказом от стратегии насильственной революции в пользу реформизма, созревшим под влиянием поражения революций 1848-1849 гг. в Европе и начала либеральных реформ в России 1860-х гг. Даже конституционная монархия с земским собором во главе не отрицалась Герценом, как тактический шаг на пути последовательной демократизации общества, ведущей к анархии³⁶. Таким образом, "федеративное, антиавторитарное, реформистское и анархическое по своим стратегическим целям"³⁷ учение Герцена - достаточно далеко от анархизма с точки зрения подходов к практической реализации его принципов. Скорее, можно характеризовать его, как либертарно-социалистическое.

Отметим, что важной чертой сближавшей идеи Герцена с теорией и практикой анархизма, является своеобразный "аполитизм", представление о первостепенной важности не политических, а социально-экономических преобразований, граничащее с отказом от борьбы в пользу изменений политического строя.³⁸ В этом вопросе

³¹ Там же. С. 182.

³² Там же. Т. XII. С. 189-190.

³³ Там же. Т. XIX. С. 192-193.

³⁴ Антонов В.Ф. Ук. соч. С. 95.

³⁵ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954-1965. Т. V. С. 182.

³⁶ Антонов В.Ф. Ук. соч. С. 107-108; Шубин А.В. Ук. соч. С. 209, 211.

³⁷ Шубин А.В. Ук. соч. С. 214.

³⁸ Антонов В.Ф. Ук. соч. С. 56.

Д.И. Рублёв
Александр Герцен и анархизм...

его взгляды весьма близки представлениям П.-Ж. Прудона³⁹. И если для России Герцен был готов в этом вопросе сделать определённое исключение, при условии проводящейся одновременно с введением конституции аграрной реформы с передачей всей земли крестьянским общинам⁴⁰, то в отношении Европы и конституционная монархия и демократическая республика считались им давно уже отжившими идеалами⁴¹. Ключевую роль здесь сыграло разочарование .И. Герцена в итогах европейских буржуазных революций 1848 г. "Мы так откровенно были надуты Февральской революцией...", - скажет он о французской революции 1848-1849 гг. в "Письмах из Франции и Италии". Реализовав программу умеренных либералов-республиканцев, революция не решила актуальные для рабочих проблемы бедности и безработицы. В своих работах о событиях того времени Герцен фактически обвинял революционеров-интеллектуалов («книжников революции», «образованных людей», «Дон Кихотов революции») из либеральных республиканцев и социалистов в том, что они использовали рабочих в своих интересах, обнадёжили, а затем – обманули, не удовлетворив их чаяний. Как отмечает исследователь Айлин Келли: "Он утверждает, что злонамеренные реакционеры и неумные социалисты объединились, чтобы превратить социальную революцию парижских рабочих в политическую, играя формами правления и не пытаясь решать фундаментальную проблему социальной несправедливости. Доказав, что республиканцы могут быть консерваторами, "в один год Франция износила блестящую мечту политической республики". "⁴². И далее: "Критическое отношение Герцена к русскому либерализму восходит к его впечатлениям от социальных катаклизмов 1848 года во Франции. Французских либералов он обвинял в трусости и непоследовательности: затеяв революцию, они пугливо отшатнулись от ее результатов. Их представления о народовластии основывались на романтических образах толп, облаченных в римские тоги или буколические пастушеские плащи; либералы не в состоянии были понять, что выгоды всеобщего избира-

³⁹ Наиболее ярко свои идеи о приоритете социально-экономического переворота над политическим, о необходимости отказа от участия в парламентской борьбе, Прудон изложил в своей книге "Исповедь революционера" (1849). См.: Proudhon P.-J. Die Bekenntnisse eines Revolutionärs. Frankfurt a.M. 2000.

⁴⁰ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954-1965. Т. V. С. 11.

⁴¹ Там же. С. 178 - 179; Т. VI. С. 84 - 85.

⁴² Келли А. Ук. соч.

тельного права мало интересуют тех, кому не хватает хлеба насущного. Когда же реальный пролетариат вышел на историческую сцену и заявил о своих правах, либералы пугливо выставили штывки, защищая собственные привилегии"⁴³.

События 1848 г. наложили свой отпечаток не только на Герцена. Они стали для русских революционеров нарицательными для обозначения обмана народа со стороны стремящихся совершить политическую революцию либеральных политиков, что и нашло своё выражение как в теоретической и агитационно-публицистической литературе народников, а от них перешло и к российским анархистам конца XIX - начала XX вв. Так, в своём памфлете «Умственный рабочий», Я.-В. Махайский, самый известный критик интеллигенции из публицистов анархистского толка, избрал революцию 1848–1849 гг. в качестве исторического примера, чтобы доказать, что классовыми врагами рабочих является не только буржуазия, но и социал-демократическая интеллигенция, называющая себя выразителем интересов рабочих, на практике же преследующая цели, связанные с расширением собственных прав на участие в управлении государством⁴⁴. В начале XX в. отрицание борьбы за конституцию и буржуазно-демократическую республику пустило глубокие корни в среде российских анархистов. Так, в их пропагандистской литературе борьба за демократическую республику и конституцию оценивалась, как борьба за классовые интересы буржуазии и интеллигенции. В качестве же непосредственной, ждущей своего немедленного решения задачи указывалась социальная революция, цель которой – уничтожить государство и капитализм и перестроить общество на коммунистических началах⁴⁵. Весьма красноречиво об этом свидетельствует П.А. Аршинов, один из организаторов анархистских групп на Украине и в Москве, идейный вдохновитель Н.И. Махно: «С 1880 по 1900 гг. рабочее движение в России находилось под безраздельным почти влиянием социал-демократии. Последняя воспитывала рабочий класс в духе идеалов буржуазной демократии, и буржуазную революцию с провозглашением буржуазной республики она определя-

⁴³ Келли А. Был ли Герцен либералом? // Новое Литературное Обозрение. 2002. № 58. <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/kell.html>

⁴⁴ Подробнее см.: Рублёв Д.И. Диктатура интеллектуалов? Проблема "интеллигенция и революция" в российской анархистской публицистике конца XIX - начала XX веков. М. 2010. С. 97.

⁴⁵ Там же. С. 148-150, 166-167, 233-234, 239-241.

ла, как историческую задачу пролетариата в данную эпоху. Мир, однако, вступил в 20-й век, когда система буржуазной демократии оказалась достаточно разоблачённой, как одна из форм порабощения трудящихся, и когда классовые противоречия между трудом и капиталом полностью вскрылись не только в Западной Европе, но и в России. Фальшь и лицемерие идеалов буржуазной демократии чувствовались многими рабочими, сознававшими свои классовые интересы и свои классовые идеалы. У этих рабочих нарастала острая потребность вступить в революционную борьбу не только с феодальным строем царизма, но и капиталистической буржуазией, нагло эксплуатировавшей и угнетавшей трудящихся и одновременно прикидывавшейся их другом и стремившейся использовать революционное движение пролетариата и крестьянства в своих целях. Возникшие в 1900-1903 гг. в некоторых местах России анархические группы дали направление революционной энергии этих рабочих. Они показали словом, а затем и делом, что революция должна и может вестись трудящимися и против царизма, и против буржуазии и формулировали это в лозунге социальной революции. На этой почве возник и стал развиваться рабочий анархизм в России»⁴⁶.

Нельзя сказать, что российские анархисты начала XX в. были прямыми наследниками идей Герцена. Скорее они наследовали его боль, связанную с разочарованием в результатах, которые принесло рабочим установление буржуазной демократии в странах Западной Европы. Именно это обстоятельство привело многих из будущих представителей анархистской интеллигенции к уходу из социалистических партий, которые указывали на необходимость повторения для России капиталистического пути развития, или допускали в своих программных документах сохранение элементов капитализма во время переходного периода к социалистическому строю. Этот мотив прослеживается в мемуарах российских анархистов, живших в странах Западной Европы в конце XIX - начале XX вв.: «...Я испытал острое чувство социальной боли, окончательно склонившее меня к анархизму. ...Я думал: вот прославленная Франция с её республиканским строем; властвуют богачи, а народ бедствует; значит, всякий государственный строй есть насилие над народом; государственная власть только поощряет эксплуатацию народа капиталистами, какую

⁴⁶ Аршинов П.А. Анархизм и диктатура пролетариата (Доклад Конференции анархо-комм.[унистических] Групп Сев.[ерной] Америки и Канады). Paris. 1931. С. 2-3.

бы форму она ни имела – самодержавной или конституционной монархии, или республики»⁴⁷. Так характеризовал свои впечатления от жизни в Париже 1905–1909 гг. представитель анархо-коммунистического и пацифистского течения в русском анархизме И. С. Книжник-Ветров. Не случайно поэтому, что анархистские газеты, журналы, листовки, выходявшие в России, а также издававшиеся российскими анархистами в эмиграции, содержали немало материалов с критикой западноевропейских демократических порядков. Основной вывод этих материалов следующий: завоевание конституции и политических прав на практике не улучшает условия жизни рабочих. Немало печатных материалов анархисты посвящали корреспонденциям о расправах полиции и войск над забастовщиками, о массовых локаутах, бедственном положении рабочих в Западной Европе и США. Большой резонанс в анархистской печати получила стачка, вспыхнувшая в 1905 г. во французском городе Лиможе, сопровождавшаяся столкновениями с войсками и расстрелом безоружных рабочих. «Всё это происходит в “свободной” республиканской Франции, где много раз одураченные рабочие делали революцию в пользу буржуазии, долгое время они боролись чисто политическим путём»⁴⁸, – комментировала лиможские события близкая анархо-синдикалистам газета «Пролетарское дело».

Подводя итоги нашей статьи, отметим некоторые аспекты мировоззрения А. И. Герцена, которые, несомненно, можно признать актуальными и для нашего времени. Прежде всего, это касается скептического отношения Герцена к борьбе за "конституционную республику", его представлений о приоритете социально-экономической борьбы над политической. Читая восторженные тексты некоторых российских левых (в том числе и анархистов) о движении "За честные выборы" и "Маршах миллионов", призывы присоединиться к "общедемократической коалиции" совместно с буржуазно-либеральными и радикально-националистическими политиками, я часто вспоминал высказывание Б. П. Онгирского, народнического публициста, более известного под псевдонимом "Б. Ленский": "На глазах народа происходила и происходит между настоящей буржуазией и работниками интеллигенции какая-то делёжка мужицкого добра, и отчего явится у него уверенность, что весь сыр-бор не заго-

⁴⁷ Книжник И.С. Воспоминания о П.А. Кропоткине и об одной анархистской эмигрантской группе // Красная летопись. 1922. № 4. С. 31.

⁴⁸ Пролетарское дело. № 2. 1905. С. 7-8.

Д.И. Рублёв
Александр Герцен и анархизм...

релся оттого, что все эти работники остались обделёнными и получили из мужицкого кармана не столько, сколько им нужно? Ведь у нас, среди образованных людей, весьма распространено мнение, что главной причиной нынешних смут служит увеличение умственного пролетариата. В этом убеждении не вся истина, но известная доля её несомненно имеется. Но если к этой доле присоединить ещё другую причину, именно стремление некоторых — хотя далеко не всех — работников интеллигенции и собственно буржуазии к политической власти и парламентаризму, то вся деятельность интеллигенции приобретает не только своекорыстный и узко-партийный, но и прямо враждебный народу характер, раз интеллигенция остаётся интеллигенцией, а буржуазия буржуазией. Парламентаризм нигде и никогда не приводил ни к чему другому, как только к владычеству буржуазии над народом..."⁴⁹. Сказано это было в 1881 г., в связи с успешной боевой акцией народовольцев против Александра II. Как известно, "Народная воля" поставила борьбу за конституцию и политические свободы в качестве приоритетной задачи перед борьбой за социальную революцию. Безусловно, мы не собираемся проводить аналогию между событиями во Франции 1848 г., в России 1880-х гг. и нашим временем, поскольку живём и действуем в совершенно иных социально-экономических и политических условиях. Но важным остаётся одна из базовых для сторонника социалистических идей нравственных установок, связанная с необходимостью отстаивать, прежде всего социально-экономические интересы рабочего класса. Если же сравнить численность левых активистов, участвовавших в акциях протеста по социальной тематике с численностью тех из них, кто участвовал в так называемых "Маршах миллионов", где можно наблюдать гегемонию лозунгов реформирования политической системы, возникает невольная мысль о постепенном превращении некоторых левых организаций в марионеток либеральных политических сил, выражающих классовые интересы буржуазии.

Отметим также, что в условиях современной России совершенно утратили своё прогрессивное значение идеи об особом пути к социализму через общинное устройство. Для нашей страны они являются достоянием истории. Сельская поземельная община в Европейской России разрушена и не может быть восстановлена. Поэтому в наше время было бы верхом самодовольства писать, что Россия "ближе к

⁴⁹ З. [Онгирский Б.П.] Интеллигенция, народ и буржуазия // Дело. 1881. № 12. С. 6-7.

осуществлению экономического, то есть социального переворота, чем римско-феодалная, мещански-индустриальная Европа⁵⁰. Современная Россия, увы, являет собой яркий пример прогрессирующей атомизации общества, проникновения капиталистических отношений в различные сферы его жизни. Однако для стран капиталистической периферии и тех регионов, где ещё сохранились общинные отношения - идеи общинного социализма А. И. Герцена могут иметь некоторую актуальность. Напомним в связи с этим, что Н. М. Пирумова, один из наиболее глубоких исследователей его творчества, писала, что "плодотворность поиска Герценом решения социальных проблем аграрной страны доказана полувековым господством народнической идеологии в России и близкими социальными моделями, возникшими в ряде развивающихся стран"⁵¹. Идеи перехода стран периферийного капитализма к социалистическим отношениям на основе общинных институтов ("уджмаа") были применены в 1960-е гг. в Танзании по инициативе президента Дж. Ньерере. Опыт "уджмаа" оказал значительное влияние на формирование взглядов деятелей левого движения в странах Африки, Латинской Америки и Океании. Связь между либертарными идеями и общинными традициями самоорганизации в духе идей Герцена в наши дни проводят африканские анархисты. "Мы пытаемся разъяснить, что есть много сходства между анархизмом, как социальным движением и традициями Африки"⁵², - писал Сэм Мба, активист анархо-синдикалистской организации «Лига сознания» (Нигерия). Нигерийские анархо-синдикалисты выделяют коммуналистские принципы, на которых основано традиционное африканское общество. Его низшая единица – автономная сельская община, основанная на «деревенской демократии» (коллективное принятие решений, ориентированное на всеобщий консенсус). Экономический базис африканской этой структуры составляет коллективное землевладение, при котором земля может принадлежать всей общине или большой семье. Право коллективного собственника здесь легитимирует лишь коллективная связь предков, потомки которых обязаны передать землю и дом будущим поколениям⁵³. По мнению нигерийских анархо-синдикалистов, эти

⁵⁰ Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М. 1954-1965. Т. XV. С. 147.

⁵¹ Пирумова Н.М. Александр Герцен - революционер, мыслитель, человек. С. 202.

⁵² Vortrag von Sam Mbah. P. 263.

⁵³ Vortrag von Sam Mbah. P. 264-265.

общественные формы остались нетронутыми, несмотря на влияние колониализма и внедрение капиталистического уклада. К этой форме организации общества, преобразованной в соответствии с либертарными идеями и следует вернуться: "Наше предложение - вернуться к общинной форме организации. Либеральная демократия и западная государственная система враждебны африканским общественным формам. Они были привиты им извне, без какого-либо участия большей части населения"⁵⁴. Даже в африканских больших городах, по мнению Мба, сохраняются элементы традиционной самоорганизации, адаптированные к новым условиям. Он находит их в семейной взаимопомощи, которой пользуется горожанин, переживающий экономические трудности.⁵⁵ Мне кажется очевидным сходство этих идей с теми, что много лет назад уже проповедовал Герцен применительно к славянским странам.

Но и современные европейские анархисты оценивают на роль общинных институтов стран капиталистической "периферии" на пути к самоуправляющемуся социалистическому обществу, во многом, с позиции Герцена. Ярким примером здесь является анализ движения аарш, выросшего в 2001–2002 гг. на территории алжирской провинции Кабилия на волне борьбы за её автономию и протестов против расправ полиции над мирными демонстрациями. Этим движением руководила координирующая сеть из местных деревень традиционалистского типа и общинных собраний⁵⁶. Фактически, как отмечают исследователи, "это новое движение имело сильную близость с анархистской моделью общественной организации"⁵⁷. Эти выводы соответствуют оценкам представителей организаций либертарного толка. Так, во Франции, ведущие анархистские организации (Национальная Конфедерация Труда – секция Международной Ассоциации Трудящихся, Французская Анархистская Федерация, Координация групп анархистов, Либертарно-коммунистическая организация, «Либертарная альтернатива») признали в рамках движения аарш нали-

⁵⁴ Ibid. P. 269.

⁵⁵ Анархо-синдикализм под палящим солнцем Африки. Awareness League (MAT) из Нигерии

//<http://ru.indymedia.org/newswire/display/11576/index.php>

⁵⁶ Дамье В.В. Народное восстание в современном Алжире // Наперекор. № 12. Зима 2002-2003. С. 22–25; Porter D. Eyes to the South. French Anarchists and Algeria. Oakland, Edinburgh, Baltimore. 2011.

⁵⁷ Porter D. Eyes to the South. P. 321-322.

чие либертарных тенденций: общинной координации, построенной через соседские ассамблеи деревень и генеральные ассамблеи местностей, состоящие из делегатов; принятия на собраниях решений консенсусом или тремя четвертями голосов после обязательных дебатов; федералистских принципов взаимосвязи между частями движения; его независимости от партийных структур.⁵⁸ Движение аарш оценивалось как "горизонтальное, автономное и антиавторитарное"⁵⁹. "Тот факт, что эти перспективы возникли из традиционных структур, не умаляет их наиболее современное использование", - отмечал представитель организации «Либертарная Альтернатива»⁶⁰. Вместе с тем участники либертарного движения указывали на консервативные традиционалистские элементы в практике аарш: ограниченность пределами Кабилии и её берберским населением, отстранение женщин от активного участия в общих собраниях, подавление молодёжи представителями старшего поколения. Предлагались и определённые пути решения этих проблем. В частности, шла речь о необходимости развития и всесторонней поддержки женских феминистских ассоциаций в Алжире.⁶¹ Эти факты подтверждают, что либертарная народническая программа, сформулированная А. И. Герценом, как особый путь к социализму для "молодых" народов, ещё не вступивших на путь капиталистического развития, может занять достойное место в современном мире. А именно - в странах, население которых сохранило, во многом, общинный уклад.

⁵⁸ Porter D. Eyes to the South. P. 365–366, 339–340, 383, 389, 395, 397-408.

⁵⁹ Ibid. P. 365-366.

⁶⁰ Ibid. P. 336.

⁶¹ Ibid. P. 365 - 366.

Б.Ф. Славин

**Идеи самоуправления и собственности
в теории и истории социализма**

Крушение советской модели государственно-бюрократического социализма с новой силой поставило вопрос об исторических судьбах идей самоуправления и собственности в социалистической теории и практике. Этот вопрос можно сформулировать так: не является ли крушение вышеназванной модели социализма следствием неверной трактовки, а порой и игнорирования правящей коммунистической партией проблем самоуправления и собственности трудящихся?

Актуальность данного вопроса возрастает в связи с нарастанием державнических и неосталинистских настроений в обществе, в том числе среди лидеров левых партий современной России. К сожалению, последние ищут главные причины событий, связанные с августовским 1991г. переворотом и его негативными последствиями для России, не внутри страны, не в процессах социально-экономической и политической трансформации общества, а в таинственном заговоре «мировой закулисы» Запада и «происках» ее агентов на Востоке. Понять подобные настроения и идеи можно, но оправдать нельзя. Рожденные под влиянием распада СССР и многочисленных примеров центробежных тенденций субъектов Федерации на постсоветском пространстве, они все дальше уведут общественное сознание от понимания истинных причин крушения реального социализма, создавая тем самым базу для возможного повторения старых ошибок.

Вместе с тем, причины крушения социализма в СССР и странах Восточной Европы, перенявших советскую модель, со временем становятся все более очевидными. Среди таких причин, как отставание от развитых государств в области новейших технологий и жизненном уровне народа, особое место занимают ошибки в осуществлении экономической и политической демократии. Проявлением этих ошибок был непомерный рост бюрократизма в странах, вставших на путь социалистического развития. К этим странам, в первую очередь, относится СССР, испытавший на себе особенно сильно негативные последствия бюрократического перерождения экономики и советской власти. Сознывая это уже в первые годы после революции, В. Ленин в своем «Политическом завещании» намечал реальные пути

борьбы с бюрократизмом, начиная с внедрения в экономику идей кооперации и кончая требованиями преобразования Рабкрин, смещения с поста генерального секретаря партии И. Сталина и др.

Однако, «Политическое завещание» вождя революции не было выполнено. Бюрократизм в советском обществе стал своеобразной плотиной на пути социального творчества народа, его непосредственного участия в экономическом и государственном управлении. После смерти Ленина он стал доминирующим методом хозяйствования, пронизал собой всю политическую систему, включая правящую партию, профсоюзы и комсомол. В результате стратегическая задача коммунистического движения об опережении развитых капиталистических стран, ликвидации социального неравенства и превращении рабочего государства в общественное самоуправление решена не была. Мало того, советский народ испытал на себе всю трагедию массовых незаконных репрессий, которые на него были обрушены сталинским тоталитарным государством. Сегодня очевидно, что бюрократизм извратил социалистическую суть советской власти, оттолкнул от нее народ. В итоге возникли политические условия, приведшие к ее падению в конце XX века.

Этот факт заставляет снова и снова обращаться к теории и истории социализма на предмет более глубокого осознания той роли, которая играет в нем идеи самоуправления и собственности трудящихся.

У истоков идеи самоуправления

Раскрытие сути идеи самоуправления, как реальной альтернативы возможному тоталитарному управлению в обществе, находим уже у автора слова «социализм» француза Пьера Леру. В своей работе «Об индивидуализме и социализме», написанной в 1834 году он совершенно определенно говорит о двух фундаментальных началах в обществе: «стремлении человека к свободе» и стремлении человека к «общественности» («социальности»). Последнее начало он и называл словом «социализм», которое противопоставлял, с одной стороны, эгоизму и индивидуализму, а, с другой, «абсолютному социализму», который он отождествлял с тиранией бюрократического государства. «Индивидуализм» и «абсолютный социализм» он считал двумя пистолетами, направленными друг против друга.

Задолго до возникновения в истории «казарменного социализма» Леру пророчески писал: «Пусть сторонники абсолютного социа-

лизма излагают свои тиранистские теории, пусть они хотят нас организовать в полки ученых или в полки промышленников. Пусть они дойдут до признания вредности свободы мысли. В тот же момент вы почувствуете себя отвергнутыми. Ваш энтузиазм охладевает, ваши чувства индивидуальности и свободы восстают, и вы с грустью вновь обращаетесь к настоящему перед ужасом этого нового папства – подавляющего, всепоглощающего, которое трансформировало бы человечество в некую машину, где настоящие живые существа – индивиды – являются всего лишь необходимым материалом вместо того, чтобы являться арбитрами своей судьбы».

Быть «арбитром своей судьбы» и означает, в широком смысле слова, самоуправление, без которого невозможно «живое настоящее стремление человека к свободе и началам общественности». Здесь следует отметить, что уже Леру понимал своеобразие социальной природы человека. В отличие от христианских теологов он видел в человеке не часть «мистически понятого общественного тела», а «такой плод на дереве человечества, который в зародыше содержит дерево, его породившее» (Там же). По мнению Леру, личность человека выражает свой век, поколение, народ. Она суверенна и в этом смысле свободна.

Думаю, такая трактовка человеческой личности оказала свое влияние, как на немецких истинных социалистов, так и на основоположников марксизма. Первые сделали из нее выводы, абсолютизирующие роль личности в истории, и тем самым заложили основы теории анархизма (Штирнер, Бакунин, Кропоткин). Вторые, увидев в человеке индивидуальное проявление общества и государства (по Марксу «человек – это мир человека: государство, общество»), обосновали материалистическое понимание истории, сформулировали свой знаменитый идеал грядущей общественной ассоциации, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». ¹ Обе эти ветви социализма связывали будущее человечество с ликвидацией государства как машины насилия над человеческой личностью и становлением общественного самоуправления. И анархисты, и социалисты были убеждены в том, что там, где есть подлинная свобода, - не должно быть государства, а там, где есть государство, - не может быть полной свободы. Расхождения касались путей устранения государства из жизни общества: марксисты связы-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. С. 447.

вали этот процесс с постепенным отмиранием классов, анархисты считали, что государство должно отмереть сразу после революции.

В этой связи интересны дискуссии между Марксом и Бакуниным, а позднее Лениным, Паннекуком и Каутским об исторической судьбе государства после революции.

Маркс полагал, что после совершения социалистической революции государственная власть должна оставаться в руках пролетариата до тех пор, пока сохраняется сопротивление буржуазии и объективные предпосылки классового деления общества. Анализируя самоуправленческий опыт Парижской коммуны, он считал, что с бюрократией можно покончить путем выборности чиновников и сведением их зарплаты к уровню средней зарплаты рабочего. В свою очередь, Бакунин полагал, что государство и бюрократизм - взаимосвязанные вещи и поэтому требовал не только отмены государства сразу после революции, но и пытался свое требование воплотить в жизнь в условиях испанской революции. К сожалению, ее плачевные итоги (контрреволюция возвратила себе власть, воспользовавшись роспуском революционерами своих военизированных отрядов) подтвердили теоретическую правоту Маркса. В свою очередь, Бакунин оказался прав в отношении возможной связи бюрократии и пролетарского государства. По его мнению, отсутствие самоуправленческих начал в социалистическом обществе, с необходимостью приводит к возникновению жесткой иерархической бюрократии, которая, в конце концов, уничтожает свободу личности, а, вместе с нею и социализм. Эти мысли во многом оказались верными, если учесть негативный опыт советского государства.

С новой силой вопрос о соотношении государственных и самоуправленческих начал в обществе возникает в социалистической литературе в ходе революции 1905 г. и накануне Октябрьской революции 1917 года. Уже тогда среди социал-демократов появляется термин «революционное самоуправление», раскрывающий суть деятельности первых зародышей советской власти. Позднее вопрос о самоуправлении переходит в плоскость осмысления характера будущего пролетарского государства.

В своей работе «Государство и революция» Ленин, полемизируя с Каутским и Паннекуком, доказывает, что рабочим нельзя, с одной стороны, обойтись без государственной машины, с другой, - что ее нужно строить заново, опираясь на социальное творчество революционных масс. В первом случае он подкреплял свои взгляды ссылками на социал-демократа Каутского, утверждавшего, что без чинов-

ничества и специалистов рабочее государство не сможет существовать, во втором, - на левого социалиста Паннекука, считавшего, что старую государственную машину необходимо разрушить, если мы не хотим успеха контрреволюции.

Сразу после свершения Октябрьской революции Ленину пришлось на практике воплощать свои идеи в жизнь. И здесь, создавая новое рабочее государство, он сталкивается с необыкновенной живучестью старых явлений и, прежде всего, бюрократизма. Воспринимая справедливую во многом критику «рабочей оппозиции» о заилии в советских госаппаратах старой и новой бюрократии, он требует бескомпромиссной борьбы с этим злом. Однако, одержать над ним победу ему не удастся: мало того, со временем бюрократизм становится неотъемлемой и все усилившейся чертой советской власти. Что же стало причиной живучести этого явления?

Обычно ее ищут в условиях отсталости России, или в жестких условиях гражданской войны и капиталистического окружения. Конечно, эти объективные причины нельзя сбрасывать со счета, тем не менее, большую роль здесь сыграла и ошибочная политика правящей партии, явно недооценившей опасность бюрократического перерождения советской власти, не сумевшей осознать в полной мере тех новых и прогрессивных явлений социального творчества народа, которые рождались в ходе социалистического строительства.

Прежде всего, нельзя было не заметить того факта, что Октябрьская революция на первых порах вызвала к жизни различные формы самоуправления трудящихся. Самоуправление было свойственно как самим Советам различных уровней, так и трудовым коллективам. В этой связи достаточно вспомнить разностороннюю деятельность фабзавкомов в промышленных городах, или различные кооперативы и товарищества по совместной обработке земли на селе.

Надо отметить, что рабочие и крестьяне России в первые годы революции не только с энтузиазмом восприняли ее лозунги о передаче фабрик и заводов рабочим, а земли – крестьянам, но стали на деле их воплощать в жизнь, развивая на этой базе самоуправление в производственных коллективах. Напомню, что рабочие коллективы той поры нередко сами вели хозяйство, решая многочисленные вопросы, связанные с кадрами, покупкой средств производства, сырья, сбытом готовой продукции и т. п. В этих актах массового социального творчества прослеживается характерная черта - органическая связь самоуправления и собственности трудящихся. Уже тогда становилось совершенно ясно, что не может быть подлинного самоуправ-

ления трудящихся, если они не являются реальными владельцами, собственниками того предприятия, на котором работают.

Тем не менее, со временем социальное творчество трудящихся, рожденное революцией, постепенно сходит на нет: социалистическая идея самоуправления уступает место административной идее всеобщего огосударствления трудовых коллективов и их собственности. Опыт бывших социалистических стран свидетельствует, что передача всех средств производства в руки государства приводит на практике не к усилению социализма, а резкому росту бюрократизма и фактическому исчезновению самостоятельности трудящихся. Современные историки и политологи справедливо отмечают острую борьбу двух тенденций в большевистской партии сразу после Октября: самоуправленческой (демократической) и государственнической (бюрократической). Борьба носителей этих тенденций нашла свое отражение как в деятельности ВСНХ, так и в высших органах правящей партии.

К сожалению, со временем в руководстве страной возобладала вторая тенденция. Этому в немалой степени способствовала бытовавшая в то время догма о так называемом анархо-синдикалистском уклоне, которую разделяли многие члены руководства правящей партии. Однако борьба с этим уклоном на деле привела лишь к усилению власти государственной бюрократии, остановке намечившегося в начале революции процесса развития самоуправления и ликвидации наемничества в стране. Вместо экономической зависимости от частного собственника, трудящиеся попали в зависимость от произвола чиновника. Вместо того, чтобы, в соответствии с лозунгами революции, передать фабрики и заводы в собственность или в вечное пользование трудовым коллективам, их передали во власть государственному чиновнику, что резко усугубило отчуждение трудящихся от средств производства, снизило их заинтересованность в качественном и высокопроизводительном труде, заложило объективные социально-экономические предпосылки будущей буржуазной реставрации. В этих условиях периодически возникающие попытки советской власти сформировать у трудящихся чувство хозяина своего предприятия и своей страны были изначально обречены на провал.

Как соединить частный интерес и общественное благо?

На мой взгляд, негативные последствия отчуждения трудящихся от средств производства не были бы столь катастрофичны,

если бы вовремя реализовалась ленинская идея кооперации, разработанная в его последних работах. Суть этой идеи не была понята многими из его окружения и, прежде всего, Сталиным, который отождествил ее с формальным обобществлением крестьянских хозяйств. Именно такое отождествление лежало в основе политики коллективизации начала 30-х годов, породившей голод и стагнацию сельского хозяйства на многие годы.

В чем же состояла новизна и суть ленинской идеи? На мой взгляд, в нахождении такой формы объединения трудящихся, которая позволяла решить главный вопрос, над которым бились многие поколения социалистов. Этот вопрос сам Ленин сформулировал следующим образом: как соединить частный интерес с общественным благом? И ответ на него он нашел в многочисленных фактах создания трудящимися различных кооперативов в городе и деревне. Он писал в этой связи: «...Теперь мы нашли ту степень соединения частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»². Левые коммунисты той поры видели в кооперативах лишь коллективного капиталиста. Иное в них увидел Ленин. По его мнению, кооперативные предприятия в условиях господства рабочего класса и общественной собственности на землю отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических.

В чем же заключалась их социалистическая природа? На мой взгляд, в главном отличительном признаке – отсутствии наемничества, проявляющегося в коллективном владении конечными результатами своего труда. Именно здесь общественный интерес совпадает с личной заинтересованностью, а добровольность объединения и сознательная дисциплина заменяют собой дисциплину голода, характерную для буржуазного общества. В итоге, в таких кооперативах на деле преодолевалось отчуждение работников от средств производства, реализовывалось самоуправление и тем самым создавались все необходимые и достаточные условия для победы нового социалистического строя, строя «цивилизованных кооператоров». Возражая противникам идеи кооперации, Ленин прямо говорил: «... Тот обще-

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

ственный строй, который мы должны поддержать сверх обычного, есть строй кооперативный»³.

Конечно, те кооперативы, о которых думал и говорил Ленин, ничего общего не имели со многими кооперативами, возникшими в конце 80-х годов в Советском союзе. Последние больше напоминали не коллективные производственные ячейки, создающие материальные ценности, а «частную лавочку», занимающуюся растаскиванием общественного богатства. Не случайно в таких кооперативах с самого начала практиковалось наемничество, разделяющее людей на два полюса - собственников кооперативов и их наемных работников. Создание именно таких кооперативов положило начало размыванию экономических основ социализма, заложенных Октябрьской революцией.

Далеко отстояли от ленинского понимания «строя цивилизованных кооператоров» и многие колхозы, созданные в сталинские годы сплошной коллективизации страны. В них не только не было добровольного и свободного коллективного труда, присущего настоящим кооперативным объединениям: напротив, они полностью подчинились государству, регламентирующему их деятельность и присваивающему их труд. Такие колхозы не соответствовали своему понятию «коллективные хозяйства»: они являлись скорее госхозами, которым сверху указывали, что производить, что продавать и по какой цене. Нередко в сталинские времена члены колхоза получали на трудодень символические «палочки», за которые ничего нельзя было купить. Это был поистине рабский труд, от которого нельзя было даже бежать, ибо колхозники, не имея паспортов, лишены были элементарных гражданских прав, включая право на изменение профессии и место проживания. Что же касается индивидуальных собственников средств производства (кустарей), которые сами работали на себя, то их огульно называли мелкой буржуазией, хотя последние наемный труд не применяли.

Вместе с тем ликвидация наемничества, преодоление отчуждения, как экономического, так и политического, были, и, я думаю, остаются главными задачами аутентичного социализма. Здесь следует отметить, что основоположники марксизма не смогли предвидеть опасность сохранения этого отчуждения в условиях безраздельного господства в новом обществе государственной собственности. Как мы видели, Ленин только в конце своей жизни это понял, придя к

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 371.

Б.Ф. Славин

Идеи самоуправления и собственности ...

идее «кооперативного социализма», но внедрить ее в действительность не успел. Таким образом, проблема соединения «частного» и «общего» осталась на практике нерешенной. И не мудрено, что большинство трудящихся в советском обществе считали государственную или колхозную собственность «ничейной». Что же касается отдельных идеологизированных попыток советского государства внедрить общественное самоуправление в жизнь без реальной демократизации собственности, то их массы справедливо рассматривали как несерьезную игру властей в демократию.

Как понимать собственность

Здесь мы вплотную подошли к пониманию собственности как важнейшей стороне материалистического понимания общества и социалистической идеи в целом. С точки зрения марксизма именно собственность на средства производства является материальной основой человеческой свободы. Лишенный собственности человек не свободен. В условиях господства частной собственности господином является частный собственник. Величина его собственности служит мерой его экономической свободы. Здесь источник глубинных расколов в частнособственническом обществе, и об этом нелишне было бы знать сегодняшним ревнителям повсеместной приватизации и абстрактной свободы.

Социализм устраняет господство частной собственности и вводит собственность общественную, тем самым он создает экономические предпосылки для освобождения трудящихся. Почему только предпосылки? Потому что, как уже отмечалось выше, есть две опасности, которые подстерегают трудящихся. Первая – это преждевременное введение общественной собственности там, где еще целесообразна частная. Вторая – это передача контроля над общественной собственностью в руки государственной бюрократии, которая с ее помощью становится бесконтрольным властелином над обществом. И в том, и в другом случае трудящиеся проигрывают, тормозится процесс их реального освобождения.

Необходимость замены частной собственности на общественную возникает только тогда, когда первая полностью себя исчерпала как форма развития производительных сил общества. Так, очевидна ненужность частной собственности и, напротив, целесообразность государственной собственности в сфере атомной энергетики, железнодорожного транспорта, космонавтики и т. п. Одна-

ко там, где частная собственность более эффективна, чем государственная, например, в сфере деятельности небольших фирм, бытового обслуживания, сельского хозяйства и т. д., нет необходимости ее упразднить раньше времени. Это может принести – и, как показала практика, приносит – большой урон обществу. Главным критерием здесь должна служить не идеологическая установка, а интересы трудящихся. Если последние удовлетворяются частником лучше, чем государством, частная собственность имеет полное право на существование. За государством остается лишь право контроля над ней.

К сожалению, «левые» доктринеры иногда неверно трактуют тезис Коммунистического манифеста о том, что сущность теории коммунистов сводится к словам «уничтожение частной собственности». В данном случае основоположники научного социализма имели ввиду не просто ликвидацию частной собственности, а ее «снятие», т. е. освоение всего положительного, что есть в частной собственности, и отказ от таких ее отрицательных сторон, как эксплуатация, индивидуализм и т. п. Устранение частной собственности целесообразно только тогда, когда ее более эффективно заменяют государственной или коллективной. Социализм, особенно на ранних ступенях своего развития, не исключает использование частной собственности. В этой связи характерна критика Марксом так называемого уравнительного «грубого коммунизма», который «стремится уничтожить все то, чем на началах частной собственности не могут овладеть все»⁴. В то же время частная собственность в условиях социализма не может доминировать. Доминирование этой собственности – характерная черта капиталистического, а не социалистического хозяйства. Одно дело – частная собственность в условиях ее господства, другое – в условиях господства общественной собственности. Здесь, очевидно, и содержится ключ к разрешению спора о том, можно ли считать, например, скандинавские страны социалистическими.

Вместе с тем господство общественной собственности еще не означает автоматическое освобождение трудящихся от всякой экономической зависимости. Все дело в том, выступают ли трудящиеся полными хозяевами этой собственности.

Именно этого и не было в сталинско-брежневскую эпоху, когда социализм объявлялся логическим следствием господства «высшей»

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114.

Б.Ф. Славин

Идеи самоуправления и собственности ...

государственной собственности. На деле же государственная собственность находилась в распоряжении партгосноменклатуры, то есть все определяли партия, государство, правительство. Они устанавливали величину зарплаты, нормы и расценки труда, цены на товары и т. д. Сами производители ничего не решали на производстве. Они оставались такими же наемниками, как и на частнокапиталистическом предприятии, то есть полностью отделенными от процессов управления и результатов своего труда.

Только советские «верхи» могли считать госсобственность абсолютным благом. В той же мере они в частной собственности видели абсолютное зло. На наш взгляд, такое положение вещей было следствием определенной фетишизации проблемы собственности у тех, кто не прошел школу историко-философского понимания социальных явлений. Собственность как общественное отношение есть историческое явление, изменяющееся в ходе развития общества. Нельзя забывать, что она выступает конкретной формой развития производительных сил. Лишь в том случае, когда форма собственности тормозит их развитие, отчуждает человека от результатов труда, не выдерживает конкуренции с другими формами собственности, мы можем говорить о ее исторической исчерпанности и безперспективности. В противоположном случае мы будем сталкиваться с эффектом политического волюнтаризма или авантюризма по отношению к той или иной форме собственности. Именно таким волюнтаризмом были преждевременное устранение частной собственности в СССР или явно поспешная ликвидация многих эффективных государственных предприятий и колхозов в 90-ые годы. Практика показывает, что наиболее устойчивой является та экономика, в которой используются различные формы собственности, стимулирующие производство, соответствующие тому или иному уровню производительных сил, будь то частная, коллективная или государственная. При этом важны пропорции их соотношения. К сожалению, эту истину не могли постичь ни многие советские экономисты и политики, называющие себя марксистами, ни так называемые реформаторы гайдаровского толка в наше время.

Тоталитаризм или самоуправление

Не постигли они и сути идеи самоуправления, заключающейся в преодолении отчуждения человека от экономической и политической власти. Ни современные правые либералы, ни левые

«державники» не считают самоуправление трудящихся серьезной идеей, так как она, в конечном счете, лишает их возможности бесконтрольно властвовать над людьми. Это противоречит глубинным интересам, как частного в буржуазном обществе, так и госчиновника в условиях бюрократического социализма.

Самоуправленческая идея, делающая трудящегося человека господином своей судьбы, активным субъектом истории особенно была глубоко чужда Сталину и его сторонникам, провозгласившим, вопреки марксизму, главенствующую роль не трудящихся, а административного аппарата в управлении обществом и государством. Сталин открыто писал об этом в своих сочинениях: «...Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезде Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами»⁵.

Реализация данной концепции управления обществом привела на практике к всеобщему отчуждению трудящихся от политической власти, превратила выборы депутатов в простую формальность голосования, затормозила на многие годы развитие общественного самоуправления и постепенное отмирание государства. В идеологии данная ситуация оправдывалась странной концепцией: «отмирание государства через его усиление». На практике она обернулась произволом бюрократического аппарата, его мощной репрессивной машины, ликвидирующей любое несанкционированное творчество и инакомыслие в стране.

Так сформировался тоталитарный сталинский режим, положивший на долгое время конец любым разговорам об усилении и развитии самоуправления в стране. Он фактически поставил крест на любых попытках введения производственного самоуправления, зарождавшегося, время от времени, в недрах потребительской кооперации, в традиционной для России форме артельного производства и т. п. Все эти явления рано или поздно объявлялись чуждыми советской власти и в итоге запрещались. После смерти Сталина они стали стихийно возрождаться в различных проявлениях хозяйственной жизни. Так возникли полулегальные самоуправляющиеся артели портных и старателей, различные группы «шабашников», студенческие строительные отряды, молодежные жилищные кооперативы и

⁵ Сталин И.В. Соч., т.4. С. 366.

т. п. Однако, и в этих, сугубо временных производственных объединениях, вопрос о собственности трудовых коллективов, как материальной основе экономического самоуправления, не ставился и не решался. Максимум, что допускалось – это собственность работников на некоторую часть трудового дохода.

Хрущевская «оттепель» положила конец тоталитарному режиму сталинского самовластия, заменив его авторитарным режимом с отдельными элементами демократии. К последним можно отнести введение паспортов на селе, начало массового жилищного строительства, появление на улицах городов добровольных народных дружин, определенные послабления цензуры, развитие самодеятельного народного творчества и др. Вместе с тем, и при Н. Хрущеве нельзя в полной мере говорить о реальных шагах в сферах общественного и производственного самоуправления. В стране продолжался диктат правящей партии в области культуры и общественных наук, оставались нетронутыми многие догмы сталинской эпохи в области социальной теории, государственного строительства и самоуправления. На практике идея самоуправления дальше деятельности «народных дружин» и отдельных самодеятельных коллективов художественного творчества не продвинулась.

Что касается официальной теории социализма, то она в этот период демонстрирует полное пренебрежение материалистическим пониманием истории, явное забегание вперед относительно перспектив развития советского общества, что особенно наглядно проявилось в выдвижении утопической концепции построения коммунизма в одной стране к 1980 году. И все это утверждалось в обществе, где действовал мощный аппарат государства, господствовал тяжелый физический труд, где сохранялись наемничество и пропасть в жизненном уровне городского и сельского населения, номенклатуры и рядовых граждан. Вместо поиска реальных путей сокращения государственной машины, ликвидации наемного труда и развития на этой базе производственного самоуправления, Хрущев начал непродуманные эксперименты, приведшие к ликвидации промысловой кооперации, сокращению приусадебных участков в сельской местности, насаждению кукурузы в Нечерноземье и т. п. Все это сыграло на руку его противникам, добившимся со временем его отстранения от власти. В обществе началось определенное возрождение сталинистских идей и настроений, усиление авторитарного политического режима.

Время так называемого брежневского «застоя» не дало ничего нового в развитии теории и практики самоуправления. Попытка усилить путем косыгинской реформы роль товарно-денежных отношений и хозрасчета в стране воспринималась как разовое и временное явление, от которого, не смотря на определенное улучшение жизни народа, «верхи» вскоре отказались. Что касается низового стремления масс к самоуправлению и самодеятельности (организация неофициальных художественных выставок, самиздатской литературы, клубов и вечеров самодеятельной студенческой песни, появление различных неформальных политических групп), то оно, как правило, пресекалось официальной властью.

Попытки демократического обновления социализма

Развитие идей и практики общественного самоуправления как средств демократического обновления социализма впервые началось за рубежом, под влиянием ряда крупных политических событий. Среди них, - «Пражская весна» в Чехословакии, так называемый «Югославский эксперимент», первые шаги польской «Солидарности» и др. Все эти явления последней трети XX века связаны с конкретными шагами в области общественного и производственного самоуправления, с попыткой придать реальному социализму гуманистическое измерение, которое было в свое время теоретически обосновано в ранних экономико - философских рукописях К. Маркса и поздних работах В. Ленина. Не случайно именно эти работы стали предметом широкого обсуждения в 70-е и 80-е годы среди творчески мыслящих ученых - обществоведов и политиков бывших социалистических стран.

Как известно, события «Пражской весны» в Чехословакии, а до нее «Венгерские события 1956г.», проходили под флагом демократизации общества, политического и идеологического плюрализма. Как правило, никто из руководителей этих процессов не ставил в повестку дня отказ от социалистических ценностей. Главные требования сводились к отказу от одиозных черт сталинского тоталитарного режима: незаконные репрессии, политический диктат одной партии, монополия власти на истину и т. п. Среди этих требований содержались предложения о придании большей самостоятельности национальной политике, в том числе, в области экономических отношений и развития производственного самоуправления.

Особенно широкое распространение идея самоуправления нашла в бывшей Югославии. Ее именем называлась многолетняя государственная политика, направленная на демократизацию всей общественной жизни страны. Нередко югославский социализм назывался «самоуправленческим социализмом». В рамках этого социализма удалось отказаться от многих пережитков сталинской модели: демократизировать систему партийного руководства страной (введение системы ротации руководителей партии), децентрализовать федеральное государственное управление, передав часть его функций республиканским и местным органам власти, расширить и формально демократизировать традиционные формы управления производственными коллективами. Вместе с тем, «югославский эксперимент» оказался во многом поверхностным, так как не затрагивал самых фундаментальных общественных отношений, – отношений собственности. Бюрократические методы управления страной, сохраняясь по существу, лишь передвигались с центра на периферию. На уровне предприятия трудовые коллективы так и не стали собственниками средств производства, продолжали быть не субъектом, а объектом управления со стороны назначенной сверху администрацией.

Большое продвижение в теории и практике самоуправления можно наблюдать в польском рабочем движении в начале 80-х годов. Начавшись в рамках профсоюзного движения «Солидарность», оно вскоре выдвинуло лозунги далеко выходящие за эти рамки. Выступив против тоталитарной сталинской модели социализма, польские рабочие начали активную «борьбу за утверждение в стране самоуправления трудящихся на основе общественной или групповой собственности на средства и продукты производства; самоуправления, которое можно охарактеризовать, как социалистическое».⁶

В этой связи вызывает интерес «Проект закона об органах самоуправления на предприятиях», предложенный профобъединением «Солидарность» в июле 1981 года. В специальном разделе этого проекта говорилось: «Коллектив трудящихся предприятия управляет предприятием через органы самоуправления... Органы самоуправления распоряжаются имуществом предприятия, намечают общее направление его производственной деятельности и развития, а также принимают решения о распределении прибылей... Директор пред-

⁶ Белоцерковский В. Из портативного ГУЛАГа российской эмиграции. Мюнхен. 1983, с.11.

приятия осуществляет оперативное руководство производством в соответствии с решениями органов самоуправления»⁷.

Исследователи рабочего движения в Польше отмечают радикальный и в тоже время социалистический характер идей самоуправления, выдвинутых профсоюзом «Солидарность». Идеологи этого профсоюза считали, что рабочие в рамках своего трудового коллектива могут самостоятельно решать вопросы об изменении ассортимента выпускаемой продукции и услуг, кадровые вопросы, назначать и смещать директора предприятия, управлять средствами массовой информации предприятия, принимать решения по поводу экспортно-импортных отношений и т. д. Высшим руководящим органом коллектива является «Совет трудящихся предприятия», который решает все основные вопросы жизни и деятельности коллектива.

Следует отметить, что вышеназванный «Проект закона об органах самоуправления на предприятиях» был поддержан сотнями польских рабочих коллективов и начал активно внедряться в жизнь. Это напугало его различных критиков, стремящихся использовать самоуправление в интересах противоположных интересам трудящихся.

Дело в том, что идеи самоуправления разрабатывались и внедрялись в жизнь в Польше, как меры альтернативные сталинизму, с одной стороны, и либерализму, с другой. Это и вызывало огонь соответствующей критики. Либеральные идеологи увидели в них первые, но явно недостаточные шаги для перехода к капиталистическим отношениям, официальное руководство ПОРП – средство, размывающее государственную собственность.

Не поддержанное ПОРП и не принятое новой либеральной властью, самоуправление рабочих скоро уходит в небытие в условиях либеральной политики «шокотерапии». Ирония истории здесь состояла в том, что один из основателей «Солидарности», неоднократно заявлявший о своей приверженности идеям рабочего самоуправления, сам рабочий Лех Валенса, став Президентом Польши, торжественно заявил о ее переходе «от социализма к капитализму».

Аналогичные процессы можно было наблюдать и в Советском союзе во времена горбачевской перестройки. Начавшись как процессы реформирования и демократического обновления советского авторитарного социализма, они сразу вывели на первый план различные самоуправленческие идеи и проекты. На митингах с требовани-

⁷ Белоцерковский В. Из портативного ГУЛАГа российской эмиграции. Мюнхен. 1983. С. 12.

ем введения самоуправления в трудовых коллективах выступали рабочие, студенты, научные сотрудники. В научных дискуссиях идея самоуправленческого социализма нередко противопоставлялась власти административно-командной системы. Официальная пропаганда провозгласила возвращение к ленинскому наследию и, прежде всего, к его последним работам, включая работу «О кооперации». Среди ученых стали активно обсуждаться ленинские идеи рынка и товарно-денежных отношений, демократизации партии и государства, заговорили о возвращении к практике борьбы с бюрократизмом, о повышении роли Советов в управлении обществом, о гласности и политическом плюрализме. В атмосфере перестройки начали возникать многочисленные неформальные организации, как прообраз будущих политических партий. На производстве усиливался контроль над деятельностью администрации, появились первые ростки самоуправления на предприятиях в форме Советов трудовых коллективов, возникла практика избрания директоров крупных промышленных предприятий и т. д.

Особо следует сказать о возрождении кооперативного движения в эти годы. Восстановление кооперации шло под лозунгом возвращения к ее ленинским принципам: хозяйственной самостоятельности, добровольности, самоуправления и неприкосновенности кооперативной собственности. Эти принципы нашли свое отражение в законе о кооперации и дали толчок созданию многочисленных кооперативов.

К сожалению, практика создания таких кооперативов носила противоречивый характер. Только малая часть кооперативов стала подлинно коллективными предприятиями с собственностью работников, приносящими пользу себе и обществу. Большинство кооперативов так и не сумело найти свою полезную для общества нишу: как правило, они создавались при крупных государственных предприятиях как посреднические организации спекулятивного характера. Начав как коллективные предприятия, как организации коллективных собственников, многие кооперативы вскоре превратились в сугубо частные предприятия. В них возникло антагонистическое деление на собственников (хозяев) и работников (наемников), и в этой связи почти полностью исчез элемент первоначального коллективного самоуправления. Ясно, что целью таких кооперативов стала не общественная польза, а, по возможности, быстрое и сугубо личное обогащение хозяев. Закономерно, что к таким кооперативам было, в основном, негативное отношение населения. Трансформация коопе-

ративов в «частные лавочки», на мой взгляд, стало возможным, благодаря непродуманной политике советского государства, оставившей неокрепшее кооперативное движение на произвол рыночной стихии. По сути дела, подобные кооперативы стали базой для возникновения целого класса «новых русских» - будущих хозяев буржуазной России.

Аналогичная судьба постигла и арендное движение. Возникнув как средство повышения эффективности государственной и коллективной собственности за счет сближения трудящихся с конечными результатами их труда, оно также вскоре заглохло. Главная причина состояла в формальном характере перехода на права аренды: на деле собственность оставалась в руках государства и работники арендных предприятий не могли полностью распоряжаться тем, что они создали собственными руками. Только незначительная часть предприятий, перешедшая на арендный подряд у государства, смогла реализовать большие преимущества этой хозяйственной формы. Среди них следует назвать Межотраслевой научно-технический комплекс «Микрохирургия глаза», возглавляемый известным профессором Святославом Федоровым, добившийся от правительства реального права распоряжаться коллективным доходом предприятия.

Это право сразу дало возможность предприятию перейти на долевой принцип оплаты труда каждого работника, преодолеть его традиционное отчуждение от результатов работы, заложить действенную основу сплоченности и самоуправления в коллективе.

Однако, подобные явления оставались единичным опытом в рамках всего общественного организма. Господствующая бюрократическая система не хотела давать им зеленый свет, боясь потери собственного контроля над трудовыми коллективами. Что же касается правящей коммунистической партии, призванной выражать интересы трудящихся, то она в силу теоретической слепоты и политической оторванности от народа, не сумела поддержать и возглавить многие прогрессивные процессы, которые сама же вызвала к жизни политикой перестройки. В итоге главная стратегия перестройки – обновить и демократизировать социализм, придать ему черты человеческого, самоуправляющегося общества и тем самым приблизить осуществление коммунистического идеала, оказалась не выполненной.

КПСС, отдав инициативу другим партиям и движениям, была вынуждена сойти с политической сцены. История сделала очередной виток: при молчаливом согласии народа на смену социализму при-

шел жесткий, варварский капитализм, плоды которого тяжело переживает большинство россиян.

Противоречия настоящего и ростки будущего

За десятилетие так называемых «радикальных реформ» произошло падение производства примерно в два раза. Каждый десятый труженик стал безработным, свернулась социальная сфера, на грани исчезновения оказалась наука: сотни тысяч ученых уехали за границу. Стали повседневной практикой задержки с выплатой заработной платы и пособий, общество столкнулось с небывалым ростом криминала, возникшей в мирное время беспризорностью миллионов детей. Плачевный итог этих реформ, к сожалению, не замечаемый властью, состоит в растущем вымирании населения, его очевидной материальной и духовной деградации.

Конечно, нельзя не признать и ряд положительных моментов, наступивших в России после реставрации, буржуазной власти, осуществленной в начале девяностых годов. Среди них особенно следует отметить такие явления как ликвидацию тотального огосударствления экономики, отмену административно-командной системы управления общественными и духовными процессами, упразднение официальной цензуры в СМИ, появление возможности свободного выезда граждан за границу и ряд других явлений, не свойственных прошлому режиму.

Однако эти положительные явления общественной жизни, уже вскоре перестали играть какую либо положительную роль на фоне развернувшейся политики «шоковой терапии», приведшей к резкому обнищанию народа, невиданному сокращению экономического потенциала страны. В этой связи особенно следует отметить попытку новой российской власти «демократизировать» экономику путем всеобщей «ваучерной приватизации» государственной собственности. Задуманная первоначально как единовременный процесс превращения всех тружеников в хозяев производства, она уже вскоре превратилась в беспрецедентное ограбление народа. В рамках этой приватизации принадлежащие гражданам ваучеры (чеки), номинальная стоимость которых была достаточно велика, были выменяны у населения на акции различными подставными частными фондами. Уже вскоре, с исчезновением этих фондов, данные акции превратились в никому ненужные бумажки. Позднее государство по остаточной (не рыночной) стоимости формально продало (фактически пе-

редало) держателям этих ваучеров тысячи государственных предприятий в частную собственность. Так возник частный капитал в России.

Однако ряд государственных предприятий предпочли самостоятельно преобразоваться в акционерные общества с контрольным пакетом акций, принадлежащим не стороннему собственнику, не внешнему инвестору, а трудовому коллективу. Так возникла коллективно-частная собственность, позволяющая многим трудовым коллективам ввести у себя не формальное, а реальное самоуправление. И такие предприятия появились. Но уже вскоре на их пути возникли непреодолимые трудности. В условиях всеобщего экономического кризиса началось снижение цены на акции предприятий и их бесконтрольная скупка различными полулегальными мафиозными структурами в целях приобретения над ними полного хозяйственного контроля.

Вскоре практика показала, что такой «контроль» над предприятиями нередко приводил либо к спекулятивной перепродаже контрольного пакета акций сторонним собственникам, либо к их остановке и закрытию. Как правило, зарубежные собственники, получив в свои руки контрольный пакет акций, закрывали на этих предприятиях производство. Таким путем исчезала конкуренция с соответствующими западными предприятиями на мировом рынке. В итоге в России прекратили свое существование многие фабрики и заводы, резко возросла безработица. Здесь характерным примером может служить Подольский завод швейных машин, купленный за бесценок известной немецкой фирмой «Зингер». В результате такой покупки были закрыты ряд цехов, прекращено производство отечественных швейных машин, пользующихся спросом у населения, уволены тысячи рабочих. От всего завода было оставлено лишь вредное литейное производство.

Однако в последнее время появились характерные примеры социальной борьбы с подобными явлениями. Так в ходе такой борьбы была предотвращена остановка производства на Ясногорском машиностроительном заводе, Ленинградском комбинате цветной печати, Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате и других предприятиях.

Коллективы данных предприятий, как говорится, брали власть в свои руки, отстраняя от нее несправившихся с производством руководителей и собственников. Рабочие этих предприятий, взяв под свой контроль всю их деятельность, создавали соответствующие са-

моуправленческие структуры, налаживали производство и сбыт готовой продукции, устанавливали связи со смежниками и родственными предприятиями, строго следили за порядком и трудовой дисциплиной. По мнению объективных наблюдателей на данных предприятиях возникала низовая, базисная демократия, способствующая проявлению лучших качеств людей: умение толково работать, вести финансовую и распорядительную деятельность, заботиться о бытовых условиях жизни членов коллектива, проявлять солидарность с работниками, находящимися в аналогичных условиях.⁸

Однако, как показывает практика, данные предприятия до сих пор находятся в сложных отношениях с существующим законодательством, отдающим приоритет владельцам контрольных пакетов акций, или так называемым «внешним инвесторам», пытающимися правдами и неправдами захватить такой пакет. В итоге многие конфликты частных собственников и коллективов предприятий разрешаются судебными инстанциями не в пользу последних.

До недавнего времени в России вообще не было законов, способствующего образованию предприятий с собственностью работников, не смотря на то, что подобное законодательство широко распространено во многих развитых странах мира. В рамках такого законодательства сегодня успешно развиваются тысячи американских компаний, внедривших у себя программы ИСОП, то есть программы наделения акциями рядовых работников. На таких же принципах действуют многочисленные строительные кооперативы в Италии, успешно работает ассоциация производственных и непроизводственных кооперативов Мондрагон в Испании. На схожих подходах осуществляют сельскохозяйственное и промышленное производство израильские киббуцы и новейшие китайские коллективные предприятия. Следует отметить, что в этих странах действуют законы, поощряющие переход собственности в руки работников. По этим законам предоставляются налоговые льготы тем компаниям, которые переходят на принципы функционирования коллективно-частной собственности, где практикуется участие работников в управлении капиталом и производством.

В 1998 году в России по инициативе Партии самоуправления трудящихся был принят федеральный закон, позволяющий преобразовывать различные акционерные общества в предприятия с собственностью работников, так называемые «народные предприятия».

⁸ См.: Альтернативы, № 4, 1999, с. 52-57.

Отличительной чертой закона «о народных предприятиях» является то, что контрольный пакет акций, составляющий более 75% капитала всегда остается собственностью коллектива и не может быть продан на сторону. Внутри предприятия никто из его акционеров не может сосредоточить у себя более 5% акций. Высшим органом власти является собрание акционеров, избирающего из своей среды подотчетного им руководителя по принципу «один акционер – один голос».

За два года действия этого закона десятки открытых акционерных обществ стали народными предприятиями, в которых на практике стал преодолеваться наемный характер труда, действовать система самоуправления коллектива. Как правило, все народные предприятия успешно функционируют. Они более производительны и социально защищены, чем аналогичные, но не принадлежащие работникам предприятия. Среди них следует назвать картонажный комбинат в городе Набережные Челны, кондитерскую фабрику «Конфил» в Волгограде, фабрику имени М.Горького в городе Кимры и др. На схожих принципах функционирует дагестанское сельскохозяйственное объединение, руководимое М. Чартаевым, уже упоминавшийся институт «Микрохирургии глаза» в Москве, строительный кооператив в Рязане и др.

Во всех выше названных предприятиях члены трудового коллектива имеют равные права с администрацией на получение части общего трудового дохода, широко участвуют в решении тактических и стратегических вопросов жизнедеятельности своего коллектива. К этим вопросам, прежде всего, следует отнести решения о доли и размерах заработной платы, обновлении и увеличении постоянного капитала, снабжении и реализации готовой продукции, внедрении эффективных приемов и способов работы.

Как известно впервые идею планового наделения акциями работников (ИСОП) высказал американский ученый Луис Келсо, написавший свой знаменитый «Капиталистический манифест». Критикуя в этой работе К. Маркса за его недооценку роли капитала в создании стоимости, он доказывал важность передачи капитала труженикам предприятия. По мнению Келсо, необходимо сделать каждого труженика собственником капитала. Тогда у него появляются необходимая заинтересованность в труде, развитии и совершенствовании производства, возможность постоянно увеличивать долю своего дохода. Не вдаваясь в существо полемики Келсо с Марксом (первый во многом недопонимал второго), отметим, что идея Келсо о «народном капитализме» вплотную подводит нас к понятию «социализм», ибо капи-

тал, переданный народу, по сути дела, превращает капитализм в «народный социализм», в общество, где полностью ликвидируется институт наемничества. А ведь именно о ликвидации наемного труда всегда говорили и мечтали социалисты. И хотя сам Келсо был критиком идеологии социализма, его теория «народного капитализма» по существу подводила под социализм реальную экономическую почву. В отличие от «государственного капитализма», где собственность и продукт труда принадлежат государству, «народный социализм» создается снизу, превращая каждого труженика в совладельца общей собственности на средства производства и результатов коллективного труда.

К сожалению, современные российские коммунисты не придают должного значения идее «народных предприятий», хотя их представители в Думе принимали участие в разработке и утверждении соответствующего закона. Я полагаю, что такая позиция не случайна. Она определяется тем, что многие лидеры современного коммунистического движения придерживаются иной «державнической» идеологии, унаследованной ими со сталинских времен.

До сих пор лидеры большинства коммунистических партий в России не поняли того факта, что глубинной причиной крушения реального социализма в СССР была политическая ориентация правящей партии на создание в стране сугубо национальной модели «державного социализма». Эта модель полностью противоречила интернациональным марксистским взглядам на исторически переходящую роль пролетарского государства, которое должно с необходимостью отмирать по мере ликвидации антагонистических отношений и становления общественного самоуправления трудящихся. Именно модель «державного социализма», взятая в свое время на вооружение Сталиным, привела на практике к глубокому отчуждению трудящихся от экономической и политической власти, способствовала крушению основ социализма, заложенных Октябрьской революцией.

В этой связи следует отметить, что политика «державного социализма» в двадцатые и тридцатые годы подвергалась резкой критике со стороны «левой оппозиции», однако уроки из этой критики до сих пор российскими коммунистами не извлечены и не осмыслены. Мало того, неосталинизм стал характерной чертой идеологии не только радикальных, но и так называемых умеренных коммунистов из КПРФ. Не случайно, идея «державного социализма» сегодня поднята на щит идеологами и лидерами КПРФ.

Что же лежит в основании концепции «державного социализма»? Чтобы ответить на этот вопрос достаточно обратиться к книгам и высказываниям идеологов КПРФ. В них прочно утвердилась догма о некоей внеклассовой «государственности», присущей России с момента ее исторического возникновения. Так один из лидеров и идеологов КПРФ Юрий Белов, в свое время, прямо заявил, что российское государство возникло задолго до появления классов. И это заявление не вызвало каких либо возражений у первых лиц в партии, хотя вопрос был поднят в ходе обсуждения первого варианта программы КПРФ. Как ни странно, но для современных лидеров КПРФ не социально-классовая природа государства определяет его сущность, а некая мистическая «соборность» русского народа. При таком понимании совершенно безразлично, является ли российское государство средством удовлетворения интересов трудящихся, или машиной защищающей и охраняющей интересы «верхних ста тысяч». Игнорирование социальной природы государства с необходимостью порождает оппортунистическую линию поведения лидеров КПРФ, считающих, что на современном этапе решающим методом борьбы является не массовая революция, а постепенное «выдавливание» из исполнительных органов власти так называемых «демократов» и замены их коммунистами. На деле же такое «выдавливание» оборачивается тривиальным приспособлением представителей компартии к существующей государственной системе. В этом легко убедиться, проанализировав деятельность так называемых «красных губернаторов» и большинства депутатов, голосовавших за утверждение бюджетов, подготовленных правительством в рамках неолиберальной политики «шоковой терапии».

На игнорировании социальной природы государства в последнее время фактически сходятся и «коммунисты» и «демократы», в один голос заговорившие о необходимости так называемого «государственного патриотизма», укрепления «порядка» и «дисциплины» в обществе. При этом остается совершенно не ясным вопрос, в чьих классовых интересах будут осуществляться эти истины, будет ли от них лучше чувствовать себя простой труженик, безработный, или беспокоящийся за свои капиталы «олигарх»? Есть основания предполагать, что эти идеи ныне нужны господствующему классу для закрепления той собственности, которая в одночасье была отобрадена у народа на исходе XX века.

Что касается собственности трудящихся, которая существует сегодня в форме «народных предприятий», то на нее не прекращаются

нападки, как со стороны мафиозного капитала, так и со стороны отдельных чиновников исполнительной власти. Если первые стремятся не допустить преобразование акционерных обществ в народные предприятия путем овладения контрольным пакетом акций, то вторые всячески препятствуют процессу появления народных предприятий, не разрешая последним покупать акции, принадлежащие государству. Сегодня наметился тесный союз этих госчиновников и представителей полуправильного бизнеса, пытающихся в средствах массовой информации и арбитражных судах дискредитировать закон «о народных предприятиях», как якобы противоречащий Конституции и идеалам свободного рынка и предпринимательства.

И хотя это не соответствует действительности, действенного отпора таким нападкам нет ни со стороны демократов, еще недавно желающих сделать всех членов общества хозяевами производства, ни со стороны коммунистов, полагающих, что все граждане должны получать сообразно количеству и качеству своего труда. А, ведь, именно эти, демократические и социалистические идеалы, реализуются в законе и практике народных предприятий. Здесь работники на деле становятся хозяевами производства. Здесь общие доходы коллектива распределяются по конечным результатам труда каждого.

К сожалению, сегодня ни в демократическом, ни в социалистическом движении не рассматривается в качестве исторической возможности для России модель «демократического» или «самоуправленческого» социализма. Вместе с тем, только в ее рамках можно на деле преодолеть действительный антагонизм между трудом и капиталом. В прошлом этот антагонизм во многом идеологизировался советским обществоведением, при этом им упускалось из виду его суть - наемничество, преодоление которого и составляет главный признак подлинного социализма. Однако и в настоящее время самоуправленческая модель не востребована крупными политическими партиями левой ориентации: ее продолжают игнорировать как коммунисты, так и теоретики социал-демократии. Так при разработке первой программы КПРФ лидерами партии было отвергнуто предложение о включении в нее пункта о постепенном превращении социалистического государства в общественное самоуправление. Что касается идеологов современной западной социал-демократии, то они предпочитают вообще ничего не говорить о возможном качественном изменении современного буржуазного государства и замене его в будущем общественным самоуправлением.

Вместе с тем, хочется напомнить, что классики научного социализма связывали с утверждением общественного самоуправления конечную цель социалистического движения. Они видели в наемном характере труда глубинную причину эксплуатации, отчуждения и разделения людей в обществе. Для них наемный труд и капитал всегда представляли собой две стороны противоречия, которое должно исчезнуть по мере технологического и общественного прогресса. Общество, которое снимает это противоречие, они называли социалистическим. Общество, сохраняющее его, они считали либо капиталистическим, либо мнимо социалистическим.

В этой связи следует подчеркнуть, что капитализм был и остается, в основном, обществом наемного труда с ограниченной свободой, односторонней демократией, фрагментарной личностью. Наемный работник на частном предприятии, по сути дела, ничего не решает. В то же время человек может стать личностью только тогда, когда имеет право решающего голоса. Поскольку он таким правом обладает, постольку он может контролировать производство. То же и в политической сфере: поскольку он участвует в выборах, он может контролировать процесс формирования представительной и исполнительной власти. Без политической свободы нет демократии, без экономической свободы нет производственной демократии.

Социализм исторически мыслился европейцами как общество, противоположное капитализму. Говоря точнее, это отрицающее капитализм посткапиталистического общество. Его основой являются высокие технологии и воссоединение непосредственных производителей со средствами производства. Последнее создает экономические предпосылки для ликвидации наемничества и векового социального отчуждения. Лишь на этой основе могут развиваться универсальная личность, всесторонняя демократия и полноценная свобода.

XX век показал, что ни капитализм, ни «государственно-бюрократический социализм» не ликвидируют наемный труд, не делают человека свободным.

Когда же эти идеалы станут осуществимыми? Только тогда, когда каждый труженик, каждый работник станет собственником средств производства и результатов своего труда, когда исчезнет разница между трудом и капиталом, между хозяином и работником, когда на деле будет преодолено вековое отчуждение человека от собственности, власти и культуры. Зародыши таких отношений мы могли наблюдать в двадцатом столетии в разных уголках плане-

Б.Ф. Славин

Идеи самоуправления и собственности ...

ты: в первых шагах советской власти, в опытах самоуправления на Кубе и Алжире, в акционированных американских компаниях с программой ИСОП, в трудном становлении народных предприятий современной России. Можно надеется, что эти, пока еще немногочисленные ростки или оазисы по настоящему свободных человеческих отношений, станут доминирующей тенденцией общественного прогресса в XXI веке.

Часть 3

Концы и начала

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

«Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего; глядя назад – шагаем вперед; наконец, и для того полезно перетрясти ве-тошь, чтоб узнать, сколько ее истлело и сколько осталось на костях»

А.И. Герцен. Дилетантизм в науке. 1842 г.

Обратиться к Герцену в его 200-летний юбилей заставляет не обида на нынешние отечественные нравы, когда нарочито забывают великих отечественных революционных демократов и социальных мыслителей, а действительный и серьезный вопрос: устарел ли Герцен за 200 лет или что-то еще «осталось на костях»? Лет 30 или 40 назад можно было бы сказать, что Герцен во многом устарел и осталась лишь добрая память о выдающемся русском писателе и мыслителе, оказавшем громадное влияние на развитие отечественной социальной мысли. Но сегодня в 2012 г. Герцен неожиданным образом стал для России чрезвычайно актуальным, что и будет предметом обсуждения в данной статье. Прежде всего, но не только, это связано с теорией опережающего развития, которая стала сегодня модной в некоторых кругах российской интеллигенции. Однако, основоположником этой теории в России и является Герцен. Вот центральное место теории Герцена, можно сказать, контрапункт его концепции: «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бе-

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

сит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос» (Т. 2, с. 531-532). Действительно, почти все интеллектуальные усилия Герцен посвятил обсуждению этого вопроса. И ответ у него в целом есть – хорошо. Допустим, это так, хотя изменять «собственному разуму» не очень хорошо и даже плохо. И Герцен это понимает. Так или иначе, понимали это и последующие российские мыслители. Ведь Герцен по сути дела поставил коренной вопрос русской общественной мысли: как России вырваться из своей отсталости и встать вровень с передовыми странами Запада и, может быть, даже в чем-то их опередить? За 150 лет после основных работ Герцена вся общественная мысль России вертелась вокруг вопроса: как опередить европейские страны? Но тут же напрашивается другой вопрос: реально ли это, получится ли что-то путное из этой торопливости? Вот в чем вопрос. Но начнем с другого захода.

Стиль демократа и барина

В человеке много значит стиль, а в великом – тем более. Стиль жизни, размышлений, деятельности, ученых писаний. Герцен владел великолепным литературным стилем, где главное были умные фразы на грани афоризмов. Пожалуй, это даже не просто литературный стиль, а стиль парадоксального философского мышления, которое создало себе в этом человеке оригинальную литературную форму. Вот пример. В одном месте он пишет: «привычка – великое дело, это самая толстая цепь на людских ногах; она сильнее убеждений, таланта, характера, страстей, ума. ...Итальянец, живущий на Везувии, привык спать возле кратера так же спокойно, как в свою очередь наш мужичок спокойно отдыхает в обществе нескольких тысяч тараканов» (Т 1, с. 176)¹. Действительно, от привычек, даже противных, трудно избавиться. Для этого существуют воспитание, образование, просвещение. Образованный и просвещенный человек вряд ли снизойдет до общества тараканов. Или вот замечательное по афористичности и ироничности высказывание Герцена: «Семейному человеку как-то неприлично много думать; он не должен быть настолько празден» (Т 2, с. 14). А я вот, будучи семейным человеком, думаю и даже пишу, значит, веду себя неприлично. В.Г. Белинский

¹ Здесь и далее источники цитат приводятся в тексте по изданию: Герцен А.И. Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985 и Т. 2. – М.: Мысль, 1986.

Часть 3
Концы и начала

очень хорошо отметил эту особенность стиля Герцена в рецензии на одну его статью. Это «род заметок и афористических размышлений о жизни, исполненных ума и оригинальности во взгляде и изложении»². Очень точно сказано. Хочется приводить и приводить множество великолепных фраз Герцена «исполненных ума и оригинальности». Вот, например, такая фраза: «Мысль нельзя сложить, как руки – она и во сне не совсем спит» (Т 1, с. 175). Да, говорят, что кому-то именно во сне приходят гениальные мысли. Или вот другая фраза, не очень справедливая, но красивая: «Все знают, что немец скорее переведет Ротека на санскритский язык, нежели теоретическую мысль – на практику» (Т. 1, с. 199). И действительно, теоретическую мысль К. Маркса, например, пытались перевести на практику русские революционеры, а не немецкие социал-демократы.

Но стиль был бы пустым занятием, если бы он не оформлял глубокие мысли и доходчиво доносил до читателя умную, интересную и справедливую позицию автора. Вот он пишет: «Никому не даю я право требовать от меня героизма, лирических поэм и пр., но всякому принадлежит право требовать, чтоб я его не оскорбил и чтоб я не оскорблял его оскорблением другого» (Т. 1, с. 193). Вот это последнее «оскорбление оскорблением другого» - просто бесподобно! Великолепно передана очень глубокая и верная мысль автора и его благородная гражданская позиция. В противном случае надлежит силой заставлять выполнять человеческие законы. Да и сам Герцен в одном месте заметил, что «важно не слово, а понятие, смысл» (Т. 1, с. 442). Это, конечно, верно, смысл – главное. Но слово тоже очень важно. В Герцене, таким образом, органично сочетались три вещи: очень глубокие философские мысли, превосходная литературная форма и, наконец, что может быть самое главное, гражданская, гуманистическая позиция мыслителя.

Как ни странно, Герцен все же был барином. Это видно по многому и прежде всего по его текстам. Например, читаем в самом начале «Писем об изучении природы»: «Выйдешь под вечер на балкон, ничто не мешает взгляду; вдохнешь в себя влажно-живой, насыщенный дыханием леса и лугов воздух, прислушаешься к дубравному шуму – и на душе легче, благороднее, светлее...» (Т. 1. С. 220). Конечно, никому не возбраняется «изучать природу» с балкона, но все же разночинцы так не писали. Н. А. Бердяев как-то заметил: «Герцен был носителем высшей, утонченной культуры. Чернышевский уже

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1955. С. 577.

носитель культуры низшей, культуры пониженных качеств»³. И надо сказать, что Герцен хорошо понимал двойственность своего положения. Он писал: «Надобен чей-то труд для того, чтоб нам доставить досуг, необходимый для нашего психического развития, тот досуг, ту деятельную праздность, которая способствует мыслителю сосредоточиваться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствует пышному, капризному, поэтическому, богатому развитию наших аристократических индивидуальностей». И дальше такая фраза: «Кто не знает, какую свежесть духу придает беззаботное довольство...» (Т 2, с. 42). Внутри самого Герцена и была борьба между его аристократической индивидуальностью, «свежестью духа», с одной стороны, и стремлением к свободе, равенству и справедливости, с другой стороны. Вот, например, такой эпизод из одного его рассказа. Как-то у Герцена перед поездкой затерялся ключ от чемодана и к тому же порвался ремень, которым был перевязан чемодан. И Герцен с расстройством написал такие строки: «Какое счастье было в старые годы, когда при ремне, при ключе состоял камердинер, и на нем можно было взыскать, зачем перегорел ремень и зачем сам потерял ключ. Ничего не может быть вреднее для здоровья, как именно то, что нельзя выместить на ком-нибудь беду, - поди тут и берегись»⁴. Согласитесь, что сказано это искренне и с чувством. Действительно, очень трудно совместить камердинера и социальное равенство. Это противоречие, эта внутренняя борьба и сделала Герцена интересным вчера и делает сегодня для многих людей, порой противоположных мировоззренческих взглядов.

Может быть, поэтому Герцен не любил мещанство, буржуазность, ибо последнее принижало утонченность аристократической культуры. На этот счет у него масса прелюбопытных текстов. Вот, например, такой: «Рыцарь был больше он сам, больше лицо и берег, как понимал, свое достоинство, оттого-то он, в сущности, и не зависел ни от богатства, ни от места; его личность была главное; в мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное – товар, дело, вещь, главное – *собственность*». И еще: «Под влиянием мещанства все переменялось в Европе. Рыцарская честь заменилась бухгалтерской честностью, изящные нравы – нравами чинными, вежливость – чопорностью, гордость – обидчивостью, парки – огородами, дворцы – гостиницами...» (Т 2, с. 265). Более то-

³ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. – М.: Канон+, 1998. С. 92.

⁴ Герцен А.И. Избранные произведения в 5 тт. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 2009. С. 434.

Часть 3
Концы и начала

го, у Герцена можно встретить места, где оправдывается, даже воспевается мотовство, расточительность и роскошь. «Расточительность, мотовство не разумно, - пишет Герцен, - но не подло, не гнусно. Оно потому дурно, что человек ставит высшим наслаждением самую трату и негу роскоши; но его неуважение к деньгам скорее добродетель, нежели порок» (Т 1, с. 474). Или вот почти крамольная фраза: «Помещичья распущенность, признаться сказать, нам по душе; в ней есть своя ширь, которую мы не находим в мещанской жизни Запада» (Т. 2, с. 232). Как это прикажете понимать? Элементарное мещанство, бережливость, крохоборство и т. д. куда лучше «помещичьей распущенности» и других излишеств феодализма, азиатчины и рабства. Ведь помещик может позволить себе «ширь» за счет сотен своих крепостных. И, вообще говоря, ничего нет плохого в том, что парки, где гуляли короли с королевами, заменили огородами, а дворцы, где жил один вельможа – гостиницами. Но Герцену это не нравится. Он не приемлет замену великолепного дворца и роскошного парка, удовлетворяющих эстетические запросы утонченных натур, мещанскими огородами и гостиницами, созданных ради материальных нужд и барыша. Может быть, потому-то Герцен свои симпатии сводил к сельской общине, явно феодальному институту. Он не видел смысла и в рабочем классе, пролетариате. Последний он именовал «неимущими мещанами», которые хотят вырвать из рук «имущих мещан» достояние, но не имеют на это силы (Т. 2. С. 266).

Более того, Герцен, в силу чего – непонятно, а возможно своего барства, путал исторические стадии развития с психологией отдельных народов, т. е. путал социологию с антропологией. Вот он пишет: «Некоторым народам мещанское устройство противно, а другие в нем как рыба в воде. Испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русские имеют в себе очень мало мещанских элементов; общественное устройство, в котором им было бы привольно, выше того, которое может им дать мещанство. Но из этого никак не следует, что они достигнут этого высшего состояния или что они не свернут на буржуазную дорогу». И дальше такая красивая фраза: «Возможностей много впереди: народы буржуазные могут взять совсем иной полет, народы самые поэтические – сделаться лавочниками». (Т 2, с. 320). Однако все народы с теми или иными различиями проходят одни и те же ступени развития. У всех мало-мальски заметных европейских народов сначала были поэты, потом стали лавочники. У нас тоже в середине прошлого века были прекрасные поэты, сегодня – одни лавочники.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

В. И. Ленин так и писал, что «Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде»⁵. Тут нет ничего странного или необычного. Ведь в XIX веке почти все великие русские писатели были бары. Но к ним нет претензий. В отличие от них Герцен был социалист, материалист и революционный демократ. И от него мы ждем четких и непротиворечивых указаний по лучшему устройству общества. Его обличения существующего общественного строя бесплодны по глубине, остроте и выразительности. И хочется получить от этого автора ответ не только на вопрос «Кто виноват?», но и на вопрос «Что делать?». Но вместо ответа нам подсовывают средневековую русскую общину, на худой конец, артель – и все. Вот эта блестящая противоречивость Герцена и делает его великим. Великим, конечно, не в том смысле, что он великий путаник. Герцен чувствует и понимает сложность явлений и процессов, их реальные противоречия. В нем нет односторонности, простоты и плоскости. Наоборот, он умел и имел средства выразить противоречивость самой действительности. Все это накладывало особый отпечаток на литературную деятельность Герцена, создавало особый стиль жизни и творчества. По выражению В. В. Зеньковского «особый герценовский стиль, свою особую манеру изложения и развития своих мыслей»⁶.

Кстати говоря, о Герцене, так или иначе, писали у нас многие социальные мыслители, почти все. И бросается в глаза, что при изложении взглядов и мыслей Герцена эти авторы не пересказывают своими словами положения Герцена, что очень любят делать великие, а чаще всего его цитируют и довольно обильно. Это можно объяснить тем, что если по философской глубине и обстоятельности Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Г. В. Плеханов и многие другие были не ниже Герцена, то по литературному стилю они сильно ему уступали. Прямые цитаты Герцена в философском отношении были также глубоки, как и комментарии к ним Бердяева или Плеханова, но в литературной выразительности много выигрывали. Поэтому и в настоящем тексте приводится много прямых цитат Герцена, ибо лучше его не скажешь.

Не только лучше, но и умнее сказать трудно. Несмотря на то, что с тех пор прошла уйма времени, появилось много хороших книг и ученых, т. е. какое-то развитие общественных наук имело место,

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 259.

⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Часть 2. – Л.: «ЭГО», 1991, с. 74.

Часть 3
Концы и начала

Герцен продолжает быть классиком, к трудам которого можно и нужно обращаться постоянно, читать и перечитывать. И поразительно, с каждым разом, с каждым временем находишь в его книгах что-то новое, созвучное современным проблемам. Сам Герцен этот момент подметил следующим образом. В «Записках одного молодого человека» он пишет, что у него есть страсть перечитывать великих: Гете, Шекспира, Пушкина, Вальтера Скота etc. «Казалось бы, зачем читать одно и то же, когда в это время можно «украсить» свой ум произведениями гг. А., В., С? Да в том-то и дело, что это не одно и то же; в промежутки какой-то дух меняет очень много в вечно живых произведениях маэстров. Как Гамлет, Фауст прежде были шире меня, так и теперь шире, несмотря на то, что я убежден в своем расширении»⁷. Это и есть классика.

Читая и перечитывая сегодня произведения Герцена, невольно возникает вопрос. Что для нас, современных читателей важнее в Герцене: писатель или мыслитель? Сказать, что важно и то и другое – будет просто, банально и неправильно. В русской литературе насчитывается немало великолепных писателей, которых перечитывать сегодня не очень спешить. Какое нам сегодня дело до проблемы «отцов и детей», «дворянских гнезд», «темных аллей» и т. п. А вот писатели-мыслители, которые писали о «бедных людях», «униженных и оскорбленных», о «преступлениях и наказаниях» актуальны и сегодня. Более того, актуальность этих произведений стала сегодня во много раз больше, чем 30 или 40 лет назад. Хотя у Герцена есть прекрасные художественные произведения, но сегодня очень интересны и полезны его научные и публицистические произведения. Сегодня Герцен, прежде всего, социальный мыслитель. Можно сказать, что в Герцене мыслитель перевешивает художника. Как художник Герцен принадлежит к барской среде, как мыслитель – к буржуазной среде, который, понимая ее убогость, стремился оттуда выскочить. Отсюда, по словам С. Н. Булгакова, «душевная драма» Герцена.

Уже здесь образуется целый комплекс противоречий. Стиль жизни и творчества Герцена барские, феодального аристократа, но социальная позиция, интеллектуальные устремления – постбуржуазные. Возможно, от этого он всей душой не приемлет стадию капиталистического развития, буржуазные отношения. Или, как он постоянно пишет, мещанство. Кстати говоря, отрицательное отношение к мещанству, буржуазности прочно заложены в умы и души даже со-

⁷ Герцен А.И. Избранные произведения в 5 тт. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 2009. С. 47.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

временной российской интеллигенции именно великой русской литературой XIX века. А сегодня приходится жить в мещанской, буржуазной России.

Видимо, отсюда идет любовь Герцена к русской средневековой общине, мечты и надежды на превращение ее в ячейку социалистического общества. Это противопоставление европейскому мещанству (буржуазности) крестьянской общины как спасательному кругу, как надежды на человеческую жизнь, свободную от диктата денег и собственности, сегодня представляется просто наивным. Возможно, здесь также сказался аристократический либерализм Герцена, который не приемлет как деспотизм самодержавия, так и деспотизм денег, мещанства.

Был ли Герцен либералом?

Этот вопрос давно обсуждался в соответствующей литературе, но в постсоветской России в связи с возрождением либерализма и появлением либералов новой формации, приобрел как бы второе дыхание. Известны высказывания Герцена против русских либералов еще его времени, хотя они почему-то выглядят очень современно: «О хлебе насущном - либерализм серьезно не думал, он слишком романтик, чтоб печься о таких грубых потребностях. Либерализму легче было выдумать народ, нежели его изучить. Он нагнал на него из любви не меньше того, что на него нагнали другие из ненависти. Либералы сочинили свой народ а priori, построили его по воспоминаниям, из прочтенного...». «Либералы были вечные жители больших городов и маленьких кружков, люди журналов, книг, клубов, они вовсе не знали народа, они его глубокомысленно изучали по историческим источникам, по памятникам - а не по деревне, не по рынку» (Т. 2, с. 65). Из этого можно заключить, что Герцен либералом не был и, как пишет А.В. Шубин, «быть им не мог»⁸. И действительно, выше приведенные слова самого Герцена вроде бы подтверждают этот вывод.

Но вот другое высказывание Герцена, которое можно трактовать как мечту либерала: «Имея власть в руках и опираясь, с одной стороны, на народ, с другой - на всех мыслящих и образованных людей в России, нынешнее правительство могло бы сделать чудеса, без ма-

⁸ Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 199.

Часть 3
Концы и начала

лейшей опасности для себя»⁹. И сегодня в России есть немало интеллигентных людей, которые так и думают о сегодняшнем российском правительстве. Возьмем еще пример. Известно надежды Герцена на императора Александра II самодержца России, связанные с отменой крепостного права. «Александр II, - пишет Герцен в «Колоколе» от 1 апреля 1861 г., - сделал много, очень много; его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников. Он боролся во имя человеческих прав, во имя сострадания против хищной толпы закоснелых негодяев – и сломил их! Этому ему ни народ русский, ни всемирная история не забудут»¹⁰. Надежды эти постепенно развеялись, но настрой на решающую роль власть имущего класса в социальных преобразованиях у Герцена сохранялись долго, почти всегда.

Еще очень важная особенность позиции Герцена. Хотя он и был революционным демократом, но он совсем не звал «Русь к топору», как думают некоторые современные авторы. Вот он пишет: «Нынешние государственные формы России никуда не годны», и это добавим сегодня, совершенно верно. Но далее пишет Герцен: «От души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого...»¹¹. Или вот еще положение, очень напоминающее построение Эд. Бернштейна: «Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумения. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли и социологии могут прививаться, как оспа, или вливаться в мозг так, как вливают лошадям сразу лекарства в рот?» (Т. 2, с. 538). Как тут не вспомнить «перманентную революцию» (т. е. непрерывную) Л.Д. Троцкого! Кому был предшественник Герцен – неонародникам или марксистам и ревизионистам?

Но чтобы ответить на вопрос – был ли Герцен либералом? – надо понять, что такое либерализм вообще и либерал в России в частности. Рассмотрим его не спеша.

Либерализм как теория есть идея свободы, свободы равных возможностей, так сказать, равенства на старте, но не идея социального равенства. Хотя в свое время Французская революция провозгласила

⁹ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 453.

¹⁰ Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. IV. – М.: Соцэкгиз, 1958. С. 656.

¹¹ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 442.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

«свободу, равенство и братство» как равноценные лозунги. Но то было давно. Что из этой свободы получится - это уже другой вопрос и этим либерализм не интересуется. Социализм в теории (как идея) идет дальше либерализма, свободу он последовательно проводит до конца, тем самым преодолевая буржуазность равенства возможностей. То есть, социализм говорит не только о равных стартовых возможностях, но говорит и о равенстве как таковом, имея в виду прежде всего равенство экономическое и социальное. Социализм тем самым преодолевает экономическое неравенство. В таком понимании социализм уже, как говорится, по определению включает все рациональное и полезное, что есть в либерализме. Иными словами, социализм есть более высокая степень либерализма или развитый либерализм. Идея либерализма и идея социализма - это не две разных, но одна и та же идея свободы и демократии, но в разной степени развитости. Исторически, идея либерализма была рождена в XVIII веке (Великая Французская революция), а идея социализма рождена в XIX веке (марксизм) или даже в XX веке (Русская революция).

Конечно, если иметь в виду сталинский социализм, то тогда становится понятным смысл утверждения о дополнении социализма либерализмом. Но сталинский социализм не есть социализм в подлинном смысле этого слова (марксистский социализм). Социализм без свободы, демократии и гуманизма не есть, собственно, социализм, когда свободное развитие каждого предопределяет свободное развитие всех. Конечно, последовательность идей либерализма и социализма надо брать как сформулированные течения всей социальной мысли, а не как разрозненные высказывания отдельных авторов, что можно обнаружить в разное время и в разных обстоятельствах.

Теперь относительно либерализма и России. Некоторые, вернее, сегодня даже многие авторы полагают, что Россия представляет собой некое особое цивилизационное образование, где нет места и, по объективным причинам, не может быть либерализма. Поэтому считают такие авторы, в России может быть или монархизм или социализм. Третьего не дано. Но разберемся в основах этой проблемы.

Научный подход должен давать более или менее четкие критерии общественного развития. Это означает, что все страны при их безусловном отличии и особенностях, имеют одни и те же закономерности исторического развития, проходят в своем историческом развитии примерно одни и те же этапы. Общество не может перескочить естественные фазы своего развития, ни отменить их декретами. Это, казалось бы, уже научно установленные истины. Но в последнее

Часть 3
Концы и начала

время они стали сильно подвергаться сомнению. Это касается рассмотрению России как особой цивилизации, имеющей отличный от западной цивилизации путь развития.

В этой связи меня интересует вопрос о применимости научного метода к исследованию общественных закономерностей. Имеется в виду следующее. Социальная наука при исследовании истории общественного развития вскрывает определенные факты и явления, их последовательность, причины их появления и развития, старается все это объяснить. То есть, научным путем вырабатываются определенные законы или закономерности общественного развития, которые имеют повсеместное применение. Ведь, не может быть такого, что в одной стране действуют одни законы исторического развития, а в другой стране - другие. Это нелепо. Это означало бы конец социальной науки вообще.

Если же исходить из концепции, что Россия не вписывается в никакую мировую историю, а сама по себе есть довольно уникальное явление со своими особыми закономерностями исторического развития, то надо будет определиться и с социальной наукой. Может ли социальная наука в условиях России четко выявить какие-то закономерности исторического развития, сказать, что общество развивается по таким-то и таким-то этапам и что следующий этап развития будет такой-то. Или для России все это не годится, Россию, так сказать, "умом не понять". И Россия вообще выпадает из сферы научного анализа, и мы, как представители социальной науки, ничего не можем сказать о ее прошлом, настоящем и будущем. Европа более или менее поддается каким-то научным теориям. Хорошо, не надо марксизма, это сейчас не модно. Но ведь существуют десятки других различных теорий общественного развития, которые описывают тот же процесс, что и марксизм, только в других терминах. Для России до сих пор никакой особой социальной науки не выдумали. Был, правда, одно время «марксизм-ленинизм», но он уже кончился. Приходится пользоваться достижениями мировой науки, где труды российских мыслителей (в том числе и Герцена) составляют еще один кирпичик в общем здании. Значит, и Россия при всей своей самобытности и уникальности имеет общие с другими странами закономерности исторического развития.

Значит, и Россия должна пройти стадию либерализма и, если угодно, стадию буржуазного развития. Однако это не должно оправдывать сегодняшний экономический либерализм, который есть лишь карикатура действительного либерализма. Кроме того, нельзя зачер-

кивать советский период развития страны, где были тесно перемешаны буржуазные отношения с социалистическими императивами. То есть, в какой-то мере стадию буржуазного развития страна прошла или начала проходить, в какой-то части освоила позитив либерализма. Но все это было проделано плохо, неполно. Видимо, кое-что надо делать заново, либерализм осваивать и развивать по-новому. При этом никак нельзя упускать и достижения советского периода, советского социализма. В противном случае все выльется в махровый русский национализм с православием, самодержавием и т. д.

Таким образом, либерализм и социализм противопоставлять как противоположные или параллельные идеи будет не верно. Социализм наследует либерализм, он законное дитя либерализма. В этом смысле характерна постановка П. Б. Струве в 1932 году вопроса о “социальном либерализме”. По сути своей это то же самое, что и либеральный (либертарный) социализм. “Социальный либерализм, - пишет П. Струве, - следует обозначить и определить как такую социально-политическую установку, которая, не превращая “социальный” момент в неизменную прочно установленную систему средств, подобно тому как это, по крайней мере в принципе, делает определенный программой социализм, совершенно свободно себя чувствует и ориентируется в выборе “социальных” средств как таковых, включая и средства государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Социальный либерализм не имеет никаких предубеждений против государственного вмешательства, он может мыслить и поступать “интервенционистски”, он не отрицает а priori ни “коллективную собственность”, ни “публичное вмешательство” и т. п. Все это для него - вопросы выбора средств для достижения “достойного человеческого существования” всех членов общества...”. Таким образом, заключает Струве “от программного социализма социальный либерализм отличается поэтому подчеркнутым утверждением самостоятельной ценности момента свободы...»¹². Однако это почти ни чем не отличается от либертарного социализма или подлинного социализма.

Надо иметь в виду, что во времена Струве господствовало, по крайней мере, в СССР так называемое механистическое представление о социализме, когда его сводили к ликвидации частной собственности и коллективному производству, организованному из еди-

¹² Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999, с. 412-413.

Часть 3
Концы и начала

ного центра.¹³ Такой социализм естественно не был продолжением либерализма, ибо он не предусматривал личной свободы граждан. У Герцена о социализме были еще более ветхие представления, хотя они ему больше нравились, чем буржуазные последствия либерализма. То есть, Герцен прошел естественный путь эволюции от либерала к социалисту. В начале пути он был либералом, в конце - социалистом. Г. В. Плеханов специально отмечал, что в первые годы существования «Колокола» среди рукоплескавших ему людей «преобладали либералы»¹⁴. Потом либералы отвернулись от Герцена, но он и не стал своим у революционного народничества. Как заметил А. В. Луначарский, «тут Герцен попал в какую-то щель между правыми и левыми»¹⁵. Возможно, что судьба всякого хорошего либерала – сидеть между двух стульев.

Кроме прочего, надо иметь в виду, что в императорской России либералами считались те, кто противостоял Царю, царскому правительству. В либералах тогда ходили многие опальные вельможи, и они противостояли не социалистам, а консерваторам, т. е. сторонниками царского самодержавия.

О России и Западе

Тема – Герцен, Россия и Запад, настолько обширная и сложная, что ограничиться несколькими страницами трудно. Почти вся литература, обсуждающая проблемы и пути развития России, ее места в истории и т. д., посвящена этой теме. Собственно, эта тема есть центральная, ключевая проблема самосознания России, то есть, ее социальной мысли. Поэтому трудно об этом писать кратко, но приходится. Ибо Герцен, если и не был первым исследователем этой проблемы, то первый поставил ее наиболее широко и фундаментально. От Герцена идут все основные ветвления этой проблемы, так и не решенной до сего дня.

Герцен был западником, он любил Запад, т. е. Европу. Есть, например, у него такие замечательные строки: «Европа нам нужна как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно

¹³ Подробнее по этому вопросу см.: Воейков М.И. Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. – М.: URSS, 2009. Гл. 4.

¹⁴ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. IV. – М.: Соцэкгиз, 1958. С. 663.

¹⁵ Луначарский А. Александр Иванович Герцен // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. – М.: Политиздат, 1991. С. 157.

выдумать» (Т. 2, с. 271). Поначалу Герцен воспринимал Европу с восторгом, потом восторг уменьшился, а затем вообще пропал. Но, тем не менее, он сумел выразить отношение к Западу типичные для той эпохи, но почему-то они очень типичны и для нашей. «Наши отношения к Западу, - пишет Герцен, - до сих пор были очень похожи на отношения деревенского мальчика к городской ярмарке. Глаза мальчика разбегаются, он всем удивлен, всему завидует, всего хочет – от сбитня и пряничной лошадки с золотым пятном на гриве до отвратительного немецкого картуза и подлой гармоники, заменившей балабайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота! Качели вертятся, разносчики кричат, паяцы кричат, а выставок-то винных, кабаков... и мальчик почти с ненавистью вспоминает бедные избышки своей деревни, тишину ее лугов и скуку темного, шумящего бора»¹⁶ (Соц., с. 490-491). Мы до сих пор смотрим на Европу как на кричащую и брэнчащую ярмарку, и готовы перенимать внешние формы. Это легче.

У западника и европейца Герцена отношения к России особые. Страстная любовь к ней перемешивается с уничижительной критикой, с желанием добра и счастья с выражением: «чем хуже – тем лучше». Например, он пишет: «Что же это, наконец, за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв и которое предоставляет детям своим лишь печальный выбор погибнуть нравственно в среде, враждебной всему человечеству, или умереть на заре своей жизни? Это бездонная пучина, где тонут лучшие пловцы, где величайшие усилия, величайшие таланты, величайшие способности исчезают прежде, чем успевают чего-либо достигнуть» (Т. 2, с. 133). Слова эти, возможно, обидные и даже не очень справедливые, но какая-то правда в них, несомненно, есть. И XX век и наше время, по большому счету, мало что изменили. Или вот реплика Герцена как реакция на нынешние времена, когда отечественная социальная наука почти без сопротивления уступила «информационное пространство» западной литературе. Даже отечественную историю норовят изучать по иностранным книгам или по русским компиляциям из них. Но пишет Герцен: «Русь русскую не уразумеешь из одних иностранных книг»¹⁷.

При этом, Герцен различает российский народ и правящий класс: «"Мужик!" - говорила с высокомерием обритая и одетая в лив-

¹⁶ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 490-491.

¹⁷ Там же. С. 470.

Часть 3
Концы и начала

рею Русь об народе. "Немцы!" - бормотал себе в бороду с затаенной злобой народ, глядя на дворян»¹⁸. И симпатии его явно на стороне мужика, народа. Именно в нем, в народе, в его общинном устройстве видит он выход из российской деспотии, минуя европейское мещанство, сразу в обетованное царство социализма.

На русский народ, русскую общину и в целом на Россию Герцен возлагает мессианскую роль будущего справедливого устройства общества. «Россия, - пишет Герцен, - государство совершенно новое – неоконченное здание, где все еще пахнет свежей известью, где все работает и вырабатывается, где ничто еще не достигло цели, где все изменяется, - часто к худшему, но все-таки изменяется» (Т. 2, с. 164). С того времени как написаны эти слова прошло более 160 лет и почему-то они звучат очень современно.

Герцен совершенно неприемлет буржуазное общество Запада и естественным образом противопоставляет ему самобытную Россию. У него есть много едких страниц, посвященных мещанству Запада. «Да, любезный друг, пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что *мещанство* окончательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие – *etat adulte*; им замыкается длинный ряд его сновидений, оканчивается эпопея роста, роман юности... Оно представляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и посильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства». И тут же: «Поймите, что нельзя проповедовать в одно и то же время христианскую нищету и политическую экономию, социальные теории и безусловное право собственности» (Т. 2, с. 394). Последняя мысль Герцена крайне интересна. К политической экономии Герцен относился весьма сдержано, считая ее буржуазной наукой мещанского Запада, направленной на преумножение богатства и собственности. И в принципе, если бы осуществилась мечта Герцена о «русском социализме», там бы не оказалось места и для политической экономии. Но Герцен глубок и умен, его трудно поймать на плоском противоречии. При всем своем скептическом отношении к политической экономии, тем не менее он пишет, что социализм должен не уничтожить политическую экономию, «а превратить ее из эмпирического свода рассуждений и наблюдений, не смеющего касаться до святых твердынь существующего, в экономическую науку, посягающую на все» (Т. 2, с. 451). Собственно, в советский период так и пытались сделать с политической экономией. Но в самой этой

¹⁸ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 499.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

попытке, как и в мысли Герцена есть некая двойственность, недоговоренность. Политическая экономия призвана объяснить «святую твердыню» буржуазного общества: как создается прибавочный продукт и как он распределяется. В социалистическом обществе этой проблемы нет, значит, и политэкономии там объяснять нечего. По терминологии Герцена, политическая экономия есть наука мещанского общества.

И еще о мещанстве: «*Мещанство*, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, - демократизация аристократии, аристократизация демократии... Снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться». И дальше: «С мещанством стирается красота природы, но растет ее благосостояние» (Т. 2, с. 354, 355). Но ведь с общечеловеческой точки зрения рост благосостояния и благополучия важнее всех красот природы и артистичности аристократии.

Но Герцен не был бы Герценом, т. е. глубоким мыслителем и великим диалектиком, прошедшим школу гегельянства, если бы не видел силу мещанства, так сказать, объективной необходимости буржуазной стадии развития. В «Письмах из Италии» он пишет: «Глядя на то, как здесь, при отсутствии сильной буржуазии, столичная чернь остается лаццарони, поневоле приходит в голову, что народ, по тяжелому закону *selection* только и поднимается через буржуазию к более развитой жизни». И дальше: «Может, буржуазия вообще – предел исторического развития; к ней возвращается забежавшее, в нее поднимается отставшее, в ней народы успокаиваются от метания во все стороны, от национального роста, от героических подвигов и юношеских идеалов, в ее уютных антресолях людям привольно жить»¹⁹. Таким образом, Герцен понимает, что буржуазная стадия развития неизбежна и даже людям там будет жить хорошо. Но это не касается России. Для России Герцен никак не может принять необходимость буржуазного развития. «Нам нечего заимствовать у мещанской Европы, - пишет Герцен. – Мы – не мещане, мы – мужики».²⁰ Но мужик – это предтеча буржуа, его мечта стать мещанином, а не социалистом. Мечта русского крестьянина – стать зажиточным крестьянином, разбогатеть. И в этом ничего плохого нет. Было бы просто замечательно, если бы все русские крестьяне к началу XX века жили

¹⁹ Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. IV. – М.: Соцэкгиз, 1958. С. 673.

²⁰ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем. Т. VIII. С. 287.

Часть 3
Концы и начала

благополучно и обеспечено. Это буржуазный этап развития, который дает возможность обогащаться, но всех поголовно еще не делает богатыми. Но это объективно неизбежный этап. И как пишет Плеханов, «у нашего автора не хватает силы принять этот вывод»²¹.

Вся эта пелена мещанства, полагает Герцен, не подойдет к русскому народу. Он особенный, да и зачем повторять пройденный другими путь. «Почему же народ, самобытно развившийся, при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады, и *это – зная очень хорошо, к чему они ведут?*» (Т. 2, с. 407). Рядом с Европой «другой мир – Русь». «В основе его – коммунистический народ, еще дремлющий, покрытый поверхностной пленкой образованных людей, дошедших до состояния Онегина, до отчаяния, до эмиграции, до вашей, до моей судьбы» (Т. 2, с. 551). Вместе с тем в русском народе, в России Герцен находит пробуждающиеся силы обновления, воплощения достижений западной социальной мысли, которые не могут осуществиться практически в европейских странах по причине их мещанства и усталости. «Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое; он появляется, гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате»²². Или в другом месте: «Мы представляем частный случай нового экономического устройства, новой гражданственности...» (Т. 2, с. 446).

Итак, по мнению Герцена, свет должен прийти из России. Эти герценовские умозрения перекликаются со многими теоретическими построениями, чаяниями и мечтами последующих российских социальных мыслителей и, конечно, революционеров. Н.А. Бердяев вообще считает, что противопоставление святой и чистой России буржуазному Западу есть почти национальная традиция русских интеллектуалов вне зависимости от их политической или идейной направленности. «Россия в лице своей мыслящей интеллигенции, - писал Н.А. Бердяев, - в лице своих влиятельных мыслителей и писателей определила себя как мир, враждебный миру буржуазному. Это традиционный русский мотив, в котором сходились революционер Герцен и реакционер К. Леонтьев, славянофилы и западники, люди мысли религиозной и антирелигиозной, народники и анархисты,

²¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. IV. – М.: Соцэкгиз, 1958. С. 674.

²² Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 258-259.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

Достоевский и Л. Толстой. Когда обнаруживалась у нас вражда к Западной Европе, то это обыкновенно была вражда не к Западу вообще, а к западному буржуазно-капиталистическому миру»²³. Как видим, это не только народники, прямые ученики Герцена и Огарева, но и прямые реакционеры. Не избежали этого национального поветрия и большевики с той лишь разницей, что неприятие буржуазного мира повело к неприятию Запада вообще. Особенно это проявилось в 1940-1950 гг., когда герценовское неприятие западного мещанства в советской официальной идеологии того времени отлилось в формулы «борьбы с безродным космополитизмом» и с «идолопоклонством перед Западом», от которых сам бы Герцен пришел в ужас. Но рациональное ядро неприятия буржуазного Запада и социалистического сияния «из России» очень хорошо вписывалось в советскую идеологию и до сих пор служит отправным пунктом для современных «марксистов-ленинцев». Укажем, например, на недавнюю книгу одного выдающегося автора из нестигаемой плеяды «марксистов-ленинцев» Р. И. Косолапова «Истина из России». Само название ее говорит о многом. В самом начале, рассуждая об «истине из России», автор пишет: «Ибо отсюда по-прежнему исходит единственно спасительный для человечества свет, ибо интеллектуальные недра этой, а не какой-либо другой страны все еще содержат насыщенный освободительный потенциал»²⁴. Герцену это, наверное, понравилось бы.

Россия, по мнению не только Герцена, но и некоторых, а возможно и многих, современных интеллектуалов, генетически повенчана с социализмом. И если сегодня Россия оказалась в промежутке между феодализмом и капитализмом, то для того, чтобы ей оказаться в социализме или просто в постбуржуазном состоянии, неизбежно должна сработать теория опережающего развития. Но наперед рассмотрим – какой же социализм мысли себе и России Герцен.

Русский социализм Герцена

Герцен был не просто социалистом, но убежденным, активным его пропагандистом и, более того, по общему признанию основателем «русского социализма». Правда Ленин в сущности справедливо писал, что «это был вовсе не социализм, а прекраснодушная

²³ Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. – СПб.: РХГИ, 1996. С. 247-248.

²⁴ Косолапов Р.И. Истина из России. – Тверь: «Северная корона», 2004. С. 13.

Часть 3
Концы и начала

фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия»²⁵. Но все-таки, какой-то гран социализма в учении Герцена был. Ведь, наверное, трудно что-либо возразить против такого герценовского афоризма: «Деспотизм или социализм – выбора нет» (Т. 2, с. 230).

Но давайте почитаем самого Герцена: «В гонении на социализм, поднятом у нас в подражание Западу, есть что-то невероятно бессмысленное и тупоумное, трусливое и невежественное... Где же, в чем вред, причиненный России социализмом, или чем может он повредить ей?» (Т. 2, с. 448). Очень любопытно. Как будто эти слова написаны не 150 лет назад, а сразу после 1991 г. Оказывается, и тогда подражали Западу, и сегодня. Но 150 лет назад на Западе социализм действительно не был господствующим учением и политикой, а ныне в ведущих европейских странах социалистические партии по очереди с либеральными возглавляют правительства. А какому Западу ныне подражает Россия? Или у нас не хотят заметить социальный прогресс Запада?

И вот центральное положение Герцена о социализме: «Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, - и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука». (Т. 2, с. 494). Ключевым звеном социализма Герцена является русская община. Он пишет: «Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; государству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником и объектом обложения; она ответственна за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел». (Соц. с. 228). И дальше: «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе. Это обстоятельство бесконечно важно для России». (Т. 2, с. 168).

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 256.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

В этих словах есть страстная любовь к русскому народу, но и много просто неверного. Община никого и ничего не спасла. В России как было варварство и азиатчина, так они и остались. Вот слова Герцена: «Несмотря на нашу наружность, мы все же варвары. Наша цивилизация накожна, разврат груб, из-под пудры колет щетина, из-под белил пробивается загар. У нас бездна лукавства диких и уклончивых рабов» (Т. 2, с. 381). За 150 лет что-то, конечно, изменилось, но Герцен и сегодня прав. И императорская цивилизация (по-современному – «вертикаль власти») и немецкая бюрократия прекрасно уживались с общиной. Совсем не исключено, что и сегодня «вертикаль власти» и современная бюрократия придумают что-то похожее на русскую общину и дух коллективизма (вместо гражданского общества или под видом гражданского общества), чтобы получить легитимную опору своей власти.

И вот детальное описание крестьянского социализма: «Над общиной должно было бы стоять только национальное единство, *res publica* (земское дело) или руководящая власть. Свободные общины группируются в более крупные единицы (волости), и, согласно русскому закону, избранные общинами старосты выбирают, в свою очередь, для всей волости начальника, также из простого народа, который называется головою. Многие головы имеют по тридцати тысяч душ под своим управлением. Кроме головы, избирается еще двое судей - нечто вроде мирового суда - для законного управления общинными делами и волостной полицией. В деревнях полицейские обязанности выполняются выборными десятскими и сотскими. Налоги и повинности распределяют голова и старики. Все это вместе является подлинно социалистическим *самоуправлением*, и оно действовало прекрасно до тех пор, пока мы не переняли немецкое устройство и византийские порядки»²⁶. Сегодня, правда, эти начальника называются не «головой», а «главой» администрации. Но как все похоже!

И еще: «Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное *self-government* на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли - вот основной вопрос русской революции...»²⁷. Но непонятно, как все это сделать. Ведь одновременно сохранить общину и «освободить личность» и тем более «развить частное право» просто невозможно. Сам же Герцен в другом

²⁶ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 427.

²⁷ Там же. С. 381.

Часть 3
Концы и начала

месте писал: «Социализм, который хотел бы обойтись без политической свободы, без равноправия, быстро выродился бы в самодержавный коммунизм» (Соб. соч. Т. 20, с. 136). Это верно. Так и получилось в СССР в сталинский период. Но община никакой политической свободы дать не может. Ведь общинный дух коллективизма был одной из опор легитимности сталинской власти.

И, наконец, великий Герцен пропел гимн русской отсталости: «Из всего этого вы видите, какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания» (Т. 2, с. 170). Герцен великий романтик и мечтатель. Прекрасные мечты, ничего общего не имеющие с реальностью, с реальным историческим процессом. Ведь община была у всех европейских народов и рано или поздно они прошли эту стадию взросления. К сегодняшнему дню общественной наукой накоплен колоссальный фактический материал, подтверждающий принципиальную общность основных закономерностей общественного развития различных стран. Везде экономическое развитие определяет соответствующие формы общественной организации. Община была исторически преходящей формой сельскохозяйственного производства в добуржуазную эпоху. И совсем непонятно почему она должна возродиться (пусть и в модернизированном виде) в постбуржуазном, т. е. социалистическом обществе. Еще Г. В. Плеханов указал на эту ошибку Герцена. «До конца жизни Герцен, - писал Плеханов в 1911 г., - повторял в своем социализме ту ошибку, которая ... свойственна вообще утопическому социализму. Я имею в виду неумение этого социализма свести концы с концами в своем понимании связи между бытием и сознанием, экономикой и политикой»²⁸.

Оставим в стороне советских марксистов, ибо ясно их отношение к проблеме. Обратимся к трудам наших же российских выдающихся представителей социальной науки как П. Миллюков и Н. Бердяев, которых никак нельзя заподозрить в излишней приверженности марксизму, хотя последний они знали достаточно глубоко. Так вот, П. Миллюков во многих своих работах доказывал, что процесс

²⁸ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. IV. - М.: Соцэкгиз, 1958. С. 613.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

общественного развития идет в России точно также как и в других странах Европы, только с существенным запаздыванием. “На заре нашей истории, - писал он, - мы застаем тот же, что и везде - но запоздавший у нас - переход от древнейшего племенного быта к государственному, те же остатки первобытных форм прямой власти народа”. Более того, П. Миллюков считал, что если исходить из теории “народной души” или “души предков” для объяснения самобытности России, то надо было бы согласиться с теорией, что монархия - это основная стихия русской истории.²⁹ Однако же никто из серьезных ученых сегодня не разделяет монархических взглядов и даже те, которые усиленно бьются за уникальность душевного мира России.

Несколько иначе этот вопрос решал Н. Бердяев. Анализируя развитие мировой цивилизации как все большее преобладание материализма над духовностью, религиозностью, он иронически смотрит на тех, кто считает, что эта напасть материализма до России не доберется, что нас спасет “отсталость”. И вот является соблазн думать, пишет Н. Бердяев, что “эта мировая тенденция современной цивилизации не имеет власти над Россией и русским народом, что мы другого духа, что она есть лишь явление Запада, народов Европы”. И тут же Н. Бердяев приводит пример Германии в начале XIX века, которая тогда пережила схожий творческий подъем германского идеализма и романтизма, преобладание высших духовных интересов утверждалось как германский дух, германская настроенность в противоположность недуховному направлению “Запада”, Франции и Англии.³⁰ Все повторяется и все страны проходят примерно одни и те же этапы исторического развития как материального, так и вслед за ним духовного.

Однако и сегодня у нас имеются умные и знающие авторы, которые, если не превозносят русскую общину, то готовы взять под защиту эту позицию Герцена. Так, известный и авторитетный историк А. В. Шубин пишет: «Герцен извлекает из крестьянской среды общий принцип, который приложим к любому работнику, не только сельскому. Работник имеет право на средства своей деятельности, и если он работает коллективно, то и право это коллективное... Община позволяет людям самостоятельно перераспределять ресурсы в зависимости от изменения ситуации...»³¹. Конечно, самоуправление и

²⁹ Миллюков П. Н. Республика или монархия? - Б.м., 1929. С. 7.

³⁰ Бердяев Н. Собр. соч. Т. 5. - М.: УМСА-Христианское изд-во, 1997. С. 336.

³¹ Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. - М.: Новое литературное

Часть 3
Концы и начала

собственность трудового коллектива, кооперативные начала в производстве – вещи хорошие. Тут спора нет. Но они не приложимы или приложимы в очень ограниченном сегменте к современным видам деятельности. Тем более не приходится говорить о русской общине, архаичном институте средневековья.

И что же хорошего в том, чтобы законсервироваться на детской стадии развития или вернуться туда уже в XXI веке? Однако Герцен нашел ответ, который способен перечеркнуть всю его теорию «русского социализма». Но сначала поговорим о «преимуществах отсталости».

Теория опережающего развития

Итак, теория опережающего развития. Корни этой теории в русской интеллектуальной традиции можно искать, наверно, в очень древнем положении о том, что Москва «третий Рим», т. е. что успешное продолжение христианской цивилизации связано с Россией. И славянофилы искали особое место и особый путь для России. Но, наверно, все-таки А. И. Герцен здесь был первым, кто пытался научно обосновать не просто особое место России, здесь он как раз расходился со славянофилами, но лидирующую роль России в европейской цивилизации. По мнению Герцена, Россия может найти особый путь развития к лучшему обществу, перешагивая через ступеньки исторического развития Европы. Герцену удалось, писал В. В. Зеньковский «построить учение о том, что Россия «может», минуя фазу капитализма, перейти прямо к социальному идеалу. Здесь Герцен открыл для русской мысли очень плодотворную и творческую основу для разных утопических и теоретических построений...»³²

От самого начала до конца Герцен был западником. И даже, когда стал критиковать Запад, продолжал им оставаться. Как в его столетие писал Л. Д. Троцкий, «народничество, от Герцена ведущее свою родословную, не было отвращением от Запада. Наоборот: можно сказать, что народничество наше было не чем иным, как нетерпеливым западничеством»³³. Приведем еще одно мнение теперь уже современного исследователя: «Герцен сумел синтезировать достиже-

обозрение, 2007. С. 202.

³² Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Часть 2. – Л.: «ЭГО», 1991. С. 101.

³³ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. – М.: Новости, 1990, с. 205.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

ния «западничества» и «славянофильства», создав новую социальную идею, сочетавшую ценности свободы, гуманизма и солидарности, - общинный социализм, или народничество»³⁴. Вот эта новая социальная идея, которая есть ядро народничества, и состоит в теории опережающего развития. На этом вопросе подробно остановимся дальше, а сейчас наметим генеалогию этой теории в наше время.

Следующим этапом в развитии этой теории были народнические построения о переходе к социализму через русскую общину. Здесь народники (или неонародники) явились прямыми учениками и последователями Герцена. Марксисты до 1917 г. противопоставляли этому взгляду теорию согласно которой: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». «Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»³⁵. Эти классические положения марксизма означают, что, например, буржуазные отношения никогда не могут появиться на базе феодальных производительных сил. Так же и социалистические отношения никогда не могут появиться на основе развивающихся капиталистических производительных сил. То есть, для образования социалистического общества необходим настолько высокий уровень развития экономики и культуры капиталистического общества, которое по сути будет означать, что дальнейшее развитие того и другого, а особенно культуры уже невозможно в рамках старых (то есть буржуазных) отношений. Согласно марксистской теории получается, что социализм может «победить» только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным, в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс. Таким образом, марксисты в отличие от народников до 1917 г. единодушно считали теорию опережающего развития несостоятельной.

1917 год и Октябрьский этап Русской революции дали надежду на возрождение интереса к этой теории. В России революция произошла только в начале становления капитализма, российская буржуазия была слабой и не в силах возглавить революцию. В результате

³⁴ Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 199.

³⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 9-10.

Часть 3
Концы и начала

революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. Как это можно было объяснить, не порывая с марксизмом, историческим материализмом? Никак. На это противоречие как основное в понимании всей революции обратил внимание еще в 1920 г. П. Н. Милюков. В своей «Истории второй русской революции» он писал, что это противоречие по существу было противоречием «между научным и утопическим социализмом». «Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического переворота и безусловно признавали необходимость идти вместе с «буржуазией», но в то же время они не могли разорвать нитей, связывающих их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок»³⁶. Это основная проблема русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 г., но и после победы большевиков.

Всех волновал вопрос: можно ли от феодализма (понимая его достаточно широко со всеми национальными и географическими различиями, а не только как узко европейскую версию) перескочить куда-то еще в другую сторону? Здесь же заметим, что наука до сих пор не зафиксировала таких перескоков, а утверждает как раз обратное. Социальная наука показывает и доказывает, что всемирная история едина, что все страны при их отличиях и особенностях развиваются по единой траектории, проходят примерно одни и те же стадии развития. И вопрос для России в начале XX века стоял о переходе к буржуазному способу производства, о «развитии капитализма в России».

Но большевики, когда оказались у власти, хотели строить социализм, а не капитализм. Зачем же тогда было брать власть? В конце концов, родилась теория «строительства социализма в отдельно взятой стране», которая по сути дела порывала с марксизмом и возрождала народнические представления об историческом процессе. Таким образом, без всякого преувеличения можно считать создателем теории «социализма в отдельной стране» не И.В. Сталина, а Герцена. В этот период Герцен оказался очень кстати. Издали даже его собрание сочинений в 30-ти томах (1954-1965 гг.).

³⁶ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001, с. 207.

М.И. Вейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

Сегодня эта теория получила развития в трудах современных интеллектуалов, которые считают, что нам, т. е. России совсем не обязательно повторять все извилины долгого пути Запада по дороге капитализма. Можно воспользовавшись техническими достижениями Запада, некоторыми достижениями советского периода, взять и перегнать западные страны в развитии. Вот, например, что можно прочесть у современного сторонника этой теории: «На наш взгляд, Россия имеет некоторые шансы на то, чтобы стать одним из оазисов такого опережающего развития. Не стремление к новому «большому скачку», а выход на новый путь к новым целям при помощи новых ... средств – такой смысл мы вкладываем в понятие опережающего развития».³⁷ А вот что пишет другой современный интеллектуал: «В XX веке Россия стала одной из двух сверхдержав планеты и маяком для большей части человечества. XXI век должен стать веком полного торжества России в духовном отношении. И потому нам предстоит совершить самый большой рывок не только в развитии производительных сил, но и в понимании смысла жизни и целей народного труда».³⁸ Первое высказывание принадлежит стороннику европеизированного направления критического марксизма, второе – стороннику национально-почвеннической тенденции. А по сути дела все они повторяют Герцена. Реальна или мало реальна эта теория не входит в задачу настоящей статьи. Ограничимся лишь демонстрацией того, что создателем ее является Герцен и что в работах самого Герцена можно найти некоторые подходы к формулировке ответа на этот вопрос.

Преимущества отсталости

Герцен, конечно, был первым и самым умным, но и сегодня есть много грамотных, умных и очень знающих людей, которые полагают, что понятая, так сказать, осознанная отсталость в общественном развитии может оказаться преимуществом. Ход их мысли следующий. Страна, запоздавшая в своем развитии, совсем не обязана в точности повторять все зигзаги и ошибки пути, пройден-

³⁷ Бугалин А.В. Шансы России в глобальной неэкономике. Цели и средства реализации стратегии опережающего развития. М., 2002. С. 8. См. также: Стратегия опережающего развития-III. Т. 1. Российские модернизации: диагнозы и прогнозы. Под ред. А.В. Бугалина, Р. Крумма. – М.: ЛЕНАНД, 2011.

³⁸ Антонов М.Ф. Экономическое учение славянофилов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 411.

Часть 3
 Концы и начала

ного передовой страной. Отсталая страна, зная и понимая все промахи исторического пути передовой страны, может все учесть и постараться избежать многих ошибок и нелепостей. Путь у отсталой страны может получиться прямее и короче.

Теоретически, абстрактно беря вопрос, возможно, это верно. Трудно сказать, первым писал ли так Герцен, но он очень хорошо и ясно об этом писал. Вот он ставит вопрос: «Есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, где бы он ни жил, какие бы antecedенты ни имел, должно пройти им, как младенцу прорезыванием зубов, срастанием черепных костей и пр.? Или оно само - частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными, индивидуальными, вследствие известных событий»³⁹. И дальше: «Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленями через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в самом деле, а только для какого-то искусства? Да разве вы не видите, что это безумно?»⁴⁰.

Вот тут, откровенно говоря, кроется проблема или отгадка русского пути и русской идеи. Дело в том, что объективные экономические условия развития России были иные, чем в Европе. И в силу этого и некоторых других обстоятельств Россия в своем экономическом и культурном развитии сильно отставала от передовых европейских стран. А вот социальная мысль находилась на уровне европейской. Многие русские социальные мыслители XIX века прекрасно знали европейскую литературу, тесно общались с европейскими учеными (учились в их университетах, переписывались, дружили и т. д.), были, так сказать, европеизированы. Но социально-экономическая жизнь России той эпохи была феодальная. Головой они были в Европе, а задом в России. И зад, естественно, перевешивал. Но очень хотелось быстрее пройти этот путь. Как заметил Л.Д. Троцкий, «страшил длинный путь от бескультурности и бедности нашей до тех целей, которые наметила мысль европейская»⁴¹. И марксизм появился в России как западное учение, которое вроде бы открывало путь раз-

³⁹ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 488.

⁴⁰ Там же. С. 496.

⁴¹ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. – М.: Новости, 1990, с. 205.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

вития западного капитализма в будущее состояние общества. Как же тут не захотеть быстренько проскочить этот путь, если уже известно – куда надо бежать?

«Что европейские гражданские формы, - пишет Герцен, - были несравненно выше не только старинных русских, но и теперешних, в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догнали ли мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься прямее. Нам кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можем стать на свои ноги и, вместо того чтоб твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, нам следует подумать, нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс»⁴². Вот это: очень хочется перескочить «через класс». Этот мотив был типичным во всех построениях последующих народников. Так, В. П. Воронцов писал в 1882 г.: «Наша особенность состоит в том, что мы после других выступили на путь прогресса... Мы счастливы еще и тем, что до настоящего времени сохранили у себя такие общечеловеческие черты характера и учреждения (артельный дух, община), которые другими народами давно уже утрачены и которые придется им опять завоевывать»⁴³.

Но Герцен был первым и более умным народником. Так, он очень близко подходит к ответу на вопрос о преодолении отсталости. Герцен выделяет науку как сознательный элемент преобразования общества. «Задача новой эпохи, в которую мы входим, - пишет он, - состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плукая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности *земля осталась под ногами* и чтобы общинник был совершенно *свободное лицо*»⁴⁴. Но в том-то и дело, что социальная наука доказывает полную непригодность общины как модели «хорошего общества». Хотя сам принцип науки, теоретического знания, вы-

⁴² Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 464.

⁴³ Воронцов В.П. Экономика и капитализм. Избранные сочинения. – М.: Астрель, 2008. С. 302.

⁴⁴ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 507.

Часть 3
Концы и начала

бренный Герценом как средство совершенствования общества абсолютно верен и очень актуален. Именно наука по Герцену должна вывести Россию в передовые страны Европы. Наука должна сформировать наилучшее общественное устройство. Здесь Герцен очень близко подошел к марксистскому пониманию исторического процесса и роли субъективного фактора в истории.

Причем Герцен высказывает ряд очень актуальных и верных мыслей и о научном познании. Так, он начинает излагать сравнительные достоинства двух методов познания: аналитический и синтетический. Охарактеризовав их он делает вывод, что и синтез, и анализ «суть две части, два момента одного полного познания». «Сначала ум человеческий дробит предмет, рассматривает, так сказать, монады его, потом складывает их, обозревает целое и тогда уже имеет отчетливое знание предмета» (Т. 1, с. 487-488). Казалось бы, это все давно известно и понятно, и даже, можно сказать, само собой разумеется. Но сегодня в буржуазной России это стало очень спорным. Социальная наука сегодня у нас боится обобщений, боится сделать синтетический, конечный вывод. Возьмите модные и наиболее тиражируемые сочинения отечественных авторов по истории, социологии, экономике – почти все это анализ фактов, эмпирической реальности. И это сегодня считается высшим манером профессиональной науки. Собирайте факты, анализируйте детали, а общий вывод за вас будут делать начальники. Так история у нас превратилась в историю «повседневной действительности», где описываются множество отдельных случаев и единичных событий, без всякой увязки их в общую картину. Социология просто свелась к опросам на улице или по телефону. Экономическая наука постепенно превращается в кучу математических моделей чего угодно. Даже марксизм стал моден исключительно как аналитический марксизм. Герцен же писал: «Девиз анализа – разъятие, части; а душа, а жизнь находятся в целом организме, и притом в живом организме» (Т. 1, с. 71). И еще: «Дело науки – возведение всего сущего в мысль» (Т. 1, с. 249).

Однако, наука наукой, но надобно иметь людей, которые смогут воспользоваться этой наукой. И Герцен хорошо видел и понимал, что человеческий материал в России, явно не того качества, который потребен для социализма. Он про это писал много: «Воспитания в правомерное состояние у нас вовсе нет; даже мы не уважаем и ту законность, которая дается нашим сводом» (Т. 1, с. 449). И еще: «Мы все скверно учились, доучиваемся кой-как и готовы действовать прежде, нежели закалили булат и выучились владеть им» (Т. 1, с. 419). Вот

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

это – надо учиться, учиться и учиться, как говорил другой классик. А хочется сразу и побыстрее перескочить «через класс».

Поэтому общий вывод Герцена весьма утопичен и даже, можно сказать, фантастичен. «С самого начала наш естественный, полудикий образ жизни более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германо-романского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, - для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, - мы идем навстречу социализму...»⁴⁵.

На все это Троцкий заметил, «Раз объявив отсталость и варварство за величайшее историческое преимущество славянства над миром старой европейской культуры, Герцен доходит до самых крайних и рискованных выводов...»⁴⁶. Действительно, Герцен считал возможным, что союз славянских народов освободит Европу от мещанства. И на этом основании приветствовал объединение славян даже под эгидой русской империалистической политики самодержавия.

Наконец, сделаем общий вывод по этой теме. Отсталость в какой-то мере может быть преимуществом, если речь идет о технической сфере. В век электричества и локомотивов в железнодорожном деле совсем необязательно молодой и свежей стране проходить стадию паровой тяги. Если эта страна в свое время не обзавелась паровозным парком, то сегодня совсем не нужно повторять весь путь технического прогресса и заводить паровозы. Можно и даже лучше ее перескочить сразу к электричеству. Так делали и делают многие страны.

Совсем другое дело социальный прогресс. Нужно время и немалое, чтобы поднять все население страны до культурного уровня передовых стран. Но за это время передовые страны тоже спать не будут; там также будет иметь место какое-то развитие, какой-то прогресс. Догнать их можно и это продемонстрировал СССР. Но опередить? Вряд ли! Сам же Герцен писал: «Всякая попытка обойти, перескочить сразу – от нетерпенья, увлечь авторитетом или страстью – приведет к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям» (Т. 2, с. 537-538). Откровенно говоря, эта мысль Герцена правильная, но она никак не укладывается в его теорию опережающего развития.

⁴⁵ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 234.

⁴⁶ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. – М.: Новости, 1990, с. 203.

Часть 3
Концы и начала

Неожиданная актуальность

Как уже отмечалось, сегодня в постсоветской России неожиданно и странным образом Герцен стал очень актуальным. Почему неожиданно и странно? Странно потому, что Герцен писал свои основные произведения примерно 150 лет назад, а сегодня, казалось бы, совсем другое время. Неожиданно, потому что еще 30 или 40 лет назад многие проблемы и вопросы, о которых писал Герцен были в далеком прошлом. Тогда, в советском прошлом не было господ и мещан, полицейских и приставов, либералов и «экзальтированных славянофилов», не было религиозного мракобесия и т. д., не было всего того, с чем боролся Герцен. В советском прошлом Герцен был велик, но как социальный мыслитель не актуален. «Для марксиста, - писал еще А. В. Луначарский, - Герцен человек своего времени, передовой и великий, но все же дитя своей эпохи...»⁴⁷. 150 лет назад Россия была самодержавной, феодальной страной. Капиталистическое будущее лишь где-то маячило в туманной перспективе, и переход к капитализму не был простой и ясной задачей. По крайней мере, неонародники конца XIX-начала XX века, прямые идейные наследники Герцена, вообще считали искусственное привнесение капитализма в Россию утопичной и вредной затеей. Сегодня Россия вроде бы стала страной с рыночной экономикой и почти буржуазной идеологией. Для респектабельного капитализма европейского образца пока еще не хватает кой-каких деталей (вроде гражданского общества, независимой судебной системы, нормальных законов и т. д.). Вроде бы эпоха и страна другие, но почему-то многие наблюдения Герцена сегодня поразительно актуальны, как будто высказаны вчера вечером или даже сегодня утром. Судите сами.

Вот о нашем парламенте (Государственной думе): «Европа догадалась, благодаря реакции, что представительная система – хитро придуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры общественные потребности и энергическую готовность действовать» (Т. 2, с. 58-59).

А вот слова, которые написаны как бы вчера вечером. «На первый взгляд совершенно ясно, что уважение к закону и его формам ограничило бы произвол, остановило бы всеобщий грабеж, утерло бы много слез и тысячи вздохнули бы свободнее... но представьте

⁴⁷ Луначарский А.В. Коммунисты и Герцен // Луначарский А.В. Силуэты. – М.: «Молодая гвардия», 1965. С. 129.

М.И. Воейков

А.И. Герцен и теория опережающего развития

себе *то великое и то тупое* уважение, которое англичане имеют к своей законности, обращенное на наш свод. Представьте, что чиновники не берут больше взяток и исполняют буквально законы, представьте, что народ *верит*, что это *в самом деле* законы, - из России надо было бы бежать без оглядки. Стало быть, серьезный вопрос не в том, которое состояние лучше и выше -европейское, сложившееся, уравновешенное, правильное, или наше, хаотическое, где только одни рамы кое-как сколочены, а содержание вяло бродит или дремлет в каком-то допотопном растворе, в котором едва сделано различие света и тьмы, добра и зла»⁴⁸.

Удивительно современно звучать слова и мысли Герцена: «Никогда не следует упускать из виду, что у нас каждая перемена – только перемена декораций: стены сделаны из картона, дворцы – из размалеванного холста». У нас «все заимствовано». «Наши чины – чины немецкие, их даже не потрудились перевести на русский язык – Collegien Registrator, Kanzelarist, Actuarius, Executor сохранились и поныне, чтобы поражать слух крестьян и возвеличивать достоинство всевозможных писцов, писарей и прочих конюхов бюрократии» (Т. 2, с. 523). Все правильно. Разница только в том, что теперь с немецкого языка мы перешли на английский. Появились мэр, префект, менеджер, даже офис-менеджер и т. д. и т. п. Ну и совсем уже верхом языковой бессмыслицы явилась замена немецкого слова «прейскурант», к которому за 250 лет мы уже привыкли, английским словом «прайс-лист». И опять актуально звучат слова Герцена: «Сначала мы были у немца в учении, потом у француза в школе – пора брать диплом. А страшное было воспитание!»⁴⁹. Увы, сегодня мы пошли обучаться к американцам. А ведь эти слова Герцена написаны более 150 лет назад. Так что же – Россия за это время никуда не продвинулась? Что же – мы так и топчемся на одном месте между феодализмом и капитализмом? Как понять историю России за эти 150 лет?

Любопытно, что современный историк А.В. Шубин и сегодня встает на позиции Герцена: «Прошел индустриальный XX век, требовавший от обществ стандартизации, строгости понятий, твердого выбора между своим и государственным, и Россия снова вернулась в переходное, неустоявшееся и восприимчивое состояние, о котором писал Герцен. И если мир строгих правил и норм не устоит, то Россия

⁴⁸ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 487-488.

⁴⁹ Там же, с. 465.

Часть 3
Концы и начала

снова получит преимущество «перед народами, вполне сложившимися и усталыми»⁵⁰. Но как же жить в современном веке без «правил и норм»? Как пользоваться банкоматом, мобильным телефоном, Интернетом, метро, как, наконец, переходить улицу в большом городе? К сожалению, жизнь наша все больше обрастает правилами и нормами. Это ученики 1 класса школы знают еще мало правил, ученики последнего класса уже переполнены нормами и правилами. Невозможно вернуться в детское состояние, хотя, порой, очень хочется. Сам Герцен как-то заметил: «Совсем назад воротиться нельзя»⁵¹.

И ведь очень прав Герцен, когда писал в 1842 г.: «Мы живем на рубеже двух миров, оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены, но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода; первые листы, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет, и они чужды сердцу. Множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих» (Т. 1, с. 84). С 1991 г. прошло чуть более 20 лет, и действительно, старые советские убеждения потрясены, но «дороги сердцу». Новые либеральные убеждения «плода» никакого не принесли и чужды они сердцу. А множество людей остались вовсе без каких-либо убеждений. «Кто-нибудь должен проснуться, - писал Герцен в другом месте, - или правительство, или народ»⁵². Но когда это случится?

Возможно, очень пророчески звучат сегодня слова Герцена, написанные им в 1845 г.: «Страшная эпоха для России, в которую мы живем, и не видать никакого выхода» (Т. 1, с. 482). Не про наше ли это время сказано?

⁵⁰ Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 218.

⁵¹ Герцен А.И. О социализме. Избранное. – М.: «Наука», 1974. С. 89.

⁵² Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. II. С. 302.

А.В. Шубин

Критика критической критики

(письмо-комментарий к статье М. Воейкова о Герцене)

Начну с принципиальных разногласий, а в постскрипту-
ме остановлюсь на второстепенных деталях.

Статья М. И. Воейкова - хороший образец того, что я обычно критикую в марксизме - критику оппонентов Маркса и марксизма без понимания идей этих оппонентов. Недавно я подготовил главу о русском социализме для латиноамериканского сборника, который делали люди, близкие к анархизму. Признаюсь, там я дал волю критике марксистов (благо и материал позволял - одна полемика Бакунина и Маркса чего стоит, и Прудон тоже важен как оппонент Маркса). Как же я был удивлен уважаемый Михаил, когда Ваша статья полностью подпала под мою критику - словно о Вас и писалась. Так что я первый, кто не заинтересован в переделке Вашей статьи. Но, как честный человек, "раскрою карты".

1. Вы считаете теорию опережающего развития ядром народничества. Тогда народничество мало чем отличалось бы от большевизма, а Герцен был бы прямым предком Ленина (а через него и Сталина), которого меньшевики тоже критиковали за торопливость. Главное во взглядах Герцена и идущих за ним народников не то, как "побыстрее" прибегать в социализм, а куда прийти, каков этот социализм.

Аналогия со Сталиным Вам больше нравится, Вы даже выводите из нее публикацию Герцена в СССР. Но вот беда - эта публикация приходится на годы «оттепели» - как раз время всплеска интереса к писателям-демократам. Тогда вообще много кого публиковали, а вот Сталин не дожид до выхода даже первого тома собрания сочинений Герцена в 30-ти томах.

2. В своей статье Вы предстаете в качестве защитника однолинейности исторического развития (поразительно подтверждая образ с рельсами, который я употребляю в своей статье для данного сборника). Герцен у Вас "путает" стадии развития с психологией народов. На самом деле он не "путает", а соотносит. Такое соотношение всегда было сильной стороной народнической мысли в сравнении с марксистской. В отчет на критику Михайловского даже сам Маркс признал, что нельзя превращать предложенный в «Капитале» «исторический

очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, - для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека». Дело Ваше, но слово "путал" тут явно не уместно, потому что народническая мысль в данном случае гораздо объемнее, гораздо лучше учитывает не только стадийные, но и культурно-этнические, цивилизационные факторы.

На мой взгляд, народы действительно проходят одни стадии, но вот делают они это очень по-разному. С точки зрения классического марксизма-ленинизма (пятичленка), некоторые стадии действительно можно пропускать (например, "рабовладельческий строй"). Я не разделяю модель пятичленки, но во всяком случае взгляд Герцена ничем не хуже, и даже полнее. Если Вы будете разбирать эту составляющую его взглядов уважительнее - Ваш текст только выиграет от этого.

Это касается и придинок к ироническим высказываниям Герцена о помещичьей культуре. Очевидно, что Герцен был противником помещичьей системы, но он бичует западный капитализм, который ничем не лучше, а в некоторых отношениях - даже хуже барства и патриархальщины. Ваши попытки сделать из Герцена барина и апологета помещиков выглядят как коллекция придинок, вырванных из контекста творчества Герцена.

3. Когда речь заходит о решении социальных проблем, Герцен Вам "подсовывает средневековую русскую общину". Выделено мной. Если дело обстояло бы так, мы могли бы смело записывать Герцена в славянофилы. Даже странно, что Вы этого не сделали (еще не поздно). Но вот загвоздка. Сам Герцен нигде не пишет, что предлагает Вам увековечить именно *средневековую* общину. Зачем Вам это слово? Получается, что община бывает средневековая и какая-то еще. Какая? Модернизированная, современная? В принципе Вы правильно понимаете, откуда Вам может прийти возражение, и заранее защищаетесь этим словом. Потому что если его убрать, в общине нет ничего такого уж ужасного. Община дожила до Сталина, который ее убил. Крестьяне при общине научились торговле, кооперации, стали внедрять технику на поля и т. д. А Вам важно, чтобы Герцен был сторонником не развивающегося крестьянства, а ретроградом. Для это-

го и слово "средневековая". Но это - сушая клевета на Герцена. Во-первых, он не употребляет этого слова применительно к своему идеалу будущего. Он ищет, от чего оттолкнуться на пути к будущему, что использовать. И, во-вторых, что важнее - народники являются критиками современной им общины (а не какой-то средневековой родовой верви), они настаивают на ее существенной трансформации. Они выступают не за то, чтобы закрепить общественные отношения середины XIX века, а за их качественную демократизацию, за сохранение лишь определенных черт общины, связанных с самоуправлением и социальной солидарностью.

Было бы честно убрать слово "средневековая" из Вашего текста. Правда, тогда критика Герцена значительно ослабнет, зато станет честнее.

Иногда Ваша критика Герцена не вызывает у меня ничего, кроме удивления. Вот Герцен рассказывает, как можно создать государственное устройство на основе выборности, самоуправления и делегирования *снизу вверх*. Вы безо всяких доказательств утверждаете, что это похоже на то, что есть сейчас в РФ. Вообще-то ничего общего. То, что есть сейчас, похоже скорее на самодержавный строй, в крайнем случае с дополнениями 1907 года. А Герцен предлагал нечто как минимум другое. Сейчас система строится *сверху вниз*, на основе назначенчества - то есть *противоположно* тому, что хотел бы Герцен.

4. Видно, что Вы очень не любите общину, но какой-то нерационально нелюбовью. Вы комментируете цитату Герцена:

«Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли - вот основной вопрос русской революции...». Но непонятно, как все это сделать. Ведь одновременно сохранить общину и «освободить личность» и тем более «развить частное право» просто невозможно".

Мало того, что Вы заменяете частные права у Герцена на "частное право", что совсем не одно и то же. Но Вы вообще никак не пытаетесь доказать свою мысль о "невозможности", хотя это совсем не очевидно и по-моему, например (а также с точки зрения многих демократов того времени) было вполне возможно. Партия, которая считала это возможным, в 1917 г. была самой многочисленной в России. В отличие от Вас, ее сторонники не могли согласиться с тем, что "община никаких политических свобод дать не может" - ведь у них на памяти была революция 1905 г., когда крестьяне провозглашали

Часть 3
Концы и начала

свои республики (а не маленькие монархии) и голосовали за трудовиков, которые в думах боролись за демократию. Крестьянство голосовало за демократию в 1917 г. И Вы думаете, что все это может перевесить аргумент о том, что "общинный дух коллективизма был одной из опор легитимности сталинской власти"? Я много времени провел, изучая сталинский режим, и последнее, что может объяснить его легитимность - это загадочный дух, о котором Вы пишете. Так и вижу решение судьбы Бухарина на общинном сходе :) Коллективизм и после гибели общины, конечно, остался, но в 1937 г. каждый как правило умирал в одиночку. А при сильном коллективизме соседи заступаются за своего.

Возможно, Вы считаете иначе и можете доказать свою мысль в какой-то будущей книге. Но пока Вы, а также западные политологи вроде Р. Пайпса этого не сделали, Ваш аргумент о духе, легитимизировавшем Сталина, принят быть не может. С общиной совместимы разного рода режимы (в Индии с ее парламентаризмом тоже есть коллективизм на селе), но вот как раз Сталин общину уничтожил и заменил другой формой - колхозом, с иными принципами реальной организации.

Таким образом, Герцен критикуется Вами не за то, что он не прав. Нет, Вы просто занимаете другую идеологическую позицию, очень правую, прокапиталистическую либо сверхэтатистскую. Вот Ваше кредо: "Конечно, самоуправление и собственность трудового коллектива, кооперативные начала в производстве – вещи хорошие. Тут спора нет. Но они совершенно не приложимы к современным видам деятельности". Очень хорошо, что Вы привели эту мысль сразу после цитирования П. Милюкова. Ваша мысль вполне в стиле этого крайне тенденциозного защитника "сильного" государства и частной собственности. Поскольку это идеологема, Вы никак ее не доказываете. Еще бы - ведь тогда Вам пришлось бы спорить и со многим, что опубликовано в "Альтернативах" об опыте производственного самоуправления.

Сегодня есть две точки зрения на этот вопрос: сверхиндустриалистический и пост-индустриальный. Первый исходит из того, что человек так и останется винтиком машины управления, что самоуправление "не совместимо" с современными тенденциями. Вторая точка зрения обращает внимание на мировую перестройку экономики и общественных отношений в пользу самоорганизации, горизонтальных связей. Кто прав - Герцен или Милюков - время покажет. Но пока подобные Ваши утверждения выглядят бездоказательно.

Равно как и такие: "Но в том-то и дело, что социальная наука доказывает полную непригодность общины как модели «хорошего общества»." Это открытие неведомой мне "социальной науки" достойно нобелевской премии. Почему же премия до сих пор не присуждена? Наверное, сторонники этой точки зрения все еще не нашли убедительных доказательств этой своей мысли. Об общине написаны многие тома за и против, и Вы пытаетесь выдать одну из точек зрения за доказанную истину.

Ваша статья только выиграет, если вместо безапелляционных ссылок на какую-то "социальную науку" и прочие истины в последней инстанции, Вы будете выступать с более мягкими выражениями вроде "вызывает сомнения"... "как мне представляется"... "есть разные точки зрения, и эта мысль Герцена (или Шубина) является дискуссионной". Или: как показано в монографии такого-то...

5. Вы пишете об отставании условий России от европейских. Что имеется в виду под Европой? Англия с ее "средневековым" лендлордизмом? Германия с ее средневековым пруссачеством? Италия? Северная или южная? Или Испания с касикизмом? Или мы отставали от Португалии? Если да, то насколько? Было ли это отставание качественным? Что-то сомнительно. А ведь вот прошел век - и все они в одном ЕС. Не без проблем, но вполне освоили "европейские условия развития". Лучше, если Вы как-то конкретизируете, что понимаете под европейскими условиями - видимо какие-то идеально-несредневековые.

6. Слабым местом Вашей аргументации являются ссылки на Ленина и Троцкого. Дело в том, что они совсем не чужды практике "опережающего развития". Получается, что их возражения против Герцена не помешали им на практике следовать его советам. Герцен таким образом победил хотя бы в этом. Жаль, конечно, что большевики не приняли народническую модель социализма. На мой взгляд, это помогло бы предотвратить тоталитарный этап нашей истории. Впрочем, понимаю, что это как раз вопрос дискуссионный.

Пытаясь решить эту проблему (Ленин и Троцкий критикуют Герцена, а потом следуют по пути "опережающего развития"), вы высказываете любопытную мысль: "Догнать их можно, и это продемонстрировал СССР. Но опередить? Вряд ли!" Какое-то непонятное нарушение "законов физики", хоть и социальной. Общество набрало скорость, достаточную, чтобы догнать. Что же запрещает продолжить движение с высокой скоростью дальше? А ведь если темпы не рухнут - то случится обгон. Конечно, "догоняющие" общества разви-

Часть 3
Концы и начала

ваются с переменными темпами. Но ведь и западные страны развиваются с не только «от победы к победе». Их скорость тоже не одинаковая и часто – не высокая. Так что если Вы признали возможность "догнать", то совершенно непонятно, чем Вы обосновываете невозможность «перегнать».

А ничем - Вы приводите "в подтверждение" цитату из Герцена совсем о другом - об издержках революционного волюнтаризма. Герцен здесь, разумеется, прав, хотя Вам и непонятно, как это "укладывается в его теорию опережающего развития". Да прекрасно укладывается - Герцен вообще был сторонником как можно большей осторожности в продвижении общества вперед. Опережение он видел не в наращивании скорости (как иные последователи Маркса), а в спрямлении зигзагов прогресса.

6. В завершение Вы не обошлись без того, чтобы «недопонять» и мою мысль: «Любопытно, что современный историк А. В. Шубин и сегодня встает на позиции Герцена: «Прошел индустриальный XX век, требовавший от обществ стандартизации, строгости понятий, твердого выбора между своим и государственным, и Россия снова вернулась в переходное, неустоявшееся и восприимчивое состояние, о котором писал Герцен. И если мир строгих правил и норм не устоит, то Россия снова получит преимущество «перед народами, вполне сложившимися и усталыми». Но как же жить в современном веке без «правил и норм»? Как пользоваться банкоматом, мобильным телефоном, Интернетом, метро, как, наконец, переходить улицу в большом городе? К сожалению, жизнь наша все больше обрастает правилами и нормами. Это ученики 1 класса школы знают еще мало правил, ученики последнего класса уже переполнены нормами и правилами. Невозможно вернуться в детское состояние. Сам Герцен как-то заметил: «Совсем назад воротиться нельзя»».

Я ясно пишу о перспективе, при которой не устоит индустриальное общество, мир "*строгих правил и норм*". Вы возражаете, что в современном мире нельзя жить "без «правил и норм»". Получается, что я, подобно ученику 1 класса, предлагаю жить *вообще* без правил и норм. Это – совсем не одно и то же. Моя мысль предельно ясна - я не против вообще правил и норм (они есть в любых обществах, и особенность индустриального общества не в их наличии как таковом). Я высказываю предположение, что максимизация стандартов, характерная для индустриального общества, ведет к тоталитарному подчинению личности этой человеческой машине. Степень скованности человека правилами и нормами в будущем обществе может

быть существенно меньше. Уже в 1-м классе учат, что понятие "меньше" не означает - немедленное сведение к нулю.

Хорошие правила, позволяющие управлять удобной техникой - это простые правила, гибкие правила. Чем этих правил меньше - тем техника удобнее. Но плохи правила, которые превращают человека в технику, в робота. Мы с Герценом выступаем против опутывания человека множеством таких правил и норм.

Постскриптум из мелких замечаний:

1. Вы время от времени называете Герцена либералом. Учитывая многозначность этого слова, неплохо бы объяснить, что Вы под этим понимаете, учитывая его критическое отношение к конкретным проявлениям либеральной идеологии.

2. Вы все время называете Россию феодальной страной, в том числе и применительно к началу XX века. Прямо Иран какой-то. Современная наука (и не только марксистская) далеко ушла от такой однозначной характеристики. Получается, что в России шло быстрое развитие "феодальной промышленности" с "феодальными" городами. Герцен вполне застал начало промышленного переворота и быстрого развития капиталистических отношений в России. А ко времени реализации народнического (эсеровского) проекта уже шла бурная дискуссия о степени развития капитализма в России, факт которого признавали и эсеры. А у вас все один феодализм на дворе.

3. П. Милюков и Н. Бердяев вряд ли могут выступать сегодня в качестве авторитетных представителей "социальной науки". Милюков - историк, который о событиях начала XX века писал крайне предвзято как проигравший участник. Его тенденциозность при освещении событий многократно критически разбиралась. Бердяев вообще "тянет" только на философа, с моей точки зрения весьма путанного. Появление в Вашей статье Милюкова - безусловного врага всего социалистического - лишь оттеняет общую идеологическую тенденцию Вашей статьи.

4. Вы приводите В. П. Воронцова в качестве примера "неумного" народника (Герцен, который по сравнению с Вами тоже интеллектом не блещет - "более умный"). Но в его цитате нет ничего особенно глупого. Западу предстоит завоевывать "артельный дух". Раз уж Вы использовали слово "дух" в поисках причин сталинизма, я не откажусь обнаружить этот "дух" - то есть социальную солидарность - в профсоюзном движении и структурах производственного самоуправления

стран Запада. Тома написаны о завоевании этого "духа" в конце XIX - первой половине XX вв. Bravo, Воронцов!

5. Говоря о "неактуальности" Герцена "в советском прошлом", странно ссылаться на А. Луначарского. Герцен, как видно из публикации его сочинений, вызывал особенный интерес в постсталинскую эпоху, как и другие революционеры-демократы.

6. "Неонародники конца XIX-начала XX века, прямые идейные наследники Герцена, вообще считали искусственное привнесение капитализма в Россию утопичной и вредной затеей". Это неверно. Неонародниками принято называть эсеров и более поздние течения народничества. Идеолог эсеров В. Чернов писал о своем уважении к марксизму и признании современными народниками факта развития капитализма в России, из которого приходится исходить.

С.Н. Мареев, Е.В. Мареева

А.И. Герцен о революции и социализме

Для истинного смерти нет...

А.И.Герцен

К столетию со дня рождения великого русского демократа и революционера Александра Ивановича Герцена, а родиться его угораздило в дни нашествия Наполеона на Москву, В. И. Лениным была написана статья «Памяти Герцена». Прошло еще сто лет, и такую статью написать уже некому. На вопрос, знают ли они о Герцене, студенты обычно смущенно покачивают головами: никто из них о нем даже не слышал. Стыдно за них и за страну, которая забывает своих героев и еретиков. А между прочим, даже не разделявший его революционных взглядов С. Н. Булгаков писал в статье «Душевная драма Герцена»: «А. И. Герцен принадлежит к числу тех наших национальных героев, от одного имени которых расширяется грудь и учащенно бьется сердце» [1, 95].

«Герцен, - писал Л. Троцкий, - был в свое время огромным и великолепным явлением в развитии русской общественной мысли. Но дайте Герцену застояться на полстолетия, да выдерните из него радужные перья таланта, превратите его в своего собственного эпигона, поставьте его на фоне 1905–1917 гг. – и вот вам элемент черновщины» [8, 210-211]. Черновщина - вырождение демократии, которая от Временного правительства ждала решения всех вопросов демократической революции в России. Но это было уже тогда, когда такие вопросы могла решить только *социалистическая* революция. А когда эта революция случилась, то «демократия» прокляла свое собственное прошлое, а вместе с ним и Герцена.

Не исключено, что Троцкий писал о возможной «черновщине» у Герцена под влиянием распространенной либеральной трактовки его «разочарования» в революции, хотя у Герцена это касалось именно Февральской революции 1848 г. во Франции. На поводу у либералов пошел даже марксист Франц Меринг. Вот что он писал в этой связи: «Говорили, что перед лицом революции он совершенно утратил свою революционную веру, на самом же деле стало лишь очевидно, что он был неспособен к какому бы то ни было революционному мышлению и пониманию. Его мечта рассеялась, столкнувшись с жестокой действительностью».

вительностью, и на его грубой почве он остался беспомощным в своих блужданиях. «Ужасная печаль», «невывразимая усталость» становится главным аккордом всей его жизни; силы до конца оставили его» [6, 60].

Все это несправедливо и неточно. Если бы силы действительно покинули Герцена, и он опустил руки, то, как объяснить то, что после поражения революции, Герцен вынужден был оставить Францию: для новых французских властей он стал *persona non grata*. Впоследствии Герцен участвует в газете социалиста Прудона «Голос народа». В 1850 г. он поселяется в Ницце, где сближается с деятелями итальянского освободительного движения. В 1852 г. Герцен переезжает в Лондон – место всей революционной эмиграции, где создает Вольную русскую типографию для борьбы с царизмом и крепостничеством. В 1855 г. вышел альманах «Полярная звезда», в 1857 г. – газета «Колокол», издаваемая им совместно с Огаревым. Эта газета издавалась вплоть до 1867 г. Программа «Колокола» до 1861 г. содержала только общедемократические требования: освобождение крестьян с землей, общинное землевладение, уничтожение цензуры и телесных наказаний. Но после реформы 1861 г. Герцен резко выступает против либерализма, публикует статьи, разоблачающие грабительский характер крестьянской реформы, издает революционные прокламации. В период Польского восстания 1863–64 гг. Герцен встает на защиту Польши, тратит свои деньги на поддержку революционеров разных стран.

Даже православный философ В.В.Зеньковский в оценке деятельности Герцена более объективен, чем марксист Ф.Меринг. «Вся заграничная эпоха жизни Герцена (1847–1850) была посвящена журнальной работе, – читаем мы у Зеньковского, – Герцен издавал один за другим журналы свободной русской мысли. Он был близок ко всем выдающимся политическим деятелям того времени, стоял в самом центре международной революционной деятельности» [5, 81].

Он стоял в самом центре международной революционной деятельности! Так в чем же состояло «разочарование» Герцена, о котором любят говорить либералы, не уточняя, о чем конкретно идет речь? Представьте себе такую картину: простой советский лейтенант, который «родом из народа», палит из танковой пушки по «народным депутатам», засевшим в «Белом доме». А основная масса «народа» с любопытством наблюдает всю эту картину, кто по телевизору, кто воочию, и ждет, чем дело кончится. Вас это радует?

Но то, что произошло в октябре 1993 г. в Москве, все-таки больше похоже на фарс, по сравнению с тем, что происходило в июне 1848 г. в Париже. Там тоже народная революция была подавлена руками... *самого народа*. И пресловутые «мобили», которые расстреливали восставших парижских рабочих, тоже были «родом из народа». Они ведь не во дворцах росли, эти парижские подонки. Именно от этого можно прийти в отчаяние.

О своих впечатлениях от увиденного в Париже Герцен писал: «Вечером 26 июня мы услышали после победы «Националя» над Парижем, правильные залпы с небольшими расстановками... «Ведь это расстреливают», - сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. *Горе тем, кто прощают такие минуты!*» [3, 32].

Нет, это не похоже на слова человека, разочаровавшегося в революции. Это похоже на ту клятву, которую двенадцатилетний Герцен вместе со своим другом Огаревым давал на Воробьевых горах, - отомстить за повешенных декабристов. Как и в юности, Герцен в 1848 г. оказывается не на той стороне, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. И в чем разочаровался Герцен, так это в парижском мещанстве, в европейском мещанстве вообще: «в мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное – товар, дело, вещь, главное – *собственность*» [2, 540].

Вот это парижское мещанство и торжествовало свою победу над революцией. «После бойни, - пишет Герцен, - продолжавшейся четверо суток, наступила тишина и мир осадного положения; улицы были еще оцеплены, редко, редко где-нибудь встречался экипаж; надменная Национальная гвардия, с свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы пьяной мобили сходили по бульварам, распевая «*Mourir pour la patrie*» [помни о смерти], мальчишки 16, 17 лет хвастались кровью своих братьев, запекшейся на их руках; на них бросали цветы мещанки, выбегавшие из-за прилавка, чтоб приветствовать победителей» [3, 32].

И Герцен дал такую критику мещанства, которая в чем-то даже превосходит ту, которую потом дадут Ницше и Горький. Последний показал, что мещанство - отнюдь не только западноевропейское явление, и русский мещанин даст фору мещанину и французскому, и немецкому. Но Герцен еще верил, что русский народ не обмещанился. Отсюда идея «русского социализма».

Часть 3
Концы и начала

Прообраз такого социализма, считал Герцен, уже должен существовать в каких-то формах, потому что из ничего ничего не бывает. Новую общественную форму невозможно просто выдумать из головы. И здесь взор Герцена обращается к России, которая была отсталой, по сравнению с передовой Европой. Но именно поэтому, согласно Герцену, Россия еще не обмещанилась окончательно. В ней еще сохранились здоровые силы в народе.

Идея «русского социализма» у Герцена происходит из той же основы — из 1848 года. «Такова была причина, — пишет он Э.Кинэ, — которая побудила меня в 1851 г. обратиться к... Ж. Мишле с длинным письмом «о русском народе и социализме» [3, 556-557]. Здесь имеется в виду статья «Русский народ и социализм». И при этом важно не только то, какова суть «русского социализма» Герцена, а и то, что Герцена-«западника» побудило перейти к этой идее. Внешне Герцен возвращается к идеям своих бывших противников — славянофилов. «По странной иронии, — пишет он, — мне пришлось на развалинах французской республики проповедовать на Западе часть того, что в сороковых годах проповедовали в Москве Хомяков, Киреевские... и на что я возражал» [3, 417].

В Москве Герцен был «западником», а в Европе стал как будто бы «славянофилом». «Когда я спорил в Москве с славянофилами (между 1842 и 1846 годами), — пишет Герцен, — мои воззрения в основах были те же. Но тогда я не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически, и еще больше я любил его всею ненавистью к николаевскому самовластью и петербургским порядкам. Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, *западником*. Париж в один год отрезвил меня, зато этот год был 1848. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил с славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим» [3, 416].

После революции 1848 года Герцен начинает спорить с самим Западом, но не совсем так, как славянофилы. Те основы, в которых Герцен когда-то сходил со славянофилами, это гармония личного и коллективного начал в человеке. Но где и как такое возможно, вот в чем расходился он с Киреевскими и другими.

В России Герцен искренне верил, что после Французской революции Запад создал условия для такого развития. В Париже после революции 1848 года он ищет эти условия в России. «Мы представляем собой, — пишет Герцен Э. Кинэ, — почин *иного* отношения

С.Н. Мареев, Е.В. Мареева

А.И. Герцен о революции и социализме

человека к почве, наша задача состоит в опыте развития личной свободы без потери *права на землю*, в опыте ограничения суверенного права недвижимой собственности суверенным правом каждого человека на поземельное владение, — словом, в опыте сохранения общинной собственности рядом с личным пользованием» [3, 556-557].

В это время Герцен видит преимущество русской действительности в том, что в ней сохранились старинные формы землепользования, еще не разъеденные ржавчиной индивидуализма. Западная цивилизация развивала по преимуществу личное начало в человеке, крестьянская Россия сумела сохранить коллективизм. Но он не видит никакой органической связи между этими формами жизни и православием, на чем настаивали славянофилы. «Иное отношение» человека к почве, по его мнению, должно вырасти из *крестьянской общины и русской артели*. И, тем не менее, русский социализм Герцена в корне отличен от *христианского* социализма. Крестьянская община, считает он, основа социалистического общества. Но это общество *будущего*, а не прошлого, не то, что уже было, как считали славянофилы.

Осознавая тупик мещанского эгоизма, в котором оказался Запад, Герцен считает, что «человек будущего в России — м у ж и к, точно так же, как во Франции работник» [4, 326]. Но у Герцена речь идет не о том мужике, которого славянофилы ассоциировали с «соборностью». «Соборность» у славянофилов есть единство не только общины, но и церковного прихода. Православная вера – вот нравственная «душа» крестьянской общины, как и всего русского народа.

Иначе выглядит нравственное основание крестьянского коллективизма у Герцена. «У русского крестьянина, — пишет он, — нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма» [4, 167]. Более того, совместный труд на земле может стать условием органичного развития человеческой личности, или, как он выражается, «лица», минуя противоречия современного ему капитализма. Общинное землепользование обезопасит развитие личности от крайностей индивидуализма, возможного в условиях частной собственности.

Герцен отчасти строил иллюзии о возможном некапиталистическом развитии России. Здесь он выступил как один из родоначальников *народнического движения* в России, сделавшего ставку на крестьянство. Но и здесь его позиция имеет свои отличия, в данном случае

Часть 3
Концы и начала

в вопросе взаимоотношений с западным социалистическим движением.

В определенном смысле суждения Герцена перекликаются с известным ответом Маркса Вере Засулич по поводу использования русской крестьянской общины в социалистических преобразованиях: «Разумное и свободное развитие русского народного быта, — уточняет Герцен, — совпадает со стремлениями западного социализма». Маркс полагал, что при определенных обстоятельствах, в том числе при условии поддержки революции в России со стороны европейского рабочего движения, русская община может стать ячейкой будущего социализма. Так думал и Герцен. «Будущее России, — отмечает он — зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы. Кто может предсказать судьбу славянского мира в случае, если реакция и абсолютизм окончательно победят революцию в Европе?» [3, 177].

События середины 60-х годов XIX века все больше убеждали Герцена в том, что и Россия заражается «буржуазной оспой». И он, в отличие от многих других народников, не стал настаивать на «особом» пути революционного развития России. В последние годы Герцен все больше и больше поворачивается в сторону Международного товарищества рабочих — I Интернационала, руководимого Марксом и Энгельсом.

Своего рода завещанием Герцена стала его последняя работа «К старому товарищу». Это письма, адресованные Бакунину, в которых он критикует крайности его революционной теории. Герцен видит опасность призывов к немедленному уничтожению государства, опасность требования не «учить народ», а «бунтовать его». «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены в н у т р и» — пишет он [3, 544].

Эту формулу любят повторять либералы, толкуя ее в свою пользу: нравственное самосовершенствование — путь в царствие небесное. Но покорность власть предержащим — нравственно или безнравственно? Тут легко договориться до того, что тоже заявляют некоторые наши либералы: слишком рано у нас освободили крестьян от крепостной зависимости. Выходит, что крепостничество — это форма нравственного воспитания личности.

Тем не менее, революция, по Герцену, должна быть силой не только разрушительной, но и *хранительной*. Вот в чем расходился социалист Герцен с анархистом Бакуниным. Революция должна не просто до основания разрушить старый мир, считал Герцен, но и сохранить все действительные достижения человечества. «Новый во-

С.Н. Мареев, Е.В. Мареева

А.И. Герцен о революции и социализме

дворяющийся порядок, — пишет он, — должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобразное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании» [3, 536].

Герцен исходил из того, что буржуазный мир, который идет к концу так же, как пришел к концу мир феодальный, внутри себя *себя еще не изжил*. Поэтому насильственный переворот, считал он, не может привести к положительному результату. Проводя исторические параллели, Герцен пишет: «Петр I, Конвент научил нас шагать семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется на дороге» [3, 532].

«Новый мир», построенный одним только насилем, также будет удивительно похожим на старый. Об этом Герцен писал в «Былом и думах», критикуя того же Прудона. Что увидел Герцен в социалистическом идеале, который выходил из-под пера Прудона? «Чувство изгнано, все замерло, цвета исчезли, остался утомительный, тупой, безвыходный труд современного пролетария, — труд, от которого, по крайней мере, была свободна аристократическая семья Древнего Рима, основанная на рабстве; нет больше ни поэзии церкви, ни бреда веры, ни упования рая, даже и стихов к тем порам «не будут больше писать», по уверению Прудона, зато работа будет «увеличиваться». За свободу личности, за самобытность действия, за независимость можно пожертвовать религиозным убаюкиванием, но пожертвовать всем для воплощения идеи справедливости, — что это за вздор!» [2, 588-589]. (Как это похоже на критику «казарменного коммунизма» у Маркса!)

Каждая историческая форма, считает Герцен, имеет свои сроки созревания, и переступить их невозможно, как невозможно человечеству вернуться в прошлое. «Из нашего мира, — писал он, — не сделаешь ни Спарту, ни бенедиктинский монастырь. Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать — к общему благу...» [2, 588-589]. Герцен понимает, что все «коммунистические» эксцессы есть не что иное, как продолжение эксцессов мещанского общества. «Крайности Бабефа, — писал он, — утопии почти всех социальных учений нисколько не опровергают

сути дела. Напротив, сила бреда свидетельствует о силе болезни» [3, 556].

Герцен, в отличие от нынешних либеральных плакальчиков по поводу революционного насилия в прошлом, - как будто задним числом можно что-то исправить, - не осуждает насильственные революции прошлого, но ратует за то, чтобы будущий переворот был мирным. «Неужели цивилизация кнутом, - пишет он в письме к Бакунину, - освобождение гильотиной составляют вечную необходимость всякого шага вперед?..» [3, 540].

Хотя Герцен, по словам Ленина, «остановился перед историческим материализмом», понимал, что историческая необходимость, в отличие от естественно-природной, создается самой историей. И если история в прошлом сложилась так, что без гильотины обойтись было нельзя, то история может и отменить такую необходимость. «...Дальше, - пишет Герцен, - я не пойду теперь. А скажу в заключение вот что. Стоя возле трупов, возле ядрами разрушенных домов, слушая в лихорадке, как расстреливали пленных, я всем сердцем и всем помышлением звал дикие силы на месть и разрушение старой, преступной веси, - звал, даже не очень думая, чем она заменится» [3, 540].

Такие события, как июньские дни 1848 г. в Париже, которые пережил Герцен, должны давать повод не только для мечты о мести, но и для того, чтобы задуматься. Когда тебя избили до полусмерти, нечего хорохориться, а надо набираться сил и думать, искать новые пути к «светлому будущему». Вот основное настроение Герцена под конец жизни. И потому не прав был и Меринг, который писал, что Герцен «опустил руки».

Но не правы и либералы, которые обвиняли Герцена во всех эксцессах, которые происходили в России в начале XX в. И в этом отношении характерен эпизод из жизни Бердяева, описанный Б. К. Зайцевым: «Из гениев русской культуры Бердяев и его окружение больше всего ценили Достоевского и Вл. Соловьева. Они презирали, можно сказать, нашего Толстого, даже его художественное творчество. Особенно парадоксально высказывался в эту сторону Вышеславцев и встретил сочувствие у всех. Раз меня поразило определенно отрицательное отношение к Герцену. Дело было так. Окно кабинета Николая Александровича во Власьевском переулке выходило в глубь двора. Там стоял дом. Во время европейской войны там помещался госпиталь. Затем туда вселился неизвестно кто. Домик подвергся разграблению, кажется, был частично пожар, а затем

дом стал разрушаться, стоял без окон и дверей. Это был дом, в котором одно время жил Герцен, его только не следует смешивать с домом, в котором родился Герцен, на Тверском бульваре. Все стояли у окна кабинета. Бердяев сказал, смотря на остатки здания: «Вот плод взглядов Герцена – достойный пример того, к чему вели Россию Герцен и иже с ним». Букштейн и Грифцов сочувственно подхватили слова Бердяева» [7, 63-64].

Это уже апофеоз! У Бердяева, выходит, что в бедствиях мировой войны виноват Герцен! И каким боком в этих бедствиях может быть виноват непротивленец и пацифист Лев Николаевич Толстой? Просто настало такое время, когда надо ругать народную демократию и хвалить Синод, отлучивший Толстого от церкви.

И здесь крайне показательна оценка творчества Герцена М. А. Маслиным в статье, посвященной Герцену как «философу». Последнее нужно подчеркнуть особо, поскольку автор статьи «А. И. Герцен и русская философия» ставит задачу очистить философские взгляды последнего от его «практически-политической деятельности», и это, надо сказать, что это удастся (9, 175). Понятно, что в наши дни Маслина не устраивает Ленин, показавший связь идей Герцена с революционно-демократическими силами России. Не видит Маслин никакой связи Герцена с идеалом «крестьянского социализма» у народников. Более того, Герцен в данной интерпретации оказывается радикальным критиком любой формы демократии – либеральной, крестьянской, пролетарской. «По Герцену, - читаем мы у Маслина, - общественное устройство, основанное на демократии, равенстве и «отрицании иерархии» (то есть выстроенной системе разнообразных и «своеобычных» духовных ценностей), является далеко не идеальной целью, достойной человеческих стремлений» (9, 170).

Герцен, борьба которого с социальным неравенством всем известна, именно в философии, доказывает Маслин, обнаруживает себя как противник всех, кто стоит за демократию и социализм. Но что это за философия? «...Герцена, - читаем мы, - наряду с Бердяевым можно назвать одним из выдающихся русских философов свободы. Именно в этом качестве Герцен прежде всего известен за рубежом» (9, 173). В другом месте мы узнаем, что критика Герценом Запада - не социальная, а «экзистенциальная критика», и что логика жизни в его понимании - логика иррационализма (см. 9, 174).

Итак, отлученный от Ленина Герцен в наши дни стал единомышленником Бердяева. Мысль о необходимости ревизии философских взглядов Герцена понятна. Надо восстановить философскую ре-

путацию Герцена, серьезно «подмоченную» Лениным с его ссылками на слова Герцена о гегелевской диалектике как «алгебре революции». И, тем не менее, зачем же так открыто демонстрировать современную тенденциозность?

Литература

1. Булгаков С.Н. Сочинения в двух тт. Т. 2, М, 1993.
2. Герцен А.И.. Былое и думы. М., 1988, Т. 1.
3. Герцен А.И. Соч. в двух тт Т.2.
4. Герцен А.И. Собр. соч., Т. 7. М., 1956.
5. Зеньковский В.В. История русской философии в 4 кн. Кн. 1, Ч. 2.
6. Лифшиц М.А. Читая Герцена // Лифшиц М.А. Собр. Соч. в трех тт., М., 1988, Т.3.
7. Н.А. Бердяев: pro et contra. – СПб, 1994.
8. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. - М.: Политиздат, 1990.
9. Философия и общество. Научно-теоретический журнал. 2012, № 2(66).

В.Н. Шевченко

Был ли А.И. Герцен либералом-западником?

Наряду с историко-философским взглядом на теоретическое наследие А. И. Герцена и его актуальность не меньшую значимость сегодня представляет и философско-исторический анализ, суть которого состоит в следующем. Есть реальная историческая ситуация в стране и в мире, сложившаяся в первые десятилетия XXI века, и есть А. И. Герцен, который жил и творил в 30-60-е годы XIX века.

Актуальность А. И. Герцена с этой точки зрения заключается в том, что Россия сегодня вновь проигрывает в своей самой новейшей истории многие ситуации, с которыми сталкивался Герцен, хотя они, возможно, расставлены историей несколько в другом порядке, встроены в другие причинно-следственные связи. Обращение к Герцену может дать ключ к пониманию скрытых пока от нас смыслов сегодняшнего этапа отечественной истории, способствовать более полному раскрытию культурно-исторического, цивилизационного своеобразия российского общества и вместе с тем границ этого своеобразия, а целом, перспектив европеизации общества.

Но конструктивно работать с текстами Герцена очень непросто. По каждому вопросу у него не было жесткого и однозначного решения. Герцен в вечном поиске. Нередко он меняет позицию под давлением исторических обстоятельств чуть ли не на прямо противоположную. И всё же в этой переменчивости позиций просматривается некий вектор, тренд движения мысли к более полному постижению сути того или иного явления или процесса.

Из всего богатства суждений Герцена о тогдашнем для него этапе российской и европейской истории мне хотелось бы выделить четыре проблемы, которые, на мой взгляд, являлись для него ключевыми, главными и к которым он постоянно обращался в течение всей жизни.

Первая проблема - это отношение «социальное-политическое». Постановка проблемы и поиск ее решения является не просто откликом на события тех лет. Признание первостепенной важности для жизни страны решения именно социальных проблем, может быть не всегда отчетливо выраженная у Герцена, по сравнению с необходимостью политических преобразований в стране, проходит через всю историю интеллектуальной мысли России вплоть до сего-

Часть 3
Концы и начала

дняшнего дня. И конечно не только мысли, но и самой общественной практики.

Если брать европейское общество последних столетий, то отчетливо видно, что социальные проблемы решались и решаются в нем постепенно и постоянно через политическую борьбу партий и классов, различных социальных слоев и групп. Этот процесс начинается с тех пор, когда государство обретает в какой-то мере демократическую форму устройства, и парламент становится решающим местом политической борьбы. Европейская социал-демократия с момента своего возникновения в конце 60-х г. XIX в. становится партийно-политическим движением, стремящимся, в первую очередь, к разрешению социальных проблем. Во второй половине XX века европейские социал-демократы разработали концепцию социального государства и многого добились в её реализации. Европейский вектор прогрессивного движения общества - от создания политической основы в виде республики и далее к социальному государству, а в длительной перспективе и к социализму, постепенно становится доминирующим вектором в общественной жизни Запада в XX веке.

Еще раз подчеркну. Всего, чего добились люди на Западе с точки зрения уровня социальной защиты и благополучия, они добились от государственной власти через жесткую и целенаправленную борьбу. Демонтаж социального государства, который намеревались совершить в 90-е г. прошлого века и позже неоллибералы, либералы-монетаристы пока не состоялся. Ни одной уступки не допустили люди наемного труда без ожесточенного сопротивления. Кто же добровольно отдаст то, что завоевано в упорной борьбе!

Что касается России, то именно при Николае I еще до отъезда Герцена за границу появилось «Уложение о наказаниях» (1845). Не только любая попытка ограничить власть самодержца, но и сомнение в верховной власти, неуважение к престолу карались от смертной казни до каторжных работ. Занятия политикой весь XIX век в России квалифицировались как политическое преступление. Поэтому понятно увлечение в России в XIX веке, особенно в первой половине, социальными утопиями. В этих учениях, по большому счету, нет интереса к политической борьбе и политическому развитию общества. Герцен уезжал в Европу преисполненный веры в скорую реализацию там социального, общественного идеала. Для него Запад казался колыбелью свободы, обществом свободных личностей.

Знакомство с Европой привело его к большому разочарованию. Мелкая, грязная среда мещанства, под которым А. И. Герцен пони-

В.Н. Шевченко

Был ли А.И. Герцен либералом-западником?

мал торгашество, безликость, индивидуализм как тина, покрывает своей зеленью всю Францию. Июньская революция 1848 г. и разгром рабочего восстания отбросило французское общество далеко назад. Пессимизм Герцена, основанный на опыте 40-50-х годов XIX века, был поистине безмерным. "Европа догадалась, благодаря реакции— пишет Герцен в работе "С того берега", — что представительная система — хитро придуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры общественные потребности и энергическую способность действовать".¹ В демократии, — пишет он там же, — «страшная мощь разрушения, но когда примется она создавать, она теряется в ученических опытах, в политических этюдах. ... Действительного творчества в демократии нет — и потому-то она не будущее». ² Французская демократия есть самая близкая форма к самодержавию по той простой причине, что «сама мысль переноса своего самодержавия на избранных — мысль монархическая и ложная». ³

А. И. Герцен верно замечает, что политическая республика, будучи переходной, представительной, монархической, должна переходить в социальную республику. Но путей перехода к ней после разгрома французской революции 1848 г. А. И. Герцен не видит. Для него становится ясно, что идеальная модель республики — это «свободная артель, братья, имеющие общее дело и одинаковое участие». ⁴

Будущее как достижение социального идеала для него оказывается вне политики. «Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое, не превратится в человеческое, простое, подлежащее критике и разрушению». ⁵ К середине 50-х годов у Герцена возникло устойчивое отторжение политики, ощущение ненужности политической жизни в обществе, а стало быть, и политического развития народа. Весь этот ход мыслей и послужил основой для разработки Герценом крестьянского, «русского» социализма.

А. И. Герцен в «Письмах к старому товарищу» в конце 60-х г. высказывает уже совсем другие мысли о том, мир во всем изменился, и социальный вопрос следует теперь решать иначе, чем 20 лет назад. Что же повлияло на его точку зрения?

¹ Герцен А.И. Соч. в 9-ти томах. М., 1956. Т.3. С. 302.

² Там же. С. 305-306.

³ Там же. С. 187.

⁴ Там же. С. 185

⁵ Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954-1964. Т. VI. С. 46.

Часть 3
Концы и начала

Вот здесь и возникает вторая проблема – Герцен и российское государство, которую вполне возможно поместить в контекст сегодняшних отечественных дискуссий. Суть проблемы вкратце такова – что есть российская государственность, какова её матрица, если она есть, как соотносятся с ней конкретно-исторические формы российского государства. Здесь много сюжетных линий, и все они интересны. Остановлюсь лишь на одной из них.

Как только изменилась ситуация в России после воцарения на престол Александра II, меняется и отношение Герцена к российскому государству. Известно суждение Герцена, высказанное им в начале 1850-х г., на которое часто ссылаются в литературе: «Мы свободны от прошлого, ибо прошлое наше пусто, бедно, ограничено. Такие вещи, как московский царизм или петербургское императорство любить невозможно». ⁶ Но вскоре он фактически отказывается от этого суждения.

Возникают возможности для осуществления социальной революции сверху, о намерении которой объявляет летом 1858 г. Александр II в своей речи к московскому дворянству: «Господа, лучше чтоб эти перемены произошли сверху – нежели снизу». Об этом подробно и с одобрением повествует герценовский «Колокол». ⁷ Во второй половине 50-х Герцен полон радужных ожиданий от планов Александра II, он чуть ли не сравнивает императора с деяниями Иисуса. «Ты победил Галлелиянин». ⁸

Конечно, А. И. Герцена к государственным деятелям трудно причислить, известна острая критика его взглядов Б. Н. Чичериным, видным представителем государственнической школы. Герцену нравилась идея федерации самоуправляемых общин, навеянная ему близким для него человеком – М. А. Бакуниным. Но он начинает видеть у имперского государства определенные перспективы развития, в том числе и реальные возможности для разрешения социальных проблем.

Он начинает внимательно присматриваться к реформам, говорит о желательности постепенного хода преобразований. «Имея власть в руках и опираясь с одной стороны на народ, с другой – на всех мыслящих и образованных в России, нынешнее правительство

⁶ Герцен А.И. Собр. соч. в 9-ти томах. 1956. Т. 3. С. 491.

⁷ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. М., Т. XIII. С. 21.

⁸ Там же. С. 197.

В.Н. Шевченко

Был ли А.И. Герцен либералом-западником?

могло бы сделать чудеса, без малейшей опасности для себя»⁹. Вместе с тем Герцен очень часто испытывает разочарования от медленного и непоследовательного курса реформ. Герцен слишком многого ожидал от реформаторских усилий императора, которому противодействует даже самое ближайшее его окружение, о чем постоянно пишет Герцен в «Колоколе».

Отношение Герцена к революции было неоднозначным. После французской революции 1848 г. Герцен, пожалуй, одним из первых, кто стал говорить о зловещих чертах политической революции, об издержках революций, которые несли хаос и взаимное истребление нации.

Как только в александровской России начинается обсуждение реформ, в центре внимания Герцена оказывается сам государственный строй России. В 1858 г. Герцен пишет: «Нам дела нет до форм правления, мы все их видели на деле и видели, что все они никуда не годятся, если они реакционны, – и все хороши, если они современны и прогрессивны. Если солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в Мономаховой шапке или в фригийской – всё равно».¹⁰ Позже, в начале 60-х годов он поясняет, что такие оценки не означали его окончательного перехода на реформаторские позиции. «Не веру в них (насильственные перевороты – В.Ш.) мы потеряли, а любовь к ним. Насильственные перевороты бывают неизбежны»¹¹. Но «звать к оружию можно только накануне битвы. ... А потому оставьте революционную риторику и займитесь делом»¹². Все зависит, оказывается, от того, как покажет себя императорское правительство. Резкая смена Герценом своей позиции – это типичный для русского ума переход от одной крайности в суждениях к другой. Теперь, по Герцену, «Англия – для нас единственно годная для нас школа. Страна без централизации, без бюрократии, без префектов, без жандармов, без стеснения печати и т. д.» Он много перечисляет достоинств у Англии, и главное из них – лишь Англия консервативна, ибо ей есть что хранить – личную свободу»¹³. Однако Герцен так и не увидел у неё непривлекательных черт. Но главное здесь вдругом, в том, что, по мысли Герцена, народы так вживаются в вековые формы и обряды, что

⁹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. XIII. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 296.

¹¹ Там же. Т. 16. С. 221.

¹² Там же. С. 225.

¹³ Там же. Т. XIII. С. 243.

Часть 3
Концы и начала

не понимают жизни в других формах, хотя они и могут быть лучше. Вся жизнь Англии основана на этом. Это очень важное замечание. Оно много говорит о глубоких национальных корнях взглядов Герцена. В общем, отличия России от Западной Европы, выглядят у Герцена гораздо более фундаментальными, чем обычно принято считать. «Россия сама является новой частью света, развивающейся на свой лад; западная цивилизация усваивается верхушкой, в то время как основание остается совершенно национальным»¹⁴.

Проблема оптимального устройства российского государства не снята и сегодня с повестки дня. Авторитарная матрица, лежащая в основе царского, имперского, советского и сегодняшнего российского государства, в своем векторе развития становящегося все более импероподобным государством, предполагает, в частности, я это специально подчеркиваю, приоритетное решение социальных проблем перед всеми остальными внутренними проблемами, в том числе и собственно политическими. Игнорирование этого обстоятельства лишает государство стабильности и устойчивости в своем развитии.

Но при этом нельзя забывать, что все или почти все внутренние проблемы страны решаются с помощью административно-управленческого аппарата. Делается все, чтобы социальные проблемы, которые в Европе решаются через политическую борьбу, переводились в разряд административно-управленческих проблем. И никакой открытой политической борьбы не предполагается, если не выдать за ее проявления дискуссии в печати о том, какие и как проводить правительству реформы и чем общество может ему помочь.

И в те давние времена российская верховная власть сокращала все возможными способами пространство публичной политики, но взамен она обещала обществу решение острейших социальных проблем. Так государство поступает и сегодня. Как это оценивать? Незрелость, отсталость в реформировании государства или проявление глубокого культурно-исторического своеобразия российской цивилизации?

Другая позиция в отношении российского государства в сегодняшней философской и публицистической литературе состоит в призыве перестать опираться на авторитарную традицию, в необходимости активизации борьбы против авторитаризма за парламентскую демократию. Мне кажется, Герцен никогда не испытывал к ней

¹⁴ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. XIII. С. 237.

В.Н. Шевченко

Был ли А.И. Герцен либералом-западником?

особых симпатий и трудно представить Герцена борцом за европейский парламент на российской почве.

Третья проблема, которую я намерен здесь обсудить, – это обоснование права России на свой собственный путь развития. А. И. Герцен остро ставит этот вопрос о том, должна ли Россия пройти все фазы европейского развития, или ее жизнь пойдет по иным законам. И ответ на него вполне однозначный. Он отрицает необходимость повторений.

Если говорить кратко, путь, предложенный Герценом, можно назвать антибуржуазным, некапиталистическим, я бы даже сказал альтеркапиталистическим путем развития. Герцен развивает теорию русского или крестьянского социализма, решающую роль в которой отводит сельской общине. Но впоследствии понимание общины у него трансформируется в некое универсальное качество российской жизни – в общинный строй организации совместно действующих людей, которая, помимо науки, должна вобрать в себя и сохранить самое важное, что дала европейская цивилизация – личную свободу и личную независимость каждого гражданина.

Герцен опередил Маркса в отношении идеи некапиталистического пути, хотя у Маркса решение выглядело несколько иначе: успех крестьянской революции в России может быть достигнут при победе пролетарской революции на Западе. У Герцена нет такой строгости в решении вопроса, взаимосвязь революционных преобразований на Западе и в России он отмечает неоднократно, но в самой общей форме. Все мы стремимся к тому, чтобы избавиться от прошлого «ради будущего, отныне ставшего общим для Запада и Востока»¹⁵. Маркс не любил Герцена, который не принял учения Маркса и к нему он относился с большим недоверием. Хотя они долгое время жили в одном городе, читали работы друг друга, но так и не вступили в личный контакт. А ведь Герцен в конце 50-х годов XIX века был признанным лидером всех оппозиционных сил России.

Во второй половине 1850-х годов Герцен пишет: «Мещанство – последнее слово цивилизации, ... работник всех стран - будущий мещанин»¹⁶. «Я не считаю мещанство окончательной формой русского устройства, того устройства, к которому стремится и достигая которого она, вероятно, пройдет и мещанской полосой. Может народы европейские сами перейдут к другой жизни. Может, Россия вовсе не

¹⁵ Герцен А.И. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 3. С. 493.

¹⁶ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. XVI. С. 137-138.

Часть 3
Концы и начала

разовьется, но именно потому, что это может быть - может быть и другое»¹⁷.

Отсталость страны – есть и её преимущество. Герцен развил далее эту мысль Чаадаева. Россия молода, она может открыть новую страницу в истории. Ей легче попасть в будущее. Идея особого, русского пути звучала у Герцена как некое, сильное предположение, иногда она даже как исторически предопределенный путь при всех оговорках. Наверное, Герцен заметно перегибал палку, когда говорил о гнилости европейской цивилизации. В конце концов, это был ранний этап развития капитализма, который начнет меняться и стремительно меняться в 70-80-г. XIX века. Будет парижская коммуна, появятся сильные социал-демократические партии, начнется после промышленного кризиса середины 70-х г. XIX века переход капитализма на империалистическую стадию развития.

Главное у Герцена - это увиденная им в российской истории возможность принципиального иного пути перехода страны на новый уровень общественного развития. Если доводить идею некапиталистического пути Герцена до логического конца применительно к России, то можно сказать, что Россия – страна системного антикапитализма. Если говорить в более общем плане, то историческая наука показала, что переход на новый уровень развития происходит ни в цитадели, ни в самой развитой стране, а на периферии, где столкновение старого и нового достигает предельного обострения, хотя это новое может быть достаточно неразвитым, в данном случае, по меркам Европы.

Да, этот переход будет сопровождаться большими потерями, но это единственно практически реализующий себя в истории путь, я это подчеркиваю, перехода к принципиально новому этапу в развитии человечества и соответственно конкретной страны. Герцен пользовался словечком варвары, но, кажется, ни разу не употребил его по отношению к тем силам, которые выполняли исторически прогрессивную роль.

«Деспотизм – это варварство, это погребение дряхлой цивилизации, а иногда ясли, в которых находится *Спаситель*»¹⁸. «Деспотизм – вовсе не консервативен. Не консервативен он даже в России. ... Слу-

¹⁷ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. XVI. С. 196.

¹⁸ Там же. С. 235.

В.Н. Шевченко

Был ли А.И. Герцен либералом-западником?

чается иногда, что юные народы, в поисках общественного устройства, начинают с деспотизма, проходят через него»¹⁹.

Бывают варвары и «варвары» в кавычках. У нас преобладает, к сожалению, несколько упрощенная модель варварства под влиянием идей политического либерализма как уже победивших все другие альтернативные идеи и концепции, которые и являются по меркам либерализма тем или иным проявлением варварства.

Так можно ли говорить сегодня об исторической победе западничества в современной России и какого в таком случае западничества? Не имеем ли мы ту же самую ситуацию, с которой столкнулся Герцен в России во второй половине 60-х г XIX века. С одной стороны, все возрастающее число реформ, которые несомненно меняют общество, его социальный облик, хотя трудно сказать, сколько всего было провозглашено в новой России реформ за последние два десятилетия и сколько доведено до конца! А с другой, неизменность матрицы государственной власти от столетия к столетию вплоть до сегодняшнего дня, а отсюда и неизменная имитация прогресса в политической сфере. Кто будет сегодня в обществе против решения социальных проблем? И вновь мы сталкиваемся с ситуацией явного доминирования поисков решений острейших социальных проблем над поисками наиболее оптимальной формы политического устройства государства. Иными словами, в сегодняшней пореформенной России сложилась очень сходная ситуация с той, которая была сто лет назад в пореформенной России. Готового решения у Герцена не было, а вот в анализе и диагнозе ситуации можно многое у него взять, многому поучиться.

Теперь, что касается последней, четвертой проблемы из тех проблем, которые я решил поставить на обсуждение в настоящих заметках. В этой четвертой проблеме сфокусированы, собраны вместе все три предыдущие проблемы. В статье «Нас упрекают» (1858 г.) Герцен пишет:

«Нас упрекают либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно.

Нас упрекают свирепые красные демократы в том, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян.

Нас упрекают славянофилы в западном направлении.

¹⁹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. XVI. С. 234.

Часть 3
Концы и начала

Нас упрекают западники в славянофильстве.

Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости»²⁰.

Герцен отвечал на эти упреки достаточно ясно. Он не отвергает ответственности, которую добровольно когда-то взял на себя. Мы должны быть последовательны, *единство* — необходимое условие всякой пропаганды, но идти легко по одной линии, когда имеется согласованный порядок дел, но его пока в России нет, и он вряд ли вскоре сложится.

Если как-то подытожить смысл этой полемики Герцена с представителями других идейных направлений, то логично предположить, что Герцен стремился, может быть и не вполне осознанно, к некоей интегральной идеологии. Является ли в ней политический либерализм ядром, основой это идеологии? Вряд ли это можно доказать, как и то, что несмотря на все колебания и отступления, Герцен был либералом западного типа. Скорее наоборот, он искал новые формы изложения идей российского социализма.

Об интегральной идеологии в новой России заговорили еще во второй половине 90-х годов прошлого века. Одной из первых была опубликована статья трех авторов - И. К. Пантина, Т. А. Алексеевой и Б. Г. Капустина, посвященная перспективам интегративной идеологии. В тезисах подчеркивалось, что «интегративная идеология должна дать общий для всех групп граждан язык символов, ценностей, смыслов, в котором пойдет общероссийский диалог, нацеленный на то, чтобы определить общее приемлемое устройство общества и общезначимые цели его развития»²¹. Мне кажется, именно такую цель преследовал в течение своей творческой деятельности А. И. Герцен, который как раз и искал для россиян идеологию, способную объединить разные политические силы и стремился высказать свое понимание фундаментальных, общих для всех слоев российского населения ценностей.

С тех пор в отечественной литературе предпринималось немало попыток создания интегральной идеологии. Возможно, что новые обсуждения придадут им новые импульсы. Сегодня очевидно, что прежние пути поиска интегральной идеологии себя исчерпали, так и не достигнув значимых положительных результатов. Нужен прорыв на другой уровень теоретического осмысления проблемы, который

²⁰ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. XIII. С. 361.

²¹ Полис – Политические исследования. 1997, № 3. С. 18.

В.Н. Шевченко

Был ли А.И. Герцен либералом-западником?

просто оставил бы позади этот неразрешимый клубок идейных противоречий. При всех самых неожиданных изменениях во взглядах Герцена, в ходе его напряженных, мучительных исканий, мне кажется, к концу жизни у него сложилось стойкое убеждение, которое можно кратко выразить словами А. С. Пушкина: «войти в Европу и остаться Россией». Но этот наш вывод требует дальнейшего рассмотрения, новых текстуальных доказательств.

А.В. Бузгалин

**О продвижении к социализму
на базе слабого капитализма**

Полемика внутри относительно недавно сформировавшейся постсоветской школы критического марксизма по проблемам методологии исследования и теории социализма во многом продолжает традиции хорошо известных международных и отечественных дебатов по различным аспектам данного проблемного поля. И в то же время она имеет свою специфику, о которой собственно и пойдет речь ниже. Из всего круга вопросов я выделю только одну – пожалуй, наиболее значимую (естественно, с точки зрения автора): о возможности генезиса социализма на неадекватном базисе

Поставленный выше фундаментальный вопрос о возможностях развития социализма в условиях, когда для генезиса «царства свободы» еще не вызрели достаточные предпосылки, уходит своими корнями в полемику об объективной обусловленности и социалистической природе Октябрьской революции 1917 года – полемики, начавшейся еще накануне этих исторических событий. В 2007 году, в связи с 90-летием революции, они вновь обнажили всю свою актуальность, которая оказалась вдвойне велика в контексте попыток продвижения к социализму в Венесуэле, а так же споров о возможностях социалистической эволюции Кубы, Китая, Вьетнама – стран, чей уровень развития следует отнести скорее всего к периоду неравномерного перехода к развитому индустриальному обществу. А этот уровень, как показал опыт распада СССР, скорее неадекватен для социализма...

В рамках нашей школы главным критиком, казалось бы, незбылемой в рамках прежней советской традиции тезы об Октябрьской революции как социалистической стал М. И. Воейков (с некоторой частью из них солидаризируется отчасти и А. И. Колганов)¹. Развивая тезисы А. Грамши, Р. Люксембург, ряда представителей международного троцкистского направления и т. д., он доказывает, что по своим

¹ Воейков М. 13 тезисов о классовой борьбе в России //Альтернативы, 2006, № 2; Воейков М. Маркс, Ленин, Троцкий: капитализм, социализм и рыночная экономика //Альтернативы, 2011, № 3; Колганов А. Почему погибла Советская держава? (тезисы к дискуссии) //Альтернативы, 2001, № 3; Колганов А. Границы капитализма //Альтернативы, 2006, № 3.

реальным результатам и реальным движущим силам Октябрь 1917 года был продолжением Февраля, частью единого процесса буржуазной экономической, социальной и даже технологической революции в России. Соответственно, ключевым выводом автора является положение о буржуазной (в общем и целом) природе «реального социализма».

Основные аргументы М. И. Воейкова в принципе известны: главным субъектом революционных событий не мог быть пролетариат (он был крайне малочислен в России) и он им не стал. Главные задачи, которые действительно решила революция, были буржуазными (индустриализация, урбанизация, ликвидация неграмотности и т. п.) Социально-экономические отношения, господствовавшие в СССР, трудно назвать социалистическими, ибо мера отчуждения человека от труда, его средств и результатов была в условиях этой системы едва ли не выше, чем в условиях «классического капитализма». Следовательно, делает вывод профессор М. Воейков, эта революция объективно была буржуазной. Оригинальным в данной постановке является дополнение, которое делает этот автор: акцент на недостаточности для развертывания социалистического проекта даже тех материальных условий, которые сложились в СССР в условиях т. н. «развитого социализма» – с одной стороны, выделение многих прогрессивных достижений (а не только глубочайших негативных явлений) в практике реального социализма – с другой. Последние два тезиса еще в большей мере характерны для А. И. Колганова.

С ним активно спорит Б.Ф. Славин, акцентируя внимание на социалистических слагаемых революции². Это и природа партии большевиков, других левых партий, совершавших революцию, и содержание многих социально-экономических преобразований (не только национализации, но и планирования, социальных гарантий и т. п.), и новый тип человека, возникшего в результате победы этой революции, и самосознание ее субъектов и др.

С этими аргументами трудно не согласиться, но, тем не менее, они мне кажутся недостаточными. Они доказывают, прежде всего, то, что и в самой революции, и в системе, возникшей после ее свершения, были реальные ростки нового, посткапиталистического общества. Это

² Славин Б. Кто сегодня определяет ход истории? //Альтернативы, 2000, № 2; Славин Б. Еще раз о природе социализма //Альтернативы, 2000, № 4; Славин Б. Почему советское общество не было буржуазным //Альтернативы, 2002, № 4; Славин Б. Социализм и Россия // Альтернативы, 2004, № 4.

доказать можно, и с этим, в конечном итоге, согласится если не Воейков, то Колганов.

Гораздо сложнее доказать, что *действительное содержание Октябрьской революции было социалистическим*. И здесь я хочу обратиться к некоторым теоретическим положениям о природе революции, высказанным выше. Как было специально подчеркнуто в предыдущем разделе текста, главным критерием социальной революции является пробуждение к жизни массового социального творчества. И Октябрьская революция действительно стала источником такого творчества низов. Она вызвала к жизни созидание самими трудящимися новых социальных форм, несших в себе ростки (именно ростки – иного и не может быть в исходном пункте нового общества, каковым является революция) отношений нового общества.

Этот тезис, конечно же, требует подробного историко-документального обоснования, но даже исторически не слишком просвещенный исследователь знаком с примерами *десятков тысяч новых форм социальной организации*, созданных еще в годы Гражданской войны, а уж тем более – в 1920-е годы. Они создавались везде. В экономике ими были коммуны и реальные кооперативы, программы долгосрочного экономического развития (ГОЭЛРО) и формы всенародного учета и контроля. В политике ими стали Советы и массы новых общественных организаций и движений; по размаху форм социально-политической и иной самодеятельности (того, что ныне называется «grass-roots democracy») СССР первых 10 лет революции не знает себе равных. В общественной жизни и культуре это пробуждение к жизни миллионов «рядовых» граждан, участвовавших в ликвидации беспризорности и неграмотности, строительстве дирижаблей и спорте, создании новых художественных объединений и театров, немыслимом ни до, ни после размахе художественной самодеятельности при огромном взлете профессионального искусства...

Да, все это было сопряжено и с многоукладностью нэповской экономики, и с растущей бюрократизацией политической системы и т. п. Да, все это социальное творчество базировалось на отсталых производительных силах и решало задачи, лежащие в общем и целом в рамках буржуазного горизонта (от электрификации до массовой физкультуры). Но решало оно их на основе *новых, посткапиталистических форм организации*. Эти формы творили *новые субъекты* – по-новому (ассоциации) взаимосвязанные новые (по своим ценностям и мотивам) люди. Видимым символом этого процесса стала *радостно-*

приподнятая, романтически-энтузиастическая атмосфера, бывшая не единственной, но господствующей социальной музыкой революционной эпохи.

Более того, это была атмосфера ускорения социального времени («Время – вперед!» – это не просто имя музыкального произведения, это ритм эпохи) и открытия новых пространств – Неба (повальное увлечение авиацией), Севера и т. п.

Так мы в практике первого десятилетия Октября находим еще три признака социалистической революции: романтическое сотворение ее просыпающимися к новой жизни низами; музыкальность и праздничность; ускорение социального времени, спрессованность и одновременно открытость социального пространства.

Наконец, это была и культурная революция: Октябрь дал начало новому культурному процессу, имеющему очевидно посткапиталистическую природу, что доказала в своих работах Л. А. Булавка³.

Вот почему я берусь утверждать, что диалектика Октябрьской революции несводима к однозначной оценке: «буржуазная – социалистическая». Да, она на капиталистических (подчас даже раннекапиталистических) основаниях решала задачи, которые в принципе должна была решать капиталистическая система. Но она решала их *некапиталистическими методами и вызывая к жизни некапиталистические социальные формы*, что привело, в частности, к тому, что и сами эти буржуазные задачи были решены иначе.

Если мы попытаемся проследить собственно социалистическую линию, идущую от Октября, то мы заметим, что в нашей стране если и были действительные достижения, то в деле решения задач:

- не столько буржуазной индустриализации (ориентированной прежде всего на массовое производство потребительских благ), сколько (мутантно-) социалистической научно-технической революции;
- не столько обеспечения буржуазной профессиональной грамотности, сколько (мутантно-) социалистической общей высокой культуры населения;
- не столько обеспечения буржуазной демократии (ее-то как раз и не было, и это одна из важнейших причин краха СССР), сколько

³ Булавка Л. Коммунизм возвращается. Маяковский //Альтернативы, 2006, № 2.

первых ростков более высокого низового демократизма – реального социального творчества.

Парадокс Октября и последующих лет состоял в том, что собственно буржуазные задачи-то мы решали как раз очень плохо (экономика дефицита вместо «общества потребления», технологическая отсталость вместо «более высокой производительности труда» и т. п.) *Единственно, где у нас были действительные успехи, так это как раз в сферах посткапиталистических (отчасти даже постиндустриальных) – в обеспечении общедоступного образования высокого уровня и ориентированного на формирование разносторонне развитого человека, а не узкого специалиста; в освоении космоса и фундаментальной науке; развитии высокой культуры и обеспечении ее доступности массам...*

Другой вопрос, который здесь возникает: *можно ли решать посткапиталистические задачи, не решив собственно буржуазных и не потому ли в конечном итоге рухнул «реальный социализм», что собственно буржуазные задачи массового потребления и т. п. у нас не были решены – мы пока оставим в стороне. Нам в данном случае было важно показать другое: то, что импульс Октября вопреки сталинскому террору и брежневскому застою дал мощный (хотя и постепенно истончившийся) поток новых общественных отношений и форм деятельности, человеческих поступков, ценностей и мотив постбуржуазного, социалистического типа.*

Оппоненты могут возразить: это была не единственная линия Октябрьской революции. Да, это действительно так. В ней было много и того, что характеризует как инерционность общественного развития, так и разрушительные составляющие самой революции. Низы СССР несли в себе не только начала ассоциированного социального творчества, но и родовые черты Хама. Интеллигенция частью шла в Революцию, созидавая в диалоге с массами новые чудеса техники и качественно новую культуру, а частью бежала от революции. Советская власть открывала тысячи новых школ и музеев, но Гражданская война и сталинская модернизация уничтожила массу объектов и – что гораздо страшнее – субъектов культуры...

В этом реальная диалектика революции. И диалектика эта была такова, что баланс разрушения и созидания был очень подвижен и колебался, вызывая фантастические достижения и чудовищные разрушения на протяжении долгих десятилетий, пока не завершился поражением советского проекта. Но это была именно революция.

А.В. Бузгалин
О продвижении к социализму ...

Другой вопрос, была ли это революция «против «Капитала»»⁴. Если посмотреть на проблему узко политико-экономически и исходить только из одного тезиса Маркса о том, что революция происходит там, где старые производственные отношения стали тормозом развития новых, обогнавших их производительных сил, то это действительно так. Но объективно произошедшие в XX веке во многих слабо- и средне-развитых странах антикапиталистические социально-экономические и политические изменения поставили *проблему возможности опережающего развития и решения в некапиталистических системах буржуазных задач* (1) прогресса технологии, создания позднеиндустриального уклада и перехода к постиндустриальному и (2) обеспечения материального благосостояния на уровне «общества потребления» для значимой части граждан, профессионального образования и т. д.

Ключ к решению этой теоретической проблемы дает *методология исследования диалектики взаимодействия различных слагаемых социума* (в традиционной марксистской терминологии – производительных сил, производственных отношений, «надстройки») и, в частности, методология «Капитала», прежде всего, – теория формального и реального подчинения труда капиталу.

К последней мы еще вернемся, а сейчас кратко сформулируем несколько принципиально важных тезисов, касающихся названной выше методологии.

Во-первых, взаимодействие производительных сил и производственных отношений, традиционно сводимое лишь к двум аспектам («содержание и уровень развития первых определяет вторые; на определенном этапе развития производительных сил производственные отношения становятся тормозом их развития, что вызывает революцию») на самом деле много богаче. Для нашего анализа необходимо,

⁴ Выше я постарался коротко показать, что это в любом случае это была революция против капитала. Да, она выродилась в конечном итоге, но это не отменяет собственной природы этой революции. Что же касается того, насколько Октябрьская революция произошла в соответствии с буквой и духом марксизма, то здесь следует помнить, что революции – объективное слагаемое исторического процесса. Они происходят, как мы вслед за Марксом отметили выше, не потому, что группка теоретиков и практиков от революции решила, что ее нужно совершить. Это взрыв социального котла с перегретым паром общественных противоречий. Именно этот взрыв и произошел в России 1917 года, и неслучайно его кульминацией стали октябрьские события.

Часть 3
Концы и начала

как минимум, следующее уточнение: возможной является ситуация, в которой производственные отношения опережают развитие производительных сил, оказываются как бы «сшитым на вырост» социально-экономическим «костюмом».

В «Капитале» этот вариант раскрыт при анализе диалектики развития формального подчинения труда в реальное. Напомним, первое предполагает развитие капитала на неадекватном для него материально-техническом базисе простой кооперации и мануфактуры, основанных на использовании ручного труда, доиндустриальных технологий, где только социально-экономическая форма – капитал – подчиняет наемного работника. Реальное же подчинение труда предполагает, что капитал развивается на адекватном для него индустриальном базисе и не только определенное производственное отношение – капитал, – но и само содержание труда, господство системы машин над работником, превращенным в частичный придаток машины, – обеспечивает реальное подчинение труда.

В рамках этой методологии, в частности, показано, что сформировавшиеся «на вырост» производственные отношения капитализма при благоприятных социально-политических условиях (например, в Нидерландах с XVI века) могли обеспечить опережающее развитие технологий. А при неблагоприятных (как, например, в ренессансной Италии) – не могли. Более того, при неблагоприятных условиях даже индустриальные технологии могли развиваться в феодальных или даже рабовладельческих формах (крепостные фабрики в России XIX века, использование рабского труда вплоть до настоящего времени в некоторых странах мира).

И исторический опыт (например, систематические поражения многократных попыток перехода к капитализму в доиндустриальную эпоху), и приведенные выше теоретико-методологические соображения показывают, что для периодов генезиса новых производственных отношений на еще неадекватном материальном базисе характерны (1) возможные успешные примеры такого перехода; (2) многочисленные неуспешные примеры того же и (3) систематичность, закономерность постоянно возобновляемых попыток такого перехода.

Во-вторых, взаимодействие так называемых «базиса» и надстройки также несводимо к однозначной детерминации второй первым. Методология анализа трансформационных процессов показывает, что для обществ, находящихся в этом состоянии, характерно резкое возрастание значения социально-политических и социо-культурных

факторов, что вызвано, в частности, ослаблением базисной детерминации в условиях уже начавшегося отмирания старого способа производства и еще не завершенного генезиса нового. В силу этих причин в условиях возникновения новых общественных отношений на неадекватном материальном базисе едва ли не ключевым фактором, обуславливающим успешность или поражение этого генезиса, становится деятельного общественного социального субъекта и социо-культурные факторы.

В-третьих, генезис социализма, как мы показали выше, это прежде всего не возникновение нового способа производства, а переход к «царству свободы», и посему принципиально значимую (хотя и не главенствующую) роль в этой трансформации играют такие феномены, как массовое социальное творчество и культура (впрочем, об этом мы уже писали).

Отсюда гипотеза возможности развития при благоприятных условиях отношений формального освобождения труда на базе недостаточных для посткапиталистической системы технологических и культурных предпосылок.

В этой связи автор предлагает уточняющую основные ленинские идеи гипотезу условий, при которых возможно «достраивание» предпосылок нового общества, в условиях, когда революционный переход к его созиданию начался на неадекватной базе. К числу таких условий опережающего развития предпосылок и элементов социализма на неадекватном материальном базисе относится, как минимум, следующие.

(1) Разработка и реализация стратегии решения буржуазных задач (прежде всего – создания позднеиндустриального технологического базиса и обеспечения рационального уровня потребления населения) новыми методами и в новых социальных формах. В частности, среди таких форм должны были бы быть отношения формального освобождения труда (самоуправление, социальное творчество и новаторство работников в условиях фордистской модели организации труда: ситуация не более, но и не менее противоречивая, чем капиталистическое производство на базе ручных орудий труда в условиях простой кооперации труда или ранних мануфактур), новые формы утилитарного потребления (в СССР не были найдены действенные гуманистические альтернативы ни «обществу потребления», ни «экономике дефицита», а это едва ли не ключевые проблемы раннего социализма) и т. п.

Часть 3
Концы и начала

(2) Развитие постиндустриальных технологий и сфер деятельности, адекватных вызовам нового общества, а не имитирующих процессы позднего капитализма (для социализма должны быть характерны такие постиндустриальные процессы, как развитие, прежде всего, массового высококачественного образования, здравоохранения, культуры, науки, рекреации природы и общества, трудосберегающих технологий, всех других форм креативной деятельности, развивающей человеческие качества, а не милитаризма, финансовых спекуляций и масс-культуры), причем при помощи новых социально-экономических отношений.

(3) Наличие мощной энергии социального творчества («энтузиазма»), формирующего отношения формального освобождения труда и компенсирующего недостаточное развитие материально-технических предпосылок. Социализм, конечно же, нельзя построить только на энтузиазме, но без энтузиазма, без энергии социального творчества значительной части общества социализм построить так же невозможно. Справедливость обеих тез в полной мере подтверждает опыт гегезиса и краха «реального социализма».

(4) Приоритетное развитие подлинной культуры как второго (наряду с социальным творчеством) неотъемлемого слагаемого «компенсации» недостаточного развития материально-технического базиса.

(5) Использование наиболее развитых форм «старой» социально-экономической организации там, где для формирования новых нет условий в рамках смешанных общественных систем; более того, развертывание новых форм только в той мере, в какой присутствует достаточная социальная энергия для их выращивания. Существенна при этом динамика в соотношении старых и новых форм: для Китая последних десятилетий, как и СССР эпохи нэпа, характерна смешанная экономика, но между ними есть принципиальное различие: в первом случае цели стоят чисто буржуазные (рост ВВП и прогресс «державы» любыми средствами), а ростки социализма постепенно затухают, так и не успев избавиться от мутантных форм, вытесняются капиталистическими отношениями; во втором, в СССР периода нэпа, ставились социалистические задачи и наращивалось использование социалистических методов их достижения. В конечном итоге эта попытка, правда, выродилась. Но выродилась именно вследствие отхода (объективно неизбежного или вызванного субъективными причинами – это мы сейчас не рассматриваем) от названной выше стратегии.

А.В. Бузгалин
О продвижении к социализму ...

(6) Обеспечение форм базисной демократии (строительство «социализма гражданского общества», говоря языком нового века) как абсолютно необходимое условие реализации всех названных выше процессов.

К сожалению, в СССР социальные и политические условия оказались неблагоприятны для решения задач опережающего развития, некапиталистические формы решения проблем технологического развития и роста потребления не были найдены (или были найдены лишь отчасти – в сферах образования, фундаментальной науки, культуры).

Подытожим наши размышления, введя для четкости анализа некоторые определения, суммирующие (но и несколько огрубляющие – как и всякое определение) сказанное выше.

Итак, в нашем понимании *царство свободы («коммунизм»)* – это общественная система, лежащая преимущественно «по ту сторону материального производства» (основные виды деятельности и отношений принадлежат к пространству и времени креатосферы). В качестве материальной основы предполагает постиндустриальные технологии, основанные на преимущественно творческих функциях человека (всеобщий труд), всеобщую собственность на креатосферные блага и т. п.; цель развития – творческая деятельность и саморазвитие человека, свободное время как самоцель и мотив; добровольная работающая ассоциация как основная социальная форма.

Социализм имеет в рамках наших работ двойное определение.

В широком смысле слова – это пространство и время трансформации царства необходимости в царство свободы.

В узком смысле слова – общество, лежащее по ту сторону капитализма и переходное к царству свободы (для него в этом случае должны быть характерны приоритетное развитие креатосферы; опора основной части экономики на переходных к постиндустриальным технологиям и 4–5 технологических укладах; сознательное регулирование и отмирающий рынок; вытеснение наемного труда формально свободным даже в материальном производстве; переход к всеобщей собственности на креатосферные блага; вытеснение эксплуататорских форм распределения; развитие человеческих качеств как высшая цель; базисная демократия).

При таком подходе мы можем зафиксировать, что социализм – это, *во-первых*, только начало движения к «царству свободы» и потому для него характерны не только приоритет креатосферы (в следующем подразделе мы еще вернемся к проблеме «коммунизм как

пространство культуры»), но и развертывание посткапиталистических форм социально-экономической и общественно-политической организации.

Как таковой социализм, *во-вторых*, есть пространство и время преимущественно формального освобождения труда, т. е. развивается на базисе, неадекватном для «классического» состояния «царства свободы» (коммунизма). И в этом он подобен раннему капитализму, развивавшемуся преимущественно на базе до-мануфактурного и мануфактурного базиса, т. е. формального подчинения труда капиталу.

В-третьих, возникновение социализма на базе «классических» для капитализма производительных сил (индустриальное массовое производство, содержание и структура приспособлены к потребностям капитала) маловероятно и крайне проблематично. На базе производительных сил позднего капитализма этот генезис становится возможен, но как общество, возникающее на недостаточно адекватном для «царства свободы» материальном базисе, социализм оказывается неустойчив. Победа или поражение социалистических преобразований во многом зависит от уже названных выше параметров – энергии ассоциированного социального творчества и меры развития культуры, освоения ее гражданами. Существенно, что в последнем случае речь идет о развитии этих параметров не только в некоторой стране, но в человеческом сообществе в целом.

Не менее существенно и то, что, *в-четвертых*, в условиях такого (осуществляющегося на недостаточно развитом базисе) генезиса нового общества особенно велика угроза инволюции социального творчества в *деконструктивный активизм*, становящийся важным фактором акселерации и без того весьма вероятных мутаций социализма.

Возвращаясь к проблеме *природы Октябрьской революции*, мы можем на базе предложенной выше методологии показать, что она, как и практически каждая революция, произошла в условиях, когда налицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения, но в то же время были *гиперреализованы угрозы крайне реакционной, реверсивной исторической инволюции* (военно-феодалной диктатуры, еще более реакционной, нежели прежняя империя).

В этом случае великая миссия и ответственность революционных сил состояла в том, чтобы суметь «достроить» недостающие элементы нового общественного здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившей пойти в сложнейших условиях кризиса Российской империи именно по этому пути, не предав – из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам, – интересы и действия широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира. Другое дело, что выдержать эту линию «доставания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим Alter Ego – мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков мутантный социализм был еще и их подвигом – подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Ну а далее работает теоретически отображенная закономерность: *в той мере, в какой «достроить» предпосылки социалистической революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контр-революцию, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мутаций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.*

Примеры таких мутаций – не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе – *мутантно-капиталистические монстры конца XIX – начала XX века, соединявшие в себе военно-феодалные и империалистические черты.* И если в случае с СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой октябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то в случае с буржуазными преобразованиями в Российской империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма⁵. Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодалного империализма» с массовой нищетой,

⁵ Диалектика «опережающих» и «отстающих» мутаций раскрыта в наших статьях в журналах «Вопросы экономики» (2001, №12) и «Вестник Моск. Унта. Сер. Экономика» (2002, № 3, 4, 5).

Часть 3
Концы и начала

неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором – были слишком слабы и нерешительны.

Диалектика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее, и отчасти мы постарались выше показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

В заключение еще раз повторю: *не-свершение объективно назревшей революции чревато регрессом и жертвами гораздо большими, чем в условиях ее свершения. Да к тому же это были бы жертвы социального регресса.*

Это в полной мере относится и к Октябрьской революции. Ее не-свершение в 1917 году было чревато не мирным процветанием в духе бельгийской социал-демократической «монархии» нынешней поры, а кровавой диктатурой и продолжением Мировой войны вкупе с разверсткой, начатой отнюдь не большевиками, а временным правительством...

Часть 4

Русский народ и социализм

А.В. Бузгалин, А.И. Колганов

Постсоветская идеология:
либерализм, социал-демократизм и коммунизм

1. Некоторые ремарки о либерализме и социал-демократии

А.И. Колганов. Принято считать, что исторически первой задачей либерализма было обеспечить ликвидацию сословного государства и установление государства демократического с тем, чтобы защитить человека от государства. Я не могу в полной мере разделить эту позицию. Либералы ставили и до сих пор ставят задачу защитить человека от государства сословного, но не от демократического. Задача защиты человека от демократического государства ими вообще не признается. Если человек пострадал от такого государства, либерал не должен его защищать, индивид виноват. Это преступник. Даже если демократическое государство применило к нему неправо-вые методы, оно демократическое, ему можно. Демократическое го-сударство может нарушать чьи угодно права, оно вовсе не гаранти-рует прав и свобод, оно гарантирует только философское равенство прав и свобод. Точно также оно не дает равной возможности реали-зации политических прав, открыто ставя политические права в зави-симость от экономических, в частности, от собственности. Творцы Американской конституции, будучи последовательными либерала-ми, заявляли прямо: «Наша задача гарантировать неравное право на приобретение собственности». Потому что для последовательных либералов право собственности стоит выше всех остальных прав. То есть либералы пришли в первую очередь для того, чтобы защитить

экономические права частного предпринимателя, а во вторую очередь, как средство, установить демократию и защитить политические права граждан.

Что же касается социал-демократии, то многие из ее идеологов предполагают, что задача демократических преобразований должна решаться не ею. Или, во всяком случае, это не ее собственная задача. Она может заниматься ею постольку, поскольку она не решена. Для социал-демократии это предпосылка, которую она сама может завоевать, а может быть эта предпосылка найдена уже в готовом виде, но это предпосылка, а не ее собственная задача. Но тут возникает другой вопрос: а кто сказал, что при любом исходе событий демократия нам гарантирована, даже если она завоевана? Очень многие признаки в современном развитии капитализма, особенно в связи с глобализацией, несут в себе угрозу утери демократии. И тогда вопрос политической революции снова встанет в повестку дня, потому что очень может оказаться так, что расставание со старым обществом может быть произведено не просто неправовым, а исключительно насильственным путем, ибо будет обеспечена насильственная защита отжившего строя. Перефразируя слова Ленина, глобализация ведет к такому порядку, когда «пиночеты» будут рождаться ежечасно и в массовом масштабе, а демократия может стать неким анклавом для избранных.

В современных условиях демократическое государство не может нам гарантировать не только некоторых известных прав и свобод, но и сохранение самого себя, потому что это зависит не от него, а от динамики более глубоких социально-экономических процессов. Именно поэтому, если мы рассматриваем демократию как необходимую предпосылку социалистических преобразований, то как необходимую составную часть социалистических преобразований мы должны рассматривать снятие демократии во имя безгосударственного общества в которое социал-демократы не верят. Это именно снятие демократии как политической системы, это возвышение над демократией.

А.В. Бузгалин: Я бы сказал так. В той мере, в какой политическая система, называющая себя демократической, не может защитить провозглашенные ею права и свободы, для защиты демократии нужно создать нечто гораздо большее, чем "обычную" демократическую систему.

А.И. Колганов: Далее. Социальная база современно социал-демократии – это не столько рабочий, сколько интеллектуаль-

ный работник интеллектуального труда. Это верно в том отношении, что именно в работнике интеллектуального труда я также вижу наиболее перспективную социальную силу, которая будет двигателем дальнейшего преобразования общества. Но я не могу рассматривать этого интеллектуального работника как достаточную социальную базу для социал-демократии по нескольким обстоятельствам. Во-первых, доля работников интеллектуального труда в современном наиболее высокоразвитом обществе очень невелика и увеличилась незначительно по сравнению с тем, что было десятилетием раньше. Она продолжает расти, но очень медленными темпами и одновременно с этим растет полюс неквалифицированного и малоквалифицированного труда в сфере услуг.

Таким образом, мы видим процесс дивергенции старого среднего слоя на работников интеллектуального труда и малоквалифицированных работников сферы услуг путем размывания квалифицированного индустриального труда. Что делать с этой неквалифицированной и малоквалифицированной массой? Учить капиталистическая система их не будет, она создает их не для того, чтобы учить, а для того, чтобы оставить их неучами. Это надо поставить ей в вину, но она такова, какова она есть и другой она не будет.

Поэтому, во-вторых, в рамках капитализма когнитариат никогда не станет не только преобладающей, но даже ведущей по численности социальной группой. В полном смысле слова *при капитализме никогда не будет постиндустриального общества*. Когда социал-демократия концентрирует свои интересы на защите интересов когнитариата она берет на себя защиту этого слоя как массовой элиты. Фактически социал-демократия превращается в партию, защищающую элитарные интересы. И поскольку высший менеджмент, финансовые брокеры и прочая подобного рода публика также входит в когнитариат, то фактически социал-демократия берет на себя защиту интересов и крупной капиталистической корпоративной элиты. Сдвиги в позиции современной социал-демократии именно этим и объясняются.

В-третьих, есть еще одна проблема, связанная с массовым интеллектуальным работником. Массовый интеллектуальный работник сейчас вовсе не ориентирован на социальные преобразования. В его положении есть объективное противоречие между интересами творческого саморазвития личности и интересами самовозрастания капитала. Власть капиталиста-собственника подчиняет ин-

теллектуала, так же, как и фабричного рабочего, а иногда даже и грубее. Фабричный рабочий принуждается самой системой машин к определенному типу работы, а творческий работник, который способен полностью раскрывать свой потенциал, насильственно загоняется в те рамки, которые нужны для обеспечения самовозрастания стоимости. Это фундаментальное противоречие, которое пока для массового творческого работника в острых формах не проявляется, потому что его положение гораздо более привилегированно, чем положение фабричного рабочего (к категории творческих работников я отношу, например, инженеров, программистов, менеджеров и т. п., имеющих несколько большую свободу действий, чем фабричный рабочий и труд которых лучше оплачивается).

А.В. Бузгалин. Продолжая размышления А. И. Колганова о социал-демократии, я хотел бы различить (в общем и целом) социал-демократию эпохи империализма и социал-демократию в наступающем глобальном постиндустриальном мире. Я хочу развести эти два вопроса. Социал-демократия позднейиндустриальной эпохи, на мой взгляд, выразила социал-реформистскую или конформистскую тенденцию в рабочем классе XX века. В противоположность последней существует и социально-творческая преобразовательная интенция рабочего класса. Если говорить в категориях XIX века, то можно выделить интерес наемного рабочего максимально выгодно продать товар «рабочая сила», частным собственником которого он является, и интерес солидарно-классового изменения общественных условий, что обусловлено его бытием как субъекта обобществленного индустриального производства.

«Старая» социал-демократия, действительно, свое время исчерпала и ее будущее достаточно печально. Поясню почему. Не только и не столько потому, что индустриальный уклад и этот тип наемных рабочих исчезает - в мире он на самом деле остается господствующим, хотя тенденция к его вымыванию и дифференциация действительно присутствуют. Если посмотреть на статистику, то категория профессионалов за 20 лет увеличивается на 10 процентов, то есть не очень значительно. Примерно также растет слой неквалифицированных работников сферы услуг. Такими же темпами растет слой конторских служащих (по западной статистике). Это не удельный вес: там, где было 10% будет 12%. Это не такая динамика, которая переворачивает мир. Кроме того, как я уже заметил, активно идет дивергенция этого слоя. Наконец, не будем забывать

и о том, что индустриальный классический пролетариат умственно-го и физического труда сохраняет тенденцию к конформизму, но социал-демократия вошла в эпоху, которая знаменуется качественными сдвигами во всех сферах жизни общества. Начнем с проблемы *глобализации*. Я не буду повторять тезисы о вызовах социальному государству, которые связаны с развитием глобализации: они важны, но общеизвестны. Пойду далее: есть еще одна тенденция, о которой в последнее время говорят все больше и которую мы упомянули только мельком. Это тенденция ухода от неолиберального порядка, при котором, примерно, в общем и целом, существовало равновесие сил, своего рода баланс интересов различных транснациональных корпораций и различных национальных государств, существовала олигопольная конкуренция в экономике, постмодернистская методология, описывающая это положение в теории, некий ренессанс рынка и т. д.

Сейчас на смену этому идет *прото-империя* с концентрацией экономико-политической силы в руках суперструктуры. США превращаются из государства в международного глобального игрока, интегрирующегося с НАТО, с транснациональным капиталом (так же в большинстве случаев американским). Вырабатывается адекватная идеология имперского мышления. Достаточно вспомнить заседание то ли Конгресса, то ли Сената США перед войной в Ираке, когда оппозиция и правящая партия дружно аплодировали, стоя и со здравиями в честь вождя, что напоминало сталинские съезды эпохи КПСС. Это новый тип глобализации, новый тип экономико-политических отношений.

В одном из текстов я написал, что старая идея о потенциальной возможности ультраимпериализма подтверждается в новом веке. Ленин был прав в критике идеи Каутского об ультраимпериализме: для начала XX века эта тенденция была еще слаба и, действительно, би-полярный мир сложился раньше, чем она окрепла. Но с распадом мировой социалистической системы тенденция к «ультраимпериализму», новой имперскости вновь стала себя проявлять и очень активно. Так вот, *в условиях ультраимпериализма* (буде таковой окрепнет) у социал-демократии, как она существовала в XX веке, *перспектив нет*. И это доказывается тем, что в подавляющем большинстве случаев социал-демократия в странах третьего мира чрезвычайно слаба и является интеллектуальным течением, а в развитых странах социал-демократия все более превращается в *альтер-эго*, второе

«Я» правящей номенклатуры глобального капитала, мало отличное от либерально-имперских или неолиберальных течений. Блэр - это либерально-имперская тенденция, социал-демократия в Германии и Франции - это фактически социал-либеральная тенденция. От социал-демократии там нет почти ничего, разве что набор старых идеологем.

Не уходя в постиндустриальную проблематику, можно утверждать, что в этих условиях возможна реформистская тенденция, создающая альтернативу империи (в той мере, в которой она рождается) или старой неолиберальной глобализации (в той мере, в которой она сохраняется). Рождение империи - это пока сомнительный процесс, который только начинается. Он очень активен, но пока еще обратим. Здесь складываются новые альтернативы и я обратил бы внимание на новые социальные движения и непартийные формы оппозиции. По сути дела они не являются оппозицией последовательно социалистической, то есть приводящей к замене существующей системы на качественно иной социально-экономической, политической, духовной системой. Но они являются радикальными в той мере, в которой они качественно изменяют сложившиеся правила и модели глобализации или хотят их изменить. Более того, в ряде случаев они являются радикальными и революционными по методам действия. Движение безземельных крестьян Латинской Америки - оккупационное, фактически нарушающее правовую систему движение - это важный пример. Действия альтерглобалистов - тоже пример такой оппозиции.

На этом опыте мы убеждаемся: к сегодняшнему моменту представление о том, что либеральная модель с правовым государством есть высшее достижение, которое является самодостаточным и предполагает излишность и вредность революции, устарело. Эта позиция и ранее была сомнительна, поскольку, как показал выше А. Колганов, превалирование экономических властных полномочий над политическими в рамках либеральной модели всегда создавало возможность нарушения правового поля хозяевами экономического богатства, то есть теми, кто обладает экономической властью, или попросту капиталистами. *Либеральное право устроено так, что класс капиталистов в любой момент может устроить антидемократический (в том числе - и фашистский) переворот.* И никаких гарантий против этого оно не дает по определению. И это не только теоретическая возможность, но и, к сожалению, практическая возможность, которая на протяжении XX века реализовывалась много-

кратно - гораздо чаще, чем социалистические "перевороты". Не забудем о опыте Латинской Америки и других регионов третьего мира: а ведь это на самом деле мир, а не просто задворки "цивилизации".

Поэтому сегодня для защиты прав человека нужно нечто большее, чем либерализм и социал-демократия, хотя интенции демократии когда-то были основой социал-демократии и до сих пор ею, как правило, повторяются. Когда-то они были главным и в идеологии либерализма как духовного течения – в эпоху раннего либерализма, точнее - просвещения и гуманизма. Сейчас они либералами попираются везде и всегда, где это необходимо для защиты их экономических и геополитических интересов. *Сегодня неотъемлемые права человека можно гарантированно защитить исключительно при помощи иных, нежели либерализм и социал-демократия социально-политических форм. Социал-демократический и либеральный проекты устарели как средства защиты прав человека в XXI веке. Они работают. Их формы позволяют подавлять права человека, что осуществляется в массовом масштабе. Если мы посмотрим на реальную политическую систему, скажем, США, то в главном это - система тотального политического манипулирования, а не демократии.*

Таковы основные тезисы, которые мне хотелось высказать по поводу классической социал-демократии XX века.

Несколько соображений в связи с «*постиндустриальной*» социал-демократией. Хорошо известен спор о возможностях перехода к постиндустриальному миру сотворчества, диалога субъектов творческой деятельности при практическом абстрагировании от решения проблем изменения отношений собственности, координации (ныне – рынка), распределения дохода и основных институтов политической власти. Здесь существуют два подхода. Первый – развитие творческой деятельности само по себе создает предпосылки для генезиса нового общества по мере того, как мир сотворчества становится доминирующим, определяющим прогресс человека. Проблемы собственности, координации, распределения материальных благ, политической власти автоматически отходят на задний план - являются столь же несущественными, как для нас сейчас проблема биологического соревнования и борьбы за жизнь в физиологическом смысле слова.

Такая объективная тенденция в общем и целом существует. Другой вопрос, что она в сегодняшних условиях может идти так, что мы

никогда в это будущее не придем. Существует вероятность исторически-гупикивой эволюции или столь больших жертв на пути медленных реформ, что конечная цель так никогда и не будет реализована. На практике этот переход, я уверен, будет опосредован качественными социально-политическими и социально-экономическими изменениями.

Но здесь есть несколько нюансов, связанных с проблемой опоры на пути к постиндустриальному обществу на социал-демократию и интеллектуалов.

Интеллектуал, работник умственного труда (предположим, что это пока одно и то же, хотя их можно и должно различать), как таковой, на мой взгляд, не является субъектом перехода к постиндустриальному обществу или миру, лежащему по ту сторону материального производства. Здесь актуализируется иной субъект – субъект творческой деятельности. Ему противостоит субъект репродуктивной деятельности. Различие качественно иное, нежели интеллектуал – неинтеллектуал, профессионал – непрофессионал. Есть масса творчески активных садовников и рабочих, воспитателей детсада и крестьян, имеющих низкий уровень профессионального образования. Еще больше высоколобых интеллектуалов с хорошими дипломами, отличающихся догматизмом мышления и действий. Рабочий, который умеет по новому заточить резец после того, как научно-исследовательский институт разработал этот резец, более творческая личность, адекватная для перехода к постиндустриальному миру, чем профессор, который догматически читал марксизм-ленинизм, а потом также догматически читает экономикс. В том смысле, в каком мы говорим о творческом труде как основе постиндустриального мира, *рабочий-творец ближе к постиндустриальному миру, чем профессор-догматик*. И в данном случае я как марксист-ильенковец считаю, что сегодня большинство людей не реализует свой творческий потенциал только в силу того, что социальные отношения отчуждают у человека его родовую сущность (об этом много писали Маркс, Лукач, Ильенков и др.). По родовой же сущности любой человек способен к творческой деятельности.

Что же касается вопроса о том, что понимать под творчеством, то я могу адресовать читателя к работам Батищева и Ильенкова. Это первое.

Второе. Даже, если мы говорим о творческой деятельности в современном мире, то она может существовать как в адекватных, так и

в отчужденных социально-экономических формах. Классический пример отчужденной формы творческой деятельности - это предпринимательская деятельность в условиях капитализма, когда человек реализует свой творческий потенциал не для саморазвития личности и прогресса мира культуры, а для увеличения прибавочной стоимости, финансового богатства и иных превращенных форм, которые его же подчиняют и, в конечном счете, деформируют его творческую личность.

Но это пока что только материально-техническая сторона процесса, то есть смена репродуктивного труда творческим. Если мы остаемся на этом уровне, то у социал-демократии или *пост-социал-демократии* есть некая перспектива, которая сейчас прорисовывается и она связана в основном с превращенными формами творческой деятельности. То есть *социал-демократия будет в основном опираться на ту часть творческих людей, кто подчинен превращенным формам сегодняшнего мира.*

В той мере, в какой человек, занятый программной деятельностью, инновационным бизнесом и так далее соединяется во временные творческий коллективы, работает вместе с социальными движениями, - в этой мере он близок к новым оппозициям. В той мере, в какой он продается ТНК или идет в политтехнологи, зарабатывая себе деньги на любом бизнесе, безразлично к его содержанию, - он ближе к социал-демократии - такова довольно упрощенная формула.

И самое главное. Реально сегодняшняя система устроена так, что *переход к миру творческой деятельности освободится от господствующих превращенных форм сам по себе не может.* Это невозможно без качественного изменения отношений в тех сферах, которые многие интеллектуалы не любят рассматривать. А именно - в сферах отношений собственности, политической власти и т. п.. Иными словами, до тех пор, пока не будет сломана тотальная власть крупного корпоративного капитала, пока не будет сломлена власть тотального рынка, до тех пор, пока не будет сломлена имеющая вид демократии система тотального манипулирования и подавления, до этих пор продвижение к миру сотворчества, основанного на всеобщей собственности в мире культуры, будет возможно только в виде исключения, путем формирования неких анклавов, частичных структур, правилом не станет.

2. *Меньшевики и большевики: сто лет спустя. Некоторые размышления о характере революции 1917 года и возможности построения социализма в среднеразвитой стране*

А.В. Бузгалин. Исторические корни современной социал-демократии самым тесным образом связаны с проблемой великого разлома: выделением большевиков и меньшевиков в российской социал-демократии и последующим курсом большевиков на создание в СССР нового общества, призванного стать социалистическим, и принципиальным отказом меньшевиков от такой стратегии как несвоевременной.

А.И. Колганов. В споре о возможности социалистической революции в России действительно, лежит ключ к пониманию многих процессов в левом движении XX века и современности. Начну с того, что Ленин очень диалектически подошёл к соотношению производительных сил и производственных отношений. Он действительно учитывал возможность активного воздействия производственных отношений на производительные силы. В этом его позиция была, кстати, очень хороша. Ошибочна она была в другом. В оценке того, какие производительные силы адекватны социалистическому обществу. Здесь Ленина, который был очень хорошим, грамотным марксистом, подвели элементы начётнического понимания марксизма.

Дело в том, что Ленин, как впрочем и практически все марксисты того периода, понимали под производительными силами, адекватными социалистическому обществу, индустриальную систему. И такую систему действительно, наверно, можно было бы создать, только удерживая власть силой, против большинства населения в России, т. е. идя по пути, который предлагал Ленин. Но проблема-то заключалась в том, что индустриальная экономика не есть адекватная материальная база социализма, она есть адекватная материальная база капитализма. С этой точки зрения в России не было адекватной материальной базы для социализма. Вот в чём корень понимания нашей революции как буржуазной. Наша революция должна была создать адекватные *буржуазные* производительные силы. Вот, что она должна была сделать.

Проблема, однако, заключается в том, что если мы на этом остановимся, то мы тоже себя покажем не диалектиками и не марксистами. Почему? Потому что наша революция отнюдь не была стан-

дартной классической буржуазной революцией. Отнюдь, ни коим образом. Это была очень необычная буржуазная революция. Во всяком случае политически это была не буржуазная революция, а революция без буржуазии, революция против буржуазии, причём даже против мелкой буржуазии, потому что большинство крестьянства в России - это был даже не буржуазный класс. Мелкая буржуазия составляла незначительное меньшинство крестьянства. И с ней большевики были постоянно, так сказать, «в контрах». Это была буржуазная революция, устраняющая буржуазию. Это была попытка взятия власти пролетариатом, как меньшинством населения. Впрочем, на самом деле не чисто пролетариатом. Если мы посмотрим даже на состав большевистской партии, то мы увидим, что там большинство составляли городские средние слои, а не пролетариат - разночинцы, городские служилые сословия. Они, конечно, по образу жизни примыкали, в какой-то степени, к мелкой буржуазии, но с точки зрения социально-экономической, это была не мелкая буржуазия. Это была очень своеобразная прослойка. Хотя, действительно, примерно половину состава большевистской партии составляли рабочие.

Именно в таком своеобразном политическом характере революции и содержалась реальность Термидора, между прочим. Почему? Давайте посмотрим ступеньки политического развития революции. Она начинается как главным образом пролетарская, хотя и не чисто пролетарская. Затем мы имеем по определению Ленина уже в ходе самой революции, во время Гражданской войны «Рабочее государство с бюрократическим извращением». И, наконец, к концу 20-х годов мы получаем бонапартистскую диктатуру, власть бюрократии, опирающуюся на маргинальные полупролетарские слои.

Последнее - типичный Термидор. Хотя природа революции от этого не изменилась. В этом, кстати говоря, трагедия большевизма, отчасти предвиденная Энгельсом в 1853 году, когда он писал о том, что в один прекрасный момент «наша партия, в силу своеобразия сложившихся обстоятельств, будет принуждена взять власть, тогда, когда для этого не созреют условия и мы будем вынуждены делать социалистические опыты и скачки, сами прекрасно понимая, насколько они несвоевременны». Вот в какой тупик и попали большевики. И отсюда возникали проблемы со сталинизацией и со всем прочим. И Сталин действительно нашёл прагматический выход из этой ситуации: проводить индустриализацию любой ценой, оставив социалистические вывески. Для успокоения народных масс, так сказать. Забыть о социализме, но помнить об индустриализации - вот

какой он нашёл прагматический выход. Фактически встать на путь буржуазного развития, но с социалистическими атрибутами, и используя социалистическую фразеологию и некоторые элементы социализма.

В результате в России сплелся очень сложный, противоречивый клубок, и его нельзя оценивать чистыми шаблонами. Был и ретроградный антибуржуазный элемент в российской революции. Но, это можно сказать о любой буржуазной революции. В любой буржуазной революции присутствует антибуржуазная реакция ещё непролетаризированных масс.

А.В. Бузгалин. Соглашаясь с А. И. Колгановым в том, что революция в России должна была «доделывать» то, что не сделал капитализм, я хотел бы поспорить с ним относительно невозможности опережающего развития общества и, в частности, производительных сил, культуры, на основе развертывания массового социального творчества, создающего основы новых общественных отношений.

В этой связи я хочу подчеркнуть лишь следующие проблемы.

Первая. Из меньшевизма как идейного течения выросла современная социал-демократия. И здесь принципиально значима логическая цепочка: сначала компромисс с буржуазией в борьбе за демократию и будущий социализм; затем – отказ от действий вне союза с буржуазией; еще далее следует подчинение в действиях буржуазии, и последний шаг (социал-демократия делает его сегодня) – отказ от борьбы даже за социальный компромисс если буржуазия на него не идет.

Я готов сейчас доказывать с фактами в руках то, что современная социал-демократия как реальная политическая сила в целом ряде стран, где она является правящей, или в те периоды, когда она в течение последних 20-ти лет была правящей, фактически не настаивала на серьезном социальном компромиссе, сдавала позиции, переходя на почву однозначной ориентации на интересы крупного корпоративного капитала, хотя и сохраняя некоторые черты пержней фразеологии в теоретических работах.

В этой связи становится особенно важным вопрос о возможности реального диалога социал-демократии и последовательно левых сил, современных «меньшевиков» и «большевиков». С одной стороны, коммунисты должны честно признать все преступления, ошибки и трагедии сталинизма, понять реальную ограниченность опыта СССР, извлечь уроки из поражения «реального социализма» XX века. С другой стороны, для того, чтобы состоялся союз реформистских и

революционных левых в борьбе за реализацию программы-минимум (социальная ориентация экономики, развитие базисной демократии и т. п.) социал-демократия должна сделать следующее.

1. Честно покаяться перед гражданами всех тех стран (прежде всего – бывших колоний), кого уничтожали и подавляли самыми варварскими методами, весьма сходными со сталинскими, правительства европейских государств в конце XIX-XX веке, в том числе и социал-демократические правительства. О преступлениях сталинизма социал-демократами сказано и говорится ныне бесконечно много. О своих преступлениях они молчат, лишь иногда что-то глухо упоминая в духе зюгановцев, иногда вспоминая о том, что в СССР наряду с многочисленными достижениями были еще и репрессии.

2. Признать, что современные парламентские демократии скрывают мощные системы манипулирования, использующего капиталы, "административные ресурсы" и т. п. для того, чтобы навязать гражданам позицию тех, в чьих руках сосредоточена реальная экономическая и политическая власть.

3. Показать, действительно ли интересы транснациональных корпораций и государства совпадают с общечеловеческими ценностями и если это не так (а это действительно не так), то четко раскрыть, акцентировать реальные противоречия между первыми и вторыми.

Без такого критического, чёткого анализа наш диалог также невозможен, как невозможен этот диалог без того, чтобы коммунисты не дали ответа на вопрос о том, на сколько они готовы работать в рамках парламентской демократии, не дали критики сталинизма и его преступлений, и может быть, раннего большевизма; не показали, где их понимание классовой морали отличается от морали общечеловеческой и т. д. Вот при такой взаимной критике, взаимной самокритике, возможен диалог.

Второй аспект. Мне представляется, что именно опыт меньшевизма показывает: в тех странах, где нет хотя бы последовательной социальной политики, направленной на ограничение рынка и капитала, нет реальной буржуазной демократии, - в этих странах проведение в жизнь социал-демократической линии потребует гораздо более жестких, более социалистических шагов, чем это принято среди социал-демократии. В этих странах необходимы:

- курс на демократическую революцию, а не только реформы; это показывает, в частности, опыт меньшевизма, потому что по-другому путь к демократии не прорисовывается.

- более левые социально-экономические требования, нежели те, что реализуются сегодня европейской социал-демократией.

Эти уроки актуальны и для современной России, ибо иначе она не встанет на дорогу как минимум социал-демократической политики, нацеленной на компромисс рабочего класса и капитала и последовательно демократическое государство. Для того, чтобы реализовать все это в нашей стране, необходимо сломать власть олигархически-криминального капитала, сращенного с полу-авторитарным государственным аппаратом. Реформировать эту систему, как показывает опыт меньшевизма и т. д., невозможно.

Третий аспект, который я хочу подчеркнуть, связан с проблемой своевременности социалистической революции 1917 года в России и об уровне развития производительных сил, создающих предпосылки для социалистических преобразований. Развитие производительных сил есть процесс и в этой связи нельзя говорить о состоянии производительных сил, безотносительно к проблеме их ускоренного развития в условиях, когда новые производственные отношения сформированы как бы «навырост». В этих условиях новая общественная система в принципе призвана стимулировать, мобилизовать ускоренное, опережающее достигнутый (даже развитыми странами) уровень производительных сил. Я берусь утверждать - это надо аргументировать и я этим занимался, – что *опережающее развитие в стране, отстающей от наиболее развитых систем и не имеющей «идеально» адекватных для нового общества производительных сил, возможно.* Другое дело, что это возможно лишь при соблюдении нескольких условий. Среди важнейших:

1. Возможность опоры на общемировой уровень производительных сил, т. е. возможность позаимствовать самые развитые производственные силы мира, не проходя весь длинный исторический путь продвижения к ним (отчасти, это было сделано в СССР конца 20-х – начала 30-х годов, когда в условиях мировой депрессии мы позаимствовали оборудование, технологии многое другое у развитых стран).

2. Использование новых, «опережающих» достигнутый уровень развития производительных сил, производственных отношений и общественно-политических институтов; в этом случае мы социальную форму создаем – повторяю – «на вырост», для обеспечения опережающего развития этих производительных сил.

3. Наличие мощной энергии социального творчества, выступающей своеобразным «компенсатором» недостаточного для новых общественных отношений уровня развития производительных сил.

4. Ускоренное развитие общедоступных образования и культуры, без чего невозможна реализация условий 1. и 2..

Для реализации такой стратегии в России начала XX века нужны были не наиболее передовые из существовавших в тот момент социальные формы, а качественно новая социальная форма, считая "на вырост" для того, чтобы проводить в отсталой, слабо индустриализированной России стратегию создания наиболее развитых, по сути позднее-индустриальных производительных сил в материальном производстве с акцентом на опережающее развитие постиндустриальных сфер - искусство, образование, науку (план ГОЭЛРО и культурная революция как главные стратегические задачи ленинского плана нэпа). Кстати, основной – хочу еще раз специально подчеркнуть – идеей Ленина в последние годы была культурная революция, подъем образования, учителя «на недосягаемую высоту» и т. д., а не только электрификация. Хотя электрификация была тогда передовым словом в технологии.

Социалистическая революция была возможна только при условии, что мы создадим производственные отношения, не слишком опережающие капиталистическую систему, но всё-таки, шитые на вырост, т. е. опережающие последнюю. При это ключевым становится вопрос: что станет основой для того, чтобы эта стратегия оказалась жизнеспособной.

Во-первых, я хочу сказать, что такая интенция в социалистической революции 1917 года в нашей стране и в 20-е годы была. Революция была социалистической по следующим характеристикам.

1. По реальным целям, которые ставили участвовавшие в революции, делавшие революцию массы. Да, эти цели выглядели как слишком коммунистические, но это были реальные, практические социалистические интенции, реальное, практическое массовое стремление к созданию нового общества снизу, самими, в самых неожиданных формах: культурных, политических, экономических, от Советов до коммун.

2. Она была социалистической в той мере, в какой это было реальное социальное творчество масс. Революцию делала не партия и не административно-политическая сила, не какой-то аппарат насилия, как это часто происходит в других случаях, когда одна часть правящего класса схлестывается в борьбе против другой части пра-

вящего класса. Это был революционный процесс, рождающийся снизу; в нём участвовали - так или иначе – десятки миллионов. Сама же по себе большевистская часть РСДРП, как она сложилась в 1917 году, была абсолютно не способна на насильственный переворот в стране, как бы слабы ни были другие политические силы. Она никогда бы не "свернула шею" организованному белогвардейскому движению, опиравшемуся, к тому же, на значительные ресурсы и военную помощь Антанты, организованный офицерский корпус и т. п., если бы не отвечала вызову большинства, не опиралась на его реальное стремление к новой жизни, стремление столь сильное, что ради этого миллионы людей шли на голод, холод, репрессии, смерть.

Этот вызов большинства был стихийно социалистическим. И в этой связи очень важен ещё один тезис. Практически любая социальная революция является революцией не только связанной с переходом от одного способа производства к другому, но и *революцией против царства необходимости*, праздником угнетённых, который делает социальное освобождение здесь и сейчас, во время революции, реальным. И в этом смысле любая революция несёт в себе немного социалистичности, даже коммунистичности.

Кстати, потому что всякая революция есть революция против "царства необходимости", есть кусочек "царства свободы", она всегда забегает дальше, чем она может пройти (в книге "Глобальный капитал" [М., 2004] я постарался обосновать этот тезис). То же самое было и у нас. Я уверен: *если бы при благоприятных внешних и внутриполитических обстоятельствах мы смогли сохранить энергию социального творчества, вызванную к жизни революцией 1917-го* (а она, кстати, сохранялась, нелинейно угасая, вплоть до конца 60-х годов; обратите внимание: это был настолько мощный взрыв энергии социального творчества, что она продержалась долгие десятилетия), *то советский проект мог бы не потерять социалистической направленности и продолжаться развиваться и в XXI веке.*

Это очень спорная теза. Сейчас эта энергия слабо себя проявляет. Более того, для мещанина она вообще не ощутима, не видима. Он не может отличить ее от других социальных форм как дальтоник, считающий алый цвет серым. Энергию социального творчества может анализировать только тот, кто обладает специальным «приспособлением», чтобы ее увидеть. А это приспособление недоступно большинству нынешних ученых, как ученым XV века был недоступен микроскоп: им является практическая включенность в социально-

преобразовательную деятельность. Только внутри этого процесса Вы можете «рассмотреть» феномен социального творчества. Извне вы увидите лишь его внешние, превращенные формы, а они в современном мире не могут не совпадать с другими социальными формами, ибо социальные творцы должны взаимодействовать с миром отчуждения, а взаимодействовать с ним можно только при помощи стандартных отчужденных превращенных форм – денег, политики и т. п.

Вот почему мы не умеем видеть, анализировать, описывать социальное творчество в качестве реального фактора общественного развития. Но оно есть. И это был третий тезис, который я хотел подчеркнуть.

Четвертый аспект. Я не обладаю богатой исторической эрудицией, но боюсь, что, как ни странно, сколько-нибудь серьезного и масштабного историко-теоретического сравнительного анализа антикапиталистических революций XX века до последнего времени проведено не было.

Я хочу напомнить перечень основных таких революций: Парижская коммуна (это XIX век, но всё же), Россия, Германия, Венгрия, Китай, Испания, Корея, Вьетнам, Куба, Португалия, Чили (это уже конец XX века) и ряд других латино-американских революций, а также реальные социальные движения в Восточной Европе и Народные фронты в ряде стран после Второй Мировой войны. И это далеко не полный перечень. Это гигантский пласт исторического материала.

3. Коммунистическое движение в постсоветской России: некоторые дискуссионные вопросы

А.И. Колганов. Прежде всего, следует сразу признать, что налицо глубокий, продолжительный и всесторонний кризис коммунистического движения в постсоветской России.

На мой взгляд, совершенно правы те, кто главную причину кризиса коммунистического движения усматривают в кризисе идеологическом. И дело здесь не только в идейно-политической пестроте движения. Даже те, кто сами себе выписывают свидетельство о приверженности идеалам «классического марксизма-ленинизма», на этом основании еще не могут быть автоматически зачислены в коммунисты. «Коммунистичность» еще надо доказать: если не делами, то хотя бы способностью применить свое изначальное, классическое понимание коммунизма к реальности сегодняшнего дня, понять, что значит

быть коммунистом сегодня, и, поняв это, попытаться что-то сделать, чтобы коммунизм не остался мертвой буквой или пустой фразой. К сожалению, даже среди тех, кто весьма выигрышно смотрит на фоне псевдо-коммунистических и даже чуть ли не антикоммунистических разброда и шатаний в коммунистическом движении, преобладают «коммунисты вчерашнего дня» (а этого уже достаточно, чтобы не считать их вполне коммунистами). Они оказываются способны отвергнуть сталинские извращения коммунистической идеи, способны воспринять классическое марксистское наследие, даже оценить противоречия советской эпохи. Однако этими людьми (среди которых мне хочется числить и себя) еще не сделаны глубокие теоретические выводы из реальностей сегодняшнего дня, обеспечивающие шаг вперед не только по сравнению с классическим марксизмом, но и по сравнению с лучшими достижениями интернациональной марксистской мысли 50-х – 70-х гг. А без такого шага вперед нечего и думать о выработке новой, эффективной политической стратегии коммунистов.

Возникают и другие, вполне резонные вопросы: а почему под коммунистическими знаменами собралась столь разношерстная публика? И почему вся эта компания в организационном отношении опирается на остатки старых структур КПСС?

Это возвращает нас к вопросу: почему уже в латентной фазе кризиса (60-е – 70-е гг. XX века) внутри КПСС формировались какие угодно течения и группировки, кроме... коммунистических? Почему известно о подпольных, нелегальных коммунистических организациях, но робкие попытки отстоять коммунистическую идею внутри КПСС в конце 1980-х – начале 90-х гг. дали весьма слабые всходы, и те организации, которые стали наследниками этих попыток, внутри того, что сейчас называют коммунистическим движением, занимают весьма скромное место?

Проблема, на мой взгляд, возникла не в 1980-е, не 70-е и даже не в 50-е гг. КПСС с самого своего основания была сомнительной коммунистической партией. Ленину принадлежат горькие слова, что пролетарский характер нашей партии определяется не ее составом, а тончайшим слоем руководящих коммунистов. Если это было верно в 1922 году, то стало стократ верно уже через 2-3 года, а еще через 10-15 лет это вообще уже была совершенно другая партия. Чем, интересно, определялся коммунистический характер КПСС году, этак, в 1985? Да ничем, кроме желания легитимизировать власть партийно-советской бюрократии притягательными еще для масс образами великой революции.

И, соответственно, отказ КПРФ от коммунистической идейной чистоты вполне объясним – эти наследники КПСС уже не видят для себя основной политической выгоды в эксплуатации идейного наследия Великого Октября. И правда ведь, в 90-е годы под такими лозунгами вряд ли можно было выбить для себя в российском политическом театре роль главной оппозиционной силы.

Думаю, что в перспективе будет происходить идейная кристаллизация течений, существующих в нынешнем коммунистическом движении, и оформление их в идеологически однородные партии. Только, думается, происходить это будет не так, что социал-демократы уйдут к социал-демократам, народники – к народникам. Нынешним партиям, образовавшимся на развалинах КПСС, еще придется пройти через период распада и гибели (независимо от того, насколько «правильные» идейные позиции они занимают). Все дело в том, что эти организационные структуры уже доказали свою неэффективность и, вероятнее всего, новая волна движения будет связана в основном с новыми людьми и новыми организационными структурами, а обломки старых в лучшем случае составят некоторую часть исходного материала для их строительства. Пример КПРФ и РПК свидетельствует об этом. Новая волна движения еще не поднялась, а старые организационные структуры уже рушатся (хотя далеко еще не рухнули окончательно).

А теперь несколько слов о будущем и стратегии коммунистического движения в России. Остается ли актуальной задача внесения социалистического сознания в ряды пролетариата? Эта формула, хотя и неудачна, но по существу верна: собственную идейную основу пролетарское движение может выработать только совместно с работниками интеллектуального труда, профессиональными идеологами. Но придать движению социалистический характер нельзя – этот характер либо является объективной составляющей движения, либо не является. В лучшем случае можно помочь оформить движению последовательно социалистическую направленность. Организовать пролетарское движение тоже нельзя – оно организуется само, никто не может сделать это за него и извне него, хотя помогать такой самоорганизации, опять-таки, можно и должно. Коммунистическая партия и пролетарское движение не есть две отдельные, рядоположенные сущности. Коммунистическая партия (в соответствии с классическим марксизмом) есть лишь последовательное выражение и организационное оформление классовых устремлений пролетариата.

Мы переживаем период политической реакции, период политической пассивности масс. И выработать свою стратегию мы должны

применительно к реальным условиям этого периода, несомненно нацеливаясь на пробуждение революционной энергии, но не одурманивая себя революционными иллюзиями. Что же касается современной идеологии, то мы также только еще должны ее выработать.

К сожалению, в нашем движении преобладают крайности – от мерзкого ренегатского утверждения об исчерпанности лимита на революции, до бакунинско-нечаевского революционного нетерпения, беспочвенного представления о том, что революцию можно пробудить в любой момент, была бы достаточно энергичная революционная организация. Вызревание революции есть объективный процесс. Революция может потерпеть поражение или победить в зависимости от качеств политической организации пролетариата, но никакая организация не может создать революционную ситуацию. И работать нам предстоит здесь и сейчас, при ясном понимании, что революционной ситуации нет, и в ближайшей (а может быть, и в довольно долгой) перспективе не предвидится.

Последнее замечание, которое мне хотелось бы сделать – бессмысленно рассуждать о стратегии, не принимая во внимание мировую динамику экономического и социального развития, и состояние международного рабочего и социалистического движения.

А.В. Бузгалин. Я хотел бы поспорить с А. И. Колгановым, по ряду вопросов, среди которых главный – природа КПСС. Берусь утверждать, что как минимум первые полвека после Октябрьской революции коммунистическая партия включала пусть не миллионы, но многие десятки, если не сотни тысяч людей, которые общественные, социалистически-ориентированные цели ставили выше личных, кто практически, своим трудом и жизнью, доказывали право на имя «коммунист». Это было меньшинство членов КПСС, но они были. И их жизнь и подвиг игнорировать нельзя. Он имеет всемирно-историческое значение.

Что же касается коммунистического движения в современной России, то оно оказалось (за исключением некоторых небольших организаций) весьма далеко от коммунизма как науки и идейного течения. Если под коммунизмом как теорией понимать систему знаний, показывающих предпосылки, пути и социальные силы движения к миру, который сам К.Маркс называл «царством свободы» (миру, лежащему «по ту сторону» все форм социального отчуждения – рынка и капитала, классов и государства, идеологии и религии), то это идейное течение ныне актуально как никогда ранее. Мы – человечество – вступаем в эпоху глобального перехода к постиндустриальной системе, где

все вызовы, рассматривавшиеся как предпосылки коммунизма, актуализируются в наибольшей степени.

В то же время, если мы вслед за радикальными праволиберальными критиками и ортодоксальными сторонниками этого течения называем «реальный социализм» никак иначе чем «коммунизмом», то этот «коммунизм», действительно, давно уже дискредитировал сам себя и нынешняя ностальгия по сталинизму здесь мало что меняет, о чем я уже многократно писал (в том числе, в предшествующих разделах этой книги).

Проблема, однако, состоит в том, что ныне пока еще крайне медленно осуществляется рождение идейного течения (и еще медленнее – общественного движения), которые бы последовательно выступали сторонниками не только целей, но и средств движения к новому обществу, адекватных вызовам «царства свободы». Коротко расшифровывая последнее, я бы указал на необходимость развития таких целей борьбы, как снятие частной собственности, рынка и государства; таких форм самоорганизации субъекта коммунистических преобразований, как свободные работающие ассоциации; таких методов борьбы как реальное социальное творчество масс, снизу изменяющих этот мир, борясь за его социализацию, гуманизацию, экологизацию... (об этих целях, средствах и субъектах я подробнее размышляю в других материалах, публикуемых в данной книге). С этой точки зрения подавляющее большинство нынешних коммунистических организаций и их членов гораздо дальше от коммунизма, чем многие из реальных участников новых социальных движений.

Вот почему у коммунистического движения в XXI веке есть будущее в той мере, в какой в современном мире (и в России, в том числе) развиваются реальный субъект ассоциированного социального творчества, борющийся за продвижение человечества (и нашего Отечества) к «царству свободы». Но у сталинских пародий на коммунизм будущего в новом мире нет.

Б.Ф. Славин

О «новом» и «старом» социализме

Все больше теоретиков и идеологов левого движения считают первостепенной проблему осмысления различных моделей социализма, в частности, модели «нового социализма». В свою очередь нельзя понять сущность нового социализма, не исследовав причины крушения «старого». Под «старым» социализмом мы имеем ввиду, прежде всего, ту реальность, которая сложилась в советское время.

Не будем вдаваться в дискуссию о том, была ли эта реальность подлинно социалистической или нет. Мы исходим из того, что «числительного», или «идеального» социализма не может быть вообще и особенно в странах, впервые выходящих из буржуазной действительности со многими средневековыми пережитками. В первую очередь это относится к России начала XX века - стране, с невысоким уровнем технологического и социально-экономического развития, наложившими свой резкий отпечаток на весь период советской истории.

В этой истории было все: и взлеты и спады, победы и поражения, завоевания и трагедии. Тем не менее, конечный результат ее известен: та модель социализма, которая утвердилась в СССР и странах Восточной Европы в первой половине XX века рухнула в его конце. Возникает вопрос: какая это была модель и почему она рухнула? Ответив на эти вопросы, мы получим обобщенную характеристику «старого» социализма.

О модели «старого» советского социализма

Есть много типологических характеристик и определений советского социализма. Спектр их широк и многообразен: от апологетических неосталинистских, выдающих в советском социализме идеальный образец нового неэксплуататорского общества, до негативистских нелиберальных, утверждающих что социализм тождественен тоталитаризму, который, выражаясь языком Хайека, есть «дорога к рабству». Нам думается, что эти крайности далеко отстоят от объективного анализа той реальной модели социализма, которая сложилась в СССР. Эта модель, конечно, была далека от идеала социалистического общества нарисованного в работах Маркса и Лени-

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

на, считавших социализм наиболее гуманным и демократическим строем. Тем не менее, это был первый плод ранних социалистических революций XX века, который требует пристального анализа и оценки.

Во-первых, специфика советской модели социализма состояла в том, что она утвердилась в одной, отдельно взятой стране. Это противоречило классической теории, утверждавшей, что социализм возможен лишь как мировое явление. Во-вторых, как мы уже отмечали, социализм строился в многоукладной стране с большими пережитками средневековья, что не могло не сказаться на своеобразии экономической политики советского государства. Наконец, в-третьих, советский социализм вышел из ожесточенной гражданской войны, что отложило свой след на характере власти и ее способах функционирования.

Сказанное выше позволяет определить советскую модель социализма как государственно-бюрократическую или «казарменную». Для этой модели присуще жесткая централизация и регламентация экономической, социальной и идеологической жизни общества, отсутствие полноценных рыночных отношений, доминирование государственности, однопартийность, догматизация господствующей идеологии, формализация образа жизни, образования и культуры.

Данную модель нередко называют мобилизационной, т. е. способной эффективно функционировать в чрезвычайных условиях предвоенного, военного и послевоенного времени. Тем не менее, следует отметить, что эта модель социализма не оставалась неизменной на протяжении своей истории. Она пережила различные периоды своего политического развития, начиная от жестокого репрессивного тоталитаризма времен сталинщины и кончая попытками демократического обновления в период хрущевской «оттепели» и горбачевской перестройки. Следует отметить, что «старому» социализму, несмотря на его бюрократический и даже «казарменный» характер, удалось решить много сложных социально-экономических проблем, включая индустриализацию, достижение среднего мирового уровня материального обеспечения граждан, осуществление реального права на труд, отдых, образование и здравоохранение, доступность науки и культуры для широких масс населения и т. д.

Вместе с тем, как показывает опыт истории, советская модель социализма не смогла ответить на вызов времени, связанный с развитием научно-технической революции, трансформацией современного капитализма, вступившего в постиндустриальную эпоху, пере-

хватившего у социализма способы эффективного решения многих социальных проблем, включая проблемы «человеческого фактора».

Какие же причины привели к крушению советской модели «реального социализма»? На наш взгляд, их несколько. Первая причина состоит в том, что социализм не сумел одержать экономической победы над капитализмом, т. е. не дал более высокую производительность труда, которую Ленин считал важнейшим критерием прогрессивности и жизнеспособности социализма. Вторая причина связана с первой. Социализм не дал более высокого жизненного уровня трудящимся по сравнению с развитыми капиталистическими странами. Третья и, пожалуй, самая главная причина состоит в том, что социализм, который был у нас, не стал демократическим социализмом в подлинном смысле этого слова, ибо власть была отчуждена от трудящихся и представляла прежде всего интересы партийной и государственной бюрократии. Вот почему в августе 1991 года эту партбюрократию, или партократию никто не поддержал. Наконец КПСС с ее теорией «полной и окончательной победы социализма» продолжала оставаться догматической партией, которая не только извратила на практике марксистско-ленинские идеи социализма, но и не давала развиваться этим идеям. И это мы должны осознать в полной мере, иначе мы ничего не поймем в нашем прошлом.

Важнейшей из этих идей была идея рыночных отношений при социализме. Надо прямо сказать, что этой идеи мы не найдем у основоположников марксизма, которые не предполагали возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Ленин впервые столкнулся с этой проблемой при разработке Новой экономической политики. В этой связи он пришел к выводу, что следует «пересмотреть» прошлые взгляды на социализм как на бестоварное и некооперативное общество.

Суть этого пересмотра состояла в следующем: во-первых, первой социалистической стране нельзя отказываться от рыночных отношений в условиях господства мирового рынка и неразвитых экономических отношений внутри страны, во-вторых, социализм может выжить в этих условиях только в том случае, если сумеет создать более высокий уровень производства и производительных сил, чем в развитых капиталистических странах. Отсюда и вытекала его идея культурничества и цивилизованности для России, суть которой состояла в том, чтобы соединить лучшие технологические и организационные достижения капитализма с Советской властью. Только в этом случае можно было надеяться на то, что вопрос «кто кого?»: социализм или

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

капитализм будет решен в пользу социализма. Ленин в отличие от своих последователей прекрасно сознавал, что социализм по сути своей есть посткапиталистическое общество, впитывающее в себя все лучшее, что создано буржуазной цивилизацией. Как показал исторический опыт, потеря этого понимания привела советский социализм к кризису в 70-80 гг. и краху в начале 90-х годов.

К сожалению, социализм мыслился после Ленина не как посткапиталистическое (т.е. технологически, экономически и политически более развитое) общество, а как сугубо антикапиталистическое. Это нанесло непоправимый удар по его жизнеспособности и эффективности.

Основные черты «нового социализма»

Отталкиваясь от понимания главных причин крушения «старого» социализма и современных условий общественного развития, можно обрисовать в общих чертах основные контуры той модели «нового социализма», которую можно взять на идеологическое вооружение лево-демократическим силам. Какие это контуры или черты?

Во-первых, «новый социализм» следует рассматривать как посткапиталистическое общество, берущее у исторически предшествующего ему буржуазного общества все лучшее, что накоплено капиталистической цивилизацией, как в области технологии и организации производства, так и в области социальных, политических и культурных отношений, включая проблемы развития демократии, политического плюрализма, социальной защиты населения, образования и науки.

Во-вторых, «новый социализм» должен иметь адекватную себе технологическую и экономическую базу. Безусловно, что этой базой не может быть прежний индустриализм, считавшийся в прежней теории характерной чертой социализма. Опыт показал, что индустриализм, повышая совокупную производительность общественного труда, не гарантирует человеку ликвидации технологического отчуждения (он, даже его увеличивает, увеличивая долю частичного нетворческого труда), рождает массу экологических проблем, повышает травматизм и долю профессиональных заболеваний. Все сказанное говорит о том, что технологическая база «нового социализма» будет связана с развитием гибких технологий, робототехники, расширением доли электроники в производстве, безотходных и эколого-

гически чистых производств. Одним словом, речь идет о постиндустриальном и информационном характере технологии. Только такая технология может создать материальные условия для более высокой производительности труда, чем та, которая существует в традиционном капиталистическом обществе. Однако сама по себе технология не сможет решить вопрос «кто - кого?» в пользу социализма без соответствующей экономической и социальной базы, включения механизма заинтересованности научного работника в труде, что непосредственно связано с проблемой собственности и организацией производства и управления ими.

То есть, в-третьих, экономической основой «нового социализма» должны выступать такие формы собственности, которые дают более высокую эффективность производства и более высокую стимуляцию труда, чем в буржуазном обществе. Это возможно лишь при органическом соединении личного и общественного интереса, базирующемся на преодолении отчуждения работника (труженика) от средств производства и управления предприятием. То есть речь идет о формах собственности, преодолевающих наемничество.

В-четвертых, следует осознать, что «новый социализм» по своей гуманистической природе не может не быть «социализмом экологическим», т. е. активно внедряющим на национальной и мировой арене создание благоприятной среды обитания человека и человечества. Социалисты всегда отличались тем, что отстаивали интересы не только «близких», но и «дальних». Его интернациональная сущность требует активного вмешательства в вопросы предотвращения «ядерной войны», заражения окружающей среды техническими отходами, создания безопасной атмосферы и т. д. В этом смысле «новый социализм» достоин быть открыт для сотрудничества со всеми государствами, общественно-политическими движениями, заинтересованными в сохранении здоровой окружающей среды обитания.

В-пятых, «новый социализм» в отличие от «старого» должен не только возродить доступную для абсолютного большинства общества мощную социальную сферу, но и придать ей новое качество, ориентированное на конкретно человека. И здесь не грех поучиться постановке социального дела у некоторых развитых капиталистических государств и, прежде всего, находящихся в Западной Европе, где накоплен соответствующий опыт решения жилищной проблемы, здравоохранения, пенсионного обеспечения и других эффективных систем социальной защиты. Когда-то реальный социализм своими социальными программами заставил буржуазный мир открыться соци-

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

альной проблематике. Теперь не грех российским социалистам этому поучиться у него.

В-шестых, в модели «нового социализма» должна быть заложена широкая демократизация общества, включающего в себя функционирование политического и идеологического плюрализма. Пора понять, что социализм сам по себе, автоматически, не дает демократии, тем более чисто пролетарской демократии без наследования широкого и разнообразного опыта демократических преобразований, развившихся в странах Запада, в том числе под влиянием классовой борьбы рабочих за свои экономические и политические права. Для современных социалистов не может быть никаких политических и идеологических шор, мешающих выражать наиболее адекватно интересы трудящихся. Опыт парламентской борьбы, политический плюрализм, осуществление свободы слова и совести рассматривается ими как естественные параметры жизни современного цивилизованного общества, расширяющие возможность влиять на людей и вести их за собой. Сторонники нового социализма отбрасывают субъективистское понимание партийности, автоматическое следствие принадлежности к рабочему классу. Для них партийность то, что вытекает из строго научного анализа действительности и понимания конкретных интересов трудящихся в различные исторические моменты их деятельности. Теория «нового социализма», ее успешное развитие может осуществляться только в условиях живой конкуренции научных идей и полного отказа от догматизма и схоластики.

Наконец, в-седьмых, общество «нового социализма» - это общество, открытое внешнему миру, входящее в живой обмен товарами, людьми и идеями со всеми другими обществами и государствами. Замкнутость, изоляция от внешнего мира, как показал прошлый опыт развития СССР и стран Восточной Европы, может привести только к стагнации и консервированию негативных сторон общественной жизни. Социализм, в конечном счете, всегда был и остается интернациональным явлением, результатом деятельности людей различных рас и национальностей. "Новый социализм" сохраняет свою генетическую интернациональную парадигму, что определяет его соответствующую национальную политику, которая базируется на идеалах равноправия всех народов и этносов, на социальной солидарности трудящихся независимо от их национальной и расовой принадлежности.

Опыт «старого» социализма показал, что без научно выверенной социально-экономической политики невозможно длительное суще-

ствование реального социалистического общества. В этой связи встанет вопрос, на какую социально-экономическую концепцию должен опираться «новый социализм»? Чтобы на него ответить, рассмотрим, прежде всего, вопрос о собственности, как стержневой для любой социально-экономической концепции.

О новом прочтении проблемы собственности

Многие ошибки «старого» реального социализма в экономике связаны, на наш взгляд, с догматическим пониманием проблемы собственности. Оно пошло от неверного прочтения известного определения коммунизма как «уничтожения частной собственности».

До сих пор критики и справа и слева, - я имею в виду неосталинистов и радикальных демократов, - утверждают, что социализм есть абсолютное, с сегодня на завтра, отрицание частной собственности. При этом они ссылаются на «Манифест коммунистической партии». Известно, что авторы «Манифеста» были наследниками гегелевской традиции, и если внимательно в первоисточнике посмотреть на фразу, где говорится, что социализм можно выразить одним словом – «уничтожение частной собственности», то можно увидеть, что там нет слова, которое означает буквально «уничтожение». По-немецки слово «уничтожение» означает *Abschaffung*, или *Annulirung*, а в первоисточнике стоит слово *Aufhebung*, что означает «снятие», т. е. основоположники марксизма здесь ведут речь о таком отрицании частной собственности, которое, говоря философским языком, есть ее диалектическое снятие, то есть не только отрицание, но и сохранение (освоение) таких ее положительных сторон, как заинтересованность человека в деле, проявление инициативы и предприимчивости, расчет и предвидение различных рисков и т. д.

Большевики в данном случае поступали не по - марксистски, когда сразу после 1917 года пытались уничтожить всякие следы частной собственности даже в тех сферах, где они явно могли стимулировать производство. Из советского опыта мы знаем, что государство, например, плохо решает проблему быта и сервиса, в тоже время частник, как правило, с нею хорошо справляется. Спрашивается, почему частная собственность в этом вопросе должна мешать? Что такое вообще собственность? Можем ли мы только с позиций нравственности подходить к ней? Мне кажется, что марксистская традиция этого нам не позволяет. Частная собственность является формой развития

Б. Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

производительных сил. До тех пор, пока она стимулирует развитие производства и сферу обслуживания, она исторически прогрессивна. И только в тех случаях, когда она начинает сдерживать это развитие, можно ставить вопрос о ее упразднении.

Опасно сегодня говорить о передаче в частную собственность, к примеру, атомных электростанций, или государственной сети железных дорог, электроэнергетической системы, системы освоения космоса и т. п., на чем настаивают некоторые радикальные неолибералы. Если государственная собственность в условиях советского общества не могла предотвратить Чернобыльскую катастрофу, то можно себе представить, какой хаос будет, если атомные станции передать в частные руки. Поэтому спор о том, какая собственность лучше: частная или общественная во многом надуман и излишне идеологизирован. Неолибералы сегодня пытаются всем внушать идею о якобы абсолютном превосходстве частной собственности, неосталинисты, напротив, утверждают абсолютное превосходство общественной собственности. На самом деле, истина всегда конкретна: та форма собственности лучше, которая лучше стимулирует развитие производительных сил и лучше удовлетворяет потребности общества.

До господства общественной собственности, как экономической основы социализма нужно дойти, доработаться: частная собственность сохраняется, пока сохраняется ее эффективность по сравнению с другими формами собственности.

Вместе с тем, неверный перевод текста «Коммунистического манифеста» отрицательно сказался на всей практике управления реальным социализмом. Многие недостатки и ошибки функционирования прежней социалистической экономики определялись тем, что из нее была преждевременно исключена частная собственность, а с нею и частный интерес. В то же время социализм как переходное общество может успешно функционировать только при органическом соединении частного и общественного интереса, частной и общественной форм собственности. Это уже на заре советской власти понял Ленин при разработке НЭПа и идеи социалистической кооперации.

К сожалению, это не понял Сталин, возродивший после смерти Ленина военно-коммунистические подходы к экономике, основанные на сугубо догматическом, или, точнее, внеисторическом понимании самой проблемы собственности. По Сталину собственность есть самодостаточная категория, а не форма развития производства,

меняющаяся в зависимости от динамики производительных сил, поэтому для него общественная собственность всегда выступает как абсолютное добро, а частная собственность как абсолютное зло. Такой подход практически возвращает к прудоновскому пониманию частной собственности как «краже».

Внеисторическое, по сути дела, фетишистское понимание собственности, отрицательно сказывалось на всей экономической политике советского общества, наносило удар самой социалистической идее. Наиболее наглядно это проявилось в абсолютизации государственной собственности, преждевременном устранении частной и кооперативной собственности.

Государственная собственность неправомерно отождествлялась с общественной, хотя она консервировала отчуждение трудящихся от средств производства. Не случайно последние считали ее ничейной. Она не стимулировала интерес к работе, культивировала уравниловку, с одной стороны, и привилегии, с другой. Вот почему на защиту этой формы собственности не выступил народ в августе 91 г., когда началась так называемая новая буржуазная революция в СССР.

К сожалению, основоположники марксизма не смогли предвидеть опасность сохранения отчуждения трудящихся при господстве государственной собственности. Ленин только в конце своей жизни это понял, придя к идее социализма как цивилизованного кооперативного строя, но всесторонне разработать эту концепцию не успел. Таким образом, ключевая проблема для социалистов - соединение «частного» и «общего» - осталось на практике нерешенной.

Казалось бы, что нормально социалистической собственностью, принадлежащей самим работникам должна была бы стать собственность колхозов, но и она в полной мере ею не стала в силу государственного вмешательства в их дела. На деле многие колхозы были скорее госхозами, чем сугубо коллективными хозяйствами.

Повторим, собственность, как общественное отношение по поводу средств производства, является сугубо историческим явлением, изменяющимся в ходе развития производительных сил общества. Нельзя априори установить форму собственности, не решив на практике вопрос: тормозит или способствует она росту производительных сил. К сожалению, этого не понимала не только одиозная экономическая мысль в советские времена, но и новые постсоветские экономисты, бросившиеся без разбору приватизировать государственные предприятия и насаждать частную собственность «как картошку». Здесь зеркально проявилось прежнее фетишистское отношение к

Б.Ф. Славин

О «новом» и «старом» социализме

собственности как абсолютному добру или злу. Если раньше добро было госсобственностью, то теперь стала - частная. Именно на таком фетишизме проблемы собственности и началась неолиберальная реформа в России, заведшая страну в тупик.

Надо, в конце концов, понять, что собственность и ее различные формы не фетиш, а средство развития производства: если они стимулируют производство - они прогрессивны и исторически оправданы, и наоборот: если они сдерживают производство, от них следует отказаться как от исторически себя исчерпавших.

Опыт истории сегодня доказывает одно: только на практике можно определить, какая форма собственности лучше в той или иной сфере производства. Успехи Китая, Японии и других стран говорят о том, что на современном уровне развития производительных сил можно применять различные формы собственности, не абсолютизируя ни одну из них, будь то государственная, коллективная или частная. Использование их зависит от конкретных условий той или иной страны, той или иной отрасли. Конечно, социалисты отдадут предпочтение коллективным и общественным формам собственности, которые ликвидируют отчуждение трудящихся от средств производства, но это предпочтение всегда должно иметь объективные основания, связанные с эффективностью производства.

Попытка априори «заклеймить» ту или иную форму собственности как исторически себя исчерпавшую, может привести только к стагнации экономического развития. Современные социалисты должны исходить в своей экономической политике из признания плюрализма форм собственности. История и практика развитых стран мира показывает, что наиболее устойчивой является та экономика, в которой используются различные формы собственности, стимулирующие производство, будь то частная, государственная или коллективная. При этом важны разумные пропорции этих форм, связанные с эффективностью и социальной справедливостью.

Вместе с тем, признавая плюрализм форм собственности, сторонники социалистической идеи должны иметь свое, перспективное видение этих форм. Их отличительной чертой всегда было отрицательное отношение к наемничеству, как историческому способу закабаления трудящихся, консервирующему отчуждение людей от средств производства, труда, общества и власти.

Ни капитализм, ни «государственно-бюрократический социализм» не ликвидируют наемный труд и потому весьма далеко отстоят от идеала подлинно социалистического общества. Таким образом,

отсутствие или наличие наемничества является тем критерием, который отличает подлинный социализм от мнимого.

Капитализм же был и остается в основном обществом наемного труда с ограниченной свободой, односторонней демократией, фрагментарной личностью. Дело в том, что наемный работник, по сути дела, ничего не решает на предприятии. В то же время личностью человек становится только тогда, когда имеет право решающего голоса. Поскольку он таким правом обладает, постольку он может контролировать производство. То же и в политической сфере: поскольку он участвует в выборах, он может контролировать процесс формирования представительной и исполнительной власти. Без политической свободы нет демократии, без экономической свободы нет производственной демократии.

Социализм исторически мыслился европейцами как общество, противоположное капитализму. Говоря точнее, это отрицающее капитализм посткапиталистическое общество. Его основой являются высокие технологии и воссоединение непосредственных производителей со средствами производства. Последнее создает экономические предпосылки для ликвидации векового социального отчуждения. Лишь на этой основе может развиваться универсальная личность, всесторонняя демократия и полноценная свобода.

О социальной базе и политике «нового социализма»

Отрицательное отношение социалистов к наемничеству во многом выявляет ту социальную базу, на которую они должны опереться в своей повседневной работе. Это, в основном, люди наемного труда. К ним относятся не только рабочие и крестьяне, продающие свою рабочую силу государству, но и громадный корпус инженеров, научных работников, представителей системы здравоохранения и культуры, специалистов, связанных с электронной и иной новейшей техникой, одним словом, речь идет о громадном слое интеллигенции, которая ранее в прежних концепциях социализма исключалась из состава работников наемного труда. Эти слои, продавая собственникам средств производства свои знания и творческие способности, на деле часто подвергаются большей эксплуатации, чем люди физического труда.

Конечно, современные социалисты не должны игнорировать и традиционные слои рабочего класса: шахтеров, металлургов, энергетиков, машиностроителей и т. д., которые сегодня во многом оказа-

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

лись в идейно-политическом вакууме (как известно, коммунисты-державники обходят эти слои рабочего класса стороной). В то же время все они являются объектом разрушительных неолиберальных реформ, превращающих многих представителей рабочего класса либо в потенциальных безработных, либо в людей хронически не получающих заработную плату.

Особый интерес для социалистов представляет молодежь и, прежде всего, учащиеся. Они сегодня практически не могут существовать на те мизерные пособия и стипендии, которые им предлагает государство. Вынужденные довольствоваться случайными заработками, эта часть общества становится наиболее социально уязвимой: после окончания учебы она сталкивается с тяжелой проблемой занятости, разлагающим влиянием улицы и т. п. Отсюда и громадный рост преступности среди молодежи, других видов безнравственности и антисоциального поведения.

Не менее остро сегодня стоит проблема пенсионеров, инвалидов труда и войны, составляющих треть населения страны. Еще сегодня регулярно получающие свои пенсии и пособия, они сейчас во многом обречены на полуголодное существование и реальную перспективу потери жилья.

Как известно, современная финансовая политика существующего режима власти поставила всех, так называемых бюджетников, на грань нищеты, будь то пенсионер, учитель, врач, инженер или военнослужащий. Все они, осмысливая свое тяжелое положение, тяготеют к идее справедливости и, следовательно, нуждаются в организации, способной выразить их политические интересы. Демократические левые движения за «новый» социализм могли бы стать такими организациями.

Существует мнение, что социалисты и социал-демократы должны выражать интересы не только наемных работников, но и представителей капитала. Думается, что это ошибочная точка зрения. Как показывает опыт выборных компаний в Думу, профсоюзы и партии социалистической и социал-демократической ориентации, пытающиеся создавать блоки, выражающие интересы не только труда, но и капитала, терпят сокрушительное поражение. Современные социалисты должны учесть этот негативный опыт. Максимум, что они могут сделать, это выступить на защиту интересов той части мелкой буржуазии, которая испытывает на себе мощное давление и конкуренцию со стороны крупного национального и компрадорского капитала.

Интересы людей наемного труда, как главной опоры социалистов и социал-демократов, требуют разработки четкой социально-экономической политики. Такую политику условно можно разделить на два направления: первое, связанное с непосредственными задачами выведения страны из общего кризиса, второе, связанное с более отдаленной перспективой, с конечными стратегическими целями социалистического движения.

В рамках первого направления социалисты должны полностью отказаться «от неолиберального монетаристского курса осуществления нынешних реформ, по сути дела, разрушающих отечественную экономику. Необходимо разработать новый курс подъема национальной экономики, опирающийся на опыт стран, переживших у себя аналогичную кризисную ситуацию. Прежде всего, имеется ввиду аналогия новому курсу Рузвельта, обеспечившего выход США из кризиса 30-х годов, послевоенной программе восстановления экономики Германии и Японии, современным экономическим реформам в Китае.

России нужна не монетаристская концепция перераспределения общественного богатства, а концепция, делающая упор на развитие промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны, расширение внутреннего рынка за счет роста производительности труда и увеличения товарной массы. Одним словом, нам нужны не идеи Хайека и Фридмана, а идеи Маркса, Кейнса, Дэн Сяопина.

Необходимо сохранить от приватизации ту часть государственного сектора, который определяет научно-технический прогресс общества и безопасность государства. Социалисты должны выступать за конкурентную экономику и многообразие форм собственности в сфере производства товаров народного потребления и оказания услуг населению.

Они должны отстаивать такую приватизацию средств производства, которая передает промышленные и иные предприятия в собственность самим трудовым коллективам. Международный опыт показывает, что предприятия с собственностью работников более эффективны, чем государственные или частные предприятия.

Жертвы советского народа, принесенные на алтарь создания «реального социализма» в прошлом, не должны пропасть даром. Во все не обязательно снова полностью возвращаться ко временам первоначального «дикого капитализма» и поголовному господству частнокапиталистической собственности. Не надо бояться передавать предприятия тем, кто на них работает, то есть превращать трудовые

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

коллективы в собственников средств производства. Только в этом случае можно заложить реальные предпосылки «нового социализма».

В целях сокращения, а затем и ликвидации безработицы, сторонникам «нового» социализма необходимо реализовать крупные социальные программы, связанные со значительным расширением транспортной инфраструктуры общества (строительство дорог, мостов, общественных сооружений и т. п.), стимулированием жилищного строительства, созданием мелких и средних предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, выпуском товаров широкого потребления. Необходимо возродить в России потребительскую и производственную кооперацию, создать свободную конкуренцию на селе предприятий с различными формами собственности. Необходимо дать вторую жизнь предприятиям ВПК, сориентировав их на создание технологии и продукции двойного назначения (военного и гражданского).

Нужна такая финансовая политика, которая бы стимулировала развитие промышленности и сельского хозяйства. В рамках этой политики необходима льготная система налогов для вновь создаваемых предприятий, строительного и сельскохозяйственного производства. В последнем случае нужна система налогообложения, аналогичная нэповской.

Современные социалисты и социал-демократы должны добиваться в перспективе создания такой технологической базы, которая сможет окончательно вытеснить тяжелый физический труд из сферы общественного производства, заменив его на такие виды всеобщего труда, как труд новатора, изобретателя, ученого. Будущее России они связывают с развитием постиндустриальных и информационных технологий, автоматизации и роботизации производств.

Свою конечную цель в экономическом развитии общества они видят в ликвидации эксплуатации наемного труда, превращении всех тружеников в хозяев общественного производства, в преодолении социальной поляризации общества, создании такого экономического потенциала, который позволит удовлетворять растущую потребность людей.

Что касается социальной защиты населения, то социалисты должны постоянно отстаивать их право на труд, его своевременную и справедливую оплату, право на отдых и обеспеченную старость. Они - за восстановление систем социальной защиты населения, положительно зарекомендовавшей себя в годы советской власти: доступность жилья, практически бесплатное образование и медицинское

обслуживание, развитие широкой сети детских садов, летних лагерей труда и отдыха, охраны материнства и детства.

Ближайшие и перспективные цели социально-экономической политики требуют дифференциации и конкретизации в зависимости от того положения, которое занимают социалисты и социал-демократы по отношению к власти, т. е. выступают ли они оппозицией к существующей власти или сами находятся во власти.

О «белых пятнах» теории социализма

Сегодня учение о социализме переживает один из самых больших кризисов. Он характеризуется прежде всего крушением государственно- бюрократической модели социализма в Восточной Европе и СССР, трудностями и противоречиями в мировом левом движении. Парадокс ситуации на мой взгляд состоит в том, что кризис теории и практики социализма происходит на фоне вызревания объективных предпосылок социализма практически во всех странах развитого капитализма, связанных со всеобщей интеграцией и интернационализацией производства, развитием и глобализацией мирового рынка, успехами в социальной политике ряда правящих социалистических и социал-демократических партий, повсеместном банкротстве неолиберальной политики консерваторов. Все эти явления нуждаются в теоретическом анализе и соответствующих научных выводах. Однако возможность такого всестороннего анализа сегодня явно затруднена в России.

На самом деле, трудно говорить об актуальных теоретических проблемах социализма в стране, которая переживает второе наступление эпохи капитализма со всеми его негативными последствиями: обнищание масс, появление миллионной безработицы, небывалая социальная поляризация, разгул преступности и т. д. Вместе с тем, об этом говорить надо, так как без решения общих вопросов теории нельзя понять, почему крушение социализма произошло именно в этих странах, и что нужно в них делать людям, которые не хотят мириться с приходом капиталистической действительности.

Говоря об актуальных вопросах теории, я имею в виду не только те новые явления общественной жизни, о которых, по выражению Адама Шаффа, не упоминается в «библиях социализма»: например, компьютерная революция и рабочий класс, новейшие проблемы глобализации и информатизации общества и т. д. Прежде всего, меня интересуют дискуссионные проблемы, своего рода «белые пятна»,

возникшие под влиянием кризиса теоретической мысли, который уходит своими корнями, с одной стороны, в историю социалистического и коммунистического движения, с другой - порождены спецификой нашего времени, теми коллизиями последних лет, которые породили паническое бегство бывших ортодоксов научного социализма в лагерь сторонников либерально-буржуазной идеологии. В последние годы мы стали свидетелями процесса, открытого еще Марксом, когда в ожидании и приспособлении к новой власти у интеллигенции происходит быстрая смена идеологических вех.

Этот новый «сменовеховский» процесс в России начался в конце XX века с распространения теоретического пессимизма и релятивизма в общественной науке. Он наиболее полно выразился первоначально в суждениях о том, что «понятие «социализм» расплылось», что бывшее противопоставление социализма и капитализма «утратило свое научное значение», что вообще не надо употреблять никаких «измов»: они только мешают пониманию жизни.

Затем на смену этим суждениям пришли более жесткие и определенные высказывания: «социализм исчерпал себя, как строй», он является «противоестественным явлением», не соответствующим «природе человека». Наконец, по мере обострения политической и идейной борьбы в нашем обществе, появились более резкие суждения о том, что «социализм - это дорога к рабству», или «социализм - это смерть», а «капитализм - это жизнь». Последнее выражение я прочитал на плакате во время одной из демонстраций в Москве в начале 90-х годов. Как отвечать на эти беспрецедентные нападки на теорию и практику социализма?

Ясно, что практически социализм может дать достойный ответ только в том случае, если создаст более эффективное и более демократическое общество, чем за всю свою многовековую историю сумел создать капитализм. Советская модель не сумела это сделать и потому сошла с исторической сцены. Смогут ли это продемонстрировать другие модели (китайская, вьетнамская, кубинская), покажет время. Во всяком случае, сегодня есть все основания говорить, что с падением реального социализма в одной стране, или ряде стран, его история не заканчивается. Напротив, обогатившись удачным и неудачным историческим опытом в ряде стран, социализм теоретически и практически постепенно укрепляет свои политические позиции. Это относится к успехам экономических реформ в КНР и явной активизации теоретической марксистской мысли в мире и России, связанной как с творческим обобщением практического (позитивно-

го и негативного) опыта строительства социализма в СССР и странах Восточной Европы, так и с критикой различных буржуазных интерпретаций социалистической идеологии.

В последнем случае особенный интерес представляет работы известных теоретиков неолиберализма М. Фридмана и Ф. Хайека, идеи которых были положены в основу буржуазных реформ в России в конце XX века, и которые составляют идейную «мудрость» современных неолиберальных партий. Наиболее распространенным приемом неолиберальной критики социализма является его отождествление с тотальным директивным планированием. Так Фридман, утверждал, что в Англии начавшееся после двух мировых войн «коллективистское экономическое планирование и в самом деле ущемило индивидуальную свободу»¹. Нечто подобное говорил и Хайек. Беря за основу своих рассуждений сталинскую модель планового социализма, он утверждал, что планирование общественной жизни, по сути своей противоположно идее человеческой свободы, ибо политическая власть «вступив на путь планирования, чтобы достичь справедливости», создает условия, в которых люди начинают добиваться одного – «расположения власть имущих».² Отсюда им и делался вывод о том, что социализм есть «дорога к рабству».

На самом деле, социализм как результат сознательного подхода к истории, не сводится только к планированию. Отождествление социализма с директивным планированием весьма далеко от научного или марксистского его видения. В этой связи следует напомнить - известный спор Ленина и Плеханова по поводу содержания первой Программы социал-демократической партии России, где Плеханов пытался связать определения социализма только с планированием и удовлетворением потребностей людей. В ответ Ленин говорил, что планирование и удовлетворение потребностей осуществляется в определенной степени и при капитализме трестами. Социализм есть нечто большее: это общество, где не только удовлетворяются потребности всех членов общества (а не только отдельных его групп) за счет всего общества, но и властный приоритет отдан трудящимся, где, в конечном счете, должны создаваться условия для свободного и всестороннего развития личности.³ Как мы видим, это прямо противоречит тому, что утверждают сегодня неолибералы на Западе и их

¹ См.: Фридман М. и Хайек Ф. О свободе. – М.: Като институт, 1985, с. 13.

² Там же. С. 110-111.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 204.

последователя в России, доказывающие историческую необходимость социального неравенства и добивающиеся свободы одних за счет несвободы других.

Однако следует более подробно рассмотреть проблему соотношения плана и рынка при капитализме и социализме. Является ли план специфически капиталистическим явлением, а рынок специфически социалистическим, или они суть общецивилизационные механизмы производства и распределения в обществе, находящемся на определенном историческом уровне развития? Думаю, что и рынок, и план есть общецивилизационные механизмы функционирования более или менее развитой экономики. Но если это так, то и рынок должен поддаваться определенному государственному регулированию, и государственный план опираться на рынок, как обратную связь производства.

Сегодня многие радикальные теоретики правой и левой ориентации считают, что полноценный рынок может существовать только в рамках капиталистического хозяйства и полного господства частной собственности. Думаю, что это во многом идеологизированная и односторонняя точка зрения. Она не различает рынок в условиях господства частной собственности, и рынок в условиях реального господства общественной собственности, то есть там, где здесь заложены корни качественного экономического различия между социализмом и капитализмом. Ведь любой общецивилизационный механизм, будь то рынок, будь то маркетинг, будь то биржа, имеет две стороны. Они могут работать в интересах трудящихся, и они же могут работать в интересах «верхних» ста тысяч. Так вот, говоря о рынке, что имеют в виду его теоретики и идеологи? Удовлетворение, прежде всего, интересов «верхних» ста тысяч или удовлетворение интересов всего общества, в крайнем случае, его абсолютного большинства? Я думаю, что социализм не противоречит рынку, но и не является условием для возрождения рынка XIX века. Такого рынка сейчас нигде не существует в развитых странах, и левые должны это учитывать, критикуя современный капитализм и стремясь к возрождению социализма в России.

Говорят, что нельзя быть наполовину беременным: или плановое хозяйство, или рыночное. Насколько эта идея плодотворна? Кажется, с чисто теоретической точки зрения нужно быть логичным: «или-или». Но жизнь никогда не давала сугубо чистых явлений. Она всегда предлагала соединение различных противоположностей. И в данном случае она требует не «или-или», а «и, и», т. е. меры соотно-

шения рынка и плана. Эту меру находило советское правительство во время НЭПа, сегодня в ней во многом заключается мудрость и успех экономической реформы в Китае. В этой связи наиболее рьяным противникам плановой экономики хотелось бы сказать следующее: не план себя дискредитировал в СССР, дискредитировала себя бюрократическая форма директивного плана, когда у нас сверху планировалось буквально все, вплоть до гвоздей и чайных ложек. Конечно, такую форму планирования следует отбросить. Но означает ли это, что в условиях развитого общества, и тем более, в условиях реально-го социализма следует отказываться от планирования и все отдавать на откуп свободного рынка? Думаю, этого не стоит делать. Напротив, исторический опыт говорит, что успехи экономики появляются там, где органически соединяется рынок и умелое демократическое планирование.

Подлинный социализм есть следствие сознательного социального творчества и самостоятельности масс. Подчеркну еще раз, бюрократическое планирование, о котором любят говорить неолибералы, критикуя реальный социализм, это черта не научного, а деформированного социализма. План и рынок – это не грехи, и не преимущества социализма (как мы знаем, они возникают как необходимый момент экономического развития еще при капитализме) - они необходимые инструменты хозяйственной деятельности. Главный вопрос состоит в том, как их наиболее эффективно использовать в интересах всего общества, то есть, как их соединять, сохраняя социальную справедливость и эффективность?

В начале 90-х годов мне с научной делегацией довелось побывать в Китае, где нами изучался механизм реализации экономических реформ. Мы задавали вопросы китайским коллегам, связанные со сравнением результатов реформ в России и Китае. Отвечая на эти вопросы, наши китайские коллеги отвечали, что мы напрасно не учимся на их отрицательном историческом опыте. В частности, они считали, что мы своими либеральными реформами можем повторить их «Большой скачок». Поездив по различным регионам Китая, мы пришли к выводу, что при всех негативных явлениях, которых тогда еще было немало в китайской действительности, там есть одно характерное позитивное завоевание: китайцы нашли оптимальную меру соединения плана и рынка, планового общественного хозяйства и частнособственнического интереса. Эта мера позволила им буквально заваливать весь мир товарами ширпотреба. Таким образом, современная экономическая реформа в Китае доказала на практике,

Б.Ф. Славин

О «новом» и «старом» социализме

что эффективной может быть не только капиталистическое хозяйство, основанное на частной собственности и свободных рыночных отношениях, но и социалистическое хозяйство, органически соединяющее план и рынок.

Чтобы разобраться в специфике социализма, нельзя подходить к нему одномерно. Понятие «социализм» вообще нельзя сводить только к какой-либо одной характеристике общества, будь-то собственность, планирование, или какая-либо еще важная сторона хозяйственного развития. Необходимо видеть более глубинные, сущностные критерии, лежащие в его природе.

Проблема сущностного определения социализма является сегодня поистине «белым пятном» в общественной теории. Здесь есть две крайности. Первая крайность - доказывать, что, вообще, дискуссия об определении социализма бесплодна. Вторая крайность - попытка свести определение социализма к его одной, отдельно взятой характеристике.

Я думаю, что социализм, как понятие, достаточно многомерен. Он вбирает в себя разные определения. С точки зрения процесса строительства нового общества, социализм - это живое творчество народа; с экономической точки зрения - результат реального обобществления производства; с социально-политической - это власть трудящихся во всех сферах общества: утверждение экономической и политической демократии, самоуправления и свободы личности; наконец, с философско-исторической точки зрения - это первая фаза преодоления всех видов социального отчуждения.

Я не склонен, как это делают некоторые теоретики, видеть в социализме только примат общего начала над частным.⁴ Я думаю, что это во многом абстрактное определение, хотя оно и соответствует определенной специфике социализма. Маркс связывал вызревание и специфику социализма прежде всего с материальными предпосылками его зарождения в недрах капиталистического общества, в частности, с тенденциями реального обобществления труда и наличием активного рабочего класса. Социализм начинается со взятия власти рабочим классом и кончается ликвидацией всех и всяческих классов. Он рассматривал социализм не как антикапиталистическое, а как посткапиталистическое общество, которое наследует у капитализма все то лучшее, что накоплено мировой цивилизацией.

В связи с этим, я хотел бы затронуть один интересный и мало-

⁴ См.: «Коммунист», №4, 1991, с. 31.

изученный методологический вопрос: о связи капитализма и социализма, о соотношении классового и общечеловеческого. Как уже отмечалось, здесь много запутанного сталинской школой, рассматривающей капитализм только как антисоциализм. Вместе с тем любое социальное явление имеет двойственный характер. В нем мы можем найти как общечеловеческие, общецивилизационные, так и конкретно-исторические, классовые черты. И если с этой точки зрения подойти к проблеме социализма и капитализма, то мы увидим, что социализм наследует у капитализма все то, что имеет общечеловеческую, общецивилизационную природу. Рассмотрев такие явления, как маркетинг, так называемая «капиталистическая бухгалтерия», работа на заказ и многое другое, мы увидим, что они не являются собственно капиталистическими или социалистическими. Это механизмы, которые имеют общецивилизационный характер. И, безусловно, если мы не хотим остаться на сугубо схоластических и догматических позициях, эти категории должны работать и при социализме. Если социализм наследует от капитализма его технологический фундамент, стало быть он может и должен наследовать соответствующие экономические и организационные формы. Вместе с тем, социализм не может наследовать у капитализма все, и, прежде всего, сугубо классовые явления, например, связанные с фактами эксплуатации, социальной и имущественной поляризации общества, распространением «массовой культуры» и т. п. Когда Ленин обсуждал вопрос усвоения большевиками идей Форда или Тейлора, он говорил, что научную сторону этих идей мы должны использовать, но без капиталистической практики «выжимания пота». Вот здесь и следует искать различие общечеловеческого, общецивилизационного и классового, которое Ленин проводил достаточно четко.

Многие люди нередко считают, что реальный социализм и капитализм должны полностью соответствовать своим идеалам, то есть быть в своем роде идеальными обществами. Практика показывает, что таких обществ в истории вообще не существует. Как капитализм имеет диктаторские и демократические режимы правления, (вспомним чилийцев Пиночета и Альенде), так и социализм на практике может быть с диктаторским и демократическим лицом (Сталин и Горбачев). При этом исторический опыт показывает, что диктаторские режимы чаще всего проявляются в странах, не прошедших школы буржуазной демократии, и сохраняющими в себе многие следы и пережитки средневековья.

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

Отмечу еще ряд дискуссионных вопросов - «белых пятен» теории, на которых я хочу заострить свое внимание и без которых трудно разработать современную науку о социализме. Я имею в виду проблему ценностного подхода в теории демократического социализма на Западе и проблему демократического социализма, как исторической тенденции в существовавших и существующих странах реального социализма.

Как известно, проблема ценностного подхода к социализму в основном разработывается социал-демократической и левой мыслью Запада. В докладе на съезде итальянских коммунистов, преобразовавшем Коммунистическую партию в Демократическую партию левых сил, генеральный секретарь ИКП говорил, что они социализм связывают с теми ценностями, которые развиваются в рамках социал-демократической мысли, и прежде всего с такими, как «свобода, справедливость, солидарность». Причем эти ценности берутся как бы вне исторического контекста, выступают, как некоторые этические идеалы, к которым должно стремиться любое демократическое общество. Это понимание социализма, мне думается, имеет под собой основания, прежде всего, благодаря успешной практической деятельности социал-демократических правительств Европы.

Но есть и иной подход, в рамках марксистской школы, который продолжает существовать, не смотря на крушение советской модели социализма. Это – видение социализма, как посткапиталистического общества, вытекающего из глобальных общественно-исторических и культурных тенденций развития человечества, связанных с реальным, а не формальным обобществлением производства, с развитием действенной демократии и политической культуры масс, борьбой с бюрократическими извращениями властных структур реального социализма.

На мой взгляд, сегодня существует не одна, а по меньшей мере две модели демократического социализма: модель, которую реализуют социал-демократы на Западе, пытаясь мирным путем трансформировать капитализм в социализм. Эти попытки исходят из ценностного, сугубо этического подхода к социализму. И модель, преодолевающая на практике бюрократические и тоталитарные деформации в странах реального социализма. Эта модель восходит к демократическим и антитоталитарным тенденциям в истории советского общества, возникшим в ходе Октябрьской революции, в периоды НЭПа и хрущевской «оттепели», в условиях Пражской весны и горбачевской перестройки, в ходе борьбы с бюрократизмом в Китае, Вьет-

наме, на Кубе. Таким образом, с одной стороны, речь идет о модели демократического социализма, которую пытаются воплощать в жизнь социал-демократические партии в Западной Европе, с другой, - о модели демократического социализма, контуры которой складывались и складываются в различные исторические периоды в странах «реального социализма».

Что в этих моделях является общим и в чем состоит различие? Прежде всего, обе эти модели исходят из признания таких социалистических ценностей как свобода, справедливость, солидарность. Для сторонников той и другой модели является предпочтительным демократический способ реализации этих ценностей, наконец, эти модели отрицают или подвергают принципиальной критике различные проявления тоталитаризма, будь то сталинщина, маоизм или полповщина.

Существует и характерные различия этих двух моделей. Так для модели демократического социализма, разрабатываемой многими партиями Социнтерна характерен упор на постепенную эволюцию буржуазного общества и отрицание революционных средств его изменения. Признание решающей роли государства в улучшении жизни трудящихся не в отдаленном будущем, а в реальной текущей жизни. В этой связи понятно, что положение Э. Бернштейна о примате реального практического движения перед конечной целью здесь сохраняет свою актуальность. (Наряду с этим, следует отметить, что Бернштейн никогда не отрицал саму идею социализма как конечной цели рабочего движения, как думают некоторые правые социал-демократы). Это направление связывает осуществление своих ценностей и идеалов с «социальным государством», которое, абстрагируясь в своей деятельности от классовый природы общества, призвано «работать» в интересах всех слоев и классов общества. Опыт истории показал, что западные социал-демократы способны не только провозглашать идею реформирования буржуазного общества, но и обладают способностью реализовывать ее на практике. Это относится, прежде всего, к их успехам в области социальной политики, в отстаивании прав и свобод личности, реализации демократических институтов власти.

Похожие, но иные характеристики носит демократический социализм в бывших и существующих ныне странах «реального социализма». Так в Советском союзе интересен и во многом поучителен был опыт борьбы левой и правой оппозиции за демократические преобразования в партии и стране в послереволюционные годы. В

Б.Ф. Славин

О «новом» и «старом» социализме

условиях хрущевской «оттепели» мы имели такое позитивное явление, как борьба демократических сил в КПСС против «культы личности» Сталина и его трагических последствий. В условиях Перестройки был накоплен плодотворный опыт развития гласности и демократизации политической системы советского общества. В условиях современного Китая заслуживает пристального внимания и изучения проблема соединения частного интереса и общественного блага в экономической сфере, опыт реальной борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти, умение учитывать и решать сложные международные проблемы. В области социальной политики и самоуправления имеет свои демократические достижения социалистическая Куба. Нет сомнения, что современная теория социализма должна изучать и обобщать данный опыт. Теория современного социализма не может строиться только на опыте одной страны, как это было раньше. Она должна учитывать многообразие всех стран, строящих реальный социализм.

Следует также исследовать опыт взаимодействия двух вышеназванных моделей в практике взаимодействия коммунистических партий и западных социал-демократов по актуальным проблемам в период международной разрядки напряженности и в годы Перестройки. Проведение совместных акций в борьбе за мир и разоружение, решение экологических вопросов, обмен партийными и научными делегациями с целью развития социалистической теории и другим вопросам. Этот небольшой, но ценный опыт, накопленный в истории, показывает, что в перспективе вполне возможно сближение двух моделей демократического социализма.

Теперь, после реставрации капиталистических отношений в СССР, мы знаем, что процесс перехода от капитализма к социализму достаточно длителен и противоречив, его следует измерять не только десятилетиями. В этой связи хорошо прослеживается как недостаток, так и гениальность марксовской мысли. Маркс, как философ и ученый увидел объективную логику самоотрицания капитала, но как политик, как революционер он ошибся в возможных сроках этого самоотрицания. Ошибались здесь и Владимир Ленин, и Лев Троцкий, считавшие, что Россия в 20-х годах вполне созрела для «социализма». Напомню, что логика «Капитала» Маркса сводилась к тому, что капитал наиболее наглядно себя отрицает в автоматическом производстве, в «автоматической системе машин», где уже нет физического труда, где рабочие превращаются в контролеров и надсмотрщиков текущего процесса производства. И хотя этот прогноз относится к

высшей стадии развития неантагонистического общества, тем не менее, нетрудно понять, что такое заявление явно противоречило тому уровню индустриального производства, которое было в Англии в конце XIX века, или в 20-е годы XX века в России. И там и здесь физический труд явно преобладал над интеллектуальным, рука - над мозгом.

Даже сегодня такие технически развитые страны, как Япония и США не достигли той высоты автоматизации, о которой говорил Маркс в «Капитале». Автоматизированное производство мы пока встречаем как сугубо точечное явление в самых развитых капиталистических странах, и хотя логика истории движется по-прежнему ко всеобщей автоматизации мирового производства, история, подчиняясь этой логике, оказалась растянутой во времени и разбросанной в пространстве реальных стран.

Вместе с тем, известно, что прорыв к социализму в истории начался не в развитой, а в относительно отсталой стране, какой была Россия в начале XX века. В этой связи, Ленин первый столкнулся с проблемой, как строить социализм в отсталой отдельно взятой стране. В свое время Маркс и Энгельс предвидели, что рабочая партия может оказаться у власти раньше, чем сложатся необходимые для этого исторические предпосылки. В этом случае она будет вынуждена проводить буржуазные реформы, доделывая то, что должна была сделать буржуазия. Они проявляли озабоченность: хватит ли тогда ума у такой партии не натворить ошибок и, вообще, удержаться у власти? Не скинут ли их консервативные силы? Примерно то же самое говорил Ленин, анализируя уроки Кронштадтского мятежа и крестьянского восстания в Тамбове. Эти восстания спускали большевиков на реальную землю с высот абстрактной теории и забегающей явно вперед политики «военного коммунизма».

Теперь я хотел бы ответить на один фундаментальный вопрос, который связан с предыдущими рассуждениями. Этот вопрос о возможности или невозможности строительства социализма в отдельно взятой стране. Теоретически совершенно ясно, что социализм, благодаря тому, что существует мировой рынок, не может быть местным и сугубо безрыночным явлением. Как местное явление он вынужден подчиняться законам мирового рынка. В этом случае возникает вопрос: а возможно ли успешное строительство социализма в условиях мирового рынка, в окружении мирового капитализма?

Перед Лениным этот вопрос встал чисто практически, когда он приступил к строительству социализма в России. Ленин ответил на

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

него смело и логично: если возможна революция в одной стране, то следовательно, возможно и строительство социализма в этой стране. Другой вопрос, как следует строить этот социализм, чтобы не оказаться в проигрыше?

Одной из попыток его решения было стремление скорейшим образом изменить мировую среду, т. е. навязать революцию другим странам без учета того, готовы ли эти страны к ней. Например, начать вооруженное наступление на Варшаву с целью вызвать революцию в Польше. Как известно, это наступление Красной Армии провалилось. Были и другие планы. Так Карл Радек пытался навязывать идею экспорта мировой революции применительно к развитым капиталистическим странам в условиях, когда ее потенциал был уже давно исчерпан.

К счастью, вопреки этим радикальным планам большевики достаточно быстро поняли, что идея экспорта революции в другие страны есть малопродуктивная и по сути своей порочная идея, ибо чревата падением самой советской власти. Сознавая это, Ленин выдвигает свой знаменитый план - успеть цивилизоваться до начала новой мировой войны. В рамках этого плана он предполагал не только ликвидацию неграмотности, он ставил вопрос о широком использовании в хозяйстве передовой науки и техники, считал необходимым «черпать обеими руками» лучшие образцы организации и управления производством в развитых капиталистических странах.

Данный план никак не вписывался в традиционную марксистскую теорию, говорящую о невозможности построения социализма в одной стране. Как известно, видя отсталость России, меньшевики предлагали фактически отдать власть буржуазии, которая, по их мнению, должна была постепенно в рамках капитализма ее цивилизовать. Ленин считал, что этого делать не следует. Нужно попробовать цивилизоваться самим в рамках социалистической перспективы, соединив научно-технические прогрессы капитализма с Советской властью. Это был гениальный проект создания социализма в одной стране, подчеркну, создания, а не его окончательной победы. Последнее, конечно, возможно только после мировой революции, создающей предпосылки для ликвидации мирового рынка. Сталин это не понял, провозгласив в свое время полную и окончательную победу социализма в Советском Союзе. Какова была эта «окончательная» победа, сегодня мы знаем лучше других.

Конечно, было бы смешно ничего не делать по созданию социализма в отдельной взятой стране, коль скоро в ней произошла рево-

люция и власть находится в руках рабочих. Повторюсь, все дело заключалось в том, как строить социализм в такой стране. Пытаясь ответить на этот вопрос, Троцкий писал Ленину 21 января 1922 года: «...Означает ли перемена политики возвращение нас от социализма к капитализму или использование капиталистических форм и методов для социалистического строительства. Я разъяснил молодежи вопрос, разумеется, во втором смысле». Здесь мысль Троцкого совпадает с мыслью Ленина: социализм можно строить даже в отсталой стране, но используя для этого оправдавшие себя капиталистические методы и формы, включая для этого резервы госкапитализма, рынка, концессий и т. п. Конечно, эти идеи в старую теорию также не вмещались, но на то и нужна практика, чтобы изменять старую теорию. Сегодня уже достаточно ясно, что проблема социализма и рынка - это проблема длительного переходного периода от капитализма к коммунизму, проблема «первоначального социализма», который в исторических масштабах занимает гораздо больше времени, чем думали большевики в 20-е и 30-е годы.

Сегодня ясно, что строительство социализма будет только тогда успешным, когда будут реализованы следующие условия: эффективная защита революции, наивысшие темпы экономического развития, создание более высокого уровня жизни людей, чем в развитых странах капитала, реализация широкой демократии. Без этих условий, как показал опыт истории, происходит крушение стратегии социалистического строительства. Вопрос «кто кого?» решается в пользу капитализма.

Не следует забывать, что при «раннем» или «первоначальном социализме», как переходном обществе, нельзя сразу избавляться от всех элементов буржуазного прошлого, среди которых частная собственность, рынок, стоимостные показатели и т. д. Политика «военного коммунизма» показала, что преждевременный отказ от них чреват возможной гибелью рабочего государства. По старой марксистской теории эти элементы были не соединимы с социализмом. Но НЭП в России и практика экономических реформ в Китае показали, что такое соединение не только возможно, но и необходимо на определенном этапе исторического развития.

Итак, строить социализм в отдельно взятый стране можно, но как ему выжить в условиях мощного капиталистического окружения? На этот вопрос пока окончательного ответа нет. Его в свое время нащупывал Ленин в своей новой экономической политике в России, на него ответил Дэн Сяопин своими экономическими реформа-

ми в Китае. Однако пока нет твердых гарантий, что Китай не последует за Россией. Эти гарантии будут только тогда, когда Китай превазойдет развитые страны по уровню жизни и развитию демократии. Социализм может выжить и победить в одной стране только тогда, когда сумеет создать в ней наивысшую производительность труда, более высокий уровень жизни людей и более развитую и действенную демократию, чем в передовых капиталистических странах. Другого пути нет.

Если бы Михаил Горбачев в свое время сумел решить проблему ускорения научно-технического прогресса и добиться создания такой плюралистической системы, в которой социалисты сменяли бы коммунистов, то вышеназванная гипотеза могла бы реализоваться уже в Советском Союзе. Однако этого не произошло. Советского Союза нет, но существует Китай. Учет ли он негативные уроки истории СССР, покажет будущее.

Конечно, проблема рынка и социализма для нас сейчас не столь актуальна, ибо сегодня левым силам России еще предстоит взять власть, овладеть командными высотами в стране. Практика показывает, что власть легко отдается, но трудно возвращается. Следует помнить, что класс «новых русских» сегодня владеет не только государством, но и своими «штурмовыми отрядами», которые, я уверен, будут брошены в бой, если их хозяева почувствуют угрозу собственной власти. В этой связи не исключено, что будущая социалистическая революция начнется не в России, а на Западе, где есть более развитый рабочий класс и более сознательные левые партии.

Это не означает, конечно, что в России имеются какие-то «лимиты» на революцию, как утверждают современные «поссибилисты». Я уверен, что, рано или поздно, Россия сможет подойти к решению этого вопроса и, уже в новых условиях, осуществить идеал демократического социализма – общества, в котором трудящиеся будут обладать не только высоким уровнем жизни, но и экономической, и политической свободой.

Наш современный капитализм, как известно, далек от цивилизованных форм: он нахрапист и воинственен, циничен и груб. Он никогда не будет считаться с тем, кого и как эксплуатировать. Формы эксплуатации будут самые варварские. Это хорошо видно сегодня на примере эксплуатации интеллектуалов. Помнится, как отечественные «демократы» утверждали: мы будем по-настоящему ценить интеллектуальный труд, который якобы не умели ценить коммунисты в СССР. Сегодня мы видим, как ценится этот труд, когда профессора

трудно отличить от бомжа, а инженера от уборщицы. Казалось бы, все это говорит в пользу того, что у нашего народа должно скоро лопнуть терпение, но этого пока не происходит. Видимо, до сих пор у народных масс сохраняется вера в государство как выразителя его интересов, хотя это уже давно не так.

Двадцать лет так называемых радикальных реформ показали колоссальную индифферентность многих слоев общества, включая рабочий класс, интеллигенцию и крестьянство. Рабочий класс, как правило, не идет дальше экономической борьбы. Такое ощущение, что он вновь превратился в «класс в себе». Может быть, это объясняется тем, что долгие годы при Советской власти он был пассивным объектом патерналистской политики государства? То же самое можно сказать и о других слоях общества, демонстрирующих невиданное в мире терпение. Сегодня в России все ждут чуда, но, как известно, чудес в природе не бывает.

Хочу остановиться еще на одной проблеме, тоже считая ее своеобразным «белым пятном» в теории социализма. Сегодня принято говорить, что капитализм или капиталистическая тенденция – это наглядный пример успешного решения проблемы эффективности. А социализм, или социалистическая тенденция, – это успешное решение проблемы справедливости. Социализм здесь связывается только с распределением, а капитализм только с производством. Правомерно ли вообще ставить так вопрос? Мне кажется, что заслуга Маркса заключалась именно в том, что он в отличие, например, от Прудона попытался дать как раз производственно-экономическую интерпретацию социализма, показать его необходимость как посткапиталистического общества, где производство и распределение находятся в неразрывном единстве.

Как уже говорилось, капитализм и социализм имеют много общего, вместе с тем, нельзя не замечать их существенных различий. Пока существуют качественные различия между трудом и капиталом, будут существовать и качественные различия между понятиями «капитализм» и «социализм». Общецивилизационные моменты, связывающие капитализм с социализмом, не отменяют их качественного различия. В то же время это различие не должно быть препятствием на пути сближения и сотрудничества капиталистических и социалистических стран.

Реальный социализм не только может, но просто обязан заимствовать у реального капитализма новейшие технологии и «ноу-хау», если аналогичных у него нет. Замыкание в себе может привести

Б.Ф. Славин

О «новом» и «старом» социализме

только к самоизоляции, что, в конечном счете, наносит большой ущерб интересам трудящихся. В то же время, это, конечно, не означает, что социализму не надо развивать собственную современную промышленность. Опора на собственные силы – залог независимости социалистической страны от возможных и реальных экспансионистских тенденций капиталистического Запада.

Есть точка зрения, что будущее общество не будет ни социализмом, ни капитализмом, а нечто третьим, которое выше классовых различий и дихотомии: «социализм» - «капитализм». Но так ли это? Реформистски настроенные идеологи считают, что это так. При этом они опираются на факт якобы «исчезновения» рабочего класса в условиях НТР. Но насколько этот факт достоверен? Например, Эрнест Мандель в свое время опровергал его с цифрами в руках. По его мнению, рабочий класс в конце XX века не исчезает, а растет, составляя в настоящее время до двух третей дееспособного населения в странах развитого капитализма. Остается в этом обществе и классовая борьба, которая со временем усиливается, а не исчезает. Во всяком случае, здесь нужны всесторонние и объективные исследования этого важнейшего для научного социализма вопроса.

Еще одна чрезвычайно интересная проблема: к какому обществу идет современное человечество? Многие исследователи сходятся на том, что это будет посткапиталистическое или постиндустриальное общество, дающее ответ на глобальные вызовы современной информационной эпохи и вбирающее в себя все лучшее, что накопило человечество за свою историю. В этой связи, все чаще в научный оборот входит понятие так называемого «народного капитализма», в котором развиты акционерные предприятия с собственностью работников, преодолевается отчуждение от результатов труда и средств производства, реализуется в полном объеме экономическая и политическая демократия. В таком обществе существует смешанная экономика, функционируют всеобщие системы социального страхования, развиты политические свободы и права человека.

В принципе, такое общество не только возможно, но и вполне реально, особенно учитывая такие его ростки, как американская программа ЭСОП, которая охватывает свыше 10 миллионов работников, многотысячный испанский кооператив «Мондрагон» и др. подобные примеры, существующие в разных странах мира. Однако, я думаю, о реальности такого общества говорить пока рано. Дело в том, что тенденция превращения предприятий из частных в коллективные является лишь тенденцией. Она не охватывает все общество,

и составляющие ее предприятия нередко терпят крушение, подчиняясь суровым законам конкурентной борьбы на мировом рынке. Открытым остается вопрос и о методе перехода к такому самоуправляющемуся обществу. У нас совершенно не проработана идея «третьего пути», который противоположен как бюрократическому социализму, так и современному капитализму. Правда, некоторые идеологи правого и левого толка говорят, что «третьего пути» теоретически быть не должно, потому что ранее его никогда не было. Но, я думаю, что это не та логика, которая нужна людям. Ведь многое из того, чего не было – стало.

Новый социализм для новой социал-демократии

Современный «левый поворот» в России, как и во всем мире, прямо связан с банкротством идей неолиберального фундаментализма с его игнорированием роли социального фактора в условиях становления постиндустриальной цивилизации. Необходимость такого поворота особенно сильно ощущается сегодня в России, перенесшей в 90-е годы печальные плоды гайдаровской «шоковой терапии» и грабительской приватизации, породивших в стране десятки миллионов нищих и маргиналов, невиданную в мирное время детскую беспризорность, незатихающую преступность и коррупцию во властных структурах. Одним словом: возникший в ходе радикальных реформ варварский олигархический капитализм оказался большим злом, чем его исторический предшественник – казарменный социализм.

Понятно, что в этих условиях возникло естественное стремление найти некий «третий путь», противоположный исторически исчерпавшему себя государственно-бюрократическому социализму советских времен и современному олигархическому капитализму. В этой связи уже в 90-е гг. многие ученые и политики в России стало обращаться к идеям демократического социализма и осмыслению практическому опыту западной социал-демократии.

В итоге возник естественный вопрос: как применить или преломить западные идеи социал-демократии на российской почве? Со временем стало ясно, что ответ на этот вопрос не может сводиться к простому копированию идеологии и практики западной социал-демократии. Когда на выборах в Думу в 1995 году наши отечественные социал-демократы попытались это сделать, выдвинув лозунг: «Хочешь жить, как в Европе, голосуй за социал-демократов», то полу-

Б.Ф. Славин
О «новом» и «старом» социализме

чился конфуз: за социал-демократов проголосовало меньше людей, чем необходимо для регистрации соответствующего избирательного объединения. В условиях повальной бедности населения, людей раздражал этот лозунг. Они не хотели верить, что маленькая, мало кому известная политическая организация социал-демократов, может в одночасье сделать их жизнь такой, как в Европе. Отсюда простой вывод: отечественная социал-демократия, изучая опыт международного социал-демократического движения, должна всячески учитывать специфику России, ее исторические особенности, традиции и менталитет народа.

Особенно нельзя игнорировать живую диалектику истории советского общества, которая, на мой взгляд, развивалась в постоянной борьбе двух начал: демократического и бюрократического. Известно, что Сталин в свое время уничтожил миллионы людей, включая всю ленинскую когорту революционеров. Но этот же факт означает и другое: многие из этих людей отказывались принимать его тоталитарный режим, мало того, несли в себе антитоталитарные демократические начала или находились к данному режиму в определенной оппозиции. Все это нам еще предстоит внимательно изучить и понять: ведь на гулаговских нарах сидели меньшевики и большевики, плехановцы и троцкисты. Сталинизм нельзя отождествлять со всей советской историей. В ней были и мрачные периоды господства тоталитаризма, и светлые годы демократизма 20-х годов, хрущевской «оттепели», и горбачевской «перестройки», когда реформаторские силы в КПСС пытались придать социализму человеческое лицо.

Пока объективная политическая история СССР и России еще не написана. Дело в том, что историков сталинской школы быстро сменили в начале 90-х годов не менее ангажированные историки неолберальной волны. Нам же надо четко осознать, что отделяет и что связывает современную социал-демократию с прошлым. Нужно навести мост между прошлым, настоящим и будущим не только в идеологии, но и в политике.

Народ в свое время отвернулся от социализма с бюрократическим, казарменным лицом, но хотел ли он получить вместо него современный полумафиозный капитализм с не менее бюрократическим лицом? Думаю, нет. Но если «демократия без социализма» и «социализм без демократии» не принимаются российским народом, то отсюда следует логический и исторический вывод - в России должен прижиться «новый», демократический социализм, как конструктивная альтернатива нашему прошлому и настоящему.

Остановлюсь лишь на некоторых чертах возможной модели «нового социализма». Они вытекают, с одной стороны, из тех причин, которые привели к крушению прежнего государственно-бюрократического социализма, а, с другой стороны, являются ответом на вызовы времени.

Какие же причины обусловили крушение прежнего «реального социализма»? На мой взгляд, их несколько. Первая причина состоит в том, что он не смог одержать технологической и экономической победы над капитализмом, т. е. не дал более высокую производительность труда, которую социал-демократы всегда считали важнейшим критерием прогрессивности и жизненности социалистического общества. Вторая причина связана с первой: социализм не дал более высокого жизненного уровня трудящимся по сравнению с развитыми капиталистическими странами. Третья и, пожалуй, самая главная причина состоит в том, что социализм, который был у нас, так и не стал демократическим социализмом. Наконец, КПСС с ее теорией «полной и окончательной победы социализма» в одной стране осталась глубоко догматической партией, препятствующей развитию и появлению новых творческих идей.

Одной из таких идей была идея необходимости рыночных отношений при социализме. Этой идеи не было и не должно было быть у основоположников марксизма, считавших социализм следствием мировой революции, происходящей сразу во многих развитых странах мира. Сегодня со всех сторон критикуют Ленина, а ведь он один из первых призвал коммунистов осваивать рыночные отношения и «учиться торговать» вместо того, чтобы заниматься иллюзорными проектами создания сортиров из золота или выращивать чисто пролетарскую культуру. В связи с НЭПом он вообще предлагал в своих последних работах пересмотреть прежние взгляды на социализм, развивая социал-демократические идеи кооперативного социализма, базисной производственной демократии, допущения в обществе политического и идейного плюрализма. В частности, в одной из своих работ он высказывал предположение о легализации меньшевиков и других левых партий. Считаю абсолютным заблуждением, если не сознательной провокацией, отождествлять политические взгляды Ленина и Сталина. Это были антиподы в политике и жизни. В конце концов, один из них был жертвой, а другой палачом.

Суть ленинского пересмотра прежних взглядов на социализм состояла в том, что страна, взявшаяся строить социализм в капиталистическом окружении, - с одной стороны, не может игнорировать

законы мирового рыночного хозяйства, с другой, должна создать посткапиталистическое общество, впитывающее в себя все лучшее, что создано буржуазной цивилизацией. Социализм, по его мнению, есть синтез Советской власти и высших достижений капитализма в области технологии, организации производства и образования. Это, по сути дела, первая формулировка идеи конвергенции социализма и капитализма, о чем сегодня предпочитают умалчивать и либералы, и коммунисты. Отталкиваясь от этих идей и понимания главных причин крушения «старого» социализма, учитывая вызовы современности, можно кратко охарактеризовать общие контуры новой модели социализма, которые могли бы использоваться при составлении социал-демократической программы.

Во-первых, новую модель социализма следует рассматривать как посткапиталистическое общество, наследующее лучшие стороны современной капиталистической цивилизации с ее новейшими технологиями, социальными программами, демократическими правами и свободами.

Во-вторых, эта модель должна иметь адекватную себе технологическую базу. Безусловно, этой базой не может быть индустриализм, считавшийся в марксистской теории характерной чертой социализма. Исторический опыт показал, что индустриальные технологии, повышая совокупную производительность общественного труда, не гарантируют человеку ликвидацию технологического отчуждения (и даже увеличивают его). Именно индустриализм рождает массу экологических проблем и профессиональных заболеваний. Ясно, что адекватной технологической базой нового видения социализма могут стать только безотходные и гибкие технологии, робототехника и новейшие электронные системы. Одним словом, речь идет о постиндустриальных и информационных технологиях.

В-третьих, что касается экономической основы новой модели социализма, то здесь речь должна идти о таких формах собственности, которые, с одной стороны, дают высокую эффективность производства, с другой, более высокие стимулы труда, чем в классическом буржуазном обществе. Это возможно лишь при органическом сочетании личного и общественного интереса, когда труженик не отчужден от средств производства и управления предприятием. Новое видение социализма не отрицает многообразия форм собственности, но при этом должны поощряться прежде всего те формы собственности, которые раскрепощают человека, превращая его из бесправного наемника в хозяина своего труда и его результатов.

Социалисты всегда считали, что собственность лишь форма развития производительных сил. И если эта форма стимулирует развитие производства, она исторически оправдана. Если ликвидируется частная собственность, которая продолжает стимулировать развитие производительных сил, то общество закономерно идет к стагнации. Но то же самое происходит и с непродуманной приватизацией государственности. Сейчас Россия по показателям удельного веса частной собственности впереди планеты всей. Не отсюда ли перебои с электричеством, с нехваткой горючего в сельском хозяйстве и угля в северных районах, массовые отравления алкоголем и т. д.?

В-четвертых, новая модель социализма не может не быть «социализмом экологическим», то есть активно стимулирующим на национальной и мировой арене создание благоприятной среды обитания человека и всего человечества. Социалисты и социал-демократы всегда отличались тем, что отстаивали интересы не только «ближних», но и «дальних», поэтому для них предотвращение возможной ядерной войны, проблема ликвидации вредных отходов производства, негативное стихийное изменение атмосферы и климата земли - первоочередные вопросы.

В-пятых, новая модель социализма - это гуманный социализм. В отличие от старого бюрократического социализма он должен не только возродить доступную для абсолютного большинства мощную социальную сферу, но и придать ей новое качество, ориентированное на конкретного человека. И здесь не грех поучиться постановке социального дела у некоторых капиталистических стран, например у Германии, Франции, Швеции, Норвегии.

В-шестых, в новой модели социализма заложена широкая демократизация общества, начиная с элементов производственного и территориального самоуправления и кончая участием людей в решении общезначимых государственных проблем. Капитализм автоматически не дает демократии, за нее приходится постоянно бороться. Здесь большой опыт имеется у западной социал-демократии, которая научилась использовать механизмы и институты буржуазного государства в интересах трудящихся и всего общества. «Новый социализм» исходит из того, что в социально дифференцированном обществе политический и идейный плюрализм, парламентская борьба, осуществление нрав и свобод личности - естественные параметры современного цивилизованного общества.

Сторонники нового видения социализма отбрасывают субъективистское и вульгарное понимание партийности, как автоматиче-

ское следствие принадлежности к рабочему классу. Для них партийность есть результат строго научного анализа действительности и связанного с ним понимания интересов трудящихся. Теория нового современного социализма предполагает в духовной жизни партии и общества живую конкуренцию научных идей и полный отказ от догматизма и схоластики. Главными своими ценностями новые социалисты считают свободу, справедливость, равенство, гуманизм и солидарность. Здесь свобода понимается как власть человека над обстоятельствами и отношениями, как свобода от эксплуатации и угнетения одних людей другими: справедливость - как справедливое распределение общественного богатства и власти; равенство - как равенство прав и возможностей; гуманизм - как основа человеческих взаимоотношений, как главный ориентир и критерий политики государства; солидарность - как взаимоподдержка и взаимопомощь людей труда, всех угнетенных наций и народов.

Наконец, в-седьмых, новая модель социализма - это общество, открытое внешнему миру, входящее в живой обмен товарами, людьми и идеями со всеми другими обществами и государствами. Странники новой модели социализма, оценивая объективные процессы глобализации и интернационализации мирового хозяйства, считают, что они могут использоваться как во благо людей, так и во вред им. Они выступают за такой мировой порядок, который базируется на демократических началах, учитывающих интересы всех стран и народов, где сбалансированы не только разные полюса геополитических сил, не только интересы транснациональных монополий, но, прежде всего, интернациональные интересы людей труда. Социализм был и остается интернациональным процессом, результатом деятельности людей различных рас и национальностей.

Как придти к обществу «нового» или «демократического» социализма? Как известно, есть всего два самых общих метода изменения мира. Это метод мелких и постепенных изменений существующего общества, то есть эволюционный метод и метод революционный. Вместе с тем, не следует забывать, что любая эволюция содержит в себе элементы революции, а любая революция имеет в себе элементы эволюции. Эти два метода часто путают с такими формами социальных изменений как вооруженная и мирная. Как известно, на Западе больше прижились эволюционные процессы и мирные формы социальных изменений. В России, напротив, всегда социальные изменения протекали в форме революций и контрреволюций, при этом осуществлявшихся в крайне насильственных формах: вооруженное

восстание, гражданская война, военные мятежи и т. п. Многие отечественные политики из этого сделали вывод, что русский народ устал от революций и войн. Даже Зюганов говорит о некоем исчерпании у России лимитов на революции. Мне кажется, что подобные рассуждения не имеют под собой никакой научной почвы. Что такое революция? Это смена классов у власти. Она может проходить мирно и постепенно, а может насильственно и быстро. Это зависит от общего социального состояния общества, соотношения политических сил и культуры масс.

Если общество социально поляризовано, если в нем существует абсолютное обнищание большинства народа, если в нем существует политический и правовой беспредел, коррупция государственных служащих, и если верхи с этими проблемами не могут справиться - жди революции и даже гражданской войны. Следует также учитывать, что революции не происходят по заказу вождей и партий, а являются стихийным явлением, возникающим по любому поводу: не дали вовремя зарплату, не подвезли хлеба, забыли дать свет и тепло, то есть все то, что у нас происходит каждый день, но пока только на местном уровне.

Есть единственный способ избежать революций - это своевременное решение возникающих социальных, национальных и политических проблем. Этим и должны повсеместно заниматься государственные структуры и политические партии, призванные народом решать назревшие проблемы мирным законным способом. Такой опыт имеется у западной социал-демократии, перенять его не зазорно и даже нужно. Но эффективное его использование возможно только тогда, когда отечественная социал-демократия станет влиятельной политической силой. В последнее время с созданием партии «Справедливая Россия» и появлением общественного социал-демократического движения есть все основания об этом говорить.

Отечественная социал-демократия может стать настоящей и ответственной политической партией, так как у нее есть идеи, подтвержденные широким международным опытом. К этим идеям тянется много людей в России, если судить по тем голосам избирателей, которые голосовали за партии левого центра. По нашим подсчетам - это, по меньшей мере, 20-25% избирателей. В этой связи, я думаю, что социал-демократы должны начать настойчивую работу по политическому объединению всех левоцентристских сил на научной социал-демократической платформе.

Б. Ф. Славин

О «новом» и «старом» социализме

У отечественной социал-демократии есть своя значительная социальная база. Она, прежде всего, связана с людьми наемного труда. Это подавляющая часть населения страны. Она сегодня наиболее подвержена дискриминации. Отсюда многие протестные голоса, отданные за представителей КПРФ. Вместе с тем большинство наемных труженников, особенно среди научно-технической интеллигенции, не ассоциируют свои политические взгляды со взглядами нынешних коммунистов, которые до сих пор никак не могут выйти из сталинской шинели. Они тяготеют к социал-демократии. Так называемый «средний класс», особенно учителя, врачи, квалифицированные работники, которые сегодня находятся в трудном материальном положении могут поддержать социал-демократическую партию, если увидят ее реальные политические возможности.

Современная социал-демократия может стать влиятельной политической силой, если сумеет овладеть современными средствами массовой информации, если добьется доступа к телевидению, если сумеет создать центральную газету, продвигающую социал-демократические идеи в широкие народные массы. Современные молодые люди никогда не поверят партийному пропагандисту, догматически излагающему идеи партии. Только читая и участвуя в политических дискуссиях, они смогут сформировать свое собственное мировоззрение. Только в котле коллективной идейной работы, где постоянно будет «вариться» творческая социал-демократическая мысль, может появиться и новая программа партии, которую смогут поддержать миллионы российских избирателей.

А.В. Гусев

Идея свободы в либерализме и социализме

В «большой триаде» идеологий, возникших в XIX веке и существующих по сей день, ценность свободы изначально выдвинул на первый план либерализм (само это название происходит от слова *liberalis* – свободный). Свобода трактовалась в либеральной мысли как отсутствие внешнего вмешательства в дела личности, снятие юридических и институциональных ограничений человеческой деятельности и выбора. Впоследствии известный теоретик либерализма Исайя Берлин назвал это «негативной свободой» - *свободой от*¹. Для социалистической идеологии тоже важна была идея свободы, но социалисты акцентировали внимание на отсутствии материальных ограничений человеческой деятельности, свободе как обеспечении человеку реальных возможностей добиваться своих целей, освобождении от нужды и необходимости отчуждать свой труд, предоставлении человеку свободного доступа к материальным ресурсам («позитивная свобода»). Как писал Карл Маркс, «царство свободы начинается по ту сторону материального производства там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью»². Иными словами, подлинная свобода связана с превращением труда в творческую практику, по выражению Герберта Маркузе, «игру человеческих сил»³, то есть то, чем человек занимается для собственного удовольствия.

Как же соотносятся между собой либеральное и социалистическое понимание свободы, ее «негативная» и «позитивная» концепции? В социальной мысли изначально существовало два разных ответа на этот вопрос.

Первый - ответ демократического социализма: позитивная свобода есть логическое следствие развития негативной свободы, ее расширение и дополнение. Позитивная свобода просто прибавляет к устранению юридических и институциональных ограничений чело-

¹ Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19-43.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 25. Ч. 2. С. 386-387.

³ Предисловие Герберта Маркузе // Дунаевская Р. Марксизм и свобода. С 1776 г. до наших дней. М., 2011. С. 22

веческой самодеятельности ликвидацию ее материальных ограничений. То есть позитивная свобода мыслима лишь на базе негативной.

И действительно, исторически демократический социализм является не чем иным, как продуктом эволюции левого либерализма под воздействием рабочего движения. Наглядная иллюстрация – это Карл Маркс. Он начинал как радикальный либерал, борец за политическую (то есть «негативную») свободу, первые его публицистические статьи посвящены страстной защите свободы печати. Именно в них он сформулировал ключевой принцип *неделимости свободы*: «Одна форма свободы обуславливает другую, как один член тела обуславливает другой. Всякий раз, когда под вопрос ставится та или другая свобода, тем самым ставится под вопрос и свобода вообще. Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще»⁴. Эти слова очень хорошо подходят и для описания неразрывной связи между позитивной и негативной свободой. Силой же, направившей Маркса на путь социализма, стала борьба рабочих за свои права, то есть, в конечном счете, за расширение свободы и преобразование общества. Под ее влиянием Маркс, никоим образом не отказываясь от приверженности «негативной» свободе, дополнил ее принципом свободы позитивной.

Подобный синтез двух основных видов свободы, теоретически и политически концептуализированный в марксизме, еще раньше стихийно вырабатывался рабочим движением. Так, английские чартисты добивались права участия рабочих в выборах, видя в этом не только вопрос справедливости, но и, как они сами выражались, «вопрос ножа и вилки, вопрос о хлебе и сыре», то есть с участием в политике они связывали перспективы расширения возможностей по удовлетворению своих материальных потребностей. Точно так же в России первая четкая формулировка связи политической и экономической свободы была дана именно рабочими – в программе «Северного союза русских рабочих» 1878 года. Стоит отметить, что в появившейся тогда же программе народнической «Земли и Воли» о политической свободе речь еще не шла, там сохранялось анархическое восприятие ее как некоей «буржуазной» категории, и лишь позднее у народников, а затем у марксистов и неонародников, тоже появился тезис о политическом раскрепощении как пути к экономическому освобождению.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 83.

Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что полная политическая свобода и демократия необходимы трудящимся и до начала социалистической трансформации (чтобы подготовиться к ней), и на всех этапах этой трансформации. До начала трансформации, еще в рамках капиталистического строя, она нужна, так как создает условия для развития, расширения пролетарского движения и для улучшения положения трудящихся посредством воздействия на государство. После перехода к социалистическому строительству она необходима для самоуправления народа и как гарантия от узурпации власти какими-либо «вождями». Именно «завоевание демократии» было названо в «Манифесте Коммунистической партии» «первым шагом в рабочей революции»⁵. «Демократия, - писал Энгельс, - стала пролетарским принципом, принципом масс»⁶. И рабочим партиям нужно всеми силами защищать те «негативные» политические свободы (слова, печати, собраний, союзов и т. п.), которые первоначально были знаменем буржуазии, но от которых сама буржуазия все больше отказывается. По словам Энгельса, «борясь за эти свободы, рабочая партия борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания»⁷. Эта метафора – политическая свобода как воздух для дыхания – была впоследствии использована и в первом программном документе РСДРП – ее Манифесте 1898 года.

Но в социалистической мысли с самого начала присутствовало и другое течение, которое противопоставляло позитивную свободу негативной, что подразумевало не развитие ценностей либерализма, а прямой отказ от них. В этой концепции, которая восходит своими корнями к работам первых западноевропейских социалистов (таких, как, например, Бабеф), негативные свободы - политические и гражданские - воспринимались как «формальные», «буржуазные», «фиктивные», служащие, по сути, для обмана эксплуатируемых масс и манипулирования ими со стороны правящих классов. Переход к социализму мыслился здесь не как расширение либеральных свобод, а как их фактическое упразднение и замена «настоящей», позитивной свободой.

В России на таких позициях стояли еще в 60-70 гг. XIX в. П. Заичневский и П. Ткачев, а свое законченное выражение они получили

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 446.

⁶ Там же. Т. 2. С. 589.

⁷ Там же. Т. 16. С. 77-78.

А.В. Гусев

Идея свободы в либерализме и социализме

у В. Ленина и большевиков. Придя к власти, они просто ликвидировали все политические свободы, мотивируя это тем, что они мешают подлинному, то есть социальному освобождению. Однако, как показал опыт большевизма, упразднение негативной свободы не только не привело к расцвету позитивной, но и похоронило в России сам социализм, создав условия для утверждения тоталитарно-бюрократической, эксплуататорской по своему характеру системы. Значимость этого исторического урока огромна, хотя он усвоен не всеми. И сегодня в сочинениях ряда «новых левых» идеологов (С. Жижек, А. Бадью, Дж. Пилдджер и др.) можно встретить противопоставление позитивной и негативной свободы, отношение к последней, в том числе к ценностям политического плюрализма, свободе слова, печати, выборов, как к «буржуазно-либеральной фикции». Сосуществование двух разных течений в социалистической мысли, таким образом, продолжается.

В XX веке либерализм сделал ряд важных шагов навстречу социализму, признав важность не только политических, но и социальных прав человека - то есть элементов позитивной свободы. Одними из первых по этому пути пошли еще в начале столетия русские «освобожденцы» с их концепцией «права на достойное человеческое существование» и выводом, что «права личности важнее прав собственности». В 60-е гг. это нашло отражение в ряде конвенций ООН, которые вместе со Всеобщей Декларацией прав человека составили «Международный билль о правах». Однако либеральная трактовка свободы все-таки сохранила ограниченный характер, не дойдя в своем развитии до признания ключевого принципа равных возможностей в доступе к материальным ресурсам, без которого действительная реализация позитивной свободы невозможна.

Что же касается социалистической идеологии, то вопрос о соотношении негативной и позитивной свободы по-прежнему сохраняет для нее актуальность. Можно предположить, что будущее социализма будет зависеть отчасти именно от того, сумеет ли он прочно интегрировать в себя две идеи: во-первых, позитивной свободы нет и не может быть достигнуто без негативной; и, во-вторых, до тех пор, пока не достигнута гипотетическая стадия безгосударственного коммунизма с ее материальным изобилием, пока продолжает существовать политика, количество позитивной свободы в том или ином обществе останется прямо пропорциональным степени политической и гражданской свободы.

Часть 5

Ещё вариация на старую тему

А.В. Бузгалин

**Специфика российского социума:
марксистский подход и державность
как изнанка либерализма**

Поиск ответа на вопрос «Что есть Россия?» долог. Труден. Мучителен. Драматичен. Подчас трагичен. Иным кажется бессмысленным...

Все последние годы его почти исключительно ведут в рамках одного поля – поля духовно-религиозно-природного бытия. Единственная собственно социальная материя, которая к этому подключается – проблематика государства (но не как носителя права и/или особого аппарата, а как территории-власти-скрепы народного всеединства). Так ищут нашу специфику Н. Нарочницкая и С. Кара-Мурза, Ю. Осипов и Б. Межуев, и многие, многие другие... В результате авторы, принадлежащие к этому проблемному полю в большей или в меньшей мере сходятся на том, что у России (как некоего историко-пространственного континуума, сохраняющегося так или иначе на протяжении многих столетий вопреки всем катаклизмам моей Родины) есть некоторый набор черт, который можно описать в понятиях соборности, народности, православия, державной государственности, приоритета духовных ценностей над материальными и интересом целого над интересами индивида.

И поскольку авторы, принадлежащие к этому полю, стоят на позициях так называемого «цивилизационного подхода» как главного (единственного) ключа к пониманию истории вообще и российской истории, в частности, постольку в данном тексте будет сразу же сформулировано очень жесткое утверждение: *в рамках цивилизаци-*

онного подхода нельзя найти ответ на вопрос о специфике российского социума и инвариантах его эволюции.

Обоснование этого положения в рамках относительно небольшого текста будет поневоле кратким. Главная моя задача – сформулировать тезисы-гипотезы.

Как нельзя искать специфику России

Сначала о том, как нельзя, на мой взгляд, искать специфику российского социума.

Первое. Ее нельзя искать в тех добродетельных чертах, которые записаны в любом *универсалистском*, принадлежащем всему человечеству, всем историческим эпохам послании, будь то религиозном (например, известные 10 заповедей...) или светском (Декларация прав человека...), которое люди воспринимают как критерий нравственного поведения.

Так, нельзя искать специфику России в универсалиях христианской религии. Во-первых, потому, что надо точно трактовать религиозные послы. Если мы вспомним 10 заповедей так, как они были сформулированы в Библии (автор апеллирует к русскому переводу), то, напомним, первые 5 из них посвящены тому, что на первом месте в жизни человека должен стоять Господь. Далее идет набор императивов, многие из которых сегодня выглядят, по меньшей мере, странно (только один пример: в этих заповедях, в частности, говорится, что нельзя возжелать чужого раба, но ничего не говорится о том, что иметь *своего* раба - аморально).

В общественном сознании эти религиозные заповеди превратились в повторение тех инвариантов человеческого бытия, которые вы найдете (с очень небольшими флуктуациями) в любой другой социально-философской системе. Подавляющее большинство этических доктрин, в том числе тех, что лежат вне христианства в историческом времени (в частности, предшествуя ему) или социальном пространстве (атеизма, мусульманства, буддизма...), настаивают на том, что убийство, прелюбодеяние, посягательство на собственность другого и т. п. аморальны.

Вот почему специфику православия, или, тем более, российского социума, здесь не поймать. (В скобках заметим: мы не встречали четкой формулировки такой специфики православия как религии в отличие от остальных ветвей христианства, которая бы точно указывала на основные особенности нашего сообщества. То,

что для России – хотя и не только для России и не для всей России – типично православие, не означает, что специфика этой религии есть специфика России. Для России на протяжении тысячелетий было типично язычество. Бывшая до 1917 года в подавляющем большинстве православной Российская империя в течение всего лишь нескольких десятилетий превратилась в СССР, где люди были не менее нравственны, духовны и культурны, чем в прежней империи, но о религии в подавляющем большинстве вообще не задумывались...).

Итак, специфику России нельзя искать в универсальных ценностях Человечества. Нельзя, ибо иначе мы себя – русских (в лучшем случае – россиян) выдаем за тех, кто по фундаментальнейшему, универсальному, общечеловеческому критерию лучше других. Те, кто поступает *так*, по сути утверждают, что мы – Русские – адекватнее, полнее, истиннее и т. п. отражаем-воплощаем высшие и универсальные нравственные ценности Человечества. Последнее есть чистой воды национализм.

Второе. Не надо искать специфику российского социума в тех чертах, которые исторически в разное время воспроизводились в разных социумах (сходных социальных характеристиках, проявлявших себя наиболее ярко сначала в одних, затем в других цивилизациях).

В этой связи автор (*в первый, но не в последний раз в этом тексте*) предлагает обратить внимание на социальную философию марксизма, в частности, на такой атрибут классического марксизма как исторический подход к социальным исследованиям. Если мы сравним Францию эпохи позднего феодализма, с одной стороны, с Россией XIX – начала XX в. (а это период, к которому принадлежит большая часть тех мыслителей, кого цитируют русофилы), а с другой – с современной Францией, то мы найдем гораздо больше общего между Францией (XVII в.) и Россией (XIX в.), чем между Францией (XVII в.) и Францией (XXI в.). Просто в России исторически мы с большим опозданием (примерно на 200 лет) пришли к тому, что было во Франции два века назад, а именно – к позднему феодализму абсолютистского типа, несущего значительные компоненты рождающейся буржуазной системы.

Большая часть той специфики, которую многие отечественные «цивилизационники» приписывают России – это специфика позднефеодальных абсолютистских монархий, стоящих на рубеже перехода

к буржуазной системе со всеми их чертами. Для них всех в тех или иных формах характерны:

- подчинение индивида целому и представление населения не как взаимодействующих граждан, а как единого «тела» (в российском случае – «народность»);
- приоритет государства, отождествляемого с народом-территорией-историей (в российском случае – «соборность»);
- абсолютизма как политической формы (в российском случае – «самодержавие»);
- религии как формы организации духовной жизни (в российском случае – «православие»);
- приоритет геополитических ценностей, в частности, территориальной целостности (в идеале – экспансии), прикрываемых той или иной религиозно-государственной риторикой (любая военная экспансия, в частности, оправдывается как воплощение религиозных заветов – борьбы с нехристями или с неверными...) и т. п.

Соответственно, то, что противопоставляется этой якобы специфике российского социума – это опять же универсальные черты стандартного буржуазного, рыночно-демократического социума, т. е. того социума, который в той же Франции пришел через два века после «державно-религиозного», а в России начал бурную экспансию лишь 20 лет назад. В свою очередь для любого буржуазного социума характерны:

- акцент на правах индивида и гражданском обществе;
- понимание государства как аппарата по обеспечению стабильных прав собственности и охраны контрактов;
- демократическая политическая система;
- приоритет рыночно-коммерческих целей над собственно геополитическими (войны по преимущественно экономическим причинам, детерминация геополитических конфигураций законами воспроизводства капитала, например, образование НАТО, позднее – ЕС) и т. п.

Позволим себе в этой связи важное отступление, очень кратко характеризующее радикальные изменения доминант российского менталитета на протяжении всего лишь двадцати последних лет – периода, когда старый марксистский тезис «общественное бытие определяет общественное сознание» проявил себя в очень брутальном, жестком виде. Мы беремся утверждать, что на нашей памяти, т. е. на протяжении 1975-2011 гг., подавляющее большинство представите-

лей т.н. творческой интеллигенции моей Родины принципиально изменяли свои ценности и установки как минимум 3 раза.

До 1981-1983 гг. они были, в большинстве своем, последовательными и искренними марксистами-ленинцами. В 1987-1989 гг. интеллигенты стали последовательными сторонниками европейской социал-демократии. В 1992-1995 гг. они были в подавляющем большинстве активными сторонниками североамериканской модели либерализма. Начиная с 1999 г., чем дальше, тем больше представители творческой интеллигенции становятся сторонниками государственной модели (об исключениях – диссидентах – мы в данном случае речь не ведем: они были всегда, есть и сейчас)

Если мы посмотрим на более широкий круг граждан, скажем, на инженерно-техническую интеллигенцию, учителей, врачей и т. п., то до 1982 г они в большинстве своем интересовались новыми романами в «Иностранной литературе» и/или тем, где «выкинули» туалетную бумагу. С 1985 до 1990 г. они интересовались тем, что опубликовалось про Сталина и Ленина в «Новом мире» и тем, какая мерзопакостная в СССР бюрократия. С 1992 г. они в основном интересовались тем, где достать деньги и как выжить... Дальше я поставил многоточие, чтобы не входить в политику (Помните анекдот: «я кушать хочу - отстаньте от меня со своей политикой»).

Не менее интересный результат дает применение социо-исторического подхода к анализу (не?) *приверженности россиян к ценностям демократии и прав человека*. Представим себе, что вопрос об этих ценностях был бы поставлен перед россиянами в 1988 г. Я гарантирую: ответ был бы более продвинутым в сторону демократических ценностей и прав человека, чем у граждан многих западноевропейских стран. Когда же его ставят в 2008 г. результат оказывается прямо противоположным.

Таковы простейшие примеры того, что стереотипы поведения, ценностей и мышления большинства россиян, включая интеллектуальную элиту, изменяются очень быстро и активно под влиянием социально-экономических и общественно-политических условий.

Продолжим наши размышления о том, как нельзя искать специфику России.

Третье. Нельзя объявлять спецификой России те признаки, которые характерны лишь для некоторых частей социума в некотором отношении, а не едины для всех его слагаемых, образуя некоторое системное качество «Россия», скрепляя его как целое. Это баналь-

ность. Но ее забывают. Как забывают и то, что *Россия очень разная*. И это не столько различие татар, пермяков и москвичей, сколько *социально-классовые различия*.

Когда собираются русские, американские и китайские бизнесмены, для них принцип: я тебя разорил, уничтожил («естественно», соблюдая правовые нормы и правила рынка) – это нормально, нравственно. «Ничего личного – всего лишь бизнес». И в этом бизнесмены (и американец, и русский, и китаец) едины. Абсолютное большинство российских предпринимателей ни в начале XX века, ни сто лет спустя не ставили и не ставят ценности коллективизма выше ценностей своей прибыли, а критерием инвестиций выбирали и выбирают их наибольшую гарантированность и отдачу, и, рассуждая о патриотизме, активно вывозят из России капитал (если у нас в стране конъюнктура плоха) или вкладывают капитал в России, проповедуя либеральные ценности (если конъюнктура хороша).

Когда встречаются представители образовательных, экологических, миротворческих и т. д. движений и организаций Индии, Латинской Америки, Европы, США и России, у них опять-таки работает единый принцип – приоритет интересов человека над соображении максимизации прибыли. И посему они находят гораздо больше общего друг с другом, чем со своими соотечественниками из сферы бизнеса.

Поэтому видеть специфику России в чертах патриархально-общинного крестьянства или некоторых чертах сознания интеллигентов-почвенников и глубоко верующих православных людей – некорректно.

Четвертое. Нельзя считать спецификой России как объективно существующего экономического, социального и культурного феномена то, что об этом *думают* мыслители-русофилы без дальнейших доказательств. Доказательством в науке могут быть лишь аргументы, обосновывающие правомерность выводов и опирающиеся на практику. Вера в определенные постулаты в научном сообществе может рассматриваться лишь как теоретическая проблема: почему большинство русофилов апеллирует к вере и предпочитает постулировать аксиомы?

Утверждение же, что специфика России в том и состоит, что ее невозможно понять умом и что в нее можно только верить выводит нас из поля науки и переводит в поле религии с соответствующим этой сфере типом духовных дискуссий (от предания – как Льва Тол-

стого – анафеме до богословских диспутов) и политико-идеологических действий (от монастырских тюрем до клерикализации образования). Автор *данный* текст адресует прежде всего ученым, не вступая в споры о религии и вере.

Как можно искать специфику российского социума

Особенности социально-исторической эволюции России

Позволим себе очевидное (во всяком случае, на первый взгляд) утверждение: поиск специфики социума должен быть основан на соблюдении некоторых методологических принципов.

В частности, если мы исходим из азов системного метода, то задача поиска системного качества (того, что *отличает* качество системы от суммы качеств элементов и данную систему от любой другой системы) или, очень огрублено - *специфики* российского социума предполагает как минимум следующие шаги. Во-первых, выделение, только тех инвариантов социума, которые едины для всех этапов его исторического развития; всех социальных, национальных и т. п. групп, характеризуя их как россиян. Это единство не обязательно должно быть формальным, абстрактно-общим. Возможно генетическое единство, генетическая всеобщность. На языке сторонников цивилизационного подхода это принято называть «культурным кодом», но на наш взгляд, здесь речь должна идти о реальном социальном качестве. Во-вторых, фиксация только тех элементов, которые *не* характерны ни для каких других социумов (их подсистем) ни на каких этапах их развития. Можно это требование несколько смягчить, поставив задачу выделения всего лишь *доминирующих* черт, т. е. тех, которые определяют данного социума специфику при всех историко-временных и социо-пространственных его вариациях.

Давайте с целью поиска этого позитива вновь обратимся к социальной философии марксизма и, в частности, к использованию историко-генетического, диалектического подхода, развитого, в частности, советскими учеными середины прошлого века (он продолжает диалектику Гегеля и Маркса и развит, в частности, в работах Э. Ильенкова и Н. Хессина). В случае использования такого метода поиск специфики российского социума предполагает выделение ее генетически-всеобщего качества (Ильенков), «клеточки» (Хессин), из которого(ой) вырастает все богатство особенных характеристик на-

шего общества. При этом данная специфика будет не исчерпывающей характеристикой нашей социальной системы, ибо последняя, конечно же, включает не только специфические, но и универсальные, и «заимствованные» черты.

Впрочем, если мы явно или неявно исходим из методологии постмодернизма с ее отрицанием не только системности, но и вообще любых «больших нарративов», акцентом на деконструкции и симулякрах, то все наши предыдущие утверждения можно просто выкинуть за борт дальнейшего поиска. Однако «цивилизационники»-славянофилы в большинстве своем далеки от постмодернистского нигилизма и потому сделанные мной выше методологические ремарки остаются значимы.

А теперь от методологии к теории. В чем же может состоять действительная конкретная всеобщность некоторого социума в отличие от других социумов? Ее можно и должно искать в *специфике социально-исторической динамики*.

Что касается России, то в силу очень многих причин (о них ниже) наша страна сложилась как геоэкономический и геополитический феномен, а так же как некоторая культурная целостность по сути дела только в период позднего феодализма и начала генезиса капиталистической системы. И именно этот период ознаменовался устойчиво-длительным бытием России, растянутым на столетия: с XVI по... XXI век. Переход к тому или иному типу капитализма мы пытались совершить много раз. Подобно Марку Твену, который когда-то сказал: «Бросить курить – очень просто, я это делал много раз», мы пытаемся перейти к позднему капитализму вот уже более столетия. Эти попытки не могли не породить и породили соответствующую систему духовных форм, соответствующие особенности социального поведения и т. п.

Сами по себе эти формы достаточно инвариантны для подавляющего большинства социумов на этом историческом этапе эволюции: и во Франции, и в Испании, и в Германии, и в Австро-Венгерской империи на этапе позднего, абсолютистского феодализма была микширована классовая борьба и глубоки противоречия между «народом» и «олигархами» при вере в «доброту царя»; высшей доблестью было служение империи; народ третировался как быдло и одновременно возвеличивался как опора государства и т. п. (подробнее об этом ниже). *Наша специфика, следовательно, не в этих чертах или их некоторых модификациях, а в том, что в России они устойчи-*

во, нелинейно-циклически воспроизводятся более столетия и это (а не сами эти формы) - специфика.

Так, после провала первой попытки такого перехода в Российской империи, в нашей стране сложился строй, который можно обозначить словом «сталинщина»¹. Он во многом восстановил старую патриархальную традицию в рамках нового социального строя. После распада СССР наша страна, столкнувшись с неспособностью нашего социума к прогрессивной буржуазной модернизации, через десять лет радикально-буржуазных экспериментов в новом веке опять стала в очередной раз пытаться восстановить этот консервативный проект.

Кстати, в этой незавершенности буржуазной трансформации и одна из причин неопределенности русского социума. Кто мы? Народность? Этнос? Нация?

Если и здесь следовать марксистской методологии, то окажется, что страны, в которых так и не сложилось в полной мере единое социально-экономическое пространство (прежде всего, единый рынок и единое государственное управление), так и не стали нацией в точном смысле этого слова. Россия из совокупности раздробленных натуральных хозяйств (поместий, общин) превратилась в более-менее целостный *экономический* организм лишь к концу XIX века, будучи до этого едина преимущественно военно-политически. Октябрьская революция эту эволюцию прервала и положила начало образованию действительно единого социально-экономического и идейно-культурного пространства. Стал формироваться единый *советский* (не русский!) народ с особым, существенно отличным от дореволюционных, типом социальных ценностей, мотивов, и стереотипов поведения. Возник и упрочился тот самый *homo soveticus*, прекрасная характеристика которого дана А. Зиновьевым. Сложились особый экономико-технологический базис и социально-экономическая система (единая плановая система в экономике, единая система социальных гарантий в социальной сфере, низкий уровень социальной дифференциации, абсолютно не характерной ни для до-, ни для постсоветской России, где социальные контрасты были и стали больше, чем на Западе), атеистической, но при этом высококультурной духовной жизнью идеологией, *советской* культурой (последнее наследовала традиции европейского просвещения и Ренессанса ничуть не

¹ См. подробнее: Бузгалин А., Колганов А. 10 мифов об СССР. М., 2010.

в меньшей степени, чем российскую классику и явно больше, чем славянофильскую тенденцию) и т. д. Затем этот процесс образования единого социума опять был радикально прерван распадом СССР...

Это наша историческая реальность. Эти исторические контрапункты и есть то, что нас фиксирует как особый социум. Не некоторые формально-общие всем этапам инварианты, а *противоречия изменений*. Таких социумов сегодня в мире немного. И именно эта особенность социо-исторической эволюции во всей ее конкретной всеобщности, нелинейности (взаимосвязанности ее прогресса и регресса) и есть одна из действительных особенностей нашего общества. Именно эта нелинейная, во многом запаздывающая по сравнению с наиболее развитыми странами социо-историческая динамика, с ее частыми попятными, реверсивными инволюциями и есть *первый* важный параметр, обуславливающий и одновременно характеризующий специфику российского социума.

(В скобках заметим: не-марксистское обществознание, как правило, не способно видеть единство целого не в его одинаковости, а в особой связи противоречий развития, но мы именно эту неспособность и хотим изменить, показав, что диалектика более адекватна для того, чтобы исследовать российский и любой другой социум).

Продолжим. То, что Россия едва ли не большую часть своего исторического бытия пребывает в состояниях *трансформаций*, во многом обусловило слабость базисных социально-экономических детерминант в нашей системе.

США «родились» и жили 200 с лишним лет в рамках примерно одной и той же территории как рыночно-капиталистическая экономическая система с буржуазно-демократическим политико-правовым оформлением. Это, естественно, сформировало устойчивый, стабильно воспроизводимый тип рационального экономического человека как характерную черту североамериканца.

Китай тысячелетия бытийствовал как азиатская деспотия, мало изменяющая свои социально-экономические и духовные параметры и почти не изменявшая своих пространственных рамок, и это сформировало соответствующий набор стереотипов поведения и ценностных установок его жителей.

В России постоянно бытийствуют изменения. Особенно последние сто пятьдесят-двести лет. Единственный период относительно устойчивого пространственно-временного бытия России – период

позднефеодального абсолютизма XVII-XIX веков. И потому неслучайно, что именно с наследием (я бы сказал жестче – пережитками) этого социально-экономического и духовно-политического организма связаны относительно устойчивые стереотипы так называемого «русского характера». В самом деле, для большинства социумов, находящихся на этом этапе развития, характерны (повторим, несколько уточнив, сформулированные выше параметры):

- микшированность социально-классовых противостояний; концентрация главных прото-политических противоречий в сфере «дворцовых интриг» и подспудного противостояния верховной власти и народа (так называемая российская «соборность» в светском смысле этого понятия);

- государственный патернализм (привычка все блага получать от «добротого царя» и во всех грехах винить плохих чиновников)

- имперскость и акцент на геополитических проблемах бытия (в России это трактуется как державность);

- приоритет религиозных форм общественного сознания (в России эта позднефеодальная приверженность к до-реформаторским христианским нормам часто выдается за особую «духовность» русских);

- сохраняющаяся общинность, обуславливающая патриархальный полупринудительный коллективизм (его так же принято считать специфической чертой россиян);

- неразвитость трудовой и предпринимательской мотивации, обусловленная наследием полупринудительного труда и личной зависимости (русская «лень»);

- особое значение культуры («поэт в России больше, чем поэт...»), что типично для обществ, где сильна энергия протеста (она велика в системах, где не осуществляются давно назревшие прогрессивные социальные трансформации), но не развита социально-политическая свобода и задавлены открытые формы социально-классового противостояния (к этой важной теме я еще вернусь) и т. п.

Конечно же все эти черты позднефеодальных социумов в России имеют некоторую специфику, как имели ее они в Чехии или Испании, Франции или Португалии, в Пруссии или. Этой специфики вполне достаточно, чтобы видеть отличие нашей страны от других стран, у которых также есть своя специфика. Но *этой* специфики ма-

ло, для того, чтобы объявлять наш социум родиной особой цивилизации с особой исторической миссией и т. п.

Другое дело, что у нас есть *другая специфика, делающая российский социум (но не «русских») действительно существенно отличным от основных базовых типов современных социумов*. Мы отличны и от позднекапиталистических стран «центра» (т. н. «Запад», все чаще называемый ныне «Севером»), и от включенных в орбиту catching up development стран полупериферии, где специфика докапиталистической эволюции так же позволяет выделить блоки экс-колониальных стран (Латинская Америка и т. п.) и в недавнем прошлом сверхстойчивых имперских мега-государств (Китай, отчасти – Индия), и от все более отстающих государств периферии (центральная Африка) и т. д.

Действительная наша специфика, нарочито повторяю, – это вся совокупность конкретно-исторических противоречий прогресса и регресса России, ее *эво- и ин-волюций*. В частности, то, что мы (в отличие от т.н. «Востока») начали активный переход к буржуазному способу производства еще 300 лет назад и регулярно пытались его совершить на протяжении последних двух столетий, но (в отличие от т.н. «Запада») так его и не завершили и не прожили в рамках капиталистической системы хотя бы сотни лет кряду. Вот почему относительная длительность и незавершенность разложения имперских позднефеодальных форм (они воспроизводятся вновь даже в постсоветской России) – едва ли не главный (но не единственный!) инвариант, обуславливающий то, что *считается спецификой* российского социума.

Но не только незавершенность капиталистической трансформации задает специфику России. Подчеркну: все катаклизмы наших *разнонаправленных* (и «вперед», и «назад» в историческом времени) и доминирующих по длительности (в сравнении с периодами стабильного социального бытия) трансформационных состояний *задают* в своей противоречивой конкретности нашу действительно значимую специфику.

Эта нелинейность нашей эволюции сделала особенно зримой *противоречивость* наших изменений и, соответственно, противоречивость наших *differentia specifica*. Мы, с одной стороны, «ленивы», не слишком хороши как профессионалы (слабо развита рыночная мотивация и капиталистическая дисциплина труда), с другой – талантливы, смекалисты (у нас развита подлинная культура и способ-

ность к творчеству). Мы, с одной стороны, «соборны», верим в «доброе царя» (т. е. никак не можем уйти от сознания позднефеодального имперского абсолютизма), с другой – способны на бунт (в силу глубины давно назревших противоречий, порожденных незавершенностью давно назревших трансформаций) но бунт «бессмысленный и беспощадный» (развитых общественно-политических форм борьбы трансформационное общество не выработало)...

Продолжим. Да, сейчас мы очень устали от постоянных изменений (извините за каламбур), тем более что они крайне противоречивы. И потому мы сегодня ничего не ценим так дорого, как стабильность. Но в стратегическом смысле россияне меньше, чем большинство других социумов, задавлены определенной объективной материальной социальной детерминацией. И это то же наша действительная специфика. Мы в меньшей степени, чем представители других социумов подчинены стандартам экономических отношений, классовых интересов и даже правовых норм. Почему? Да именно потому, что у нас самих все время (а последние 100 лет – особенно мощно) осуществляются радикальные трансформации (и еще потому, что на нас все время осуществляются мощные внешние воздействия – но об этом ниже).

В точном соответствии с буквой и духом марксизма мы можем утверждать: да, определенный тип социума и человека эпохи модерна детерминирован, прежде всего, социально-экономическими и классовыми отношениями. Но если эти параметры все время меняются под воздействием внутренних и внешних сил, то именно в силу этого жесткая однозначность социальной детерминации, типичная, как я уже заметил, для тех же американцев, которые последние 200 лет живут в рамках одной и той же социальной системы, или китайцев, которые тысячелетия живут в условиях сохранения ключевых традиционных детерминант, – эта *стабильность, долговременность исторически-определенного типа социального давления на человека для России относительно мало характерна*. И это важный параметр нашей специфики.

* * *

Здесь, однако, встает новый вопрос: а каковы причины именно *такого* характера исторической эволюции нашей Родины? Ответ на него связан не с некоторыми национально-обусловленными «естественными», природой или богом навечно данными чертами. И

уж тем более он не связан со спецификой российской «крови» (генофонда?) – эти тяготеющие к расизму спекуляции я рассматривать в научной работе принципиально не буду.

Эти причины обусловлены многими объективными и субъективными факторами всемирно-исторического общественного развития, многократно перекрещивавшимися на протяжении (как минимум) последнего тысячелетия на пространстве нашей Родины.

Важнейшие из них – те, что задают специфику протекания в общем и целом единого всемирно-исторического процесса общественного развития на том или ином социальном пространстве.

Эта специфика задается, во-первых, генезисом данного социума – тем, какие именно по своему этногенезу народы, с каким уровнем развития и спецификой доклассового родо-племенного строя общности проживали на территории будущей России.

Во-вторых, тем, какова специфика природно-географической среды данного социума.

В-третьих, тем, как именно перекрещивались на судьбах народов в этом пространстве токи всемирно-исторического процесса.

Наконец, тем, как именно складывались субъективные факторы истории на этом пространстве.

Первый пункт мы оставим за рамками данного текста: я не являюсь специалистом; пересказывать же чужие исследования в кратком тексте неуместно.

Что касается последующих двух аспектов, то они требуют специального комментария, к которому мы и перейдем ниже, оставив проблему субъективных факторов «на закуску».

Особенности социально-пространственного бытия России

Итак, посмотрим, как и почему на нашу специфику (и здесь мы хотели бы в очередной раз обратиться к потенциалу социальной философии марксизма, на сей раз – его современным, конца XX – начала XXI века достижениям) влияет социо-пространственное измерение.

Прежде всего, подчеркнем: приписываемое марксизму безразличие к природно-климатическому и географическому аспектам социальной эволюции отчасти было правомерно еще полвека назад. В последнее же время работы авторов-марксистов и близких к этому течению ученых, в частности, авторов, пишущих по проблемам мир-

системного анализа (Эммануил Валлерстайн), догоняющего развития (Самир Амин, Рауль Пребиш), по марксистской экономической географии и т. п. во многом изменили это положение дел. Впрочем, социальная философия марксизма всегда говорила о природно-климатических особенностях и специфике географического пространства (протяженность, особенности границ и т. п.) как важных параметрах *производительных сил* социума, которые с точки зрения и классического, и современного марксизма оказывают значимое влияние на специфику социально-экономических, политических и даже духовных процессов.

Безусловно, и для России специфика природно-географических параметров, пространственное бытие производительных сил оказались значимым фактором, задающим особенности нашей социальной динамики. Для России природно-пространственно-климатический блок параметров не случайно оказался *особенно* значим. Причины просты: эти факторы развития наиболее важны для обществ, находящихся на доиндустриальной стадии развития, когда природный компонент производительных сил особенно значим. Так, если сельское хозяйство – главный сектор экономики и его эффективность (урожайность, приплод etc.) зависят на 90% от качества земель и погоды, а агрикультура и техника играют минимальную роль; если нет сети железных или шоссейных дорог, а надежная транспортировка возможна только по воде; если... – мы не будем длить перечисления – если все это так, то вывод означимости природно-климатических и территориальных измерений для доиндустриальных систем очевиден.

Понятно, что в этих условиях *специфика географической среды* обуславливают многие особенности добуржуазной стадии эволюции социума. Наследие этой специфики, конечно же, сохраняется в некоторой (но не в определяющей) мере и на более поздних этапах. Но там, где господствуют развитые индустриальные, а особенно – постиндустриальные технологии, эти параметры уже не столь важны. Соответственно и для России эти факторы значимы в той мере, в какой мы остаемся аграрной страной со слабо развитой индустрией: хорошо известно, что мы уже давно уходим – хотя до конца так и не ушли – от этой стадии. В силу сказанного, понятно, что *миромасштабность нашего географического пространства вкупе с его природно-климатической жесткостью* остается в некоторой мере **четвертым** важным параметром, определяющим и характеризующим

А.В. Бузгалин
Специфика российского социума ...

специфику размещения и развития производительных сил нашей страны и, как следствие этого, специфику многих ее социальных параметров.

Наша специфика зависит от пространственных аспектов и в другом, гораздо более интенсивном смысле – это обусловленность нашего общественного бытия спецификой *социального* (не географического!) пространства России. Дело в том, что *социальное* (повторю: не географическое) *пространство, складывавшееся на нашей территории, оказалось неизбежным перекрестком постоянного столкновения разных социальных течений*. И это *пятый* важный параметр нашей специфики.

Эти постоянные трансформации, эво- и ин-волюции есть и минус, и плюс нашего бытия. Плюс, ибо мы оказались открыты очень многим социальным, культурным, национальным взаимодействиям. Эта *открытость для транс-социального* (взаимодействие разных – капиталистических и феодальных, имперских и локальных – социумов) *и межкультурного диалога* плюс наша собственная многонациональность, многоконфессиональность и *многоисторичность* (постоянная незавершенность различных исторических «проектов», постоянный прогрессивные и регрессивные социо-исторические трансформации) делает нас гораздо более *открытыми для новых социальных подвижек*, чем большинство других социумов.

Сие есть не только минус нестабильности и столь типичной для России «разрухи в головах» – в общественном сознании, социальных ценностях и стереотипах, но и плюс. Плюс, ибо отсюда вытекает *открытость России подлинной культуре*, которая оказывает на человека и общества тем большее воздействие, чем слабее базисные экономические детерминанты, обуславливающие определяющую власть духовного производства – от идеологий до масс-культуры. Не менее важно и то, что подлинная культура инвариантна. Да, культура всегда имеет национальную специфику, но принадлежит она миру и обратно: Толстой – писатель, принадлежащий миру, но это российский писатель. Точно так же как лучшие постановки Шекспира (по признанию английских критиков) – это постановки, осуществленные в СССР.

В связи с этим тезисом позволим себе еще одно отступление. На сей раз «*геополитическое*».

Размышления о российском социуме как некоей устойчивой социально-исторической структуре, существующей на некотором про-

странстве, относительно ограниченном и более или менее стабильном (к примеру, в границах бывшей Российской империи), обуславливают необходимость внимания к тому, что сегодня принято называть «геополитикой». Акцентированный же выше тезис о России как перекрестке различных социо-исторических взаимодействий выводит на первый план вопрос: а *каких* взаимодействий?

Выделим для простоты лишь два типа таких взаимодействий. Один – взаимодействия, основанные на насилии, прежде всего – военные. Второй – не-военные – экономические, культурные и т. п. взаимодействия.

Так, автор уже отметил, что для монархических позднефеодальных структур геополитические проблемы, т. е. проблемы принадлежности или не принадлежности, приобретения или потери ими *пространства*, объективно находились на одном из первых мест. Они были объективно важнее, чем экономические, духовные и любые другие проблемы внутреннего развития, т. е. проблемы социального времени. Поэтому постоянные войны были нормальным и – по критериям того времени – *благородным, нравственным, религией одобряемым* способом решения проблем взаимодействия социальных структур.

Любая война любой страны освящалась церковью и всегда была связана с реализацией «высших нравственных ценностей» данного социума. Возьмите, к примеру, походы Суворова по Западной Европе, немало способствовавшие восстановлению в этом регионе реакционных позднефеодальных империй, – исключительно «благородная» (по критериям российской монархии) миссия во славу православных ценностей. Можно взять обратный пример, когда Наполеон шел на Россию для реализации соответствующих «ценностей»...

Пост-феодальные, основанные на доминировании экономических рыночных отношений социумы по идее *казалось бы* должны были продемонстрировать отказ от военных методов взаимодействия. В самом деле, соответствующие (буржуазным принципам) либеральные теории провозглашают альтернативу двух методов взаимодействия – насилия и торговли. Торговля есть (с их точки зрения) альтернатива войне. Практика, однако, показывает, что эпоха господства капитала привела не к сокращению, а эскалации войн и других методов вооруженного насилия. Мировые войны и оружие массового уничтожения, более 50 миллионов жертв «локальных войн» последнего полувека тому свидетельство. Как разрешить это проти-

воречие между [либеральной] теорией и [капиталистической] практикой?

Диалектический метод указывает на достаточно простой выход из этой ситуации: действительной теоретической закономерностью является не формальная противоположность рынка и войны, а негативное снятие войн капитализмом. Уйдя от предельных абстракций рынка, которые действительно предполагаю стабильность прав собственности и гарантированность контрактов (отсутствие насильственных методов перераспределения ресурсов, в частности, войн, грабежей и т. п.), и перейдя к конкретному многообразию производственных отношений капиталистического способа производства мы можем вслед за Марксом и его последователями (в том числе, Р. Люксембург и В. Ульяновым) вывести (не постулировать!) заинтересованность класса капиталистов и представляющего их интересы аппарата насилия (национального государства, «империи доверия», глобального союза типа НАТО и т. п.) в ведении войн, позволяющих решать не столько геополитические проблемы захвата территорий (за это уже редко воюют), сколько экономические проблемы акселерации накопления капитала тем или иным путем (создание новых рынков, контроль за ресурсами, подавление системного противника...). В результате капиталистический способ экономического взаимодействия не вытесняет, но мультиплицирует применение военного способа взаимодействия, переводя его, правда, из преимущественно геополитической в преимущественно экономико-политическую плоскость.

Альтернативой им становится только способ взаимодействия индивидов, основанный не на отчуждении (капитале, насилии), а на диалоге неотчужденных индивидов (примеры – подлинная культура, фундаментальная наука, некоммерческое образование, викиномика и т. п.).

Если эта гипотеза верна, то оказывается, что выше автор по сути дела сформулировал некую общую закономерность: *чем более объективно значимыми для социума (в силу специфики его социо-исторического типа) являются геополитические проблемы, тем чаще используются военные методы взаимодействия социумов.*

Невоенные методы решения проблем связаны с доминированием других типов объективно возникающих и становящихся доминирующими проблем и другими субъектами. Здесь работает неустойчивая закономерность-тенденция, которую бы я сформулировал так: чем в большей степени субъектами взаимодействия социумов в про-

странстве становятся не государственные образования и капиталы, а неотчужденные индивиды, субъекты культурного процесса, субъекты гражданского общества, тем в меньшей мере объективно оказываются востребованными военные методы решения проблем.

И еще один тезис в рамках этого отступления. Как я отметил выше, капитал, особенно современный, транснациональный, в отличие от того, что принято о нем думать, не является субъектом, обеспечивающим невоенные методы решения пространственных проблем. Этот капитал, как правило, имеет национальное «место прописки» и сращен с интересами определенных государств, как правило, прото-имперских, играющих роль наднациональных игроков. Перспектива их эволюции еще более угрожающая: при неизменности нынешней системы отношений ТНК будут еще более сращиваться с наднациональными государствами, вроде США. В зависимости от типа развития и многих других параметров ТНК (также как и государства) могут использовать или не использовать военные методы решения проблем, Следовательно, чем больше будет контроль граждан и культурных процессов над геополитическими социопространственными процессами, в частности, над государством и капиталом, тем меньше будут возможностей для использования военных методов.

Особенности «субъективного фактора»

Этот раздел будет совсем коротким. И не потому, что в этом поле специфика российского социума мала, а в силу прямо противоположного обстоятельства: для обществ, регулярно переживающих мощные социальные пертурбации роль субъективного фактора особенно значима. И это очень значимый (шестой из выделяемых нами) специфический параметр таких социумов вообще и России, в частности. В нашей стране роль полустихийных общественных движений и отдельных личностей была и остается особенно значима в периоды радикальных реформ, революций и контр-революций, регулярно переживаемых нашей страной.

Вдвойне этот фактор оказывается значим для России еще и потому, что, как мы показали выше, одним из немногих устойчивых социальных стереотипов у нас является государственно-державный. Он оказался наиболее устойчивой формой и в Российской империи (как и в большинстве других позднефеодальных образований), и в Советском Союзе (в силу мутаций первых попыток построить социа-

лизм). А эта форма предполагает существенную зависимость конкретных путей и методов реализации централизованной государственной власти от личности «вождя». Реформы 1700-х в России были бы осуществлены в любом случае, но их радикально-брутальный вид, унесший жизни более 30% россиян, был во многом связан с личностью Петра. В СССР 1930-х была объективно востребована ускоренная модернизация, но то, что за нее наша страна заплатила жизнями миллионов, во многом на совести Джугашвили (для примера: после краха СССР в 1990-е годы Куба оказалась в не менее трагически-опасном положении, однако вышла из кризиса в условиях блокады без сколько-нибудь значительных политических репрессий).

Следовательно, и эта (*седьмая* в нашем перечне) особенность нашего социума - «*персонализированность*» исторического бытия, гипертрофированная роль лидера как символа (а в ряде случаев – реального верховного субъекта) тех или других исторических преобразований, – тоже имеет вполне рациональное теоретическое объяснение в рамках социо-философской парадигмы марксизма.

*Превратные формы общественного сознания,
или еще раз о соборности, духовности и т. д. россиян*

Итак, выше мы постарались доказать, что поиск особенностей того, что принято называть «особой российской цивилизацией» в традиционной логике выделения некоторых вечных, богом данных особых черт всех россиян, характерных для них во все времена, – тупиковая, с научной точки зрения, попытка. Инвариантных особенностей, которые были бы характерны для всех этапов развития нашей страны на протяжении ее многотрудной истории, найти удастся очень мало. Если же отбирать еще и только те инварианты, которые должны быть характерны для всех социальных слоев, то останется почти ничего.

Откуда же берется эта упорная, столетиями воспроизводимая уверенность в том, что россияне державны, соборны, православны, общинно-коллективны и духовны? Что это, выдумка?

Отнюдь. Да, мы в большинстве своем 200 лет назад были на 90% религиозны и верили в богоданность крепостничества; 50 лет назад на 90% атеистичны, уверены в преимуществах социализма и презирали рынок и спекулянтов; сейчас мы на 50% не столько верим, сколько *хотим верить* в бога (а так же магию и НЛЮ), а на 50% не верим ни во что, и в подавляющем большинстве, особенно молодежь,

хотим иметь побольше денег, а конкуренцию считаем «естественным» и главным атрибутом любого цивилизованного общества...

И все же названные выше черты, приписываемые россиянам, не выдумка.

Во-первых, это устойчивый стереотип определенного типа общественного сознания, который не случайно сформировался как одна из доминант в кругу российской «элитной» интеллигенции в конце XIX века, затем почти исчез в СССР, а в РФ начала XXI вновь стал быстро превращаться едва ли не в государственную идеологию. И этот тип общественного сознания, равно как соответствующих ему науки, искусства, пропаганды и агитации, неслучайно возникал и был востребован власть предержащими не раз и не два в нашей истории. Причины этого я уже назвал, и они опять же таки вполне материальны и исторически объяснимы: такой тип общественного сознания был адекватен запросам и власти, и значительной части социально-активного общества сто – сто пятьдесят лет назад. Такой тип общественного сознания адекватен союзу бюрократии и олигархов, а так же большей части «политического класса» в современной России, стремящейся стать «периферийной империйкой». Более того, он адекватен большей части уставших от трансформаций, униженных распадом СССР и провалом «демократических» реформ нынешних граждан РФ.

Во-вторых, и это особенно важно, названные выше черты российского социума и его типичных представителей, действительно существуют как... превратные, особым типом духовного производства «переваренные» проявления действительных особенностей нашего общества и его членов. Как я постарался показать выше, наша эволюция и ин-волюция привели к тому, что относительно долго и устойчиво у нас воспроизводились только близкие к позднефеодальным и мутантно-социалистическим формы социальной и политической организации – приоритет внешнего, государством навязываемого единства («соборность»), территориальной целостности («державность») и др. Наше бытие на перекрестке различных социальных пространств и постоянные трансформации ослабили экономическую и социально-классовую детерминацию и повысили значимость субъективно-политических факторов, личности («вождизм», привычка к патернализму) и культуры («духовность») ... Перечень легко продолжить, ибо именно эти черты я выводил (не постулировал!) выше на основе социально-исторического исследования, выдержанного в основном в рамках современной марксистской школы.

А.В. Бузгалин
Специфика российского социума ...

Другое дело, что эти действительные особенности ныне преподносятся в виде особых превратных форм – форм, создающих видимость иного, чем действительное, содержания.

Поясню. Нам внушают, что россияне – соборны. Истинно это утверждение? По видимости, да. Действительно, доминирующим в среде современных идеологов, церковных иерархов и т. п. такие черты *считаются* типичными для россиян и значительная часть россиян *думает* (или, что точнее, *хочет думать*), что она для них типична. Поэтому эта форма *действительна*. Но она превратна, ибо в сущности современные россияне очень различны в своих базисных, наиболее значимых интересах. И бизнесмен, и наемный рабочий в своих практических действиях и поступках в большинстве своем и в Российской империи сто лет назад, и в сегодняшней России, ориентированы прежде всего на частную выгоду, а не на благо «державы». Соборности как реально доминирующей, «естественной», изначально и вечно присущей России общественной скрепы не было и нет.

Есть другое – есть реальное материальное основание этой превратной формы общественного сознания. И это основание состоит в названных выше особенностях ряда значимых для российской истории форм социально-политической организации (напомню – централизация социальной и политической власти, размытость социально-классовой структуры и т. п.), которые оставили значимый след в общественном сознании и воспроизводятся ныне.

В чем разница между тезисом о соборности как (1) атрибуте России или (2) превратной форме общественного сознания?

Отнюдь не в том, что в первом случае она признается как реальность, а во втором нет. И в первом, и во втором случае она признается как реальность.

Различия в ином.

Первые определяют ее как один из «естественных», вечных, самой *русскостью* данных атрибутов России и россиян. Вторые (и автор в том числе) считают этот феномен реальным, но только как превратная форма сознания, господствующая в некоторых сферах духовного производства в определенные периоды времени, и типичная не для России вообще и навсегда, а лишь для определенного типа общественного сознания некоторых россиян, ...

Первые вполне логично из этого выводят необходимость развития этого начала как одного из главных и извечных средств «сосредоточения» (Ю. Осипов) России. Вторые требуют конкретно-истори-

ческого анализа тех оснований, которые скрыты за формой «соборности» и доказывают, что скрыто за ней фундаментальное противоречие реакционно-консервативных форм авторитаризма, личной зависимости и т. п., с одной стороны, и прогрессивных форм свободной ассоциации – с другой.

Первые постулируют соборность как атрибут российской цивилизации, предлагая науке ограничиться набором позитивных аксиом, позаимствованных из работ авторитетов (едва ли не в первую очередь – религиозных). Вторые выводят действительные основания этой превратной формы на основе социо-исторического исследования противоречий социопро пространственного и социовременного бытия нашего Отечества...

Перечень различий можно продолжить.

Точно так же можно показать различия в трактовке других «атрибутов» того, что принято называть «русской цивилизацией» – державности, духовности и т. п.

Так есть ли особенности у Российского социума?

Есть. Но если искать их как сугубо позитивные инварианты, реально, в практике присущие большинству всех основных социальных групп россиян на всех этапах развития нашей страны, то они окажутся довольно слабо выражены. Формально общих (построенных на основе поиска *одинаковых* черт) особенностей, присущих всем россиянам мало и они не слишком значительны.

В противоположность этому выявляемая на основе марксистского социо-философского анализа действительная *диалектическая, конкретная, противоречивая всеобщность русского социума, отличающая его от других, есть и она значима*. Это специфика его социовременного и социопро пространственного бытия. Выразить эту специфику можно не через некий набор внешне наблюдаемых черт, а исключительно при помощи построения целостной системы противоречий, отражающих историческую и пространственную эволюцию нашего социума во всей их конкретности.

Эта задача пока еще никем даже близко не решена (выше я показал лишь семь признаков, которые можно использовать как отправные точки дальнейшего марксистского – по своей методологической категории – исследования). Сторонники цивилизационного подхода не хотят и не могут применять названную методологию.

Марксисты – и это наша вина, а не только беда – оставили эту проблематику в стороне. В результате общественное сознание и об-

А.В. Бузгалин
 Специфика российского социума ...

ественная наука России вертяся в замкнутом круге спора «русофилов», постулирующих цивилизационные инварианты России, и «западников» отрицающих их наличие. Одни возвеличивают формы, не желая замечать их превратность, а другие, «нутром чую» превратность этих форм, пытаются их объявить их несуществующими, а заодно и на практике изничтожить все особенности нашей Родины, причем не только мнимые, но и реальные, не только патриархально-реакционные, но и прогрессивные, приведя нас всех к торжеству «глобального человеЙника».

Внешне парадоксально, но по сути глубоко закономерно, что в противостоянии этому аннигилированию (хотя и только в этом!) автор солидарен с русофилами. Но предлагает совершенно иную, по сути – прямо противоположную русофильской – альтернативу поглощению нашей страны неолиберальной глобализацией.

*«Проект Россия»: особенности российского социума
 как фактор выработки стратегии будущего*

В качестве постскриптума несколько слов об исторической перспективе.

Начну с того, что вновь подчеркну свое согласие со славянофильскими критиками процесса «оглобления» нашей Родины и нивелирования ее специфики. Тем более я согласен с имеющейся у них критикой ужасов капитализма 1990-х и 2000-х годов в нашей стране, с тезисом о разрушении национальной культуры и российских народных традиций и т. д.

Но и здесь сеть нюансы. Эти ужасы – не нечто характерное исключительно для России. То же самое можно сказать практически о любой стране, по которой сегодня катится молох капиталистической глобализации. Он в любой стране (особенно – в слабо- и средне-развитой) ударяет по национальной культуре, по традиционным ценностям, по духовному развитию, по возможностям перехода к высоким технологиям, по социальной справедливости. Посему вся та критика, которая адресована сегодня к «оглоблению» России, один к одному воспроизводится моими латиноамериканскими коллегами, в частности моими друзьями из Венесуэлы. А ведь там нет и не может быть «русской специфики».

(В скобках заметим: Чавес вырос совершенно независимо от русского социума и не очень хорошо знаком с нашей культурой. Тем не менее, его аргументация на 90% сходна с аргументацией русофи-

лов. Только он апеллирует к строительству социализма, специфическому духу Латинской Америки и национальным особенностям Венесуэлы, а славянофилы – России).

Апеллировать к некоему муссируемому славянофилами инвариантному «русскому духу» проще. Это очень хорошо ловится общественным сознанием. Но это не означает, что эта апелляция истинна. Поэтому, соглашаясь в описании критических проблем нашего Отечества, мы не согласимся с методологией поиска и трактовкой содержания причин и путей решения наших проблем. Поиск стратегий будущего в рамках той парадигмы, из которой исходят наши оппоненты – парадигмы сохранения-восстановления-развития особенностей российской цивилизации, – оказывается так или иначе ориентирован на ностальгию по тем скрепам, которые (частично – в представлениях державников, части – в реальности) были характерны для Российской империи и советского общества.

В той мере, в которой Российская империя была некапиталистической и в ней были элементы действительного развития подлинной культуры, эти ориентиры, конечно же, интересны и важны. В той мере, в которой в Советском Союзе были высокие образовательные, научные, технологические, социальные и иные достижения, безусловно, мы можем и должны на это опираться. Но не очень понятно, при чем здесь российская цивилизация? Если же мы эти «скрепы» будем искать в державной централизации и подалении социального творчества, то наш проект окажется уже не просто консервативным, но реакционным.

Альтернативный взгляд на проблему поиска стратегии будущего выдвинет на первый план иные задачи: снятия не только рыночно-капиталистического, но и державно-бюрократического отчуждения, опоры на подлинную культуру *всего* мира – Шекспира, Толстого, Гомера, Маркеса и т. д., в отличие от Жан Клод Ван Дама, «Дома-2», русского тюремного «шансона» и другого ширпотреба. Чем наш «Дом-2» отличается от их «Дома-2» мы не знаем. А вот Толстой отличается от Шекспира, Маркеса и т. п. принципиально, но они составляют в этом многообразии совершенно другое поле – диалектически единое поле подлинной культуры, на приоритетное развитие которой должна опираться стратегия будущего России (хотя не только России). Поэтому нам надо развивать не русскую культуру, а Культуру (в том числе – российскую, советскую и т. п.). Не советскую модель технологического развития, а постиндустриальные эко-социогуманитарно-ориентированные технологии двадцать первого века,

используя (в том числе) достижения СССР. Не соборного человека, а свободно и гармонично развивающуюся личность, которая наследует достижения не только русской и советской, но и европейской, и арабской и т. п. Культуры, в центре которых лежит диалог равноправных, но при этом принципиально различных Индивидуальностей.

Кстати, если мы посмотрим на советскую модель человека, то она будет опираться скорее на ренессансные идеи, чем на идеи кого-либо из русофилов²...

Вот почему стратегия развития России состоит не в том, чтобы отделиться от других и навязать или просто сохранить свою специфику. Это тупиковые пути. Они предполагают, что нас ждет или замкнутость и отсталость или угроза превратиться в часть упомянутого выше «глобального человечейника».

Альтернатива в другом.

СССР многие считают закрытой системой, которая если чем и была известна, так это своим ВПК. Позволим себе с этим не соглашаться. Да, у нас были одни из самых мощных в мире термоядерные ракеты и подводные лодки, танки и самолеты. Но *главное, в чем СССР был открыт миру – это в своей культурной «экспансии»*. В результате в эпоху максимального развития науки и культуры в Советском Союзе (конец 1950-х – начало 1960-х годов) *СССР был мировым культурным лидером*, потому что поймал ту новую мировую идею, которую ни одна другая страна так развернуть не могла – идею приоритета Человека, науки, искусства.

² Замечу в этой связи, что едва ли не общепринятое утверждение, что «Моральный кодекс строителя коммунизма» списан с библейских заповедей, при сколько-нибудь внимательном сравнении не выдерживает никакой критики. Большая часть из библейских заповедей (те пять из десяти, где говорится о человеке как *рабе* бога, заповеди, утверждающие неприкосновенность частной собственности и т.п.) в документе КПСС отсутствует, причем по принципиальным соображениям. В то же время, в Кодексе строителя коммунизма есть нравственные нормы, которых по опять же принципиальным соображениям нет и не могло быть в Библии (солидарность, товарищеская взаимопомощь, равноправие наций и народов, мужчины и женщины). Все это делает документ КПСС в гораздо большей степени наследником антирелигиозных традиций Ренессанса и Просвещения, нежели Библии (или Корана). Общность этих нравственных кодексов сводится к всего лишь нескольким очень общим императивам человеческого бытия.

(Напомним, тогда основным лозунгом компартии был: «Все во имя человека, все для блага человека»; практика его воплощения была во многом уродливой, но для мира он был связан не с закрытыми распределителями и кукурузоманией, а с советскими наукой, образованием, искусством, прорывами в космос...).

Вот почему – позволим себе более чем спорный тезис – единственное будущее России как автора нового мирового проекта состоит в том, чтобы найти новую **интернациональную, мировую идею**, которую мы при всех своих особенностях (а отчасти и благодаря им) будем дарить людям, получая от них взамен ничуть не меньше...³

Возможно, мы, продолжатели отечественных традиций, сумеем это делать в чем-то лучше других (а в чем-то хуже). Лучше - в силу как раз тех положительных сторон нашей эволюции, о которых я писал выше, размышляя о большей, чем у многих народов, открытости россиян социокультурному диалогу, меньшей задавленности социоэкономическими стереотипами и детерминантами и т. п. Хуже – опять же в силу специфики нашей эволюции со всем ее добуржуазным наследием...

И чем более активно и открыто мы будем дарить наши достижения, тем больше мы будем получать взамен и тем больше мы будем цениться в мире, тем больше будет уважение к нам и наше влияние на мировые процессы.

*К критике постсоветской идеологии:
державность как изнанка либерализма*

Распад казавшихся незыблемыми идеологических норм недавнего (но столь далекого ныне, особенно для молодежи) “социалистического” прошлого, естественно не мог оставить пустым это “святое место”. Проводившиеся под знаком неолиберализма экономические реформы и вестернизация культуры с легкостью привнесли вроде бы как и не существующую (вспомним о призывах к деидеологизации) идеологию либерализма в среду российской духовной жизни

³ Этот проект автор разрабатывает в диалоге с нашими коллегами уже не первый год. Разные аспекты этой стратегии были представлены в серии публикаций в журналах «Политический класс» и «Альтернативы». Наиболее полная версия представлена в написанных частях коллективной монографии «Стратегия опережающего развития – III» (Т.2, М.: УРСС, 2011) и книги «Мы пойдем другим путем. От «капитализма юрского периода» к России будущего» (М.: Яуза, 2009).

ни. Став знаменем "реформ" с их гигантским (до 1/2) спадом производства и резким ухудшением качества жизни большинства населения, расстрелом Дома Советов и затяжной кровавой бойней в Чечне, с их примитивной коммерциализацией культуры и распадом единой страны - став знаменем таких реформ, либерализм как идеология и мировоззрение, как теория и практика обыденного поведения, неизбежно столкнулся с отторжением его огромными массами населения. Нужна (нужна как воздух - кислород духовной жизни, без которой нет России!) была альтернатива.

Что могло ею стать? Восстановление ортодоксального марксизма-ленинизма как знамени классовой борьбы пролетариата с буржуазией? Для узкого слоя застарелой (дело не в возрасте, конечно) интеллигенции и партийцев-пенсионеров это решение оказалось вполне подходящим. Но подавляющее большинство социально и духовно угнетенного населения было и оставалось иным - это деклассированные слои.

Современные рабочие и "рядовые" интеллигенты до сих пор еще не стали классом наемных рабочих в точном смысле этого слова: они не столько продают свою рабочую силу, сколько находятся в тисках всесторонней зависимости от корпорации, к которой принадлежат, в большинстве своем они не обрели и не осознали своих классовых интересов, не дозрели до активной действенной солидарности в борьбе за свои права. Им можно до бесконечности не платить зарплату, унижать нравственно и физически, обрекать на жизнь впроголодь, а они на это будут отвечать... голодовками одиночек и глухим недовольством, подспудным "урчанием" низов.

Пройдет время (быть может годы, быть может месяцы: в эпохи социальных потрясений время несется необычайно быстро) - и в России сложится новый современный слой трудящихся, способных к совместной борьбе за свои экономические и политические интересы, но пока что низам нужна не столько идеология самоорганизации, сколько простейший способ самоутешения, самоидентификации, защиты от экономических и духовных нападений, который может привести кто-то извне, не требуя самостоятельных организованных действий, углубленного понимания сути происходящего и своих собственных интересов.

Для такого обездоленного большинства полуйдеология-полурелигия, состоящая из смеси державности, социального популизма и русского национализма оказалась как нельзя более подходящей: будущий "добрый царь" вкупе с "патерналистской бюрократией"

тей" (по-отечески настроенной по отношению к рабочему и крестьянину) создают мощную державу, спасающую угнетенный народ от ига то ли жидомасонов, то ли американского капитала и его Российских продажных слуг и шпионов. Обывателю достаточно лишь поддержать нового "доброе царя" и тот решит за него все социальные проблемы и вернет былое самоуважение (с последним все особенно просто: раз ты русский - то значит нравственен, добр, трудолюбив и т. п. по определению, ибо все русские по природе своей великие и прекрасные люди...)

Теоретическая, "ученая" альтернатива либерализму так же с легкостью взошла на ниве державности и "ура-патриотизма". Поскольку наиболее активные и молодые кадры обществоведов эпохи брежневско-сусловского "социализма" с легкостью переквалифицировались в либералов (сие позволяло без особых проблем сохранить посты или даже сделать неплохую карьеру) и за пару лет выучились преподавать кто есоnomics вместо "Капитала", кто вероучения вместо научного атеизма, постольку оппозиции "досталась" лишь узенькая прослойка критически мыслящих ученых-социалистов и масса консервативно настроенной околонучной публики, уверенной в своей способности быстро и просто (так, чтобы сразу понял любой пенсионер) решить все социальные проблемы. Такой квазинаукой могла стать только патриархально-почвенническая идея и примитивный, реакционный (в марксовом смысле этих понятий) социализм.

Быстрой рост популярности этих течений имел и духовные предпосылки: еще в поздние сталинские времена стал насаждаться казенный патриотизм (вроде объявления России родиной едва ли не всех научных открытий и изобретений в мире). При Брежневе разлагавшееся социалистическое мировоззрение (а без живого социального творчества масс, в атмосфере авторитаризма и застоя социалистическая идеология и теория неизбежно вырождаются) стало порождать в массовом масштабе "почвенничество". Естественно, что в условиях национально-государственного кризиса и унижения "простого человека" эта тенденция не могла не обрести второго дыхания.

Симптоматично и то, что главными духовными вождями этой тенденции стали не профессиональные ученые-обществоведы, а писатели, инженеры, естественники, общественные деятели - все те, для кого альтернатива нынешней либеральной волне сосредоточена не в сфере поиска организованных материальных сил, отслеживании тенденций социального развития, теоретическом доказательстве ограниченности либерализма как экономической и социальной док-

трины, а в духовно-этической сфере, в сфере нравственного отрицания нынешнего порядка вещей (номенклатурно-корпоративного капитализма).

Так в современном российском обществе сложилась дилемма: либо номенклатурная пародия на либерализм (в лице гайдаров в лучшем случае, штатных ельцинских идеологов - в худшем), либо державный социал-популизм (опять же в духе "русского коммунизма" С. Кара-Мурзы, Г. Зюганова и К^о - в лучшем случае; неприкрытого великодержавного шовинизма прохановых - в худшем).

Существенно, что все эти течения возникли далеко не случайно. Суммируя, подчеркну: с одной стороны, новой генерации номенклатуры было выгодно обменивать обременительную и шаткую брежневско-социалистическую форму власти на собственность и деньги (плюс к власти), а омещаненному обывателю времен всеобщего дефицита хотелось рынка, понимаемого как мир супермаркетов. Вкупе с теньвым капиталом они закономерно породили (и воспроизводят) волну неолиберализма, ныне опирающуюся еще и на власть новых русских и интересы высшего слоя наемных работников, "элитарной" интеллигенции.

С другой стороны, антитезой этому стали конформистски настроенные обездоленные слои трудящихся и особенно - старшее поколение, для которых совпали социальное и духовное (как правило имеющее национальную окраску) унижение, но еще не сложились условия для самоорганизации и самозащиты. Эти люди неизбежно превратили в мощную оппозиционную силу "красно-белую" социал-державную идеологию и политику.

Будучи порождены в конечном итоге одной и той же атмосферой кризиса и отсутствия организованной демократической социалистической альтернативы, и русский номенклатурный либерализм, и социал-державное течение не случайно оказались лишь формальными, внешними противоположностями, по существу сходясь в целом ряде фундаментальных признаков.

* * *

Начну с того, что в основе обеих идеологических парадигм лежит жесткий антиисторизм, игнорирование диалектического мышления, видящего мир в развитии через противоречия, через качественные революционные, а не только эволюционные изменения.

В наиболее чистом виде это характерно для отечественного неолиберализма. Тезис Фукуямы о конце истории превращается в российских условиях в однозначный, априорный, не требующий доказательств (как то, что Земля - плоская, для крестьянина 15, а то и 19 века) вывод об окончательном и бесповоротном поражении социализма в нашей стране. Соответственно, рынок и адекватный рыночным отношениям "человек экономический", ценностями и стимулами которого оказываются прежде всего деньги, а так же противоположность труда и капитала вкупе с массовой (для народа) и авангардисткой (для элиты) или в лучшем случае постмодернистской (для тех и других) культурой и т. д. и т. п. - все это для неолиберала есть естественный порядок вещей, вечный как - извините, чуть не сказал - "как воздух и земля", - как запах выхлопных газов и асфальт под ногами.

Критика этой методологии и мировоззрения может и должна носить как теоретический так и практический (речь, естественно, идет не о физическом давлении на идеологических противников - это из практики таких "социалистов" как сталины и таких "либералов" как пиночеты) характер. Первое предполагает анализ процессов генезиса, развития и самоотрицания (пока что главным образом внутри буржуазной системы) рыночной цивилизации, буржуазного способа производства. Историко-теоретический взгляд на этот социальный организм уже сам по себе ставит перед добросовестным исследователем вопрос о возникновении, а значит и возможном прехождении, отмирании рынка и капитала. Другое дело, что ученым социалистической ориентации крайне важно продолжить начатый Р. Гильфердингом, В. Лениным, Р. Люксембург, А. Грамши, советскими и западными марксистами (Э. Манделом и др.) анализ самоотрицания ("подрыва") основ товарного производства. Не менее важен этот анализ и в области социокультурных процессов, где так же идет "подрыв" буржуазного духовного производства и прогресс культуры (но при господстве "массовой культуры").

Если такой анализ станет действительно развернутым, то он сможет доказать, а не только показать, что рынок, буржуазное общество и шире - мир, основанный на господстве отчуждения, развиваются ныне по нисходящей траектории. Такое целостное доказательство - дело будущего, но уже сегодня мы можем показать, что в экономической области в XX веке налицо нелинейный, но устойчивый прогресс таких механизмов, как сознательное регулирование и нормативное ограничение рынка со стороны государства, общественных

организаций (профсоюзы, "зеленые" и др.) и крупнейших транснациональных корпораций; что трудовые отношения все более базируются на развитии коллективистских начал (автономные бригады и т. п.), участия в управлении, гуманизации межличностных отношений; что среди стимулов к труду в развитых странах свободное время, условия труда, отношения в коллективе становятся равнозначны денежным мотивам...⁴

Нельзя сказать, что неоллибералы не знают об этих феноменах. Если проблема генезиса рынка и его будущего ими вообще игнорируется, то феномены сознательного регулирования признаются, но только как встроенный компонент рыночно-буржуазного мироздания, служащий его упрочению. Дескать, сегодня нерегулируемого рынка не бывает, так же как не может быть нерыночного мироустройства. И точка. Этот подход своей внеисторичностью и ограниченностью весьма напоминает взгляд апологетов феодального, аристократического мира, для которых (в России так вплоть до 19 века) было самоочевидным правовое неравенство дворянина и холопа, мужчины и женщины, естественным - рабство (на юге США - вплоть до середины 19 века), а деньги и капитал были всего лишь встроенным в феодальный организм средством для его дальнейшего процветания.

Преодолеть этот внеисторизм и ограниченность неоллиберализма можно лишь путем соединения новой теории с практикой сознательного изменения буржуазной системы и мира отчуждения в целом. Человек, погруженный каждодневно, практически лишь в одну проблему - добыть деньги и потратить их с наибольшей утилитарной выгодой - не может и не будет мыслить исторически. Напротив, человек, включенный в сознательное преобразование мира отчуждения (от самых простых форм - борьбы за свои права на участие в собственности, контроле, до наиболее сложных отношений - революционного, качественного преобразования существующей действительности) практически не сможет не прийти к выводу об исторической ограниченности буржуазной формации. Отсюда апелляция неоллиберала к мещанину (и его внеисторически-пассивному здравому смыслу - мышлению приспособленца), социалиста-диалектика - к человеку, стремящемуся к социальным преобразованиям, самостоятельной

⁴ Неоллиберальный "реванш" конца XX – начала XXI вв. затормозил эти тенденции, частично повернул развитие вспять. Однако ныне растут и силы, готовые изменить эту реверсивную траекторию.

Часть 5

Ещё вариация на старую тему

личности, заинтересованной в том, чтобы совместно со своим товарищами добровольно объединиться для преодоления отчуждения: от организации дворового кружка или решения экологической проблемы до борьбы против власти номенклатуры или корпоративного капитала в масштабах такой страны, как Россия, или на международной арене.

Казалось бы, наши социал-державники в полной мере преодолевают внеисторизм как исходный методологический порок либерализма. В самом деле, они систематически критикуют западную рыночную цивилизацию, но... как правило с позиций прошлого. Ностальгия то ли по великой империи, то ли по могучему союзу; то ли по патриархальной общине, то ли по сталинскому колхозу - вот основной лейтмотив такой критики. Это, конечно же, большой "историзм", чем у неолибералов, ибо признается наличие (пусть хотя бы в прошлом) чего-то позитивно отличного от буржуазного мира. Но вот аргументация "почвенических" критиков рыночной цивилизации и буржуазного индивидуализма, как правило, оказывается в корне внеисторичной: не более чем исконно (От бога? от особого русского национального характера?) присущая нам тяга и любовь к "народности", "соборности" и "державности". Доказательство наличия этих черт является зеркальным отображением либеральных аргументов.

Первые: в России испокон веку люди надеялись на сильного государя и оные государи (вплоть до Сталина) и были оплотом страны вкупе с религиозной (то ли православной, то ли коммунистической) верой и традиционной общинностью. Так было и тем сильна была Россия, пока не пришел антихрист в облике Гайдара (для некоторых из "белых" державников Егор Тимурович оказывается продолжателем разрушительных действий "западника" Ленина).

Вторые: Россия должна вступить на единственно возможный рыночно-буржуазный путь развития, антитезы которому лежат исключительно в прошлом (в качестве примера выступает все та же сталинская держава, только на сей раз в качестве абсолютного символа "империи зла" и тупиковой ветви эволюции). Соответственно, любая альтернатива либеральному миропорядку рассматривается исключительно как откат в прошлое.

В обоих случаях очевидна ограниченность возможных путей эволюции: либо западнический неолиберальный порядок, либо путь назад под лозунгом возрождения (конечно же, на новой основе) сталинско-романовской державы.

А.В. Бузгалин
Специфика российского социума ...

При этом парадоксом является расхождение абстрактных лозунгов и реальных стратегических установок. Для либералов высшая ценность - "открытое общество", но при этом всякая действительная открытость в будущее, по направлению к позитивной критике аксиом "открытого общества", всякие попытки поиска и созидания пострыночного мира, снятия буржуазных форм отчуждения (частной собственности, денежного фетишизма, гегемонизма корпоративного капитала) воспринимаются как опасная ересь, которую надо давить в зародыше. Пока она слаба, для этого достаточно монополизации средств массовой информации (при формальной свободе слова), если же "ересь" получает значительное распространение (как в Чили или у нас в 1993), то не грех и танки употребить... Так либеральная проповедь *"открытости"* на деле оборачивается жесткой консервацией одной-единственной экономической, социальной, культурной и т. д. системы - капиталистической.

Для державников открытость даже и не прокламируется как ценность или априорная установка (за исключением некоторых "просвещенных" почвенников, тяготеющих к социал-демократии). Напротив, главный акцент делается на русской специфике, "самости" и непохожести нашего Отечества на любую другую страну. Споры нет, Россия действительно обладает специфически историко-культурными, социально-экономическими и проч. чертами. Но это в полной мере относится и к любой другой социальной системе. Проблема в том и состоит, чтобы в нынешнем взаимосвязанном и все более интегрирующемся мире сделать эту специфику не "железным занавесом", а условием для все более интенсивного равноправного диалога больших и малых народов и внутри России, и в СНГ, и в мире. А это иная установка.

Только один пример: классический тезис державников - поддержка всякого отечественного производителя. Но не рациональнее ли другой взгляд: поддержка всякого эффективно, современно работающего предпринимателя (а это сейчас преимущественно будут "инородцы"), если он реализует стратегическую программу модернизации нашей Родины, своевременно платит большую зарплату и налоги, обеспечивает рост занятости, соблюдает экологические и социальные нормы и производит качественную, пользующуюся спросом продукцию? И наоборот - экономическое давление на любого производителя, занимающегося спекуляциями или производящего устаревшую продукцию и загрязняющего среду, не выплачивающего вовремя зарплату и увиливающего от налогов (а это все больше как раз

черты реального отечественного бизнеса, крайне непохожего на идеально-розовый портрет российских купцов-благотенителей и пекущихся о державе "красных директоров"). Как не раз повторял В. И. Ленин во времена нэпа, не грех и заплатить иностранному капиталу солидную цену за выучку, за умение культурно организовать производство. При этом, однако, весьма уместно здесь следовать вполне обоснованным рекомендациям и практике многих социалистов (от Ленина до Чавеса), требовавших и требующих отдавать иностранцам не более 49% акций с последующей передачей технологии.

Или пример из области культуры: здесь социал-державная логика тоже, как правило, действует по принципу зеркального отражения примитивного западнического либерализма. Для последних хороша практически любая масскультура или элитная заузь, если она попала в разряд "хитов" на международном рынке. Для первых плоха не столько массовая культура, сколько американизация, а все российское - благо. Между тем очевидно, что отечественный "лубок" может быть ничуть не менее пошл, чем реклама Сникерса, а чисто русское хамство и пьянство - почище "цивилизованного" американского мордобития. В то же время подлинная культура всегда и национальна, и интернациональна: музыка и Чайковского, и Бетховена принадлежит всем и не становится менее русской или немецкой от того, что ее во всем мире, как правило, исполняют евреи. Толстого экранизировали и будут экранизировать в США, а мы зачитывались (и, я надеюсь, вновь будем зачитываться) "космополитом" Хемингуэем. Культурная открытость, диалог подлинных культур (всегда несущих богатство национальной специфики) и противодействие как отечественной, так и импортной пошлости - это совсем иной акцент, нежели державная борьба за первенство русского духа.

Неолиберализм и социал-державность методологически оказываются близнецами и в том, что касается неприятия действительного анализа реальных противоречий общественной жизни, прежде всего - социально-классовых. И тот, и другой подход, фактически отрицая диалектику, акцент на сущностных противоречиях, лежащих в основе развития общества, неизбежно оказывается в сфере исследований видимости, поверхности социальной жизни. Здесь неизбежно на первый план выдвигается формальная общность людей, а не сущностная диалектика их противоречий, диалога, единства.

Для либерала каждый становится идентичен другому, будучи абстрактным "экономическим человеком". Все - владельцы денег (только у одного их больше, у другого - меньше), все формально равно-

А.В. Бузгалин
Специфика российского социума ...

правны как избиратели (только один может купить себе миллион голосов, другой - ни одного). Для националиста важна национальность и здесь все тоже формально равны (точнее, одинаковы; только один - "отец нации" - имеет право на все, другой - "винтик" - только на послушание и гордость по поводу принадлежности к великому народу), за исключением инородцев.

Между тем действительный "нерв" современной общественной жизни продолжает, несмотря на все разговоры о "классовом мире", лежать в гуще социально-экономических и социально-политических противоречий между различными общественными силами. Безусловно, мир очень далеко ушел от простейшей схемы классового противоречия между пролетариатом и буржуазией. Возникли мощные новые противоречия, тем более специфические в России с ее переходным общественным устройством. Но какой серьезный исследователь станет отрицать противоречия между верхушкой номенклатурно-корпоративных кланов (типа газпромовских или лужковских), действующих вкупе с легализовавшимся (но по-прежнему полумafiaозным) капиталом - с одной стороны; большинством трудящихся - с другой? Или правильнее будет рассматривать их как равноправных партнеров на рынке? Только вот что-то не больно равные у них в России возможности для конкуренции, да и сама конкуренция все больше напоминает времена первой мировой войны и колониализма. Впрочем, и нынешний "цивилизованный" западный мир характеризуется не столько равноправием "простых" людей, сколько всесторонней гегемонией корпоративного капитала (в экономике, где он концентрирует в своих руках основные права собственности), в политике (где реальная власть принадлежит бюрократическому истеблишменту "большой семерки"), в культуре (где mass media развитых стран контролируют духовную жизнь большинства жителей Земли).

Или мы все - россияне с едиными национально-государственными интересами? Но у всех ли русских единые интересы и кто же еще Ельцин, Лужков, Черномырдин и Ко, как не русские чистой воды, как и Зюганов с Прохановым. Или дело все же не в национальности, а в социальной позиции?

Да и в чем они, эти внеклассовые и внесоциальные интересы российского государства? В целостности территории? А если за это надо платить десятками тысяч жизней и миллиардами долларов, как в Чечне?

Конечно же единые интересы граждан как агентов экономической жизни существуют: стабильная институциональная система

("правила игры"), социальные и экологические нормативы, общенациональные программы развития наиболее прогрессивных сфер и т. п. Точно так же существуют и единые общенациональные интересы (развитие языка и культуры, свобода коммуникаций и передвижения, равноправное сотрудничество с другими народами и защита от посягательств на это равноправие и другие). Но вот "закавыка": и те, и другие единые для всех граждан предпосылки демократического и культурного общежития готовы отстаивать и защищать, проводить в жизнь только вполне определенные социальные силы (на марксистском языке - субъект социально-демократических преобразований).

И вот здесь национальный (а отнюдь не только компрадорский) номенклатурно-корпоративный капитал вполне может выступить (а в России уже выступает) противником подлинной народной демократии, контроля за властью и капиталами снизу, подлинного народовластия, последовательных антибюрократических преобразований. Крупному капиталу России, сращенному с нашим номенклатурным государством, такие преобразования не нужны и опасны. Им нужен авторитарный режим, бюрократически регулируемая рыночная экономика, слабые и неорганизованные граждане, неспособные на организованную защиту своих интересов.

Для этих целей как нельзя лучше подходят державно-националистическая идеология (мы все - великие русские люди, граждане великой и могучей державы), ориентированная на обездоленных пенсионеров, и либеральная демагогия об обществе равных возможностей - для молодежи, надеющейся на мираж рыночного успеха. Качаясь на этих качелях мнимого противостояния (что должно стать российской пародией на западную двухпартийность)⁵, завершающий свое формирование крупный корпоративный капитал России, сращенный с коррумпированной государственной номенклатурой, сможет (как он надеется) держать в узде полунищий народ, заискивать перед сильным Западом и играть жиденькими мускулами перед слабым Югом. Рамки этой социал-державной и державно-либеральной двухпартийности дадут простор и для схватки корпоративных кланов под ковром, и для интеллектуально-идеологического "плюрализма", вполне безопасного, ибо он парализует единственного

⁵ К 2007 г. и "правые центристы" и "левые центристы" в значительной степени интегрировали и либеральные, и державные идеи с тем лишь различием, что вторые слегка разбавляют их социальными лозунгами.

врага гегемонизма и отчужденного, и международного корпоративного капитала - способных к самоорганизации и сознательной коллективной защите своих интересов трудящихся.

Свои размышления об идейных и методологических основах двух наимоднейших идеологий в России последних пяти лет я хотел бы дополнить еще двумя тезисами.

Первый. Обе школы отличаются негативным отношением к фундаментальной социальной науке как средству не только познания, но и изменения мира в соответствии с законами последнего. Для либерала "естественной" является методология и "установка" позитивизма, исходящего из ориентации на описание механизмов функционирования того мира, который они (в силу своих социальных, а подчас и чисто политических пристрастий) считают не просто наилучшим, но вечным. Так, например, ни один учебник *economics* не будет сколько-нибудь тщательно анализировать вопрос об исторических границах, сущности и перспективах отмирания ("самокритики") рынка.

Социал-державность, восходя своими корнями к добуржуазным идеологиям, вообще критично относится к науке, апеллируя все больше к чувствам, религиозным традициям, морали "униженных и оскорбленных" (считая себя выразителями их интересов и тем самым увековечивая общество, в котором всегда будут эти слои, а для их защитников всегда найдется кусок хлеба и место в парламенте). Не случайно поэтому столь обильно участие писателей, естественников и других далеких от общественных наук людей в пропаганде этих идей. Апеллируя к эмоциям и чувствам потерявших социальную самоидентификацию людей (а таких большинство в переходных обществах, в современной России), державники вынуждены уходить от скупулесного научного анализа закономерностей общественного развития. Почему? Да потому, что этот анализ покажет: их ценности и идеалы устарели и потому утопичны; их социальная опора бесперспективна (люмпенизированные слои должны преодолеть это состояние или они приведут к краху и себя, и общество); державно-националистические и социал-популистские средства решения общественных проблем устарели и неэффективны, реакционны ныне, на рубеже постиндустриального информационного общества, обращенного лицом к творчеству свободного индивида, их добровольных ассоциаций.

Второй тезис, которым я хотел бы дополнить свой анализ. И не-олибералы, и социал-державники всегда выбирают некую одну преимущественную сферу интересов, область пропаганды.

Первые все больше упирают на функционирование рыночной экономики, где торжествует абстрактный рыночный индивид, а главные проблемы России оказываются связаны прежде всего с регулированием объема денежной массы (ибо это наиглавнейшая и едва ли не единственная сфера государственного вмешательства). Политика, культура и проч. для либерала - сферы, призванные обслуживать и обеспечивать его величество бизнес, делание денег. И если это преувеличение, то в очень незначительной степени.

Для державника же главный вопрос - геополитика. Территориальная целостность, национальная безопасность, государственные интересы - здесь корень всех проблем. Человек, экономика, духовный мир должны прежде всего "крепить державу".

Безусловно, просвещенный и интеллигентный либерал или державник так прямо никогда не скажут. Но своими "комплексными" суждениями они создадут основы для деятельности либерала (державника) - пропагандиста. А уж этот деятель все доведет если не до абсурда, то до пародии, но пародии символической и симптоматической.

Это именно так, ибо для российского либерала действительно ключевым вопросом является создание видимости свободного рынка, достижение "точки невозврата", когда для гегемонии корпоративного капитала будут созданы благоприятные институциональные и экономические предпосылки, каковыми и является формально-рыночная среда с устойчивыми деньгами (а без этого - какая же власть денег?) и видимостью свободы (опять же для тех, у кого деньги есть, и в той мере, в какой они есть). При этом, оседлав конька обеспечения безинфляционной экономики, наш либерал опирается на реальный фундамент действительной общественной проблемы (кто же станет спорить, что инфляция вредна? Сталин - и тот стремился держать цены стабильными) и может свой социально-классовый интерес выдать за общенародный.

Это так и для отечественного державника, ибо геополитика - едва ли не единственная почва, на которой он может твердо стоять: здесь действительно присутствуют единые общенациональные государственные интересы, которые действительно надо защищать, для чего действительно в современном мире нужны и государственный аппарат, и армия, и т. п. Так корпоративный интерес патерналист-

А.В. Бузгалин
Специфика российского социума ...

ски-бюрократического капитала отождествляется с реальным общегосударственным интересом.

* * *

Для того, чтобы преодолеть и ту, и другую ограниченность (если не сказать жестче - подмену) приоритетов, необходим не просто целостный и единый взгляд на общественное развитие. Важно понять его ключевые, доминирующие тенденции, определяющие лицо того или иного социального организма (России в том числе) на рубеже третьего тысячелетия. А эти тенденции все явственнее пробивают себе дорогу и их вынуждены признавать (точнее - упоминать) добросовестные исследователи и пропагандисты из любого лагеря.

Суть этих новых тенденций достаточно общеизвестна и под разным углом зрения раскрыта учеными, отстаивающими социал-демократические и современные марксистские взгляды, теоретиками ноосферы и Римского клуба, сторонниками идей постиндустриального и информационного общества и др. В области технологий это - возрастание роли творческой деятельности, создающей культурные ценности, информацию, развивающей человека как личность. В сфере отношений общества и природы - необходимость движения к ноосферному (как минимум - устойчивому) типу развития, где человек оказывается ответственен за воспроизводство биогеоценозов, прогресс будущих поколений. В социальной сфере - необходимость позитивного освобождения человека и снятия всех форм его отчуждения, ибо отчуждение и творческая (по определению свободная) деятельность - антагонизм. Добавим к этому реальный глобализм развития (практическую необходимость совместного решения проблем оружия массового уничтожения, перенаселения, разрушения природы и т. п.) и мы получим картину новых проблем, ответ на вызов которых должны дать идеология и теория, претендующие на первенство в России XXI века.

Отвечают ли на этот вызов российский неолиберализм и социал-державники?

Современный либерализм возродился как господствующее на Западе течение в 80-е годы не случайно: глобализация и волны массовой индивидуализации и миниатюризации, гибкости технологий создали некоторые предпосылки для "ренессанса" иллюзий свободного рынка и мелкого производства. Это не случайные, а практические

иллюзии, когда "кажется то, что есть на самом деле" (К. Маркс): на самом деле XXI веку нужны творческие работники, а значит - неповторимые индивидуальности; на самом деле гигантские фабрики уходят в прошлое вместе с традиционной индустрией, а наиболее квалифицированный работник сидит сегодня у своего персонального компьютера и т. д. Но рынок лишь по видимости адекватен эти новым условиям.

Во-первых, сегодняшний рынок - это система, где господствуют мощные корпорации (в наиболее современной сфере - разработки ЭВМ и программного обеспечения - их всего три на весь мир), а работник отчужден от труда и подчинен капиталу. Для деятельности ученого и художника, преподавателя и социального новатора сегодня нужны скорее творческое соревнование за государственные и общественные гранты, а не стихия рынка или власть ТНК.

Во-вторых, работающий с ЭВМ ученый или педагог связан сегодня через информационные системы чуть не со всем миром. Его труд не обобществлен лишь по видимости; по содержанию он одновременно и индивидуален, и связан кооперацией с тысячами и миллионами коллег во времени и в пространстве.

В-третьих, ключевые сферы жизнедеятельности человека в XXI веке - фундаментальная наука и образование, экология и воспитание, оттесняя на второй план и видоизменяя производство утилитарных благ (как когда-то индустрия оттеснила и изменила технологию аграрного производства), требуют новых, пострыночных форм своей организации.

Наконец, для постиндустриального мира, мира культуры, ноосферы нужен новый человек - homo creator, а не homo economicus XIX века.

Точно так же противоречиво взаимосвязан путь к новому миру XXI века с традиционными державными ценностями. Первые несомненно имеют видимостное сходство со вторыми. Религиозная идея о доминировании духовного начала напоминает тезис о приоритете культуры и творческой деятельности в постиндустриальном обществе; общинность - необходимость самоорганизации и диалога как отношений, преодолевающих отчуждение; державность и соборность может ассоциироваться с идеей приоритета общественных ценностей и необходимостью сознательного регулирования социальных процессов. Кроме того, для "почвенчества" весьма характерна и критика индивидуализма, культ частной собственности, обогащения и т. п.

Но как и в случае с неолиберализмом совпадение здесь главным образом видимостное. "Человек общинный" (а тем более - государственный, державе и собору подчиненный) - это до-, а не пострыночный человек. Это персона, еще не прошедшая через процесс освобождения от кровно-родственных, внеэкономических связей, не выделившаяся из рода, не ушедшая от подчинения традиции, не освоившая азов индивидуальной активности, независимой от корпорации (общины, государства). Такой человек дальше от свободного ассоциированного социального творчества, от преодоления отчуждения, чем рыночный индивидуалист, наемный рабочий. Последний уже умеет быть хотя бы индивидуально-предприимчивым и способен практически и теоретически понять, что его освобождение возможно лишь на основе коллективной защиты своих интересов через сознательное изменение существующих условий.

В отличие от него человек общины способен лишь к послушанию и прошению милости от верхов, либо к разрушительному бунту против их власти, но не к конструктивному созиданию новых отношений. Кроме того, социал-державное направление, как правило, оказывается связано с идеализацией мелкого семейного или коллективно-артельного начала, ориентировано на приоритетное развитие аграрного сектора как такового и ряд других патриархальных форм критики рыночно-буржуазного миропорядка. Между тем новое общество, ориентированное на приоритетное развитие свободной творческой деятельности, выдвигает на первый план ассоциирование, сотрудничество людей, заинтересованных в интернациональном, интер-культурном диалоге, сотворчестве, на "снятии" кровно-родственных связей.

Более того, в скрытом (иногда и для самих идеологов, грешащих подчас искренним самообманом) виде российский неолиберализм и социал-державничество нацелены на поддержку господства не столько частников или семейных (артельных) производителей, сколько на увековечивание господства крупных корпоративных кланов в экономике и обществе. Причина проста: наши либералы "закрывают глаза" на тот факт, что на рубеже XXI века в России (и не только в России) так называемый "свободный рынок" не может привести ни к чему другому, как к господству крупнейших легальных и нелегальных (мафиозных и т. п.) корпораций. Точно так же социальная система, основанная на старом индустриальном производстве при сильном государстве, протекционизме, бюрократическом регулировании, не может не порождать коррупции и образования мощных кор-

поративных кланов. Так что и здесь наши антагонисты реально ведут страну к весьма сходному результату.

Самое интересное, однако, начинается, когда идеологи либерального и державного направлений доходят до предложения рецептов спасения России. Первые, пройдя через тернии Шока без терапии, а вторые, столкнувшись с отторжением нашим народом идей чистого державничества и национализма (они не собирают более 10-15 процентов голосов), ныне принялись конструировать крайне эклектичные программы преодоления кризиса, ускоренно пятась спинами навстречу друг другу (об этом процессе я писал еще уже в 1994 году).

В результате уже на выборах 1996 года что у экс-либерала Ельцина, что у неодержавника Зюганова в предвыборных программах оказался сосредоточен набор благопожеланий, сотканых по принципу формального объединения наиболее популярных (если не сказать - популистских) идей из всевозможных идеологий. В начале провозглашается "верность реформам" (у Ельцина) или верность коммунистическому идеалу (у Зюганова), а затем следует набор прагматических обещаний создать смешанную социально-ориентированную экономику с регулируемым рынком, победить организованную преступность, защитить простых россиян, создать мощную державу с самостоятельной геополитикой, добиться приоритета культуры (не забыв военных и МВД) и сохранить природу.

Эта эклектичность была еще более развита В. В. Путиным. Подчеркнем: она неслучайна: достаточно умные менеджеры предвыборных кампаний уже поняли в неявной форме, что перспектив ни у "чистого" либерализма, ни у "национал-державности" нет. В них пора вносить нечто новое, нечто идущее от "постлиберализма", от "постдержавности", преодолевая прежнюю оголтелость и догматизм. Но в том-то вся "прелесть" обоих этих течений и состоит, что они на практике не смогут отрваться от своих корней и сути, ибо для этого нужна (1) радикальная теоретическая самокритика и (2) изменение своей социальной базы, четкая переориентация на интересы не реакционных (в историческом смысле) сил, а наиболее мобильной, ориентированной на будущее (постиндустриальное, коммунистическое) части общества - трудящихся, ориентированных на новаторский совместный труд, творчество (понимая под ними деятельность учителя и рабочего-рационализатора, организатора детского клуба и профсоюзного активиста, врача и ученого...).

Между тем анализируемые течения по сути своей и теоретически, и практически несамокритичны, ибо построены на отрицании диалектики, историзма, ориентированы на позитивизм (а то и вне-научность) и по сути закрыты для диалога (а не формального заимствования) с другими школами, выражают интересы устремленных в прошлое (ностальгирующих то ли по "чистому капитализму", то ли по "развитому социализму") сил. Эксперты из числа современных высококвалифицированных ученых социалистической ориентации могут вписать в программу державного блока современные тезисы, позаимствованные из идей Римского клуба или критического марксизма, но практика вождей от этого не перестанет быть бюрократическим патернализмом "добротного капиталиста" или "мудрого государя". Точно так же обогащенный социал-популизмом и державной риторикой российский либерализм на деле не перестанет быть всего лишь курсом на ускоренное обогащение любой ценой враждующих между собой корпоративных кланов.

Нельзя, однако, забывать, что каждое из столь жестко критикуемых течений внутренне весьма неоднородно. В кругу либералов в России можно найти и циничных прагматиков, готовых поддержать хоть Ельцина, хоть Путина, хоть русского пиночета (в момент написания этой статьи разница между ними существовала), и рафинированных сторонников защиты прав человека и абстрактных ценностей рынка, частной собственности. Социал-державное направление еще более разнообразно. Там можно найти и прямых сторонников великодержавного российского шовинизма с самодержавно-буржуазными оттенками; и умеренных державников из КПРФ, соединяющих русский национализм и поддержку сильного государства в геополитике и идеологии с социал-демократизмом в экономике; и ортодоксальных коммунистов-неосталинистов. При этом идеологи и либерализма, и державности, представляют собой, как правило, весьма причудливую комбинацию многочисленных оттенков каждого из этих направлений.

Еще раз подчеркну - этот "плюрализм" (если не сказать - эклектицизм) принципиально неслучаен, ибо оба этих течения уже уходят в прошлое, разлагаясь на этом пути, но сохраняя свое влияние. "Загадка" их гиперболизированного влияния в России 90-х разрешается очень просто, если мы примем во внимание тот факт, что наша Родина из кризиса "реального социализма" стала выходить не вперед (по пути к демократии и социализму), а назад - к попытке реализации радикального западнического неолиберализма. Естественно, что

неизбежный крах последнего вызвал откат еще дальше назад - к патриархально-державной модели, пытающейся синтезировать неосталинизм с неофеодализмом.

Вопрос, однако, в том, чтобы поняв природу и причины появления этих тенденций, найти им позитивную, устремленную в будущее альтернативу.

* * *

Завершая критический анализ основных тезисов отечественных либералов и державников, я хотел бы подчеркнуть: зрящее отрицание бесплодно даже по отношению к идеологическим противникам. Тем более оно нецелесообразно, когда речь идет о теоретических школах, имеющих вполне определенную социальную и политическую подоплеку. Поэтому для нас проблемой является *снятие (критика и наследование) идейного багажа этих (хотя, безусловно, не только и прежде всего не этих) школ.*

Пожалуй, среди главных достижений либерализма, которые может и должна впитать современная демократическая социалистическая мысль, я бы назвал стремление к самостоятельности, активности и хотя бы негативной (от внеэкономического принуждения и т. п.) свободе индивида, а так же антиавторитарный, абстрактно-демократический пафос научного либерализма. Крайне ценным и исторически перспективным (хотя и совершенно недостаточным) является, например, педалирование либеральной идеологией проблемы прав человека и таких неотъемлемых свобод, как свода слова, идейных споров (любая идеология должна доказывать свою правоту не силой, а диалогом идей, культур, форм организации общественной практики), политической деятельности и т. п.

Другое дело, что практика либерализма, как правило, весьма далека от этих принципов (и это не случайно: для последовательной реализации формальных прав и свобод необходимо реальное содержательное освобождение человека, а этого капиталистическая система дать не может). Поэтому апология индивида, его прав, критика тоталитаризма - эти тенденции характерны главным образом для философского, социокультурного, если угодно "интеллигентского" либерализма, весьма далекого от практики отечественных властей 90-х годов. Но тем важнее использовать действительные достижения предшественников, отделив зерна от плевел, и понять, как они - некогда исторически прогрессивные зерна, - должны быть изменены и

трансформированы в современных условиях с тем, чтобы свобода индивида была не подавлена, а развита новым обществом. Для этого необходимо прежде всего снятие отношений отчуждения (господства рынка и денег, гегемонизма корпоративного капитала) и развитие добровольных ассоциаций граждан, в которых свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.

На первый взгляд позитив социал-державного направления может быть "вышелушен" как раз по принципу дополнения "чрезмерно индивидуалистического" либерализма позитивом "чрезмерно коллективистских" державников. Но формальный синтез здесь невозможен. Нужны (как и в случае с либерализмом) диалектическая критика, "снятие". Державность стала реакционной (не в ругательном, а в историческом смысле слова, вырастающей из добуржуазной эпохи) критикой либерализма сегодня именно потому, что ранее не была на практике пройдена до конца дорога либеральной критики феодализма. Необходимо "снять", критически развив (а не формально отторгнув) и общинно-державный коллективизм (а российский либерализм такой критики российской традиции не дал, придя как формально-бюрократический разрушитель прошлого), и либерализм.

Возвращаясь к "зернам" социал-державного направления, которые необходимо отделить от плевел, я бы подчеркнул прежде всего признание общественных ценностей и интересов как реальных и необходимых слагаемых прогресса.

Проблема, однако, в том, чтобы уйти от сведения общественных интересов к над и вне человека стоящим силам - государству, державе и т. п. Вопрос не сводится к мере сочетания традиции, государственной власти, ограничения и подавления человека интересами целого, аппаратом насилия ("державность") - с одной стороны; основанной на частной собственности свободе предпринимательства и необходимым для этого буржуазно-демократическим механизмам ("либерализм") - с другой. Любая пропорция "смеси" этих начал не дает разрешения нынешних противоречий; более того, они будут лишь мультиплицировать, усиливать пороки каждой из сторон, мешая реализовать свои преимущества.

Позитив "державности" может быть использован лишь будучи как минимум дважды подвергнут отрицанию: через утверждение сначала негативной (либерализм), а затем и позитивной свободы человека (я выбираю намеренно упрощенное представление о диалектике крайне сложного процесса). Тогда удастся заставить "заиграть" в рамках новой идейной, научной школы такие ценности как

"духовность" (не вне и над человеком стоящая религия, а культура самого человека); "коллективизм" (добровольное, а не принудительное, "государем" осуществляемое объединение людей, объединение не для "послушания", а самостоятельного, свободного преобразования общества в соответствии с познанными и историческими, а не богом данными и вечными законами развития); "традиция" (она будет не подчинением "вечным" законам общинно-добржуазной жизни, а творческим, критическим обращением к истории, диалогу поколений, где каждое из них заботится и о предках, и о потомках, критикуя их); "нация" (понимаемая опять же не как возвеличивание "своих" при помощи государства и за счет "чужих", а как развитие - через интернациональный диалог, открытость - национальной культуры)...

Да, сегодня полностью реализовать *такое* снятие державности и либерализма в новой теории, идеологии и, главное, общественной практике невозможно. Для этого нужна *победа* демократии и социализма, причем не только в России. Но уже сегодня можно и должно идейно и практически идти вперед, а не назад от уродливого либерализма, пытаясь его не "запретить", провозгласив социализм (ортодоксальные коммунисты) и не дополнить социал-державностью в большей (Зюганов) или в меньшей (Ельцин) мере. Вперед - это значит к демократии и социализму. И первым шагом на этом пути должна стать "доделка" незавершенной в России прогрессивной работы буржуазного либерализма. И это будет не внедрение "хорошего капитализма" (в конце XX в. в России он не может не быть номенклатурно-корпоративным), а последовательная народно-демократическая революция. Подчеркну: не политический переворот "наверху", не разрушительный бунт "внизу", а позитивная работа по созданию новых и "снятию" старых социально-экономических и политических отношений.

Эти новые отношения, вырастающие из самореализации освобождающихся от гнета корпоративного капитала трудящихся, и станут прологом к социализму (как теории и как практики) в России.

В чем этот позитив - это особый разговор (автор об этом не мало писал, начиная с вышедшей еще в 1996 г. книги "Будущее коммунизма", специально посвященной позитивной программе демократических левых). Основные же слагаемые нашего позитива (критически наследующего лучшие достижения либерализма и державности, "почвенничества") коротко могут быть обозначены так:

- последовательное соблюдение всех международно признанных прав и свобод человека, развитие демократии по направлению к самоуправлению трудящихся и в этой мере - к отмиранию ("засыпанию") государства; систематическая деbüroкратизация всех форм управления;

- развитие пострыночных (учет, контроль, сознательное регулирование и демократическое планирование) отношений в экономике в той мере, в какой они эффективнее рынка;

- освобождение труда (преодоление государственно-büroкратического и капиталистического отчуждения, эксплуатации) по мере превращения общественной (основанной на самоуправлении трудящихся) собственности в больший, чем в частно

- корпоративная, стимул перехода к постиндустриальному, основанному на творческом труде обществу;

- практическое и теоретическое признание приоритета глобальных проблем человечества и интернационализма, права на самоопределение всех наций и народов при стремлении к возможно более тесному межнациональному сотрудничеству; отказ от геополитического гегемонизма;

- приоритетное развитие подлинной культуры и образования как общедоступных благ и интернациональных ценностей человечества; вытеснение и зарубежной, и отечественной массовой культуры.

- историко-диалектический, социально-классовый подход к исследованию общества; открытость, диалог с другими научными школами, их конструктивная критика и самокритика.

Представляем Вам следующие книги:

URSS

Серия «Будущая Россия»

- ✓ *Амосов А. И.* У России есть шанс до 2017 года: Что дальше — начало развития или конец цивилизации?
- ✓ *Малинецкий Г. Г.* (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты: Экономика. Техника. Инновации.
- ✓ *Малинецкий Г. Г.* (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона.
- ✓ *Субботин А. К.* Гиперконкуренция и эффективность управления: Анализ экономики стран — лидеров современного мира: Взгляд из России.
- ✓ *Геловани В. А., Бритков В. Б., Дубовский С. В.* СССР и Россия в глобальной системе (1985—2030): Результаты глобального моделирования.
- ✓ *Арутюнов В. С., Лисичкин Г. В., Малинецкий Г. Г.* (ред.) Наука России. От настоящего к будущему.
- ✓ *Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г.* (ред.) Сценарий и перспектива развития России.
- ✓ *Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю.* (ред.) Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы.
- ✓ *Турчин А. В.* Структура глобальной катастрофы: Риски вымирания человечества в XXI веке.
- ✓ *Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф.* История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее.
- ✓ *Ильин В. Н.* Манифест русской цивилизации.

История СССР

- ✓ *Труш М. И.* От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте: Жизненный путь Александры Коллонтай.
- ✓ *Лысков Д. Ю.* Великая русская революция: 1905—1922.
- ✓ *Никаноров Г. Л.* Надрыв: Правда и ложь отечественной истории XX века.
- ✓ *Робертс Дж.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.
- ✓ *Михалева В. М. и др.* (ред.) Реввоенсовет Республики. 1920—1923.
- ✓ *Кирьянов Ю. И. и др.* (ред.) Трудовые конфликты в Советской России 1918—1929 гг.
- ✓ *Безнин М. А., Димони Т. М.* Капитализация в российской деревне 1930—1980-х годов.
- ✓ *Казьмин М. А.* Земельные реформы в России (XIX—XX вв.): Уроки пройденного пути.
- ✓ *Гришина Р. П.* (ред.) Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции.
- ✓ *Миронов А. Е.* Столкновение: Путь в бездну.
- ✓ *Миронов А. Е.* 1941-й: Последний шанс (Германия—СССР).
- ✓ *Сенин А. С.* Московский железнодорожный узел. 1917—1922 гг.
- ✓ *Сенин А. С.* Министерство путей сообщения в 1917 году.
- ✓ *Плотников А. Ю.* Прибалтийский рубеж: К десятилетию заключения российско-литовского договора о границе.

Россия в современном мире

- ✓ *Медведев Д. А.* Вопросы национального развития России.
- ✓ *Якунин В. И.* Геополитические вызовы России.
- ✓ *Михалева Г. М.* Российские партии в контексте трансформации.

Представляем Вам следующие книги:

Мировая политика

URSS

- ✓ *Переломов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР.
- ✓ *Буяров Д. В.* (ред.) Современный Китай в системе международных отношений.
- ✓ *Буяров Д. В.* (ред.) Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология.
- ✓ *Моделирование реальности в пространстве разнообразия: Гуманитарные исследования общественных процессов.*
- ✓ *Дегтерев Д. А.* Содействие международному развитию: Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи.
- ✓ *Следзевский И. В., Саваатеев А. Д.* (ред.) Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы.
- ✓ *Абашии С. Н. и др.* Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XX вв.
- ✓ *Абашии С. Н. и др.* Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в начале XX — начале XXI вв.
- ✓ *Бектимирова Н. Н.* (ред.) Политические системы стран Юго-Восточной Азии.
- ✓ *Бектимирова Н. Н., Дольникова В. А.* Альтернативные пути демократизации.
- ✓ *Бартнев В. И.* «Ливийская проблема» в международных отношениях.
- ✓ *Карпачева О. В.* История исламской оппозиции в Египте.
- ✓ *Исаев Л. М., Шишкина А. Р.* Египетская смута XXI века.
- ✓ *Исаев Л. М., Шишкина А. Р.* Сирия и Йемен: Неоконченные революции.
- ✓ *Бабынина Л. О.* Гибкая интеграция в Европейском союзе: Теория и практика применения.

Серия «Из наследия мировой политологии»

- ✓ *Гобсон Дж.* Империализм.
- ✓ *Гобсон Дж.* Эволюция современного капитализма: С рецензией В. И. Ленина.
- ✓ *Гобсон Дж.* Проблемы бедности.
- ✓ *Гобсон Дж.* Проблемы безработицы.
- ✓ *Яценко А. С.* Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. В 2 т.
- ✓ *Шмоллер Г.* Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда.
- ✓ *Шмоллер Г.* Народное хозяйство: Наука о народном хозяйстве и ее методы.
- ✓ *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма.
- ✓ *Гильдебранд Б.* Политическая экономия настоящего и будущего.
- ✓ *Мануилов А. А.* Понятие ценности по учению экономистов классической школы.
- ✓ *Бланки Ж. А.* История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени. В 2 т.
- ✓ *Бейджхот У.* Естествознание и политика.
- ✓ *Галиани Ф.* Беседы о торговле зерном.
- ✓ *Джонс Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов.
- ✓ *Джонс Р.* Политическая экономия народов.
- ✓ *Росси П.* О распределении богатства в народе.
- ✓ *Молинари Г. де.* Производство и распределение богатств: Курс политической экономии.
- ✓ *Лафарг П.* Право на лень. Религия капитала.

Представляем Вам следующие книги:

URSS

Политические течения

- ✓ *Колганов А. И.* Что такое социализм? Марксистская версия.
- ✓ *Славин Б. Ф.* Социализм и Россия.
- ✓ *Славин Б. Ф.* Ленин против Сталина: Последний бой революционера.
- ✓ *Абрамсон И. Г., Славин Б. Ф. и др.* (ред.) Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин.
- ✓ *Семенов В. С.* Социализм и революции XXI века: Россия и мир.
- ✓ *Семенов В. С.* Судьбы философии в сегодняшней России.
- ✓ *Белик Ю. А.* Десять причин краха СССР.
- ✓ *Джохадзе Д. В., Косолапов Р. И.* (ред.) Сталин и современность: Великой Победе Советского народа — великое продолжение.
- ✓ *Калинин Л. А.* Интервью со Сталиным.
- ✓ *Барский Л. А.* Сталин: Портрет без ретуши.

- ✓ *Кокошин А. А.* Россия и международная безопасность в космосе.
- ✓ *Иванов С. Б.* Обеспечение национальной безопасности как необходимое условие развития России.
- ✓ *Гобозов И. А.* Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация?
- ✓ *Малинецкий Г. Г.* (ред.) Синергетика: Будущее мира и России.
- ✓ *Малинецкий Г. Г.* Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии — путь России в будущее.
- ✓ *Малинецкий Г. Г.* Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона.
- ✓ *Малинецкий Г. Г.* (ред.) Будущее и настоящее России в зеркале синергетики.
- ✓ *Богатуров А. Д.* (ред.) Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения.
- ✓ *Дзарасов Р. С.* Пятидневная война на Кавказе: События и размышления.
- ✓ *Дынкин А. А., Иванов И. С.* Евroatлантическое пространство безопасности.
- ✓ *Кислицын С. А.* Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России.
- ✓ *Канто А. С.* Пакт Молотова—Риббентропа: мистификация или реальность?

Наши книги можно приобрести в магазинах:

Тел./факс:
+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:
URSS@URSS.ru
<http://URSS.ru>

«НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
 «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, (495) 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладомской» (м. Бауманская, ул. Ладомская, 8, стр. 1. Тел. (495) 267-0302)
 «Санкт-Петербургский Дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
 «Книжный бум» (г. Киев, книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8 (павильон «АнадеиКнига»). Тел. +38 (067) 273-5010)
 Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валена, 12. Тел. (343) 253-5010)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- ✓ *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Глобальный капитал.
 - ✓ *Бузгалин А. В.* Анти-Поппер: Социальное освобождение и его друзья.
 - ✓ *Бузгалин А. В.* (ред.) Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма).
 - ✓ *Бузгалин А. В.* (ред.) Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине.
 - ✓ *Бузгалин А. В.* Ренессанс социализма.
 - ✓ *Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Сталин и распад СССР.
 - ✓ *Бузгалин А. В.* (гл. ред.) Альтернативы: Теоретический и общественно-политический журнал.
 - ✓ *Бузгалин А. В.* (гл. ред.) Экономико-философские тетради. Вып. 1, 2.
 - ✓ *Бузгалин А. В.* (ред.) Глобализация сопротивления: борьба в мире.
 - ✓ *Бузгалин А. В.* (ред.) СССР. Незавершенный проект.
-
- ✓ *Аллисон Г., Зеликов Ф.* Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года.
 - ✓ *Аллисон Г.* Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа.
 - ✓ *Солано В.* Против Франко, против Сталина: Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в испанской революции и гражданской войне (1936–1939).
 - ✓ *Нил Дж.* Глобальное потешение: Как остановить катастрофу?
 - ✓ *Ракаишвили А. А.* Человек, государство и демократия.
 - ✓ *Акаев А. А., Кортаев А. В., Малинецкий Г. Г.* (ред.) Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики.
 - ✓ *Осипов Г. В.* (ред.) Глобальный кризис западной цивилизации и Россия.
 - ✓ *Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г.* Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР.
 - ✓ *Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г.* Общество знания: Переход к инновационному развитию России.
 - ✓ *Валлерстайн И.* После либерализма.
 - ✓ *Шпотов Б. М.* Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел. +7 (499) 724–25–45 (многоканальный)
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература